

Г. В. Осипов, С. Г. Кара-Мурза

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ

Переход
к инновационному
развитию России

Г.В. Осипов, С.Г. Кара-Мурза

Общество знания: Переход к инновационному развитию России

Оглавление

Введение

Глава 1 Рациональное сознание в советском обществе
накануне кризиса

Глава 2 Гипостазирование

Глава 3 Нарушение логики: некогерентность рассуждений

Глава 4 Сдвиг к аутистическому сознанию

Глава 5 Учебный пример: некогерентность рассуждений
трудящихся

Глава 6 Обществоведение в России

Глава 7 Мифотворчество

Глава 8 Постиндустриальное общество как объект
гипостазирования

Глава 9 Деградация «знания власти»

Глава 10 Деградация способности к рефлексии

Глава 11 Знание власти: деградация функции предвидения,
целеполагания и проектирования

Глава 12 Кризис «общества знания»: мировоззренческие
срывы

Глава 13 Кризис научной системы постсоветской России

Глава 14 Социальные функции науки в переходный период

Глава 15 «Общество знания» постсоветской России: кризис
школы

Глава 16 Представления об этничности: инерция ошибочной

парадигмы

Глава 17 Когнитивная структура понимания этничности в постсоветском обществоведении

Глава 18 Конструктивизм в национальной политике: неудачное начало

Глава 19 «Общество знания» и строительство российской нации

Глава 20 «Общество знания» России и переход к инновационному развитию

Глава 21 Наука в проекте строительства «общества знания»

Заключение Строительство «общества знания»: от исследования к проекту

Литература

Введение

В первой книге [1](#) изложение следовало той структуре социологии и экономики «общества знания», которая, с одной стороны, складывается в ходе практической реализации программы Запада, и с другой — в свете опыта строительства «общества знания» в СССР. Данный том посвящен актуальному состоянию тех систем *российского* общества и государства, которые непосредственно вовлечены в создание основы отечественного «общества знания» первой половины XXI века.

После выхода из глубокого и затяжного кризиса 90-х годов Россия вновь, как и в конце 80-х годов, встала перед выбором пути развития общества и государства. Субъект этого выбора — реальное российское общество начала XXI века, со всеми его достоинствами и болезнями, а не США, Франция или СССР.

В отношении хозяйства эта проблема формулируется как выбор между «двумя путями развития» — *сырьевым* и *инновационным*. На деле различия между этими двумя стратегиями столь фундаментальны, что речь идет о двух разных *типах общества*. В приложении ко всем системам общества и государства идея перехода к инновационному пути развития оформилась как строительство «общества знания». [2](#)

Построение существенно нового *типа общества* не сводится к частным реформам в технологической, экономической и социальной сферах. По своей глубине и масштабу это проблема *цивилизационного* порядка. Она предполагает изменения во всей системе *жизнеустройства* страны и народа, включая сферу *мировоззрения*. Строительство общества — это создание новой

многомерной ткани общественных отношений, нового языка и нового типа рациональности.

Метафора «строительства» обязывает. *Что за объект* мы строим, каково его назначение? *На чем* мы строим этот объект? Нужно описать площадку, на которой мы ведем стройку, и наличный строительный материал. *Как* будем строить этот объект, каков первый стратегический шаг? При любом строительстве первый шаг — определить *принцип выбора* проекта. Есть два альтернативных принципа:

1-й принцип. Взять чужой проект и скопировать его у себя. Это — имитационная стратегия. Запад уже построил многие структуры «общества знания»? Копируем их.

2-й принцип. Делать свой проект — исходя из почвы, климата и наличных ресурсов своего «хозяйства». Изучая при этом опыт соседа.

В выборе между двумя этими принципами — одно из главных противоречий, которые раскололи российское общество за последние 30 лет. Его надо не скрывать, а рационализировать.

Реформы 90-х годов — это большая, одна из крупнейших в истории, *программа имитации*. Этот подход был приложен и ко всем структурам, которые будут составлять скелет нашего «общества знания», — школе и вузам, науке и армии, промышленности и СМИ. На наш взгляд, этот выбор был фатальной ошибкой и привел к глубоким повреждениям той матрицы, на которой была собрана и воспроизводилась Россия как цивилизация.

Имитационный подход к строительству «общества знания» России не годится, прежде всего, из-за невыполнения критериев подобия между Россией и Западом в отношении к их массивным структурам и социальным процессам в *«большом времени»*. Это общая фундаментальная причина тех трудностей, которые возникали на первых, имитационных, этапах всех больших программ модернизации в России — самым драматическим образом, в 90-е годы. Но еще острее несоизмеримость условий проявляется в *скоротечных* процессах, которые накладывают жесткие ограничения на принятие

среднесрочных решений.

В отличие от Запада последних трех десятилетий, Россия начинает свою программу строительства «общества знания» в аномальных и неравновесных условиях — в ходе продолжающегося *демонтажа* и беспорядочного *разрушения* прежних структур производства и использования знания, унаследованных от советского строя. Это процесс цивилизационного масштаба. Инерция его исключительно велика и он еще вовсе не остановлен после 90-х годов.

Задача «строительства в условиях разрушения» чрезвычайно сложна и по необходимости делает план строительства «индивидуальным». Уже это лишает имитационный проект всяких шансов на успех. Это следует хладнокровно осознать, закрепить в общественном диалоге и сосредоточить усилия на разработке своего, новаторского проекта — исходя из трезвого учета ограничений, деидеологизированного сравнения альтернатив с применением адекватных и жестких критериев.

Начнем с осмотра «строительной площадки».

Глава 1 Рациональное сознание в советском обществе накануне кризиса

Согласно грубой классификации антропологов и культурологов, Россия относилась к категории *традиционных обществ*. Начиная с XVII века она находилась в состоянии интенсивной *модернизации*, которая протекала в форме более или менее радикальных волн. Эти волны порождали кризисы и расколы, однако, в целом, России удалось успешно освоить и адаптировать к собственным культурно-историческим условиям важные институциональные матрицы, сложившиеся на Западе. Для нашей темы главными из этих системообразующих институтов были европейская *наука* и основанное на науке светское *образование*, а также институты,

действующие непосредственно в поле той рациональности, которая воспроизводилась и распространялась наукой и образованием — армия, промышленность, государственное управление, европеизированная художественная культура.

В XIX веке Россия уже стала одним из мировых центров «общества знания» того времени. Ее ареал рационального знания строился на существенно иной культурной основе, чем Запад. Здесь Просвещение было «привито» на ствол традиционного общества и идеократического государства. Синтез разных типов знания в целом удался.

Однако мы в данной книге исходим из того, что в современном «обществе знания» России системообразующим ядром служит знание, «записанное» на языке рациональных понятий согласно рациональной логике, выработанных в Новое время. Для существования национального «общества знания» необходимо, чтобы его социальная база была достаточно широкой, а рациональные язык и логика были доступны и использовались достаточно большей частью населения страны.

Советский период, в течение которого основанное на научном методе школьное образование охватило все общество, означал огромный шаг к тому, чтобы рациональное сознание и нормы Просвещения овладели массовым обыденным сознанием. Однако начиная с 60-х годов XX века в этой части массового сознания стали развиваться кризисные явления, связанные быстрой сменой образа жизни большинства населения (урбанизация) и адаптационным стрессом, который привел к разрыхлению центральной мировоззренческой матрицы российского общества. Общий кризис политической и социальной систем СССР, вызванный перестройкой, вызвал разрушительные сдвиги в сфере рационального сознания.

Разум и мышление человека — едва ли не главная проблема философии. В XX веке она стала актуальной в практическом и конкретном плане, как проблема рациональности, ее границ, устойчивости и сбоев, отказов. Все виднейшие философы последнего

столетия под разными углами зрения рассматривали эту проблему. Объясняется это тем, что индустриальная цивилизация, интеллектуальные основы которой были заложены Просвещением и Научной революцией, сформировалась именно как цивилизация рациональная, взявшая за матрицу познания, образования, мышления и общения *научный метод*. Будучи во все времена одним из «формообразующих принципов» жизни человека, в последние столетия рациональность вышла на первый план, в большей или меньшей мере оттеснив иные способы осмысления мира (например, религию, традицию или художественное чувство).

Однако в XX веке индустриальная цивилизация втягивается в глубокий кризис, одним из проявлений которого стали частые и массовые отказы и срывы рационального сознания, а также поразительная беззащитность массового сознания против манипуляции. Говорят даже, что одним из главных противоречий человеческого общества является столкновение иррационального с рациональным.³ Кризис российского «общества знания» — часть общемирового кризиса, однако в России ситуация резко усложнена тем, что «отказы» рациональности происходят у условиях *системного кризиса*, которого не испытывают другие общества. Так, на Западе эрозию рациональности уклончиво называют *постмодернизмом* — мягким и постепенным отходом от норм Просвещения, лежавших в основе мышления индустриальной цивилизации.

О какой рациональности будет идти речь? Известно много определений рациональности разных типов (обзор темы дает П. П. Гайденко [53]). Нам весь этот спектр не нужен, мы будем говорить о той рациональности, которая непосредственно принадлежит к социологии и экономике «общества знания». Это «рациональность для нашей жизни», соизмеримая с самыми жгучими вопросами, что ставит перед нами современный кризис именно России.

Кант в своем подходе к проблеме, выделил три уровня познания: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для

обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления».

Рассудок, в его схеме, организует опыт посредством правил, а разум организует добротный сырой материал, обработанный рассудком — «сводит многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов». В этой книге мы не касаемся чувств, а обсуждаем работу рассудка и разума. Уровень рационального мышления, который нас интересует, это обработка исходного материала созерцания реальности рассудком и последующее действие разума, приводящее к принципиальным выводам. В этих операциях и происходит больше всего сбоев и отказов, которые делают развитые системы кодифицированного знания недоступными для быстрого и массового использования.

Кант различает два «среза» в применении разума — формальный (логический) и реальный (трансцендентальный). При логическом применении разума используется его способность производить *умозакключения*, делать конкретные выводы. Реальное применение использует способность разума производить *понятия* высокого уровня, рождать трансцендентальные идеи, высшие принципы. Для социологии важно прежде всего *логическое* применение разума, навыки которого даются социальными коммуникациями и образованием.[4](#)

Главное подспорье логическим рассуждениям и умозакключениям в нашей жизни сейчас — *здравый смысл*. Судя по многим обсуждениям, в среде высокообразованных людей здравый смысл ценится невысоко, они ставят его куда ниже, чем развитые в науке приемы теоретического знания. Возможно, в благополучные времена такое их отношение и может быть оправдано, но в условиях той неопределенности, которую порождает кризис, роль здравого смысла резко возрастает. В условиях кризиса у нас мал запас прочности, очень слабые тылы, а значит, мы вынуждены в нашей стратегии ориентироваться не на максимизацию выгоды, а на минимизацию ущерба.

Теоретическое научное знание может привести к блестящему, наилучшему решению, но чаще ведет к полному провалу — если из-за недостатка средств (информации, времени и пр.) человек привлек негодную для данного случая теорию. Здравый смысл не настроен на выработку блестящих, оригинальных решений, но он надежно предохраняет против *наихудших* решений. Вот этого нам сегодня очень не хватает.

Таким образом, рациональность в нашем обсуждении будет выступать прежде всего как метод, *«технология»* мышления, а не как *содержание* идей, позиций и установок. Конечно, отделение инструментальной, технологической части рациональности от содержательной — задача непростая. Но в принципе такой подход к рациональности правомерен.

Логичное мышление — сравнительно недавний продукт культурной эволюции человека. Навыки умозаключений люди приобретают частью стихийно — через чтение и общение друг с другом, но главное, этим навыкам стали учить в школе и университете, как умениям любого другого мастерства. Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, как предполагает Шопенгауэр, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим».

Понятно, что абсолютизация разума как «единственного судьи» в сложной реальности общественной жизни ведет, как и «сон разума», к тяжелым кризисам, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что прямая предпосылка к кризису создается из-за того, что эта абсолютизация, продукт идеологии рационализма или сциентизма, ведет к «порче» инструментов рациональности.

Это и произошло в советском обществе начиная с 60-х годов. Оно стало слишком «интеллектоцентричным», голос интеллектуальной элиты (как отечественной, так и западной) стал заглушать историческую память и здравый смысл. Советская интеллигенция, в том числе политически активная, уповала на кодифицированное

рациональное знание с энтузиазмом неопита.

Видимо, в этом проявился неустоявшийся, синкретический характер самой российской цивилизации в ее советских формах. Эта незавершенность мировоззренческой матрицы советской культуры усугублялась теми идущими от православия представлениями о человеке, которым был проникнут общинный крестьянский коммунизм. Под его влиянием в советский проект была заложена вера в то, что человеку *изначально* присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу — таков уж его «национальный характер». А поскольку все эти качества считали *сущностными* духовными субстанциями русского национального характера, данными ему изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно, сами собой. Этот стихийный примордиализм был укреплен марксизмом, который добавлял к нему веру в магическую силу справедливых производственных отношений.

Эта вера породила ошибочную антропологическую модель, положенную в основание советского обществоведения и практики жизнеустройства. Исторически обусловленные культурные устои русского народа, присущие ему в период становления советского строя, были приняты за его *природные* свойства. Требовалось лишь освобождать их от наслоений проклятого прошлого и очищать от «родимых пятен капитализма». Задачи «содержания, ремонта и модернизации» этих устоев в меняющихся социальных и культурных условиях (особенно в «агрессивной среде» холодной войны) не только не ставилось, но и сама эта постановка вопроса отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев! Как можно сомневаться в разуме и совести детей рабочих и крестьян, получивших хорошее образование при советском строе!

В этой вере в разум и совесть мы прятались, как страус, от того факта, что в XX веке на сцену вышло окрепшее и хорошо вооруженное *иррациональное* и *бессовестное*. Его напора не

выдержала советская интеллигенция, ослабленная «парниковым эффектом» государственного патернализма, и она стала сдвигаться к образу мысли, который на Западе во время перестройки саркастически называли «социалистический идеализм». Вот, мол, ваш хваленый «соцреализм». Рациональность стала рушиться.

В ходе углубления культурного кризиса, в который советское общество втянулось в конце XX века, в рассуждениях и обобщениях по проблемам общественного бытия стала нарастать частота ошибок, в том числе фундаментальных. В результате этих ошибок были сделаны ложные выводы и приняты неверные практические решения. Одной из причин этих ошибок было нарушение норм рациональности. Однако вместо рефлексии, анализа этих ошибок и «починки» инструментов разумного мышления, в 90-е годы произошел срыв и возник порочный круг: эти ошибки побудили к дальнейшему и радикальному отходу от норм рациональности, в результате чего общество погрузилось в тяжелейший кризис.

Если бы высокообразованная часть общества, исходя из тех же постулатов (ценностей) вела свои рассуждения согласно правилам и нормам здравого смысла и логического мышления, сверяла бы каждый промежуточный вывод с реальностью, анализировала ошибки, допущенные на предыдущем шаге, то общество могло бы избежать фатальных ошибок и найти разумный компромисс между идеалами и интересами разных социальных групп. Избежать нынешних страданий было возможно.

Перестройка в целом привела к тяжелому поражению рациональности. Сегодня наша культура в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило. Поток мракобесия, который лился и льется с телеэкрана или выражается в действиях, настолько густ, что многие до сих пор удивляются, где же он копился, в каком овраге. Но разные типы знания связаны в систему, и отступление от рациональности, от норм Просвещения, сопровождалось нарушением и здравого смысла, и религиозного сознания, и художественного чувства. Например, 90-е

годы были отмечены наступлением *пошлости*, поразительного примитивизма в рассуждениях и оценках (иногда с горечью говорилось, что русская интеллигенция наконец-то добилась «права на пошлость»).

5

Кризис рационального сознания в поздний советский и постсоветский период — огромная тема, к исследованию которой социологи и философы только-только подступают. Здесь мы можем только наметить структуру этой проблемы и проиллюстрировать отдельные ее блоки «быстрыми мазками».

Деградация инструментов рациональности

Как выразился Локк, прежде чем начинать плавание по океану знаний, мы должны изучить инструменты познания. Совокупность этих инструментов можно уподобить технической базе «общества знания». С конца 90-х годов интерес социологов привлек вопрос о том, какие «инструменты мышления» были испорчены во время перестройки и реформы. Это, без сомнения, прежде всего, *язык*.

Язык

Язык — важнейший инструмент познания и коммуникации между людьми. Любое «общество знания» стоит на языке. Эта проблема была поставлена в античной философии, затем в эпоху Возрождения и Научной революции. Гоббс в «Левиафане» писал, что «мысленная речь, если она направляется какой-нибудь целью, есть лишь искание или способность к открытиям». Эту же мысль развивал и Локк: «Невозможно говорить ясно и определенно о нашем знании, состоящем всецело из суждений, не рассмотрев предварительно природы употребления и значения языка». Прямое отношение к нашей теме имеет такое замечание П. Бурдьё: «Социальный мир есть место борьбы за слова, которые обязаны своим весом — подчас своим насилием — факту, что слова в значительной мере делают вещи, и что изменить слова и, более обобщенно, представления... значит уже

изменить вещи. Политика — это, в основном, дело слов. Вот почему бой за научное познание действительности должен почти всегда начинаться с борьбы против слов» [43].

Как только было заявлено, что Россия «возвращается в лоно цивилизации», в СМИ произошел всплеск «улучшения» русского языка. Одни использовали свободу слова, чтобы узаконить мат в печатных изданиях и на телеэкране. «Ненормативная лексика» быстро расширила область своего применения, повливав и на структуру рассуждений. Другим мощным течением в модернизации языка стало внедрение уголовного жаргона — как в массовую культуру, так и особенно в язык политиков. Эта языковая новация также оказала большое влияние на характер аргументации и на логику.

Кампания по переделке, с помощью СМИ, русского языка была большим культурным проектом, подавляющим способность населения к рациональному мышлению. Важной его частью было заполнение языка, особенно молодежного, словами без корней (словами-амебами), разрушающими смысл речи. Историки культуры считают, что заполнение языка словами-амебами было формой «колонизации» собственных народов буржуазным обществом. Но для нас важнее то, что создание этих «бескорневых» слов стало способом разрушения национальных языков и средством атомизации общества. Русский лингвист и собиратель сказок А. Н. Афанасьев подчеркивал значение корня в слове: «Забвение корня в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие словозначений; вместе с тем связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступной».

Когда русский человек слышит слова «биржевой делец» или «наемный убийца», они поднимают в его сознании целые пласты смыслов, он опирается на эти слова в своем отношении к обозначаемым ими явлениям. Но если ему сказать «брокер» или «киллер», он воспримет лишь очень скудный, лишенный чувства и не пробуждающий ассоциаций смысл. Так же происходит вытеснение

слова *избиратели* и замена его на слово *электорат*. Когда депутат говорит «мои избиратели», порождаемые этим словом ассоциации указывают, что депутат — производное от того коллектива, который его избрал (создал). Выражение «мой электорат» воспринимается как «мой персонал». Электорат — общность пассивная и ведомая, она почти «создается» политиком.

Важный признак этих слов-амеб — их кажущаяся «научность». Скажешь *коммуникация* вместо старого слова *общение* или *эмбарго* вместо *блокада* — и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают фундаментальные понятия нашего мышления. Слова-амебы — как маленькие ступеньки для восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды. В «приличном обществе» человек обязан их использовать.

Политики во время реформы избегали использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании. Их заменяли *эвфемизмами* — благозвучными и непривычными терминами. Так, в официальных и даже пропагандистских документах никогда не употреблялось слово «*капитализм*». Нет, что вы, мы строим *рыночную экономику*. *Беженцы* из Чечни? Что вы, у нас нет беженцев, это «*вынужденные переселенцы*».

Особый новояз был создан во время приватизации. Приватизация — лишь малая часть в процессе изменения отношений собственности. Она — лишь *наделение* частной собственностью на предприятие. Но это предприятие было собственностью народа, и государство было лишь управляющим. Чтобы приватизировать завод, надо было сначала осуществить *денационализацию*. Это — самый главный и трудный этап, ибо он означает *изъятие* собственности у ее владельца (нации). Это не сводится к экономическим отношениям (так же, как грабеж в переулке не означает для жертвы просто утраты некоторой части собственности). Однако и в законах о приватизации, и в прессе проблема изъятия собственности замалчивались. Слово «*денационализация*» не встречается ни разу, оно было заменено

специально придуманным словом «разгосударствление».

Одним этим было блокировано движение большого мирового массива знания по проблеме приватизации. Из когнитивной структуры было изъято ключевое понятие.

Чтобы ввести в обиход слова, разрушающие ткань естественного языка, очень важно и звучание, «звуковой облик» слова. В годы реформы критерием подбора слов в СМИ стало не благозвучие в его обычном смысле, а броскость, энергичность слова, необычность звучания. Для этого хорошо подходят иностранные слова, насыщенные звонкими согласными (*брокер, консалтинг, миллениум*), особенно удвоенными (*триллер, саммит*). Привлекательность достигается и сочетанием слов с **несовместимыми** смыслами (*демоисламисты*).

В большом количестве внедрялись в язык слова, противоречащие здравому смыслу, подрывающие логическое мышление. Например, теперь говорят «однополярный мир». Это выражение абсурдно, поскольку слово «полус» по смыслу неразрывно связано с числом два, с наличием *второго* полюса.

Одна из важных функций СМИ в порче языка — замена русских слов, составляющих большие однокорневые гнезда, на иностранные слова. Так, во время войны в Чечне военных вдруг стали называть «федералы». Это слово лежит в совсем другой плоскости, нежели «армия — боевики», «милиция — бандиты». Какие ассоциации порождает в подсознании это слово? *Федералы — конфедераты!* Северяне и южане... Так в США называли стороны в гражданской войне. Телезрителя подталкивали к мысли, что в Чечне идет вооруженное столкновение сторонников двух типов государственного устройства — федерации и конфедерации. Какое-то время ведущие даже называли боевиков Басаева *партизанами*.

Конструировались и внедрялись в широкий обиход сокращения с сильным отрицательным смыслом (например, *бомж*). Это ранее принадлежащее административному жаргону слово лишено полутонов и эмоциональной окраски, оно не содержит сострадания, которое

звучит в слове *бездомный* или даже *бродяга*. Это — жесткое слово нового времени. С. Н. Булгаков называл такие аббревиатуры с враждебным смыслом «словами-манекенами». Он признавал их мистическую силу и писал: «Такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие, силу... сосут кровь языка».

В целом, за 90-е годы произошло изменение *функции языка* — его *магическая* функция стала доминировать над *информационной*. Это резко сузило каналы социодинамики знания.

Испорчены были не только слова, но и фразы — словесные конструкции, передающие информацию и мысль. Речь ответственных людей в 90-е годы была настолько невнятной и бессвязной, словно эти люди или стремились речью замаскировать свои истинные мысли, или у них по каким-то причинам была утрачена способность вырабатывать связные мысли. Скорее всего, обе эти причины вошли во взаимодействие и породили кооперативный эффект разрушения рациональности *мышления* и рациональности *сообщения*.

В связи с тем, как шло в Госдуме обсуждение одного из законопроектов, вызвавшего волнение в обществе (замена льгот денежными компенсациями), В. Глазычев писал: «Так уж у нас повелось, начиная с и. о. премьера Гайдара, что власть выражает себя крайне невразумительно. Дело не столько в том, что Гайдар обладает не самой счастливой дикцией, сколько в его — и многих его коллег — убежденности, что птичий язык представляет собой высшую форму коммуникации. Черномырдин потратил все силы на вытеснение из речи ненормативной лексики, но, если не считать восхитительных афоризмов, внятностью говорения похвастаться не может. Кириенко говорил вроде бы понятно, но так быстро и так настойчиво, что уж только этим вызывал у слушателей подозрительность. Что бормотал про себя Примаков, понять было решительно невозможно — запомнилась лишь манера повторять окончания фраз по два раза, что убедительности речам не добавляет. Роскошный баритон Касьянова, напротив, порождал у слушателя столь сильное эстетическое

переживание, что уловить смысл было трудно. Фрадков говорить на публику только учиться. Слышит ли Миронов то, что сам же говорит, неясно. У Грызлова, Жукова, Грефа, Кудрина или Зурабова с дикцией порядок, но и только».

Он предложил, среди прочих, и такое материалистическое объяснение этому явлению: «Объективная противоречивость ситуации, помноженная на внутреннюю конфликтность целей и возведенная в квадрат за счет разногласия лоббистских устремлений множества групп, не позволяет добиться структурности содержания каких бы то ни было программ» [55].

Мера

В главе 8 говорилось, какую роль в становлении современного «общества знания» сыграли *количественный подход* и *мера* как инструмент национального мышления. Одним из самых тяжелых ударов, которые перестройка нанесла по рациональному сознанию, стало разрушение у человека способности «*взвешивать*» явления — у него отняли *чувство меры*. Речь идет не о том, что человек потерял инструмент измерения, снизил точность, стал «мерить на глазок». Перестройка разрушила саму систему координат, в которую мы помещаем реальность, чтобы получить о ней достоверное знание.

Общество надеялось, что наша многомиллионная интеллигенция, поднатеревшая в высшей математике, не позволит обмануть нас, разоблачит двойную бухгалтерию, даст верные гири, чтобы подавить назревающей хаос надежным числом. Этого не случилось, в применении меры наше «общество знания» оказалось несостоятельным, интеллигенция как будто забыла все, чему ее учили в школе.

Овладение числом и мерой — одно из важнейших завоеваний человека. Умение мысленно оперировать с числами и величинами — исключительно важное интеллектуальное умение, которое осваивается с трудом и развивается на протяжении жизни человека. Перестройка привела к необычной интеллектуальной патологии — утрате *расчетливости*. Произошла архаизация дознания слоя

образованных людей — утрата ими того «духа расчетливости» (*calculating spirit*), который, по выражению Вебера, был важным признаком современного общества. Откат назад в «технологии мышления» большей части интеллигенции чреват тяжелым культурным кризисом.

Это и произошло в СССР, затронув все отряды интеллигенции. Утрата меры наблюдалась в мышлении и левых, и правых, и западников, и патриотов. В этом подрыве одного из инструментов рационального мышления особую роль сыграли те сообщества интеллигенции, которые интенсивно использовали числа и меру для подтверждения своих идеологически нагруженных тезисов — прежде всего, экономисты. *Экономические* выкладки с применением числа и меры оказывали на общественное сознание наибольшее воздействие. Они прилагались непрерывно к очень широкому спектру житейских ситуаций и выглядели гораздо более нейтральными, чем цифры историков и социологов, а следовательно, пользовались доверием. Идеологическое использование числа повлияло и на самих экономистов — они в большой мере уверовали в свои собственные мифы и утратили способность измерять и взвешивать явления.

Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом — способность быстро прикинуть в уме порядок величин и сделать «усилительный анализ», то есть прикинуть, в какую сторону ты при этом ошибаешься. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически. Человек теряет *чутье* на ложные количественные данные.

Вот пример. Во время перестройки видные экономисты и социологи стали пропагандировать *безработицу*. Т. И. Заславская писала в важной статье: «По оценкам специалистов, доля избыточных (т. е. фактически не нужных) работников составляет около 15 %, освобождение же от них позволяет поднять производительность труда на 20-25 %. Из сопоставления этих цифр видно, что лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой

вред... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15-16 млн человек, т. е. громадную армию» [74, с. 230-232].

Какова аргументация! «Освобождение» от 15% «ненужных» работников, по расчетам специалистов, поднимет производительность труда на 20 %. Нетрудно видеть, что объем производства при этом возрастет на 2 %. И из-за этого прироста (меньше «ошибки опыта») социолог предлагает превратить 15-16 миллионов человек в безработных! Академик, насытив свой текст числами, даже не удосужилась посчитать результат. [6](#) Но важнее тот факт, что неубедительные и даже нелепые расчеты Т. И. Заславской не привлекли внимания людей, *обязанных* уметь считать.

Академик И. П. Шмелев разрушает меру, придавая количественному аргументу *тотальный* характер. Он пишет в 1995 г., что в России якобы имеется огромный избыток занятых в промышленности *работников*: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно» [199].

Здесь утрата меры ведет к абсурду. Вдумайтесь: «в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно». Как это понимать? Назовите хоть одну такую отрасль или город? А ведь Н. П. Шмелев утверждает, что таких отраслей в России не одна, а целый ряд. Что значит «быть излишним абсолютно»? Это печатается в журнале Российской Академии наук! Если редакция и образованные читатели журнала это принимают, значит, иррациональный алгоритм умозаключений прочно вошел в сознание.

И алгоритм этот устойчив. В 2003 г. («Московская среда». № 4) Шмелев написал: «Если бы сейчас экономика развивалась по-коммерчески жестко, без оглядки на социальные потрясения, нам бы пришлось высвободить треть страны. И это при том, что у нас и сейчас уже 12-13 процентов безработных. Тут мы впереди Европы. Добавьте к этому, что заводы-гиганты ближайшие несколько десятилетий

обречены выплескивать рабочих, поскольку не могут справиться с этим огромным количеством лишних».

В сообществе экономистов не возникло никакой рефлексии, так что активные разрушители меры не испытали на себе никаких профессиональных санкций.

В годы перестройки призывы к радикальному слому основных систем жизнеустройства подтверждались количественными данными, которые, если в них вчитаться, любого разумного человека убедили бы как раз в том, что никакого слома не требуется, а надо постепенно улучшать именно то, что мы имеем.

Вот, в важной книге 1989 г. автор пишет: «За 1975-1984 гг. свое жилищное положение улучшили 48 % семей руководителей высшего звена (первых руководителей предприятий и организаций) и 22 % семей рабочих... Вряд ли вызывает сомнение утверждение о том, что социальная политика нуждается в коренной перестройке...» [37].

Опыт и здравый смысл подсказывают, что при назначении человека директором предприятия (очень часто с переездом в другой город) ему дают квартиру чаще, чем рабочему, и это разумно. Но ведь и сейчас, когда все мы знаем, какая готовилась «коренная перестройка социальной политики» и как теперь отличается быт «первых руководителей предприятий» и рабочих, никакого переворота в структуре рассуждений интеллигенции не произошло.

Тяжелый по своим последствиям провал в способности *считать* произошел в отношении интеллигенции к энергетическому балансу страны. Атака на почти уже выполненную Энергетическую программу велась объединенными силами научной и художественной интеллигенции. Вдумайтесь в логику аргументов: «Зачем увеличивать производство энергоресурсов, если мы затрачиваем две тонны топлива там, где в странах с высоким уровнем технологии обходятся одной тонной?» [118].

Миф о «двух тоннах вместо одной» — продукт нежелания узнать фактические данные. Где у нас расходовалось две тонны топлива вместо одной? На пахоте? В промышленности? На транспорте?

Энергетический баланс всех производств известен досконально, это обязательное знание технологов любого профиля. Если доктора наук подписывают «меморандумы» с такими количественными оценками, должны же они посмотреть хотя бы учебники и обзорные статьи.

Главный потребитель топлива — производство электроэнергии. В РСФСР был *самый низкий в мире* удельный расход топлива на 1 кВт-час отпущенной электроэнергии. Если принять его за единицу, то в 1985 году в США он был равен 1,14, в Великобритании 1,09, в ФРГ 1,05 и Японии 1,04. Это существенная разница. Другой крупный потребитель — транспорт. В США он потреблял 28 % от всей производимой энергии, а в СССР с его огромными расстояниями только 13,4 %. Известны абсолютные и относительные величины расходов топливно-энергетических ресурсов по видам транспорта, и из них следует, что в целом энергетическая эффективность транспорта в СССР была вдвое выше, чем в США и в полутора раза выше среднемировой. Так например, в «Аэрофлоте» в 1980 году на один пассажиро-километр расходовалось 91,5 г условного топлива, а в США 113 г (то есть на 25 % больше) [190].

Разрушение меры и при использовании чисел как магических образов, оказывающих на людей гипнотическое воздействие. Классический пример — утверждения, будто в ходе сталинских репрессий было расстреляно 43 млн человек. Сейчас движение населения ГУЛАГа по годам, со всеми приговорами и казнями, освобождением, переводами, болезнями и смертями изучено досконально, собраны целые тома таблиц. Ясно, что «43 миллиона» — художественная гипербола, но ведь значительная часть культурного слоя воспринимала их как чуть ли не научные данные лагерной социологии. Возникает расщепление сознания: человек прочтет достоверные документальные данные — и верит им, но в то же время он верит и «сорока трем миллионам расстрелянных».

Вот типичное умозаключение из книги, вышедшей в издательстве «Наука»: «Четверть миллиарда — 250 миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них в ГУЛАГе»

[100]. Ни редакторы издательства, ни соавторы по книге, ни читатели не удивились этим величинам. Но что значит «250 миллионов потеряло Отечество в XX веке»? Что каждый год в России умирало по 2,5 млн человек? А сколько умирало в XIX веке? За десять лет демократического режима в одной только РФ умерло 20 млн человек, без всякого ГУЛАГа. Сами по себе все эти числа ни о чем не говорят, они лишь создают зыбкий образ как инструмент *внушения*.⁷

Выступая по телевидению 20 августа 1990 г. и приветствуя изданный Горбачевым указ о тотальной реабилитации «всех, кто был репрессирован в 20-30-40-50-е годы», А. Н. Яковлев говорит: «Сотни тысяч искореженных судеб, расстрелянных и умерших, покончивших с собой» [209, с. 260]. Здесь он называет величину, соизмеримую с той, что надежно установлена — число расстрелянных и умерших (видимо, в ГУЛАГе) в сумме составляет *сотни тысяч*. Затем, в предисловии А. Н. Яковлева к «Черной книге коммунизма», читаем: «Насильственно уничтожены более *шестьдесят миллионов* людей, в основном молодых, красивых и здоровых, родившихся, чтобы жить, творить и радоваться жизни. Их нет. Подорвана сама корневая система народа» [211, с. 28].

Шестьдесят миллионов — это только «молодых, красивых и здоровых» и только *убитых насильственно*, а если взять с умершими в ГУЛАГе и покончившими с собой, то, дескать, и все сто миллионов выйдут. Тут он изменил величину почти на три порядка (правда, в тексте самой книги на с. 37 сказано: «СССР: 20 миллионов убитых»; видимо, академик пишет предисловия, не читая книг). Коллеги по ученому цеху академика не упрекнули.

Конкретных примеров разрушения меры из всех сфер общественной жизни можно привести множество. Важнее выделить главные структурные блоки этого явления.

Отказ «чувства меры» проявляется в широком использовании «средних» показателей при резком расслоении объектов. Люди как будто забыли школьное правило — средним числом можно пользоваться только в том случае, если нет большого разрыва в

показателях между разными частями целого. И при обсуждении жизни общества у нас получается как в больничной палате: один умер и уже холодный, а другой хрипит в лихорадке, но средняя температура нормальная. Вот, в середине реформы и власти, и оппозиция утверждали, что потребление в стране упало на 30 %. В 1995 г. по сравнению с 1991 г. потребление мясопродуктов упало на 28 %, масла на 37 %, молока и сахара на 25 %. Но ведь этот спад сосредоточился почти исключительно в той половине народа, которую сбросили в крайнюю бедность. Значит, в этой половине потребление самых необходимых для здоровья продуктов упало на 50-80 %! А власть, да и вся интеллигенция, делали вид, что не понимают этой простой вещи.

Еще одно нарушение меры характерно для переходных процессов, для слома равновесия, когда система быстро меняется. В этих случаях измеримые показатели связаны с выражаемыми через них скрытыми (латентными) величинами резко нелинейно. Это касается, например, сравнения таких социальных показателей, как уровни потребления и уровни доходов. В России произошел разрыв между измеряемыми и скрытыми величинами — а значит, эти измеряемые величины перестали быть показателями чего бы то ни было. А ими продолжают пользоваться. Уровень жизни снизился на 42 %! Нет, всего на 37 %! Какой регресс в знании! «Зона критической точки», область возле порога, граница — совершенно особенные части любого пространства, особый тип бытия. Доходы богатого человека и человека, находящегося на грани нищеты — сущности различной природы, они количественному сравнению не поддаются. Это все равно что приравнивать снижение на один метр летящего в небе самолета и утопающего человека, который захлебывается в озере.

Число, служащее индикатором состояния системы, всегда встроено в *контекст*, который и насыщает это число смыслом. Обеднение контекста видоизменяет смысл показателя, а после некоторого предела может совершенно исказить его. *Изъятие из контекста* стало общим приемом «отключения рациональности». Это приняло столь широкий характер, что нанесло сильный удар по всей

культуре «количественного мышления». Применяя меру для оценки общественного явления и устраняя при этом реальный контекст, авторы сообщений разрушали пространственно-временные координаты и опорные точки, вне которых число теряло смысл.

В 1994 г. член Президентского совета доктор экономических наук Отто Лацис сообщил: «Еще в начале перестройки в нашей с Гайдаром статье в журнале „Коммунист“ мы писали, что за 1975-1985 годы в отечественное сельское хозяйство была вложена сумма, эквивалентная четверти триллиона долларов США. Это неслыханные средства, но они дали нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства за десять лет» [104].

Итак, вложения 250 млрд долларов за десять лет; то есть 25 млрд в год, названы «неслыханными средствами». Что же тут «неслыханного»? Годовые вложения в сельское хозяйство страны масштаба СССР в размере 25 млрд долларов — сумма не просто рядовая, но очень и очень скромная. Если бы доктор экономических наук О. Лацис следовал нормам рациональных рассуждений, он обязан был бы сказать, сколько, по его оценкам, *следовало бы* ежегодно вкладывать в сельское хозяйство. Он обязан был бы построить свою «неслыханную» величину в международный контекст. Например, упомянуть, что в 1986 году только *государственные бюджетные дотации* сельскому хозяйству составили в США 74 млрд долларов.^{[8](#)}

Часто числа приобретают ложный смысл из-за того, что они не помещены в систему координат, в которых возможна их разумная интерпретация, не заданы стандарты для сравнения. Вот, например, солидный академический журнал аргументирует тезис о вредоносности испытаний ядерного оружия на Семипалатинском полигоне данными о заболеваемости жителей Алтайского края: «С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения» [30, с. 64]. Сам тезис мы здесь не обсуждаем, речь идет о количественной мере в качестве *аргумента*.

Итак, в зоне испытания прирост заболеваемости онкологическими

болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. Много это или мало? Чтобы установить связь между ядерными испытаниями и онкологическими заболеваниями, нужно, как минимум, привести данные о динамике заболеваемости в тех областях, где не было подобных испытаний. Это элементарное правило логических умозаключений. Но издатели журнала, ученые из Института философии РАН, такого стандарта сравнения от авторов не требуют.

Сделаем это сами, данные публикуются ежегодно. Согласно этим данным, за те же десять лет с 1980 по 1990 г. прирост заболеваемости злокачественными новообразованиями по России в целом составил 33 случая на 100 тыс. человек! Согласно логике авторов, ядерные испытания очень *полезны* для здоровья. В действительности цифры, приведенные в журнале, *ни о чем не говорят* — слишком много факторов влияет на заболеваемость. Еще шаг назад от рациональности.

Разрушение чувства меры ведет к утрате *чутья* на ложные числа, которое является важным условием для рациональных рассуждений. В 1990 г. был устроен т. н. «сероводородный бум» — нагнетались нелепые страхи перед Черным морем, которое якобы вот-вот выбросит из себя огромное облако сероводорода. Например, «*Литературная газета*» писала: «Что будет, если, не дай Бог, у черноморских берегов случится новое землетрясение? Вновь морские пожары? Или одна вспышка, один грандиозный факел? Сероводород горюч и ядовит... в небе окажутся сотни тысяч тонн серной кислоты».

Почему эта и другие газеты могли писать такую чушь? Потому, что читатели ЛГ, в основном образованные люди, ее *принимали*. У них была разрушена способность *взвешивать* величины. Максимальная концентрация сероводорода в воде Черного моря составляет 13 мг в литре, что в 1000 раз меньше, чем необходимо, чтобы он мог выделиться из воды в виде газа. В тысячу раз! Ни о каком возмущении, опустошении побережья и сожжении лайнеров не могло быть и речи. Но миллионы людей с высшим образованием не почувствовали этой разницы в три порядка.

Неспособность отсеивать или хотя бы переводить в разряд «сомнительных» ложные количественные данные — результат массового поражения инструментов рационального мышления.

Чрезвычайным нарушением меры является *несоизмеримость* приводимых величин. Вот типичный пример. Во время перестройки началась кампания за ликвидацию колхозов, потому что «они убыточны и камнем висят на шее государства». А. Н. Яковлев, говоря о «тотальной люмпенизации общества», которое надо «депаразитировать», приводил такой довод: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других» [211, с. 24]. Вот мера академика-экономиста: убыточных предприятий, колхозов и совхозов в СССР — *тьма*. Хотя прекрасно известно и общее число предприятий и колхозов, и число убыточных, так что можно дать определенные величины — и абсолютные, и относительные.

Реальные величины таковы. В 1989 г. в СССР было 24 720 колхозов. Они дали 21 млрд руб. *прибыли*. Убыточных было на всю страну 275 колхозов (1 %), и все их *убытки* в сумме составили 49 млн руб. — 0,2 % от прибыли колхозной системы. В целом рентабельность колхозов составила 38,7 %. Величина убытков *несоизмерима* с размерами прибыли. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства». Аргумент, основанный на количественной мере, был ложным.

Так же обстояло дело и с промышленными предприятиями. Когда в 1991 г. начали пропаганду приватизации, говорилось: «Надо приватизировать промышленность, ибо государство не может содержать убыточные предприятия, из-за которых большой дефицит бюджета». На деле за весь 1990 г. убытки нерентабельных промышленных предприятий СССР составили менее 1 % произведенной в промышленности добавленной стоимости — и такую систему предлагали приватизировать, аргументируя ее «нерентабельностью». Кстати, в 1991 г. убыток от всех нерентабельных промышленных предприятий составил менее 1 % от

дефицита госбюджета.⁹

Вот недавний пример. В РФ есть проблема личных сбережений граждан, которые хранились в Сбербанке, были конфискованы правительством Гайдара и превратились в долг государства перед населением. Начата выплата небольших сумм вкладчикам старших возрастов. В телефонном диалоге 18 декабря 2003 г. президенту В. В. Путину был задан вопрос: «Каковы сроки погашения и механизмы?»

Вот как ответил В. В. Путин: «Общий объем долга перед населением — я хочу обратить на это ваше внимание — 11,5 триллиона рублей... Теперь хочу обратить ваше внимание на темпы и объемы этих выплат... В 2003 — 20 миллиардов, а в 2004 мы запланировали 25 миллиардов рублей...».

Итак, долг составляет 11,5 трлн руб. Прямо о сроках погашения долга, что и является сутью вопроса, В. В. Путин не говорит, а сообщает, что в 2003 г. государство вернет гражданам 20 млрд руб., то есть 1/570 от суммы долга. Это значит, что возвращение долга рассчитано на несколько сот лет. Ясно, что суммы выплат *несоизмеримы* с величиной долга, так зачем же имитировать ответ, почему не объяснить людям реальное состояние дел и не обратиться к их разуму и гражданскому чувству? Ведь, давая подобные ответы как нечто разумное, власть усугубляет повреждения в массовом сознании.

Все подобные примеры структурно схожи и говорят об общем характере явления — о разрушении инструментов меры, позволяющих человеку *почувствовать* (почти «мышечным» сознанием) несоизмеримость величин. При этом теряется и умение «взвешивать» качества, которое выводит обществоведческий анализ за рамки простых математических действий. В любой реальной проблеме исследователь общества имеет дело с *несоизмеримыми* величинами, обладающими разными качествами. Это касается и ценностей, и интересов, и условий деятельности людей.

Грей пишет: «Несоизмеримость не свидетельствует о несовершенстве ни нашего миропонимания, ни мира, скорее она указывает на непоследовательность идеи совершенства...

Несоизмеримыми могут стать блага, которые в принципе сочетаются друг с другом; такая ситуация означает, что эти блага не поддаются сочетанию каким-то наилучшим образом. Несоизмеримость может относиться к благам, которые в принципе не сочетаются друг с другом, или же к тем, что по своей природе не могут быть реализованы одновременно, в таком случае следует сделать вывод, что не существует их „правильной“ иерархии. Как бы то ни было, она означает ограничение рационального выбора и возможность радикального выбора — выбора, который не основан и не может быть основанным на разуме, но состоит в принятии решения или обязательства, не имеющего обоснования. В наибольшей мере понятие несоизмеримости применимо к благам, в принципе несовместимым друг с другом. Такая несоизмеримость может иметь место, если — в противоположность учению Аристотеля о гармонии добродетелей — одно благо или достоинство вытесняет другое» [62, с. 142].

Провал советского обществоведения в конце 80-х годов во многом и был предопределен неумением обращаться с несоизмеримостью и совмещать в одной модели несоизмеримые элементы, отходом от диалектического взгляда на ценности и идеалы, вступившие в противоречие. Вместо того, чтобы «взвесить» все элементы системы, господствующая в то время группа обществоведов просто объявляла какую-то одну ценность высшим приоритетом («общечеловеческой ценностью») и пренебрегала альтернативными ценностями. Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, так что в дискурсе обществоведения даже возобладал социал-дарвинизм. Ценность экономической эффективности ставилась неизмеримо, выше ценности социальной справедливости и т. д. В результате в моделях, положенных в основание доктрины реформ, возникла острая некогерентность. Социальная справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и экономическая эффективность.

Глава 2 Гипостазирование

Любое умозаключение представляет собой довольно сложную систему. В случае ее деформации обычно возникает сразу несколько ошибок, так что один и тот же заметный случай может быть отнесен к разным классам нарушений. Рассмотрим самые распространенные случаи нарушений, ставшие типичными в годы перестройки и реформы.

Важный вид деформации сознания — *гипостазирование*. В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция) — присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле — возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».[10](#)

Во время перестройки и реформы резко усилилась склонность интеллигенции изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже его считать реальностью и даже порой чем-то жизненно важным. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными, такие слова как будто обладают большой объяснительной способностью.

Важную роль в перестройке сыграл, например, совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили о том *как назвать* советский строй — мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Конъюнктурный ярлык принимали за сущность. Вот как трактует природу советского строя профессор МГУ А. В. Бузгалин: «В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией „мутантного социализма“ (под ним понимается тупиковый в

историческом смысле слова вариант общественной системы...))» [41].

На деле взятая из биологии метафора мутации ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма под воздействием факторов внешней среды, важный механизм эволюции. Если уподоблять общественный строй биологическому виду, то он у *любой* страны оказывается «мутантным» и иным быть не может. С другой стороны, мутация есть изменение чего-то, что уже существовало как основа («дикий вид»). Но никакого исходного социализма, от которого путем мутации произошел советский строй, не существовало. И эта глубокомысленная, но бесплодная метафора гуляет из публикации в публикацию уже пятнадцать лет. Никогда и никем четко не изложенный образ «правильного социализма» превращен в реальную сущность.

Развивая понятие «казарменный социализм», все больше увязали в гипостазировании. Например, в СССР имели место трудовой энтузиазм и моральное стимулирование. Это был маленький элемент советского строя, занимавший очень скромное место в ряду других элементов. Профессор А. С. Ципко придает ему статус чуть ли не единственной сущности советской социально-экономической системы: «Разве не абсурд пытаться свести все проблемы организации производства к воспитанию сознательности, к инъектированию экстаза, энтузиазма, строить всю экономику на нравственных порывах души? Долгие годы производство в нашей стране держалось на самых противоестественных формах организации труда и поддержания дисциплины — на практике „разгона“, ругани, окрика, на страхе» [189, с. 80].

Можно ли придумать для сталинской системы организации производства более неадекватное обвинение, чем назвать ее попыткой «строить всю экономику на нравственных порывах души»? [11](#) Автор изобретает фантастические сущности — и сам начинает в них верить. Крупный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т. е. к приписыванию реального содержания

выстроенным в уме концепциям — худший враг логического мышления».

Г. Х. Попов, внося свою лепту в концепцию «казарменного социализма», запустил в обиход, как нечто сущее, туманный термин «административно-командная система». Он был подхвачен прессой и даже получил аббревиатуру — АКС. И стали его употреблять, как будто он что-то объясняет.

На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и церковь, и хор имени Свешникова — всё имеет свою административно-командную ипостась, наряду с другими. Намекалось, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Это наивно — любой банк или корпорация, не говоря уж о государственных ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем более жестким, чем был в СССР.

Слова «административная система» приобрели такую магическую силу, что этот ярлык позволял предлагать самые нелепые действия. Вот, Н. П. Шмелев утверждал: «Фундаментальный принцип всей нашей административной системы — распределять! Эту систему мы должны решительно сломать» [197].

Назвать распределение, одну из множества функций административных систем, *принципом* и даже фундаментальным, — значить исказить всю структуру функций, нарушить меру. Но даже если так преувеличивается значение функции распределения, почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Разве в обществе нет необходимости *распределять*?

Мы укажем здесь лишь на несколько случаев гипостазирования, касающихся ключевых понятий реформы. Однако это явление стало именно общим и охватило все уровни абстракции. Произошел отрыв всей когнитивной структуры российского «общества знания» от реальности общественных процессов. Это тяжелая деформация

сознания образованного слоя. В той или иной мере ее признаки в разное время возникали и в других культурах, однако нынешнее состояние российской интеллигенции стало, видимо, самым глубоким кризисом. С конца 80-х годов XX века господствующим типом мышления в российской общественности, а затем в основной массе интеллигенции стало «мышление в духе страны Тлён» (см. главу 13).

Глубокая деформация сознания произошла в связи с интенсивным использованием идеологами понятий *свобода* и *демократия*. Этим абстрактным и многозначным понятиям придавали значение каких-то реальных сущностей — и ради них ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения.

Перестройка началась с того, что были разрушены разумные очертания самого понятия *демократии*. В сознание ввели образ некой *абсолютной* демократии вне времени и пространства, которую мы должны немедленно внедрить у себя в стране, ломая прежнее жизнеустройство. Этот образ стал такой всемогущей сущностью, что нельзя было даже усомниться, задать вопрос. Согласия относительно смысла этого слова в обществе не было, а значит, его употребление как однозначно понимаемого термина нарушало нормы рациональности.

Политики использовали понятие демократии так, что оно стало наполняться не только разнородными, но прямо взаимоисключающими элементами. Например, Г. Х. Попов считал, что демократическому движению присущи экстремизм и национализм, что совершенно несовместимо с главными родовыми признаками демократии. Обычным стало тогда «радикальные демократы» — сочетание двух несовместимых качеств. Был даже введен в оборот термин *демоисламисты* — им обозначалось движение в Таджикистане, которое, разжигая гражданскую войну, использовало лозунги ислама. В ходе реформы «маятник» качнулся в другую сторону, и слово «демократ» наполнилось отрицательным смыслом, что также выводило его за рамки рациональности.

Выступая в 1990 г. в МГУ, А. Н. Яковлев высказал такое суждение

о демократии: «До сих пор во многих сидит или раб, или маленький городской, полицмейстер, этаким маленьким Сталин. Я не знаю, вот вы, молодые ребята, не ловите себя на мысли: думаешь вроде бы демократически, радикально, но вдруг конкретный вопрос — и начинаются внутренние распри. Сразу вторгаются какие-то сторонние морально-психологические факторы, возникают какие-то неуловимые помехи» [209, с. 79].

Утверждение, что в демократическом сознании не должно быть никаких тормозов, никаких «полицмейстеров», что на него не должны влиять никакие «морально-психологические факторы», есть утопия освобождения разума от совести и превращения *разума* в *интеллект*. Устранение из сознания запретов нравственности ради того, чтобы «думать демократически, радикально», ведет к разрушению *рациональности*, ибо при устранении постулатов этики повисает в пустоте и логика, эта «полиция нравов интеллигенции».

Отрицание запретов дошло во время перестройки до гротеска и было похоже на тот припадок постмодернизма, который поразил Европу в мае 1968 г., когда парижские студенты, элита «общества знания», вышли на улицы Парижа под лозунгами «Запрещается запрещать!» и «Власть всем!» Идеей-фикс российской интеллигенции стал запрет *цензуры*. Некоторые даже прямо уточняли: «Свободу нецензурному слову!» Философы, которые не могли не знать о роли цензуры в становлении культуры (точнее даже, в становлении *человека разумного*), промолчали или поддакивали.

В контексте социологии Вебера, цензура есть «социокультурная система контроля за производством, распределением, хранением и потреблением социальной информации... Цензура, непосредственно осуществляющая регулирование информационных потоков, служит одним из важнейших механизмов предохранения общества от энтропии, защиты его политических и моральных устоев» [106]. Цензура — инструмент, предотвращающий разрушение общества, порожденный «инстинктом самосохранения» социума. Известно, что на уровне обыденного сознания цензура осуществляется

общественным мнением, в основе которого лежат авторитет и традиция.

Цензура (в том числе «реакционная») — важный фактор мотивации художественного творчества. Русская классическая литература возникла и расцвела в условиях довольно жесткой цензуры — и во многом *благодаря ей*. В начале 90-х годов в Испании в среде философов и писателей прошла дискуссия о влиянии франкистской цензуры на литературу. Говорилось, что трудности, создаваемые цензурой писателю, заставляли его создавать новые художественные средства и, попросту говоря, повышали требования к литературному качеству текста.¹² Напротив, как было сказано, «отмена цензуры подпиливает зубы слову». Цензура стала необходимым условием для становления *научного текста*. Научный журнал не существует без жесткой цензуры. Каким должен был быть провал рациональности, чтобы элита интеллигенции *требовала ликвидации* цензуры! Не изменения каких-то критериев и процедур, а именно ликвидации цензуры как общественного института.

Продуктом гипостазирования была вся предложенная в начале реформ трактовка *свободы*. Это — ключевая категория, ядро обществоведческой концепции перестройки в СССР, а затем и реформы в России. Она была ложно представлена российскому обществу элитой научного сообщества.

В 1990 г. на круглом столе по проблеме свободы, организованном журналом «Вопросы философии», выступил целый ряд видных интеллектуалов с суждениями, нарушающими логику. Доктор юридических наук из Института государства и права АН СССР Л. С. Мамут дает такую трактовку категории свободы: «Свободу уместно рассматривать как такое социальное пространство для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение... Свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека. Она неделима. Всякий раз, когда ставится под вопрос та или иная свобода (не о преступниках, естественно, разговор), тем самым ставится под вопрос

свобода вообще. Эта истина известна уже давно» [115].

Уже первая фраза лишает данное понятие свободы всякого смысла, ибо не существует и не может существовать «социального пространства для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение». Перефразируя Аристотеля, можно сказать, что в таком пространстве могут жить только боги и звери, но, видимо, все же не о них идет речь (во всяком случае, как показали наши «субъекты», речь идет не о богах). Человек возник как существо социальное, обладающее *культурой*, а культура и есть прежде всего *ограничение* свобод животного. Эта истина известна уже давно. Экономика (рыночная) — вообще недавно возникший способ ведения хозяйства, и до него *все* виды принуждения были внеэкономическими. Может быть, и свобода возникла вместе с рыночной экономикой?

Примечательна оговорка, которую вводит юрист, требуя «социального пространства, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение» — «не о преступниках, естественно, разговор». Эта оговорка лишает смысла все рассуждение, ибо преступники возникают именно потому, что в пространстве присутствует внеэкономическое принуждение в виде запретов (законов). Человек становится преступником не потому, что совершил *невыгодное* действие (нарушил норму экономического принуждения). Он преступил закон, за которым стоит неподкупная сила.

Мысль, будто «свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека», очевидно неразумна, тем более в устах юриста. Мало того, что человечество пережило тысячелетние периоды прямых несвобод типа рабства, и эти несвободы были *общепризнанной* нормой и образом жизни. И в новейшее время массы людей шли и идут в тюрьму, на каторгу и на эшафот, то есть жертвуют свободой ради иных ценностей — и благородных, и низменных. Это видно из опыта и соответствует здравому смыслу. Но ведь это подтверждает и современная философия. Романтическое представление о свободе как высшей ценности преодолено уже в середине пошлого века.

Грей пишет: «Следует учитывать возможность — наиболее устрашающую с точки зрения либералов-фундаменталистов и либералов-традиционалистов — что либеральные режимы будут оценены по меркам универсального минимума нравственных принципов как менее совершенные, чем некоторые нелиберальные или постлиберальные.

Такая ситуация возникла бы, к примеру, если бы режим, гарантирующий либеральные свободы слова и совести, с политическими институтами, удовлетворяющими либеральным критериям ответственности власти перед обществом, все же оказался не в состоянии поддерживать гражданский мир и подавить обычную преступность, что является необходимым условием достойной жизни большинства, многих или значительного меньшинства граждан. Чего стоит интеллектуальная свобода, если обладающие ею граждане живут в условиях городского окружения, вернувшегося в „естественное состояние“? Какова ценность выбора, если этот выбор осуществляется в социальной среде, близкой, как в некоторых городах США, к состоянию „войны всех против всех“ по Гоббсу, — ведь там почти нет достойного выбора? В таких обстоятельствах нелиберальный режим, политическим институтам которого не хватает подотчетности обществу и который не гарантирует либеральных интеллектуальных свобод, но гарантирует безопасность и защищает повседневные свободы своих граждан, можно было бы по справедливости признать в большей степени соответствующим универсальному минимуму, чем некоторые слабые либеральные режимы. Впрочем, в такой оценке нет необходимости, если — что вполне вероятно — некоторые из благ, подлежащих оценке в данных двух режимах, несоизмеримы» [62, с. 164].

Наконец, иррационален и тезис о том, что «свобода неделима». В любом обществе в любой исторический момент существует конкретная система неразрывно связанных «свобод и запретов», и система эта очень подвижна. Более того, в истории XX века мы в разных обличьях наглядно видели общую закономерность:

освобождение *неминуемо* сопряжено с каким-то новым угнетением.

М. Фуко высказал очевидную вещь, которая начиная с Канта на все лады обсуждалась множеством философов: «Антиномия права и порядка лежит в основе современной политической рациональности». Свобода (право) и порядок (принуждение) находятся в неразрывной диалектической связи. Иными словами, свобода — категория, которая в реальности представлена динамической системой множества «делимых» свобод, которые в то же время выворачиваются в «несвободы» как само условие существования свобод. И в ходе развития общества как раз то одна, то иная свобода ставятся под вопрос, а затем и подавляются, давая место новым свободам. Сам же Кант, стараясь кратко объяснить суть Просвещения как обретения человечеством совершеннолетия и свободы разума, дал такую формулу: «Повинуйтесь, и Вы сможете рассуждать сколько угодно» [Цит. по: 178, с. 340]. В сознании части российских интеллектуалов произошел откат к *безответственному отрочеству* в обеих частях формулы Канта — они отвергают повиновение и одновременно отказываются рассуждать.

Другой оратор, философ Э. Я. Баталов, на том круглом столе тоже подтверждает неделимость и абсолютный характер свободы: «Нет свободы американской, китайской, русской или французской. Свобода едина по природе и сути, хотя продвинуться по пути свободы то или иное общество или индивид могут на неодинаковую глубину... Или она есть как сущность, или же ее нет совсем» [115].

Это суждение ликвидирует основу для рационального представления проблемы и рационального поведения. Если следовать этой логике, то или свобода есть и она есть *вся целиком*, так что и говорить не о чем — «или же ее нет совсем», так что тоже говорить не о чем.

Иррационально и утверждение, будто «свобода едина по природе и сути», независимо от места и времени. Ведь это противоречит очевидности! Представление о свободе, а значит, и ее облик, есть продукт культуры, «по природе и сути» этот продукт изменяется со

временем, иногда очень быстро, даже в лоне одной культуры, не говоря уж о разных обществах и цивилизациях. Для любого класса свобод видны различия в их толковании в разных культурах. Вот, например, *свобода слова*. Гоголь говорит: «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку... Опасно шутить писателю со словом. Слов гнило да не исходит из уст ваших!» Здесь свобода слова ограничена ответственностью. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». А вот формула, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Ренаном): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий». Разница очевидна.

Бердяев, этот «философ свободы», уделяет много места тому представлению о свободе, которое сложилось в русской культуре. Он пишет, например: «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибылью и земного благоустройства... Россия — страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мешанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей» [33].

Таким образом, свобода, как одна из «исторически своеобразных форм нашего отношения к вещам, к другим людям и к самим себе», обладает большим разнообразием и по-разному воплощается в разное время в разных культурах. Более того, разные воплощения свободы в одном месте и в один и тот же момент могут находиться в противоречии, причем нередко неразрешимом, трагическом.

Дж. Грей пишет о глубокой противоречивости категории свободы: «Свободы, выделяемые традиционной либеральной теорией, невозможно, не прибегая к какой-либо уловке, представить как гармонические, взаимно совместимые, способные сосуществовать друг с другом. Свободы — в том числе негативные свободы, которые, согласно Берлину, играют в либерализме главную роль, — не являются элементами структуры гармонично сосуществующих прав,

на практике они часто конкурируют и вступают в конфликт друг с другом. Конечно, можно вслед за Хофельдом или Ролзом считать, что требуемые права или основные свободы не способны в силу логических причин противоречить друг другу: как полагает Ролз, их следует „очертить“ так, чтобы конфликты между ними были исключены, и они составляли гармоничный ряд. Это утверждение попросту переводит в легалистские термины то, что на обычном языке более понятно определяется как конфликт свобод. Такой „перевод“ с одного языка на другой может быть оправдан для современного законодательства США — где конфликты между свободами, временно сглаживаемые политическими средствами, находят иллюзорное легалистское решение — но он невозможен для других правовых систем» [62, с. 146].

В представлении о свободе, которое было почти официально принято в России в 90-е годы, произошел отход от рациональности Просвещения, которая по выражению Фуко, есть «терпеливый труд, оформляющий нетерпение свободы». Нелогичным было и то представление о *контексте* свободы, из которого исходили идеологи реформы — понятия свободы и демократии считались почти синонимами. Профессор права Б. Пугачев даже опубликовал в «Российской газете» (17.03.1992) статью с замечательным названием: «Демократия равна свободе. Свобода самоценна». Элита обществоведения даже не поинтересовалась, откуда взялась такая странная концепция. Ведь, что ни говори, а демократия, какая бы она ни была, есть *власть*. А любая власть есть *принуждение*, то есть *ограничение* свободы.

Что же касается западной демократии, то она в ходе своего исторического развития как раз и породила государство-Левиафан, которое предсказал Гоббс. А Тойнби в «Постижении истории» пишет: «В западном мире в конце концов последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов...

Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту» [166].

Но эта историческая реальность была неинтересна интеллектуалам российской реформы. Они построили себе утопический образ и поверили в него как в сущность. Была совершенно игнорирована и та дискуссия о категории свободы, которая велась во второй половине XX века в западной *либеральной* мысли (о полном замалчивании философов левых взглядов говорить не приходится).

Иррациональными были инвективы идеологов реформы в адрес консервативной части общества. М. С. Горбачев писал: «Когда ты десятилетия живешь в таком обществе, то возникают определенные стереотипы, привычки, создается своя особая культура (если это можно назвать культурой — может быть, это антикультура), свои правила и даже традиции. общества была боязнь перемен. Для многих стала характерной неприязнь к новым формам жизни, к свободе» [56].

Что же плохого в том, что в «этом обществе» возникают стереотипы, привычки, своя особая культура, свои правила и даже традиции? Все это — необходимые атрибуты *любого* общества. И разве «боязнь перемен» — какой-то небывалый дефект именно советского общества? Это элементарное условие существования общества, любой сложной системы!

Второй провал рациональности в связи с представлением о демократии вызван тем, что оно было увязано с *частной собственностью* и *рынком*. Э. Я. Баталов говорил на круглом столе в «Вопросах философии»: «Не буду заниматься тщетными поисками определения демократии. Скажу только, что суть ее вижу в существовании между гражданами отношений рыночного типа — неважно, идет ли речь о демократии в политике, экономике и культуре... Словом, есть рынок — есть демократия, нет рынка — нет демократии. Третьего не дано, точнее, третье — казарма» [115].

Это крайний случай гипостазирования. Как будто сознанием наших интеллектуалов овладели идола, образы ложных сущностей. Убеждение, будто частная собственность «создает» права и свободы

человека, противоречит давно установленным выводам социологии. Тезис о связи капитализма с демократией отвергнут даже либеральными мыслителями. Вот что писал М. Вебер в 1906 г.: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, — этой неизбежности нашего хозяйственного развития — избирательное сродство с „демократией“ или вовсе со „свободой“ (в каком бы то ни было смысле слова)» [Цит. по: 103]. *В высшей степени смешным!*

Говорить о причинно-следственной связи между рынком, демократией и правами человека стало невозможно после того, как мир пережил опыт фашизма. Ведь фашизм — порождение именно либерального рыночного общества, в ином обществе он и появиться не мог. Об этом писали многие философы (в частности, Г. Маркузе). Утверждение, будто частная собственность и рынок порождают демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований, оно противоречит *знанию*.

С понятием демократии тесно связано и понятие *права*. То, как трактовалось это понятие в гуманитарной элите РФ, несовместимо с логикой и общеизвестной реальностью. Философы реформ утверждали «самозаконность человеческого поведения»! Отрицалась сама возможность общества и государства ограничивать поведение индивида общими правовыми нормами. На том круглом столе 1990 г. в «Вопросах философии» Э. Ю. Соловьев утверждал: «О наличии в обществе права можно говорить лишь в том случае, если член этого общества признан государством в качестве разумного существа, способного самостоятельно решать, что для него хорошо... Цели людей не подлежат властно-законодательному определению» [115].

Надо вдуматься в картину того «правового» общества, которое последовало бы этим императивам! Значит Чикатило имел право «самостоятельно решать, что для него хорошо». Более того, он имел право превратить свои решения в цели, а затем реализовать эти цели в виде деятельности — ведь его поведение обладает самозаконностью.

Ни общество, ни государство в это его целеполагание и поведение не должны вмешиваться. Это рационально?

Поразительно и то, что в этот самый момент в среде гуманитариев делались реверансы в сторону российских православных философов — у всех на слуху были имена Вл. Соловьева, Бердяева, Франка, издавались их труды. Казалось бы, невозможно было говорить о свободе и праве, не соотнося свою позицию с этими трудами. Но ведь Вл. Соловьев в своем главном труде утверждал совершенно противоположное тому, что говорилось на этом «круглом столе». Он писал в «Оправдании добра»: «Из того, что личность, согласно нравственному началу, имеет безусловные и неотъемлемые права, никак не следует, чтобы всякий акт ее воли был выражением такого неприкосновенного права. Подобное допущение помимо отсутствия для него разумных оснований практически само себя уничтожает, ибо воля, нарушающая всякое право, оказалась бы тоже неприкосновенною, и, следовательно, никакого неприкосновенного права не осталось бы. А если позволительно и даже должно мешать человеку злоупотреблять своими руками (например, для убийства), то так же позволительно и помешать ему злоупотреблять своим имуществом в ущерб общему благу или общественной правде» [159].

Крайним случаем гипостазирования было в конце перестройки придание расплывчатому понятию *гласность* статуса высшего приоритета в нашей жизни. Иногда требование гласности было тоталитарным — никаких ограничений! Это требование находилось в полном соответствии с антиутопией Оруэлла. Делались заявления тоталитарные, лишенные меры. Вот высказывание А. Н. Яковлева: «Иногда и у нас говорят о том, что не вредно, дескать, было бы установить какие-то пределы гласности. Ясно, что когда заводят речь о таких пределах, значит, гласность кому-то мешает» [210].

Почему же это надо принимать за довод в пользу беспредельной гласности? Разве всегда следует делать именно то, что людям мешает? Культура и была введением ограничений на гласность — уже требованием носить фиговый листок, а потом набедренную повязку.

Но помимо здравого смысла надо прислушаться и к философии. Начиная с Руссо и кончая Фуко, философы специально развивали тему полной гласности (*transparency*) как одного из оснований тоталитаризма (см.: *Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г.* Общество знания: История модернизации на Западе и в СССР, [13](#) разд. I, гл. 10).

А вот высказывание самого М. С. Горбачева: «Вновь и вновь подчеркиваю: мы за гласность без всяких оговорок, без ограничений... и на вопрос, есть ли у гласности, критики, демократии пределы, мы отвечаем твердо: если гласность, критика, демократия в интересах социализма, в интересах народа — они беспредельны!» [57].[14](#)

Придание расплывчатому понятию *гласность* статуса абсолютного приоритета в нашей жизни — продукт гипостазирования. Из истории с гласностью мы обязаны извлечь урок, ведь эта история не кончилась с крушением советской государственности. Она стала жить собственной жизнью, став фактором разрушения и даже криминализации общества и государства. Постулаты гласности узаконили скандал и шантаж в качестве признанного инструмента власти. Чем была история устранения генерального прокурора РФ Скуратова с помощью скандальной (точнее, преступной) видеозаписи? Сильным ударом и по праву, и по нравственности. Ведь М. Швыдкой, пустивший эту видеозапись в эфир, стал министром культуры.

Вспомним Паноптикум Бентама — идеал «прозрачного общества» как высшего достижения полицейского государства (О.З.: История... разд. I, гл. 10) Можно ли было ожидать, что эта утопия найдет отклик в душе русских интеллигентов конца XX века! Ведь для этого надо было отключить и рассудок, и память. Фуко поясняет: «Власть, главной движущей силой которой станет общественное мнение, не сможет терпеть ни одной затененной области. И если замысел Бентама привлек к себе внимание, то это произошло потому, что он давал применимую к большому числу различных областей формулу, так сказать, „власти через прозрачность“, покорения посредством „выведения на свет“» [178, с. 231].

Почти за двадцать лет реформ положение нисколько не улучшилось, гипостазирование вошло в привычку, стало новой нормой мышления. Эта норма воспринята политиками, но ведь над их выступлениями трудится целая рать научных советников.

Гипостазирование привело постсоветское обществоведение к фундаментально ложному представлению о *свободном рынке*. Разные авторы видели в нем разные сущности, но ничего определенного не было сказано. Обществоведы воевали ради этого призрака или против него. Здесь они пошли на поводу у радикальных идеологов неолиберализма, что говорит о методологической неустойчивости российского сообщества. Она, впрочем, сочетается и с нехваткой научной беспристрастности. В самой западной, в том числе либеральной, философии, имелось достаточно предупреждений о методологических изъянах неолиберальной концепции. Эти предупреждения как минимум должны были быть подвергнуты научной дискуссии, но их просто замалчивали.

Дж. Грей писал: «Общеизвестно, что, будучи вырванными из контекста общественной жизни и свободными от всяких политических ограничений, рыночные силы — особенно когда они носят глобальный характер, — работают на разрушение существующих общностей и подрыв легитимности традиционных институтов. Это, безусловно, банальность, но она выражает ту истину, что для большинства людей защищенность от риска более важна, чем богатство выбора, — истину, позабытую консервативными партиями и правительствами. Многим, а может быть, и подавляющему большинству людей это в целом весьма иллюзорное расширение выбора посредством высвобождения рыночных сил не компенсирует того существенного усугубления нестабильности и неуверенности, которое оно же и создает. В частности, неолиберальный курс способствовал распространению на представителей среднего класса той неуверенности и рисков, что всегда отравляли существование трудящихся слоев населения. Подкрепляя свою политику ссылками на идеологию Просвещения, идею совершенствования мира путем неограниченного развития

глобальных рынков, западные консерваторы, по всей видимости, вновь возвращают к жизни класс „рантье“, но при этом способствуют безболезненному умерщвлению старого доброго среднего класса... Пропасть между насаждаемыми политическими идеями и современными политическими реалиями редко бывала столь широка и губительна, как сейчас» [62, с. 177, 182].

Важным объектом гипостазирования стало понятие *частной инициативы*. Как будто в ней кроется какая-то магическая сила, источник экономического развития, как у «невидимой руки рынка». В действительности мотором экономического роста, начиная с цивилизаций Тигра и Евфрата с их каналами и дамбами, являются большие организации людей, способные разрешать противоречия интересов, координировать усилия и мобилизовать ресурсы в масштабах, недоступных для частной инициативы. Наиболее высокие темпы и качество экономического роста были достигнуты в СССР в 30-е годы и в ходе восстановительной программы после войны. Это — общепризнанный в мировой экономической науке факт.

Возьмем реальность наших дней — экономику США. Из большого кризиса 30-х годов эта экономика вышла благодаря вмешательству государства («Новый курс»), а главное, благодаря введению принципов административно-командной экономики времен войны. После окончания войны были сильны опасения, что США снова сползут в депрессию, если вернуться к примату частной инициативы. Журналы «Fortune» и «Business Week» писали, что наукоемкая промышленность не может выжить «в условиях конкурентной, несубсидируемой экономики свободного предпринимательства» и что «правительство является единственным возможным ее спасителем».

Н. Хомский подробно разбирает большую государственную программу создания новых технологий и их передачи в частный сектор. «Масштабы программы, — пишет Хомский — быстро расширялись в период правления администрации Рейгана, которая вышла за все мыслимые рамки, нарушая принципы рынка... При Рейгане главная исследовательская структура Пентагона, ДАРПА,

активно занималась внедрением в различных областях новых технологий... Это Управление занималось также учреждением внедренческих компаний. Журнал „Science“ поместил статью, в которой отмечается, что при Рейгане и Буше „ДАРПА стало основной рыночной силой в передаче новых технологий нарождающимся отраслям промышленности“». Администрация Рейгана, кроме того, в два раза увеличила защитные барьеры; она побила все послевоенные рекорды в области протекционизма» [182, с. 239].

Речь идет не только о таможенной защите американских фирм от конкуренции японских наукоемких товаров. Огромны и прямые субсидии промышленным корпорациям («ежегодно каждый американский гражданин платит 200 долларов из своих налогов в пользу „Lockheed-Martin“»). Хомский пишет о курьезном случае — о том, как Глава Федеральной резервной системы (Центробанка США) А. Гринспен в 1998 г. выступал перед редакторами американских газет: «Он страстно говорил о чудодейственных свойствах рынка, об удивительных вещах, которые стали возможны благодаря тому, что потребитель проголосовал за них своим кошельком и т. д. Он привел несколько примеров: Интернет, компьютеры, информационные технологии, лазеры, спутники, транзисторы. Любопытный список: в нем приведены классические примеры творческого потенциала и производственных возможностей государственного сектора экономики.

Что касается Интернета, эта система в течение 30 лет разрабатывалась, развивалась и финансировалась главным образом в рамках госсектора, в основном Пентагоном, затем Национальным научным фондом: это относится к большей части аппаратных средств, программного обеспечения, новаторских идей, технологий и т. д. Только в последние два года она была передана таким людям, как Билл Гейтс, который заслуживает восхищения, по крайней мере, за свою честность: он объясняет достигнутый им успех способностью „присваивать и развивать“ идеи других, а эти „другие“, как правило, работают в госсекторе. В случае с Интернетом предпочтения

потребителя не играли почти никакой роли; и то же самое можно сказать применительно к ключевым этапам разработки компьютеров, информационных технологий и всего остального — если под словом „потребитель“, то есть государственные субсидии» [182, с. 239, 245].

Другие примеры — экономический рост Японии, стран Юго-Восточной Азии, сегодня Китая. Во всех этих случаях мотором была не «частная» инициатива, а большие государственные программы развития, в которых с высокой степенью координации соединялись предприятия разных типов и даже разные уклады. Недавно в Японии опубликован многотомный обзор японской программы экономического развития начиная со Второй мировой войны. В нем говорится, что «Япония отклонила неолиберальные доктрины своих американских советников, избрав вместо этого форму индустриальной политики, отводившую преобладающую роль государству». Примерно то же самое пишет председатель Совета экономических советников при Клинтоне лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц об «уроках восточно-азиатского чуда», где «правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста», отбросив «религию» рынка [183, с. 46].

Российское «общество знания» как будто отключилось от этой информации и с энтузиазмом помогает втолкнуть РФ в ВТО, чтобы совершенно раскрыть ослабленную кризисом экономику иностранным конкурентам и лишить ее всякой защиты государства.

Во многих заявлениях ведущие политики отстаивают ценность *экономической свободы*. Понятие это туманное, но им обозначается чуть ли не главная цель государства. Здравый смысл утверждает как раз противоположное, цель государства — установление *порядка* и контроль за ним. Даже либералы любят повторять афоризм: «государство — ночной сторож». Но разве дело сторожа «защита свободы»? Совсем наоборот — защита порядка, подавление свободы жуликов.

А если шире, то ключевая роль государства в экономике — так организовать производство и распределение материальных благ,

чтобы была обеспечена безопасность страны, народа и личности, а также воспроизводство физически и духовно здорового населения. Ради этого государство обязано ограничивать «экономическую свободу» рамками общественного договора, выраженного в законах. Причем в законах, опирающихся на господствующие в данной культуре нравственные нормы, а не противоречащих им.

Если вернуться от «этого сладкого слова **свобода**» на землю, то окажется, что суть политики заключается в жестком определении, **какие** права и свободы имеются в виду, **для кого** эти права и свободы. Утверждается, например, что базовым правом человека является **право на жизнь**. Но «экономическая свобода» отрицает право на жизнь «для всех», она означает лишь право на жизнь того, кто победил в конкуренции. Рынок с его «свободой контракта» удовлетворяет только **платежеспособный** спрос. Милостыня бедным — вне экономики, это благотворительность, права на нее не существует, ее можно лишь просить как милость.

Гипостазирование в связи с понятием экономической свободы имеет и важное международное измерение. Как пишут историки, доктрина «свободной торговли» существовала в двух видах. Первый вид — чистая идеология, навязанная Западом элите зависимых стран, чтобы смягчить ее «горечь предателя». Второй вид — реальная политика насильного раскрытия рынков зависимых стран для метрополии. Колонизация Индии Англией разрушила ее хозяйство. Затем Англия силой заставила Китай открыть свой рынок для английского опиума, который выращивался на английских плантациях в Индии (опиумные войны). В 90-е годы в РФ доктрина свободной торговли внедрялась в обоих ее видах — и как идеология, и как реальная практика.

Нам говорят: «Для того, чтобы предотвратить легальный или даже часть криминального оттока капитала, нужно просто создавать более благоприятные условия для инвестирования в собственную экономику».

Просто создавать более благоприятные условия! А если по каким-

то причинам таких условий создать невозможно? Например, если из-за холодного климата и высоких издержек на отопление условия для инвестирования в РФ все равно будут менее прибыльными, нежели в экономику Малайзии? Значит, мы обязаны безропотно погибнуть, глядя, как «предприниматели» вывозят достояние страны? К тому же «создать благоприятные условия» — это длительный процесс, а вывоз капитала — процесс моментальный. Большая часть дохода от продажи невозобновляемых ресурсов России «легально или криминально» остается на Западе. «Раскрыв» Россию, правительство ставит крест на ее развитии.

Сегодня доктрина свободной торговли, с помощью которой «клуб развитых стран» тормозит развитие стран зависимых, воплощается в ВТО. Правила ВТО сформулированы сильными мира сего, они и получают главную выгоду от «раскрытия» рынков слабых стран. За это слабым странам дают льготы для продажи их дешевых товаров низкого технического уровня — при условии, что они не будут вести научно-техническую деятельность, предоставив это метрополиям. При этом сильнее всего пострадает именно Россия — она в кризисе, и ее наукоемкие производства будут уничтожены конкуренцией. А в то же время, само преодоление ее кризиса возможно только через восстановление наукоемкого производства.

С какой же целью наши политики, включая В. В. Путина, настойчиво стремятся форсировать вступление РФ в ВТО? Они категорически отказываются связно и понятно ответить на самый простой вопрос: *зачем* России вступать в ВТО? Что в ближайшие десять лет она собирается продавать на западных рынках? Для продажи нефти и газа никакой ВТО не надо, их и так возьмут и еще потребуют. ВТО нужна лишь для того, чтобы задавить штрафами и санкциями остатки нашего машиностроения и сельского хозяйства. Прикрытием для этого и служит гипостазирование — создание туманного образа ВТО при устранении реальной сущности.

Приведем пример гипостазирования в отношении старых, давно изжитых наукой понятий, оживленных в политических целях. В

подрыве рациональности с середины 80-х годов большую роль сыграло понятие «*общечеловеческих ценностей*».

В основе его лежит убеждение, будто существует некий единый тип «естественного человека», суть которого лишь слегка маскируется культурными различиями и этнической принадлежностью. Главные ценности (потребности, идеалы, интересы) людей якобы определяются этой единой для всех сутью и являются *общечеловеческими*. Раз так, значит, развитие разных человеческих общностей (народов, культур) приведет к одной и той же разумно отобранной из разных вариантов модели жизнеустройства.

Представление о человеке естественном, которому якобы присущ некоторый набор природных ценностей, является рецидивом *биологизаторства*, уподобления человеческого общества миру дикой природы, где разные виды ведут борьбу за существование и побеждает наиболее приспособленный вид. Такое представление (социал-дарвинизм) господствовало в общественном сознании англосаксонской части Запада в конце XIX века, а сейчас мы снова наблюдаем его оживление. С тем различием, что этот социал-дарвинизм во время перестройки был поднят на щит и в России, культура которой раньше всегда его отвергала.

Небольшая, но влиятельная часть российского общества считает, что наилучшее жизнеустройство — рыночная экономика и демократия западного типа, и эта модель уже достигнута на Западе, а другие народы запоздали. Сопrotивляться принятию этой модели для России нельзя, какими бы бедами нам это ни грозило — это все равно что идти против рода человеческого. Возникла даже целая теоретическая концепция о «человеке советском» (*homo sovieticus*) как об аномальном существе, выпавшем из эволюции человеческого рода и не вполне к нему принадлежащем.

Слово «*общечеловеческий*» является жестким понятием. Оно обозначает нечто присущее *всем* людям — их родовую черту. Иными словами, всякое существо, не располагающее этой чертой, является выродком, оно не вполне принадлежит к человеческому роду. Эту

важную установку подметил де Токвиль в США. Индейцев, которые не разделяли многих ценностей англосаксов, последние уничтожали, нисколько не отступая от своих гуманистических принципов, ибо на индейцев не распространялось понятие прав человека.

Принципиального сдвига в сознании со времен уничтожения индейцев не произошло. Вот заголовок обзорной статьи в «New York Times» (4 апреля 1999 г.) о войне в Югославии: «Новое столкновение Востока и Запада». Далее в статье сказано: «Демократический Запад, его гуманистические инстинкты коробит варварская жестокость православных сербов» [182, с. 63]. Это типичное биологизаторство — гуманизм и демократичность суть *инстинкты*, природное качество западного человека, который и является «правильным» естественным человеком, носителем общечеловеческих ценностей. Православные сербы, напротив, этими инстинктами не обладают, их инстинктом является «варварская жестокость».

Адепты концепции общечеловеческих ценностей вовсе не отвергают ценностных различий разных культур и этносов, это было бы очевидно глупо. Просто они считают, что эти различия несущественны по сравнению с единым «общечеловеческим» ядром. Однако эта их утопическая уверенность, идущая от Просвещения, потерпела крах, весь XX век полон его свидетельствами. Способность отказаться от прежних утопических воззрений под давлением нового знания и опыта — важное качество рационального сознания. Превращение же в догму лишенных реальной сущности старых понятий — следствие гипостазирования.

Согласно современным представлениям, *естественного человека* не существует. Есть, конечно, человек как биологический вид, но как разумная и обладающая нравственностью личность человек формируется в конкретном культурном поле, в том обществе, в котором ему довелось родиться и жить. Обладая разумом, языком и воображением, человек оказался настолько пластичным и творческим, что человеческие коллективы (племена, народы, нации) стали создавать и развивать самобытные и непохожие друг на друга

культуры и большие системы культур — цивилизации.

Сравнительное изучение разных культур (или одной культуры в разные эпохи) показывает, что никаких общечеловеческих ценностей нет и быть не может, что ценности не «записаны» в биологических структурах и не передаются по наследству («генетически»). Они передаются из поколения в поколение через *обучение* самыми разными способами. При этом отдельные ценности обладают изменчивостью и могут существенно видоизмениться в течение жизни одного поколения, но их совокупность, «культурное ядро», обладает большой устойчивостью. Благодаря этой устойчивости народы, культуры и цивилизации существуют веками и даже тысячелетиями, сохраняя свою культурную самобытность.

Очень часто даже в рамках одной культуры несоизмеримость ценностей двух субкультур (социальных групп) принимает характер антагонизма, так что нет возможности договориться и прийти к согласию. Происходят гражданские войны на уничтожение носителей иных ценностей. Очевидно, что исключаящие друг друга ценности, определяющие отношение людей к одному и тому же объекту, не могут одновременно принадлежать к разряду «общечеловеческих». Если обе части расколотого общества верят в существование общечеловеческих ценностей, они в таком случае вынуждены считать противостоящую им сторону выродками, нелюдьми.

Признавая исторически данный, преходящий характер ценностей и в то же время считая возможным называть их «общечеловеческими», наша демократическая интеллигенция впала в неразрешимое противоречие. Ведь при этом неизбежно приходилось принять, что в каждый момент времени в мире должна существовать авторитетная инстанция, которая определяла бы, какие ценности *в данный момент* мы обязаны считать общечеловеческими. Причем продолжительность момента может быть произвольно малой. В 1943 г. немцы, которые уверовали в ценности фашизма, не были людьми, в 1945 г. они стали людьми, а русские, наоборот, после речи в Фултоне были вычеркнуты из числа людей, стали подданными «алчной, грязной, хищной

азиатской деспотии» («империи зла»).

Кому же доверяют быть такой инстанцией, которая целые народы то включает в число людей, то называет изгоями? Общечеловеческими у нас называются ценности именно либеральные (гуманизм, демократия и пр.). Почему? Это даже не то, что «часто встречается». Либеральный образ мысли — редкий и неповторимый продукт культуры. Даже на Западе он не слишком распространен и прямо отвергается большинством человечества.

Надо сказать, что в скрытой форме утопия «естественного человека» и присущих ему ценностей присутствовала и в советском «обществе знания». Эта утопия отличалась от либеральной, но также сыграла роль парализующего гипноза. Иллюзия единства, всеобщей приверженности одним и тем же «естественным» ценностям демобилизовала общество. Они не смогли увидеть назревшего конфликта ценностей как разновидности социального конфликта. Реальное и глубокое противоречие в обществе, которое требовало осмысления и разрешения, воспринималось как капризы избалованной молодежи, как «пережитки прошлого» или результат западной пропаганды.

В советской версии общечеловеческих ценностей «естественный человек» представал как существо коллективистское, проникнутое любовью к ближнему и понимающее справедливость так же, как и старшее поколение с его общинным крестьянским мироощущением. При таком мышлении не было места ни диалогу, ни конструктивному и справедливому изменению жизнеустройства согласно новой структуре потребностей, ни поиску компромисса, ни даже эффективной борьбе посредством выявления и обнародования реальных притязаний либерального меньшинства. Догма «общечеловеческого характера советских ценностей» парализовала способность советской системы к познанию реальности и к адекватному ответу на вызовы — при объективном и вполне реальном перевесе ее сил над непримиримым антисоветским меньшинством.

Именно невозможность диалога и догматизм советского

общественного сознания почти искусственно сформировали армию врагов советского строя при том, что их недовольство этим строем не было фундаментальным.

В длительных попытках найти общечеловеческие ценности удалось лишь выделить некоторый набор *чаще всего* присущих людям ценностей — *универсальный минимум*. Это понятие реалистичное. Однако обнаружилось, что этот минимум лучше удовлетворяется в *нелиберальных* государствах («традиционных обществах») — жизнь в них надежнее, безопаснее и духовно богаче. Либеральный философ, даже консерватор, Дж. Грей пишет: «Среди многих режимов или форм жизни, удовлетворяющих универсальному минимуму нравственных принципов, конфликты между несоизмеримыми принципами в рамках универсального минимума будут разрешаться различными способами, исходя из различных культурных традиций и поскольку универсальный минимум ни в одном из своих вариантов не предопределяет какую-либо из либеральных форм жизни, многие режимы, удовлетворяющие критериям универсального минимума — возможно, подавляющее большинство режимов в истории человечества — не будут либеральными режимами. Эту истину отрицает классический либерализм, все разновидности которого утверждают, что требования справедливости в их либеральном понимании входят в рамки универсального минимума» [62, с. 163].

Ценности Запада являются в гораздо меньшей степени «общечеловеческими», чем ценности китайца, индуса или «совка». Существование какой-то устойчивой шкалы ценностей для всех времен и народов — идея не только ложная, но явно неправдоподобная. Более того, господствующие в разных культурах ценности могут становиться в ходе развития, особенно под воздействием кризисов, не просто несовместимыми, но антагонистическими. На наших глазах либеральные США стали для Ирана «Шайтаном», а американские ученые-либералы развивают идею «войны цивилизаций». Это — реальность, как и реальностью стали девушки-террористки с «поясами шахидов».

Реальностью были совсем недавно и десятки миллионов разумных и образованных немцев, которые искренне уверовали в ценности фашизма, которые русским казались безумными. И ведь речь идет о ценностях высшего ранга, за которые люди были готовы идти на смерть. Что в них можно усмотреть *общечеловеческого*? Даже те отношения, в которых большую роль играют биологические инстинкты (например, любовь к детям), различаются до неузнаваемости в разных культурах.

Завершая этот раздел, надо сказать, что беда не столько в приверженности гипостазированию, а в том, что это приверженность бессознательная, «стихийная», не позволяющая не то что сделать четкие умозаключения, но и сформулировать саму проблему. В. Малахов пишет об этом свойстве в связи с представлениями об этничности: «Бросается в глаза методологическая рыхлость отечественного обществознания советского времени... [Она] породила на свет привычку ничего не продумывать до конца, специфическую половинчатость мыслительных процедур. И отсюда специфический шок, который мы все пережили в конце 1980-х, когда стало можно сказать все, что ты думаешь. И оказалось, что сказать-то особенно нечего» [114].

Гипостазирование смыкается с методологическим эссенциализмом (от лат. *essentia* — сущность) — методом, имеющим своей целью найти истинную «природу вещей». Например, многие постсоветские обществоведы доходят до буквального *овеществления* этничности, считая ее материальной субстанцией, включенной в структуры генетического аппарата человека. Этничность понимается как *вещь*, как скрытая где-то в глубинах человеческого организма *материальная эссенция* (скрытая сущность).

В. Малахов говорит об этом взгляде: «Условно говоря, этот тип мышления называется *эссенциализмом*... Неразлучная спутница эссенциализма — интеллектуальная процедура, которая в философии науки называется *гипостазирующей реификацией*. Гипостазирование,

— это принятие предмета мыслимого за предмет как таковой, а реификация — это принятие того, что существует в человеческих отношениях, за нечто, существующее само по себе. Если гипостазирование — это превращение мысли в вещь, то реификация — это превращение отношения в вещь. В любом случае и то и другое предполагает *овеществление* того, о чем мы мыслим» [114].

Глава 3 Нарушение логики: некогерентность рассуждений

Одним из главных признаков рационального мышления, которое и служит основанием «общества знания», является *связность*, внутренняя *непротиворечивость* умозаключений. Речь идет о необходимости выстраивать такую цепочку логических шагов, чтобы одно звено умозаключения было *соизмеримо* с другими, могло взаимодействовать с ними, образуя систему. Эта система должным образом организует имеющуюся в наличии *информацию*, превращая ее в *знание*, позволяющее разрешить конкретную проблемную ситуацию. Рациональное умозаключение порождается из элементов уже имеющегося знания, соединяет их в систему с новым качеством.

Это обеспечивается совместимостью и соизмеримостью использованных понятий и отсутствием разрывов в логике. Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, не связываются в непротиворечивые умозаключения. Они *некогерентны* (*incoherent*).

Во время перестройки «стандарты» внутренней противоречивости заявлений задавали руководители высшего ранга («архитекторы перестройки») — М. С. Горбачев и А. Н. Яковлев. Возьмем важнейшее утверждение, которое Горбачев высказал в обоснование перестройки, перефразируя Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем». Из этого утверждения он сделал вывод о

необходимости радикальной (революционной) перестройки этого общества. Это острая некогерентность. Если оператор не знает системы, он просто не имеет права ее «перестраивать», ибо это неминуемо кончится катастрофой. Логичным следствием утверждения Горбачева мог бы быть только призыв к срочному изучению нашего общества.

Этого нарушения логики большая часть интеллигенции не заметила. Некогерентность рассуждений на время стала важной деформацией *общественного сознания*.¹⁵ Она распространялась так быстро, что казалось, будто возникла (или была создана) особая *программа* по разрушению логики — своеобразная программа-вирус, разрушающая все программное обеспечение российского «общества знания». Поскольку эта программа через политические действия и с помощью СМИ была внедрена в массовое сознание, строительство «общества знания» в России будет наталкиваться на большие трудности, пока «вирус» не будет удален из интеллектуального пространства.

С уходом Ельцина на вооружение был взят нелепый тезис о том, что никакого плана действий в реформе не было, все как-то само собой покатилося, покатилося — и вот, страна оказалась в глубоком кризисе. В 2003 г. А. Н. Яковлева спрашивают, как «архитектора перестройки», о ее программе — ведь функция архитектора в том и состоит, чтобы создать образ здания и план его постройки. А. Н. Яковлев отвечает: «Интересно, как вы себе представляете „план перестройки“? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке» [207].

Яковлев уходит от ответа на вполне разумный вопрос с помощью иронии, но она не может скрыть некогерентности ответа. Почему же, если бы Горбачев предложил «перечень мероприятий, *утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ*», то его «тут же поставили бы к стенке»? Кто бы его

поставил к стенке, если КГБ и прочие ведомства этот перечень изучили и одобрили? С другой стороны, косвенно Яковлев признает, что план перестройки существовал. Ведь ему лично было известно главное содержание плана — оно таково, что если бы этот план стал достоянием гласности, то авторов его следовало бы тут же поставить к стенке, это кажется самому Яковлеву естественным и правильным с точки зрения интересов государства и общества.

В том же интервью Яковлев прямо говорит: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про „обновление социализма“, а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство — моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года, то есть в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать».

Это говорит действительный член Российской Академии наук, блюститель норм «общества знания».

Не видеть несвязности в утверждениях стало нормой. Они не вызывали ни вопросов, ни недоумения. Это красноречиво проявилось в заявлениях множества представителей властной элиты, в том числе тех, кто по должности относился как раз к зрителям «общества знания».

Профессор А. Ципко пишет о процессах в странах Восточной Европы: «Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов» [186].

Здесь крайняя некогерентность (не говоря уж о несоответствии фактам). Что значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сначала, а то и с нуля»? И почему неолиберализм, возникший в конце 60-х

годов XX века, «проверен веками»? Уж если А. Ципко считает, что «лучше идти от проверенных веками ценностей и принципов», то надо было бы брать за образец первобытно-общинный строй, он проверен двумястами веков. Или уж на худой конец рабство — тоже десять веков его проверяли. Ведь уже из программы средней школы известно, что частная собственность и капиталистическое предпринимательство — очень недавние и специфические явления.

Академик Т. И. Заславская в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» делает главный, программный доклад. Она говорит о дефиците, якобы преодоленном благодаря повышению цен: «Это — крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально» [75].

Перед нами острая некогерентность. Люди погрузились в бедность, они не могут покупать прежний набор продуктов и, таким образом, выброшены с рынка (что и стало механизмом «преодоления дефицита» в условиях спада производства) — а ведущий социолог называет это «**крупным социальным достижением**»!

Следует заметить, что некогерентность резко усиливается гипостазированием, применением вместо жестких рациональных понятий туманных образов, искажающих реальность. Здесь Т. И. Заславская подняла тему *дефицита*. Это было ключевое слово в обосновании реформы. Утвердилось, что в советское время «мы задыхались от дефицита», а благодаря реформе дефицита не стало, а возникло изобилие. Но как может образоваться изобилие при спаде производства? Много производили молока — это был дефицит; снизили производство вдвое — это изобилие. Так подрывается здравый смысл, не говоря уж о более сложных инструментах рациональности.

Вот что означает понятие *дефицит* в его жестком значении: в

1985 г. РСФСР в среднем на душу населения было потреблено 23,2 кг рыбы, а 1997 г. в РФ — 9,3 кг. В результате реформы возник дефицит рыбы как *продукта питания* — при ее наличии на прилавках как *ложного знака изобилия*. Люди, которые приветствуют такое положение, впадают в гипостазирование.

О состоянии питания через три года реформы говорит «Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году»: «Существенное ухудшение качества питания в 1992 г. произошло в основном за счет снижения потребления продуктов животного происхождения. Отмечается **вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания**, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ» [60].

Реально реформа сломала сложившийся при советском укладе благополучный рацион питания и возник, как сказано в Докладе, **«всеобщий дефицит»** питания, ранее немыслимый. И даже в чисто «рыночном» смысле реформа привела именно к опасному дефициту, какого не знала советская торговля. Чтобы увидеть это, надо просто посмотреть статистические справочники. Товарные запасы в розничной торговле (в днях товарооборота) составляли в СССР в 1985 г. 92 дня, а в РФ в 1995 г. 33 дня. Положение регулировалось посредством низкой зарплаты, а то и невыплатами зарплаты и пенсий.

Профессор д.э.н. С. А. Дятлов писал в 1997 г.: «Долги по невыплаченной зарплате и пенсиям в два с лишним раза превышают товарные запасы. Оборотные фонды предприятий на 80-90 % обеспечиваются кредитами коммерческих банков. Можно говорить о том, что экономика России в ее нынешнем виде — это не только долговая экономика, но и экономика **хронического дефицита**, скрытого высоким уровнем цен и искусственным сжатием

платежеспособного спроса» [72].

Гипостазированием была во многом предопределена некогерентность рассуждений о частной собственности. Это весьма ограниченное понятие превратилось в мышлении интеллектуалов-реформаторов в какого-то могущественного джинна, которого надо было только выпустить из бутылки, и он исполнит все желания. Кампания по пропаганде частной собственности в 90-е годы вышла за рамки рациональности и была крайне некогерентной. Академик А. Н. Яковлев пишет в 2001 г.: «На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы... Только частная собственность через действие закона стоимости и конкуренции непрерывно повышает производительность труда и создает материальные блага в изобилии. Частная собственность — первооснова автономии личности, ее обогащения — интеллектуального и материального и т. п.» [211, с. 24].

Это суждение из пяти утверждений полностью некогерентно. Что значит «на Руси правили люди, а не законы»? В США законы Святой дух в виде голубя в Конгресс приносит — или люди их пишут? Что значит «частная собственность создает материальные блага»? Теория стоимости еще у Локка была *трудо*вой, так что материальные блага создает не собственность, а *труд*. А изобилие этих благ у части общества определяется тем, что частная собственность позволяет диктовать способ *распределения*, а не *создания* благ.[16](#)

Мысль, будто «только частная собственность повышает производительность труда», фантастична. Неужели Яковлев, академик РАН по Отделению экономики, всерьез считает, что за двадцать тысяч лет истории цивилизации, которые предшествовали возникновению частной собственности, производительность труда людей не повышалась? Мы знаем о скачкообразных повышениях производительности труда (революциях), которые оказали на судьбу человечества гораздо более фундаментальное влияние, чем изобретение компьютера — приручение лошади и верблюда, выведение культурных растений и переход к земледелию, изобретение

хомута и использование лошади на пахоте вместо вола. Частной собственности при этом еще и в помине не было. Столь же странно утверждение, будто «частная собственность — первооснова автономии личности». Когда, по мнению Яковлева, появились на Земле личности — только в ходе буржуазных революций?

И ведь некогерентными рассуждениями обществоведы обосновывали, много ни мало, радикальную смену социальной системы, то есть переделку жизнеустройства огромной массы людей. Вот рассуждения Л. И. Пияшевой в установочной книге, приводимые как доводы за то, чтобы сломать все привычные социальные структуры: «Инженер, проработавший много лет, не имеет сбережений, для того чтобы оплачивать учебу своих детей в одном из университетов мира; чтобы безбедно жить в старости, не пользуясь государственной системой пенсионного обеспечения... Да и самих возможностей дать „заграничное“ образование детям, получить непредоставляемые медицинские услуги у нас нет» [135].

Почему ради ничтожного меньшинства желающих «дать заграничное образование детям», нужно ломать систему образования в своей стране?

Зачем инженеру копить деньги, «чтобы оплачивать учебу своих детей в одном из университетов мира», если он может бесплатно послать своих детей учиться в нормальных отечественных вузах? МГУ — не «один из университетов мира»? Такие инженеры — плод воображения. И зачем человеку мечтать «безбедно жить в старости, не пользуясь государственной системой пенсионного обеспечения», если эта самая государственная пенсионная система вполне безбедную старость обеспечивала? А если ты хочешь на старость прикопить — так на здоровье! Зачем же ломать при этом государственную систему? И где в мире существует система здравоохранения, которая *«предоставляет непредоставляемые медицинские услуги»*?

Следует вдуматься в саму структуру мышления видного обществоведа. Л. И. Пияшева пишет: «Система, делающая всех постоянно нуждающимися и зависимыми от „государственного“,

прикрепленного к нему участкового врача, от парикмахера, учителя, продавца,... должна и может быть заменена системой, в которой человек сам способен решать большинство социальных проблем» (там же).

Это утверждение подрывает нормы рациональности: нас призывают установить такую систему жизнеустройства, «в которой человек *сам* способен решать большинство *социальных* проблем». Что это за система, где человек без помощи общественных институтов решает не личные, а именно общественные проблемы?

Во многих случаях некогерентность рассуждений вызвана грубым нарушением меры, которое подрывает рациональность последующих шагов. Вот, А. С. Ципко заявляет: «Не было в истории человечества более патологической ситуации для человека, занимающегося умственным трудом, чем у советской интеллигенции. Судите сами. Заниматься умственным трудом и не обладать ни одним условием, необходимым для постижения истины» [187]. Представляете, в СССР люди не обладали *ни одним* условием для постижения истины. Не имели ни глаз, ни слуха, ни языка, ни аршина и безмена? Как они вообще могли жить, не говоря уж о том, чтобы в космос Гагарина снарядить? Это умозаключение с деформированной логикой.

А вот утверждение экономиста Г. Лисичкина: «Подходный налог с зарплаты — это ведь очевидно — не только лишен смысла, но он... вреден и опасен» [107]. Почему же *подходный* налог с *дохода* (зарплаты) лишен смысла? Что здесь очевидного? И как может быть лишено смысла то, что «*вредно и опасно*»? Видимо, под смыслом экономист Г. Лисичкин понимает лишь то, что безвредно (для кого?). И чем же все-таки опасен подходный налог?[17](#)

Некогерентность рассуждений иногда вызывалась умалчиванием или искажением важных сторон реальности из идеологических побуждений. Известно, например, что в культуре России укоренено глубокое отвращение к убийству и ненависть к убийце. Пропаганда запрета смертной казни во время перестройки болезненно принималась в обществе. Здесь мы не касаемся сути этой проблемы и лишь

обращаем внимание на то, что эта пропаганда часто велась с нарушением норм рациональности. Например, видный юрист-социолог Я. И. Гилинский писал в академическом журнале: «Мы полагаем, что государство не может считаться правовым и цивилизованным, пока в нем сохраняется узаконенное убийство... В настоящее время в большинстве цивилизованных стран смертная казнь отменена *de jure* или не применяется *de facto*» [176].

Это утверждение некогерентно, поскольку главным образцом «правового и цивилизованного государства» в тот момент были почти официально признаны США. В США дискуссия о смертной казни велась с 1972 года, и позиции шаг за шагом ужесточались. 11 июля 1990 г. сенат США 94 голосами против 6 одобрил, как сказано, «самый жесткий и самый всеобъемлющий в истории США» закон о борьбе с преступностью, расширяющий применимость смертной казни на 33 вида преступлений. Юрист не мог этого не знать, да и читатели журнала «Социс» в общих чертах знали.

В годы реформы некогерентность умозаключений стала едва ли не нормой в мышлении окол властной интеллектуальной элиты. Вот похвалы А. Н. Яковлева в адрес Гайдара и Чубайса: «Мне ясно, что благодаря „шоковой терапии“ Гайдара наши люди узнали, что такое деньги. Благодаря Чубайсу и его приватизации у нас узнали, что такое собственность. Это великое дело» [207].

Эти рассуждения несообразны со здравым смыслом! Благодаря Гайдару наши люди узнали, что такое *отсутствие* денег — особенно в тот момент, когда оказалось, что у них обесценены сбережения (ни много ни мало, а 400 миллиардов долларов). А приватизация Чубайса была *лишением* граждан их собственности и получаемых с нее доходов. Это вещь настолько очевидная, что высказывание Яковлева надо трактовать как постмодернистское создание фиктивного образа реальности.

Выдвинул Ю. М. Лужков лозунг: «Работать по-капиталистически, а распределять по-социалистически». Конечно, это примитивный популизм. Но даже он не требует такой некогерентности. Ведь

производство и распределение — две стороны медали одного экономического уклада, вещи неразрывно связанные. Не может самый добрый капиталист позволить «распределять по-социалистически». Ведь он в этом случае сразу перестанет быть капиталистом (а значит, не сможет никого заставить «работать по-капиталистически»).

А вот два примера из сообщений СМИ одного дня, 24 октября 2003 г. Первое касалось инцидента со строительством дамбы в Керченском проливе. Неизвестно, что на самом деле стояло за той историей и почему российским и украинским властям понадобилось устроить и раздуть эту провокацию и подогреть страсти с обеих сторон. К тому моменту уже прошло полтора месяца с начала строительства, было построено 4 км дамбы — и вдруг возник скандал, прибыли вооруженные пограничники и т. д. Мы здесь не о тайных пружинах политики говорим, а о представлении и объяснении конкретной ситуации широкой публике.

Итак, встретились премьер-министры с обеих сторон, радио дает выдержки из их выступлений и комментарии к ним. Главная мысль премьер-министра РФ М. Касьянова сводится к тому, что границы между РФ и Украиной в Керченском проливе *не существует*, поэтому неизвестно, на чьей стороне строится дамба, а значит, не следует Украине беспокоиться и присылать пограничников.

Это рассуждение абсурдно. Если границы не существует, а Украина считает, что такая граница существует и строители ее нарушают, то возникает неопределенность, заведомо ведущая к конфликту. Зачем же в этих условиях начинать строить эту дамбу, не договорившись сначала с соседями и даже не поставив их в известность? Ведь это значит специально провоцировать скандал и портить с ними отношения.

Результат переговоров М. Касьянова официальное радио РФ представляет как победу российской дипломатии. Украина согласилась убрать пограничников! Но пограничников там и раньше не было, их прислали, чтобы добиться прекращения строительства дамбы. Касьянов обещал строительство остановить, и пограничников убрали.

Кто же «добился своего»? В данном случае украинский премьер, а вовсе не Касьянов.

Итак, строительство дамбы прекратили (строители ее «только укрепляют»), премьеры остались каждый при своем: Касьянов считает, что границы нет и место строительства неизвестно чье, а украинский премьер считает, что граница есть и проблема строительства носит характер пограничного инцидента. Казалось бы, исходя из позиций обоих премьеров, вопрос о дальнейшем строительстве дамбы должен решаться в ходе переговоров, устраняющих неопределенность именно в отношении *границы*, все остальное в таком деле несущественно. Но что же мы слышим? Что решение о строительстве будет принято на совместном совещании российских и украинских... экологов. При чем здесь экология и кто такие вообще эти «экологи»? То устраивают пограничный конфликт и присылают вооруженные силы, то приглашают для его разрешения экологов.

Другой сюжет — из сферы ЖКХ. В 2002 г. в Карелии было заморожено несколько населенных пунктов, и люди до весны жили без отопления. В октябре 2003 г., в Карелии опять один город остался без отопления, хотя там уже наступила зима. Произошел взрыв в котельной. Это бывает, но мы говорим не о взрыве, а об объяснении властей, а за ними радио и телевидения. Да, говорят, произошел взрыв в котельной, но котельная эта находилась в реконструкции и в эксплуатацию еще не была введена. Взрыв произошел при испытании оборудования. Мол, причин для беспокойства нет, взрыв при испытаниях — обычное дело.

Это несурезица, но ее как будто не замечают власти, редакторы радио, дикторы — и слушатели! Если котельная еще не была введена в эксплуатацию, то почему из-за ее аварии прекращено теплоснабжение города? Город обогревался именно от этой котельной, другой котельной в городе нет. Поэтому, как сказано, в больницах и школах города теперь включены электронагреватели. С другой стороны, отопительный сезон давно начался. Почему же, если верить власти,

котельная находилась в состоянии реконструкции, так что ее испытание, закончившееся взрывом, пришлось проводить зимой? Ведь осенью мы слышали рапорты о готовности теплоснабжения к зиме. Почему власти в случае явных неполадок и аварий не придумывают разумные версии, чтобы в них вязались концы с концами?

Невозможность увязать концы с концами часто видна в попытках объяснить порожденные реформой общественные проблемы «наследием проклятого прошлого». Поскольку читатель или телезритель не имеет возможности анализировать каждое некогерентное рассуждение, а поток их нескончаем, он и сам начинает мыслить по этому шаблону и выпадает из рациональности.

Вот, видный социолог В. Н. Шубкин рассуждает о проблемах молодежи в условиях кризиса: «Все более усиливается беспросветность в оценках молодежи. Этому в немалой степени способствует и дифференциация в системе образования, ибо плюрализм образования ведет к тому, что в наших условиях лишь богатые получают право на качественное образование. Бедные сегодня уже такого права не имеют...

В целом, если экстраполировать современные тенденции в существенные черты будущего, учитывая, что молодежь через некоторое время будет главным действующим лицом на исторической арене, то можно отметить такие перемены: общий рост безнадежности, неверие в возможность решения социально-экономических вопросов, отчуждение от труда, разочарование в демократии, популярность „крутых“ методов решения социально-политических вопросов» [203].

Шубкин констатирует важный факт: «Все большую популярность приобретает насилие». Казалось бы, причины этого явления надо искать в тех социальных условиях, которые сам он описал в предыдущих абзацах. Но он дает объяснение, лишенное логики: «К нему [насилию] молодежь толкают не только особенности подросткового сознания, но и традиции большевизма, радикализма,

милитаризации и гулагизации сознания».

Почему же «особенности подросткового сознания», которые он считает все же главным фактором в росте насилия, не проявлялись в советское время? Не было в СССР подростков — или социальные условия компенсировали эти «особенности»? И почему «традиции большевизма и гулагизации» не проявлялись именно при большевизме и ГУЛАГе и вдруг вспыхнули через 60 лет? К чему это нагромождение сложных домыслов, когда он сам же только что говорил о сломе трудовых отношений и системы образования, безнадежности положения молодежи? Шубкин лягнул ушедшую в историю эпоху — но зато нанес удар по способности людей выстраивать в сознании причинно-следственные связи.

Здесь приведены типичные примеры некогерентных утверждений по проблемам из разных областей знания. Эти примеры можно многократно расширить и распространить почти на все уровни образования. Эта деформация типа мышления большей части общества имела тяжелые последствия не только для структур «общества знания», но и для российской культуры в целом. Общий регресс навыков рационального сознания, во многом спровоцированный структурой рассуждений ведущих ученых и политиков, стал фактором, углубившим системный кризис 90-х годов. Существенного улучшения ситуации в этом плане после 90-х годов пока не произошло.

21 апреля 2004 г. в публичной лекции *в клубе Bilingua* о замысле реформы 90-х годов рассказал член группы реформаторов-теоретиков В. А. Найшуль. Он начал лекцию так: «Реформа — это всегда какой-то умственный продукт, и реформы 90-х годов, по крайней мере, в их экономической части — это умственный продукт группы, членом которой я был».

Сейчас, глядя назад, этот теоретик не только не видит в своих расчетах никакой ошибки, но у него даже и мысли не возникает посмотреть на свой «умственный продукт» с этой точки зрения. Его рассуждения некогерентны, в них не вяжутся концы с концами.

Найшуль говорит: «В конце 70-х годов не только наша группа, но и еще несколько толковых человек в Госплане знали, что страна находится в смертельном экономическом кризисе... Госплан лихорадило, лихорадило не как организацию, а как схему работы — Госплан все время пересчитывал собственные планы. Итак, в конце 70-х годов в Госплане ощущалось, что система находится в кризисе, из которого у нее, по всей видимости, нет выхода...

Часть наших размышлений состояла в ответе на вопрос: если эта система не выживает, то в чем дело?.. Выход был в децентрализации. Децентрализация — все с этим соглашались, но дальше надо было додумать. Может быть, потому что мы были математиками, людьми со свободной головой для логического анализа, ясно было, что отсюда следуют свободные цены.

Далее. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности... Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию, мы получаем как логическое упражнение ваучерную приватизацию. Собственно, в 81-м году эта ваучерная приватизация была придумана» [122].

Разберем это умозаключение.

1. «Несколько толковых человек» считают, что «страна находится в смертельном экономическом кризисе».

Это отнюдь не тривиальное мнение, тем более, что множество других толковых людей так вовсе не считали, а видимых симптомов смертельной болезни Найшуль не называет. Для такого кардинального вывода требуются рациональные доводы, которые надо тщательно проверить и вынести на профессиональный консилиум.

Ничего этого не было, общепринятые экономический и социальные показатели (динамика инвестиций, рост производства, потребления и даже производительности труда) не предвещали не только смерти, но даже и тяжелого кризиса. Попробуйте сегодня найти тексты тех лет (пусть даже написанные «в стол»), в которых спокойно и внятно была бы обоснована неминуемая гибель советской

экономики. Нет таких текстов, были только *кухонные разговоры*.

2. Единственный аргумент Найшуля — «Госплан лихорадило». Причем лихорадило не как организацию, а как схему работы (?). Это заключалось в том, что «Госплан все время пересчитывал собственные планы». Ну и что? На то он и Госплан, чтобы считать и пересчитывать планы, в самом факте пересчета планов не видно признаков гибели. Да, хозяйство стало большим, прежняя методология планирования не отвечала сложности объекта, это обычный *кризис метода*, который разрешается посредством создания нового инструментария. Как из этого следует, что «по всей видимости, нет выхода»?

Никак не следует, это просто-напросто глупое утверждение. Найшуль высказывает его в 2004 г., когда мы наслышаны о том, как «пересчитывают планы» крупные западные корпорации. Их плановые отделы снабжены мощными компьютерами, Интернетом и спутниковой связью, но поставки «Аэробусов» опаздывают на два года, а «Боинг» задерживает поставку уже оплаченных самолетов на 14 месяцев. Строительство туннеля под Ламаншем оказывается намного дороже, чем планировалось, а сам туннель — убыточным. Но если бы какой-нибудь экономист на основании этого сказал, что «эта система не выживает», его посчитали бы идиотом. В России же подобные суждения принимаются как продукт глубокого знания и ума.

В действительности это идеологический фантом, который создали Найшуль и его сообщники (если вообще не придумали задним числом — почитайте сегодня статьи этих теоретиков, написанные в конце 70-х годов, включая статьи редактора журнала «Коммунист» Е. Гайдара). Проблема в том, что этим лекциям интеллектуалы аплодируют в 2004 году!

3. Допустим, «несколько толковых человек» прозрели признак кризиса.

Что делают в таком случае разумные люди? Ставят диагноз болезни, обсуждают его, составляют перечень альтернативных подходов к предотвращению беды, вырабатывают критерии выбора

лучшей (или хотя бы хорошей) альтернативы и доказывают ее преимущества. Что же мы слышим от этого человека «со свободной головой для логического анализа»? [18](#) Он пропускает все необходимые стадии работы и изрекает, как шаман: «Выход в децентрализации!» Почему, откуда это следует? Ниоткуда, никакой логики в этом нет и, видя воочию результаты этой реформы как «умственного продукта», отсутствие логики кажется очевидным. Даже закрадывается подозрение, что все эти группы теоретиков и их лекции в течение двадцати лет — большой спектакль. Но ведь эти актеры — элита нашего интеллектуального сословия, они учат молодежь в Высшей школе экономики, им до сих пор рукоплещут, как новому платью короля.

4. Что понимает Найшуль под «децентрализацией» советской экономики? Вовсе не сокращение планируемой из центра номенклатуры продуктов периферийной части хозяйства с сосредоточением усилий планирования на ядре из ключевых отраслей и предприятий. Напротив, по его понятиям децентрализация — это уничтожение именно **ядра** экономической системы. Вот его простенькое умозаключение: «Отсюда следуют свободные цены. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности... Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию».

Какая же это реформа, это революционное уничтожение системы. Сначала без всяких оснований утверждают, что человеку грозит смертельная болезнь, а потом на этом основании его убивают. Вот так обществовед, врач общества!

5. Из лекции Найшуля видно, что эти теоретики мечтали именно о разрушении советской экономической системы, поэтому из их рассуждений начисто исключена рефлексия. Но как образованные люди, насмотревшиеся на результаты реформы, не замечают полного отсутствия связности в этих рассуждениях? Ведь ясно, что если Найшуль в своих расчетах не был злонамерен, то он наделал грубейших ошибок. Китай, начавший реформы исходя из совершенно

иных постулатов, из крестьянской страны становится первой экономической державой мира — а в России реформа парализовала экономику.

Послушайте рассуждения Найшуля, которыми он оправдывает результаты своих теоретических выводов: «Проблема, которая до сих пор не решена, — это неспособность связать реформы с традициями России. Неспособность в 85-м году, неспособность в 91-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 году — неспособность у этой группы и неспособность у страны в целом. Никто не представляет себе, как сшить эти две вещи».

Для реформаторов характерна «неспособность связать реформы с традициями России» (обвинять в этой неспособности «страну в целом» — неприемлемый риторический прием)! Неспособен, так что ж ты берешься! В этом есть какая-то детская дебильная безответственность.

6. Продолжая считать свой «умственный продукт» высококачественным, Найшуль утверждает: «То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой. Список можно продолжить».

Какое голое место? Где в России такое голое место, где у Гайдара с Найшулем «получилось»? Это скабрзная шутка, неуместная в такой лекции? Мы видим страшный регресс в мышлении.

У нас нет сейчас возможности излагать здесь методологические основания глубокой деформации рационального мышления. В первом приближении можно сказать, что были одновременно нарушены два взаимодополняющих блока интеллектуальных навыков — диалектический взгляд на реальность и материалистическое сознание, опирающееся на жесткие, «земные» понятия (хотя бы на уровне здравого смысла).

Глава 4 Сдвиг к аутистическому сознанию

Основу рационального представления о действительности создает реалистическое мышление, хотя элементы утопии оказывают на него стимулирующее воздействие. Цель реалистического мышления — создать *правильные* представления о действительности, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные.

Аутистическое мышление — не случайное нагромождение фантазий. Оно *тенденциозно*, в нем всегда доминирует тот или иной образ — а все, что ему противоречит, подавляется. Два типа мышления не только взаимодействуют (в норме), но и находятся в конфликте. И если каким-то способом удастся отключить или подавить реалистическое мышление, то аутистическое мышление доделывает за него работу, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес.

Главное в аутистическом мышлении то, что оно, обостряя до предела какое-либо стремление, нисколько не считается с действительностью. Это сильнее всего проявилось в интеллектуальной элите, но началась духовная эпидемия. Массовая утрата способности критически оценивать утверждения, доверие к самым абсурдным обещаниям — все это стало нормой нашей общественной жизни. Люди грезили наяву, отвергали предупреждения, мешающие наслаждаться приятными образами близкого будущего, которое им рисовали идеологи.

Аутизм нашей интеллигенции достиг в перестройке небывалого уровня. Ведь действительно она всерьез поверила в фантазию «возвращения в цивилизацию», в «наш общий европейский дом». Наверное, сам Горбачев не мог ожидать такого эффекта от совершенно нелепого обещания. Ведь на Западе никто и никогда ни словом не обмолвился, не дал оснований считать, будто русских или

чувавшей в этот «дом» приглашают. Эта фантазия «братания с Западом» не согласовывалась ни с какими реальными признаками, сейчас даже трудно представить себе, что в 1989-1990 гг. множество умных и образованных людей в нее верили. В таком состоянии у людей возникает сладкое чувство *безответственности*. А. С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании в терминах психоанализа — как «бунт *юноши Эдипа*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода [132].

Для широких кругов интеллигенции законодателем в постановке вопросов и способе рассуждений стал академик А. Д. Сахаров. Но его главные манифесты — плод аутистического мышления. Вот его меморандум 1968 г., с которым он обратился в Политбюро ЦК КПСС (как пророчески сказано в предисловии, это «веха нашего самосознания»). Это текст на тему «Как нам обустроить весь мир». Советы даются не только Брежневу с Косыгиным, но и всем президентам и монархам.

Вот небольшие выдержки: «Сейчас „белые“ граждане США не проявляют желаний пойти на минимальные жертвы для ликвидации неравноправного экономического и культурного положения „черных“ граждан США, составляющих немногим более 10 % населения. Но необходимо так изменить психологию граждан США, чтобы они добровольно и бескорыстно, во имя одних только высших и отдаленных целей, во имя сохранения цивилизации и гуманности на нашей планете поддержали свое правительство и общемировые усилия в изменении экономики, техники и уровня жизни миллионов людей (что, конечно, потребует серьезного снижения темпов экономического развития в США). По мнению автора, необходим своеобразный налог на развитые страны в сумме порядка 20 % их национального дохода на протяжении примерно пятнадцати лет».

А вот плановое задание А. Д. Сахарова для СССР и США на три с лишним пятилетки: «СССР и США, преодолев разобщенность, решают проблему спасения более „бедной“ половины земного шара. Осуществляется упомянутый выше 20 %-й налог на национальный

доход развитых стран. Строятся гигантские фабрики минеральных удобрений и системы орошения, работающие на атомной энергии, колоссально возрастает использование моря, обучаются национальные кадры, проводится индустриализация. Строятся гигантские предприятия по производству синтетических аминокислот и микробиологическому синтезу белков, жиров и углеводов. Одновременно происходит разоружение (1972-1990 годы)» [151].

Это — рассуждения в духе страны Тлён. Они логичны, но исходят из постулатов и предположений, которые лежат в плоскости, параллельной реальности, они не пересекаются. Они плод аутистического сознания. Такие взгляды на реальность стали характерны для советской интеллигенции, включая ту, которая профессионально действовала в сфере жесткого знания. В 1989 г. Институтом социологии АН СССР были проведены опросы с целью «дать ответ о предпосылках и факторах, способствующих и мешающих утверждению нового политического мышления в сознании масс» [160]. Авторы с удовлетворением констатируют, что «большинство опрошенных во всех выделенных категориях полностью или в основном разделяют и поддерживают основополагающие элементы нового политического мышления». При опросах социологи формулировали «суждение» и измеряли долю тех, кто с ним согласен и не согласен. Категории людей действительно между собой различались мало.

Вот позиция большой представительной группы — «естественнонаучной интеллигенции». Ей дают суждение: «Сила (или угроза силой) не могут быть инструментом внешней политики». И 94% интеллигентов от науки согласны с этим абсурдным суждением! За год с небольшим до войны в Ираке научные работники утверждают, что такого не может быть, чтобы во внешней политике применялась сила или угроза силой. Формулировка ясна, людей не спрашивают, *хотят ли они*, чтобы сила была инструментом внешней политики. Они воочию видят, что *сила может быть и есть* инструмент внешней политики — и грезят наяву. Вот другое суждение: «Сегодня мы

вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес». С ним согласились 81 % опрошенной «естественнонаучной интеллигенции»! Ну как такое может быть? Как можно было вообще соглашаться оценивать суждение, в котором два понятия (*прогресс* и *общечеловеческий интерес*) неопределимы? И каково же должно было быть понимание сути этих понятий, чтобы согласиться с этим нелепым суждением?

Именно к аутистическому сознанию взывали политики, которые планировали демонтаж советского строя. Примером служит один из фундаментальных лозунгов реформы, который противоречит здравому смыслу и логике. А. Н. Яковлев выкинул его еще в августе 1988 г.: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления. Решение этой проблемы может быть только парадоксальным: провести масштабную переориентацию экономики в пользу потребителя... Мы можем это сделать, наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень».

Простейшие выкладки показывали неразумный характер этого лозунга. Назначение экономики — надежное производство *основных условий жизнеобеспечения*, а затем уже «приятных» вещей. Что касается жизнеобеспечения, то, например, в производстве стройматериалов (для жилищ) или энергии (для тепла) в СССР не только не было избыточных мощностей, но надвигался острейший голод. Да и вся инфраструктура страны (например, теплосети) была уже сильно изношена, а это — металл.

Этот лозунг, который прямо взывал к аутистическому мышлению, обосновывал начавшееся разрушение хозяйства. Он сразу претворился в резкое сокращение капиталовложений, была остановлена наполовину выполненная Энергетическая программа, которая надежно выводила СССР на уровень самых развитых стран по энергообеспеченности (сегодня Россия по обеспеченности этим необходимым для любого хозяйства ресурсом опустилась ниже стран третьего мира).

Господство аутистического мышления при расщеплении логики

породило небывалый в истории проект разрушения народного хозяйства своей собственной страны. При этом сразу же проявилась родовая болезнь российского либерализма — в своих философско-экономических воззрениях он придает гипертрофированное значение *распределению в ущерб производству*.

Первый удар по хозяйству реформа нанесла в 1991-1994 гг., когда промышленное производство сократилось более чем в два раза. Член Президентского Совета, руководитель Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике П. С. Филиппов дает большое интервью (4 января 1994 г.). Его спрашивают, какова причина этого кризиса. Он отвечает: «В нашей экономике узкое место — это торговля: у нас в три раза меньше торговых площадей, чем, например, в Японии. Хотите хорошо жить — займитесь торговлей, Это общественнополезная деятельность, И так будет до тех пор, пока будет существовать дефицит торговых площадей, а, еще вернее, мы испытываем дефицит коммерсантов» [176].

Экономисты настойчиво советовали совершить поворот России к «жизни в долг», к большим внешним заимствованиям. Видный экономист Н. П. Шмелев предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Он писал: «По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов и при этом остаться платежеспособными... Эти долгосрочные кредиты могли бы быть также (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий» [198].

Через год, когда страна уже втягивалась в кризис, «Известия» (30.10.1989) берут интервью у Шмелева: «Николай Петрович, с вашим именем связывают предложение по получению многомиллиардных кредитов на Западе, которые можно покрывать за счет... новых кредитов». Он отвечает: «После мощной волны шахтерских забастовок ситуация переменилась. Не исключено, что

частный банковский мир переведет нас в категорию политически ненадежных заемщиков, так что на солидные займы рассчитывать нам не придется... [Можно взять] под залог нашего золотого запаса, основательно, кстати, пощипанного. Зачем мы его храним? На случай войны? Но если разразится ядерная война, нам уже ничего не нужно будет».

Это — продукт аутистического сознания. Зачем мы что-то храним? А если война? Давайте уж лучше сегодня пропьем!

РФ сразу стала втягиваться в долговую яму и брать займы «зависимого типа», но российскому обществу это представляли как «помощь Запада» или даже иностранные инвестиции. Д.э.н., начальник аналитической службы Московской межбанковской валютной биржи В. В. Симонов описывает этот процесс: «Внешние заемные средства предоставлялись стране на обычных коммерческих условиях международного рынка ссудных капиталов, и попытки представить эти кредиты как помощь развитию выглядели весьма наивно и в советское, и в ближайшее постсоветское время. Более того, страна получала внешние займы и кредиты на условиях, гораздо более жестких, чем страны с аналогичным уровнем обремененности внешним долгом. Указанный рост заимствований не сопровождался разработкой сколько-нибудь реальных долгосрочных стратегий использования и погашения задолженности» [153].

Действительно, льготный период кредитов для СССР в 1986-1990 гг. составлял 4,22 года, а для РФ в 1992 г. всего полгода. Агрегированный показатель льготности (т. н. *грант-элемент*) для СССР в 1986-1990 гг. был равен 9,8 %, а для РФ в 1992 г. 4,8 %. В середине 90-х годов положение, по словам Симонова, было таково: «Как государство с явно невысокой платежеспособностью, которое не в состоянии выполнять обязательства по обслуживанию задолженности, Россия столкнулась со всеми последствиями кризиса долга: с отсрочками платежей, реструктуризацией задолженности в рамках Парижского и Лондонского клубов и, наконец, со стабилизационными программами МВФ» [153].

А вспомним, с какой страстью масса здравомыслящих людей уповала, как на манну небесную, на **инвестиции** в нашу экономику. Слова «инвестиции» и «инвестор» были наполнены магическим, спасительным смыслом. Вот придет инвестор! Что это за зверь, почему он должен придти, что он унесет за эти свои инвестиции? Об этом никто не думал и не говорил. Эти надежды на инвестиции культивировались даже в отношении таких сфер, куда их не было никакой надежды заманить. После того, как правительство «акционировало» предприятия ЖКХ, оставив их без причитающихся им амортизационных отчислений, главные надежды реформаторы возлагали на «частных инвесторов» — разговор об этом ведется уже более десяти лет.

При этом известно, каких инвестиций требует отрасль только для того, чтобы остановить сползание к катастрофе (4-5 триллионов руб. в 2003 году). Всем также известно, что население не имеет финансовых возможностей заплатить за услуги ЖКХ такую цену, чтобы обеспечить инвесторам приемлемую для них прибыль. Председатель Госстроя Шамузафаров в своем последнем интервью в 2002 г. подчеркнул, что «слабым звеном в осуществлении жилищной реформы остается полное отсутствие конкуренции в ЖКХ, в которое **никто не хочет вкладывать средства** по причине ее постоянного недофинансирования». Кстати, вдумайтесь в логику — если бы было полное финансирование, то и чужих средств не потребовалось бы. Никто не хочет вкладывать средства потому, что с них не получить дохода!

Председатель комитета по промышленной политике Свердловской областной думы Н. Шаймарданов сказал в интервью: «В сети Свердловской области нужно вложить 60 млрд рублей. Таких денег нет ни у кого. Потому реформу и спихнули на регионы, по сути, заморозили. Но при износе инфраструктуры жилкомхоза от 80 до 100 % привлечение сюда инвестиций — дело нереальное. В этих условиях бизнес в ЖКХ только кажется лакомым куском» [171].

Одним из крайних проявлений аутистического сознания

обществоведов, которые поддерживали реформу, был категорический отказ обсуждать ее **отрицательные** последствия — для страны, для хозяйства, для населения. Это стало тяжелым поражением рационального сознания и фактором углубления кризиса. Вот умозаключение академика Т. И. Заславской, сделанное в важном докладе (1995 г.): «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7 % работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т. д.» [74].

Итак, 93 % работников не могут жить так, как жили до приватизации, — за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т. д.») — но социолог считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*. Из того, что сказала Т. И. Заславская, прямо вытекает, что приватизация как раз **повлияла** на экономическое поведение подавляющего большинства граждан, причем повлияла самым кардинальным образом. Нелогичность ее утверждения — следствие аутистического сознания. Идеологи реформы видят только *приятные* изменения, а если влияние приватизации «на поведение массовых социальных групп» им неприятно, то этого влияния просто не видят и о нем не говорят.

Господство аутистического мышления хорошо отражают современные рассуждения видных обществоведов, которые занимались разработкой доктрины реформ. Вот, на лекции 29 апреля 2004 г. в клубе «Bilingua» (Москва) выступает Симон Кордонский — член одной из трех интеллектуальных групп, которые замыслили реформу (сам он принадлежал к группе Т. И. Заславской). Он излагает свою версию первого этапа работы (здесь для нас неважно, верна ли она фактологически — важен тип мышления): «На семинаре в „Змеиной горке“ в Питере в 1985 году, собственно, все и познакомились: большая часть как ушедших, так и еще действующих

политиков и экономистов». Как же он характеризует сегодня «ушедших и еще действующих политиков и экономистов»?

Он выделяет такую их главную черту: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства — то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность — вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю» [95].

Для человека науки это признание покажется чудовищным. [19](#) Такая безответственность не укладывается в голове, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную патологию. Присутствовавший на лекции Глеб Павловский, который занимался разработкой реформ в плане политики, добавляет: «Лет 15 назад, при начале нашего общественного движения, имела место неформальная конвенция. Конвенция о том, что знания о реальности не важны для какого-то ни было политического или общественного действия. Действительно, эта конвенция состоялась, и реформаторы действовали внутри нее, как часть ее. С моей точки зрения, утверждения докладчика можно интерпретировать так, что собственно реформаторы были людьми, которые согласились действовать, не имея никаких представлений о реальности, но при наличии инструментов для преобразования, изменения того, что есть, особенно в направлении своих мечтательных предположений. Эти люди делали то, что они делали, и погрузили остальных в ситуацию выживания.

Пример этих реформ это то, что происходило в правовой сфере, где либерализация процессуального законодательства конца 80-х, начала 90-х годов привела к тому, что условия населения в лагерях стали пыточными, каковыми они не были при Советской власти. Они и продолжают ими быть, это продолжает усугубляться, там существует

отдельная социальная реальность, которая совершенно не описывается современными правозащитниками».

Но разве положение изменилось, разве эта конвенция отменена? Разве бесстрастная констатация патологии заменяет рефлексию и поиск путей к исправлению? Ни в коей мере. Павловский продолжает уже о нынешнем обществоведении, которое обеспечивает интеллектуальную поддержку политиков: «Они развивают очень изощренные технологии, в том числе исследовательские, политические, научные, общественные технологии вытеснения любого реального знания... Это... питает энергетикой наш политический и государственный процесс, — уход от знания реальности, отказ, агрессивное сопротивление знанию чего бы то ни было о стране, в которой мы живем».

Мышление в духе страны Тлён!

После лекции Кордонского была дискуссия, и он высказал странную мысль, что «реформ не было» — так, мелочи. Его и спрашивают об одной из «мелочей»:

«Рогов. Реформ не было, а отпуск цен был. Это был благотворный шаг?

Кордонский. А хрен его знает».

Представьте, одного из соавторов доктрины реформ через 12 лет после либерализации цен спрашивают, какова нынешняя оценка этого шага, и он отвечает: «А хрен его знает». Это просто распад рациональности — ведь речь идет о шаге, который привел к социальной катастрофе, последствия его хорошо известны. Неужели не нашлось других слов!

Аутистическое сознание создает благоприятную почву для веры в чудеса и в сверхъестественные способы решения жизненных проблем. Это выразилось, например, в иррациональной доверчивости (особенно в среде интеллигенции) к обещаниям финансовых жуликов. За этим стоял сдвиг от реалистического сознания не к религиозному сознанию, а к суевериям — антиподу как рационального, так и религиозного знания. Можно поэтому сказать, что возникший в конце

80-х годов кризис повредил структуры религиозного знания, несмотря на видимый всплеск религиозности.

Так, опросы студентов в 1988 и 2000 гг. показали, что за 12 лет реформы в их среде произошло еще резкое усиление «квазирелигиозных» представлений и нарастание мировоззренческой неопределенности. При этом образованная молодежь вовсе не вернулась от атеизма к религии (и тем более к православию) — произошел дальнейший сдвиг к вере в паранормальные явления, к эклектике, религиозному синкретизму (например, к вере в реинкарнацию души после смерти). Если в 1988 г. в бессмертие души верило в той или иной степени 8 % студентов, то в 2000 г. 73 % [124].

В таблице 1 дано соотношение крайних позиций.

Таблица 1. «Квазирелигиозные» представления студентов в 1988 и 2000 гг. (в % от числа опрошенных, г. Красноярск)

Объект веры	Верю		Не верю	
	1988	2000	1988	2000
Гадания	6	32	62	19
«Вещие сны»	14	50	50	13
Бессмертие души или иное существование после смерти	2	49	90	14
Существование телепатии, ясновидения	27	58	33	9
Возможность общения с потусторонним миром	0	29	86	26
Существование лиц, умеющих наводить порчу	15	28	45	32

«Прогрессивная» часть либеральной интеллигенции в годы кризиса склонялась к *богостроительству* через рационализацию религиозных представлений, попытку их гибридизации с научными категориями — разные виды *сайентологии* («научной религии»). Духовный лидер этой части интеллигенции академик Н. Амосов писал, например: «Бог — материя. Нельзя отказываться от Бога (даже если его нет). К сожалению, „материальность“ Бога, пусть самая условная, служит основанием для мистики, приносящей обществу только вред. Без издержек, видимо, не обойтись... Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется

места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо» [20]. Это был внешне не оформленный, но большой идеологический проект разрушения структур и этического, и религиозного знания.

Еще важнее был «молекулярный» отход от религии — к мистическим культам и суевериям, — который наблюдался в среде молодежи и «новых русских». В 1990, 1991 и 1992 гг. проводились обширные исследования взаимосвязи религиозных и политических взглядов. Было найдено, что распространение новой волны религиозности шло от интеллигенции к массе и от столиц на периферию. Главное, только 9 % опрошенных (1992) черпало религиозную информацию в церкви. А 39 % опрошенных получали такую информацию из СМИ, а 31 % — из художественной литературы. «Наиболее авторитетными в вопросах религии» фигурами были Солженицын, Лихачев, Амосов и... журналист В. Молчанов. За ним пятое место занял патриарх Алексий II (10 %).[20](#)

Очень расплывчатой была конфессиональная самоидентификация верующих. В Москве в 1992 г. назвали себя «христианином вообще» 52% опрошенных, православным (Московская патриархия) 12 %, православным (Российская свободная православная церковь) 5 %. Но главное — мировоззренческая эклектика, невозможность для большинства определить себя как верующего или атеиста, как верящего в Бога или в сверхъестественные силы. Это, по словам авторов исследования, было особенно характерно для «перспективных» слоев населения, более молодых и образованных.

В отчете сказано: «Поразителен тот факт, что с „христианами вообще“ самоидентифицируется более 1/3 людей, верящих не в Бога, а в сверхъестественные силы (в этой же категории наибольший процент людей называют себя и православными, и католиками, и мусульманами, и буддистами). И даже среди атеистов 20 % опрошенных относят себя к христианской конфессии, в том числе 16 % — к „христианам вообще“. То есть люди могут верить в сверхъестественные силы, но не в Бога, могут не верить ни в Бога, ни в

сверхъестественные силы и в то же время считать себя христианами! Поразительное представление о „христианстве вообще“ как о своеобразной вере „без берегов“. Такое „христианство без берегов“ свидетельствует не только о мировоззренческой терпимости, но и уже о своего рода мировоззренческом эклектизме и лабильности отдельных компонентов мировоззрения, о принципиальной неспособности к догматически определенному мировоззрению» [174].

Мировоззрению большинства было присуще сочетание несовместимых элементов — православия с симпатией к буддизму, веры в Бога и в пара- и квазинаучные явления. Верующих в Бога — 43 %, а в «похищение биоэнергии» — 67 %. Даже среди верующих много тех, кого в храме привлекает «благолепие» (39 %) и «отстраненность» (28 %), а ради проповеди в церковь ходят только 9 % [51].

В полном отчете сказано: «Показателен повышенный интерес к нетрадиционным формам религиозности новой профессиональной группы нашего общества — коммерсантов. Судя по всему, среди них наиболее высока доля людей с ярко выраженным неопределенным, эклектичным паранаучным и парарелигиозным мировоззрением. Не случайно именно в этой, социально очень активной, профессиональной группе самое большое число верящих не в Бога, а в сверхъестественные силы — 20 %» [174].

В наибольшей степени расщепленное мировоззрение коррелировало в переломный момент начала 90-х годов с наибольшей приверженностью к реформе, разрушившей советский строй. В отчете говорится: «Как и в исследовании 1991 г., наиболее прорыночной группой населения проявили себя „верящие в сверхъестественные силы“. Но среди врагов рынка теперь впереди уже не атеисты, чья марксистская идеология порядком расшаталась, а традиционалисты — верующие... Верящие в „сверхъестественные силы“, оккультисты — основная мировоззренческая социальная база борцов с коммунистическим государством — и сейчас чаще других выступают за распад СНГ и РФ, в то время как верующие в Бога — нынешняя стихийная социальная база авторитаризма — не имеют четко

выраженной позиции по этому вопросу, но скорее склонны поддерживать единство и целостность РФ, чем сохранение СССР-СНГ» [174].

Следует добавить также, что институционализированное в Православии религиозное сознание в годы перестройки понесло урон от той пошлости, с которой «возвращали религию» бывшие работники идеологических служб КПСС. Профанация религии и превращение церкви в идеологическое ведомство при государстве подрывают религиозное чувство гораздо сильнее, чем неприятие или даже преследования религии. Американская журналистка М. Фенелли пишет (1991): «По дороге в аэропорт Москва подарила мне прощальный, но впечатляющий образ лжи, которым проникнуто все их так называемое „обновление“: кумачовые плакаты с лозунгом „Христос воистину воскрес!“ Сперва думаешь, что перед тобой какая-то новая форма атеистического богохульства...» [172].

Глава 5 Учебный пример: некогерентность рассуждений трудящихся

Понятие «общество знания» обозначает систему, в которой идет интенсивное движение знания в больших социальных общностях. Этим наш объект отличается от донаучных обществ, в которых большая часть формализованного знания была знанием эзотерическим и циркулировала в узком круге посвященных. Таким образом, состояние «общества знания» в большой мере определяется степенью его освоения, понимания и использования в массовых слоях общества. Для советского времени речь идет о трудящихся — рабочих, крестьянах и служащих, в том числе массовой интеллигенции. Перестройка обнаружила катастрофический отказ «общества знания».

Выше были приведены примеры некогерентности и проявлений

аутистического сознания в рассуждениях должностных лиц или представителей элитарной интеллигенции. Но и обыденное сознание стало инфантильным. Здесь регресс в социодинамике знания и навыках рациональных умозаключений, возможно, выразился даже сильнее, чем в среде интеллигенции. Дело в том, что трудящиеся России имели в первой половине XX века исключительно развитое рациональное сознание. Антонио Грамши писал в 1917 г. (сходную мысль по-иному выразили и другие западные мыслители), что русские рабочие как бы собрали и впитали в себя классовое сознание, накопленное рабочими всего мира за триста лет. Они на время стали как бы коллективным пророком, несущим в себе мысль и язык трудящихся всех времен и народов. Надолго такое горение не дается, и дело послевоенных поколений было ввести эту мысль в спокойный режим, но этого не сумели сделать. Вместо этого трудящуюся массу загнали сначала в мыслительные структуры *мещанства* («среднего класса»), а постом соблазнили утопией общества потребления.

В конце 80-х и начале 90-х годов мы видели, как целые социальные группы превращались в толпу — особый кратковременный коллектив, обуреваемый одной упрощенной идеей, зачастую несовместимой с общими интересами. Подобные массовые явления — страшная угроза для любого общества. Ницше заметил: «Когда сто человек стоят друг возле друга, каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой». Лебон, наблюдавший такие явления во Франции, писал, что в толпе «сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты... Индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта... Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение. Сила чувств в толпе еще более увеличивается отсутствием ответственности» [105, с. 11].

Пример поразительной неспособности составить в уме простую цепочку причинно-следственных связей даже в отношении собственных шкурных интересов дает история шахтерских забастовок 1989-1991 гг. в СССР. Тогда шахтеры были использованы политиками из Москвы и директорами шахт как таран против центральной власти и советской системы. Здесь мы не касаемся целей и интересов интеллектуальных авторов этой кампании, а рассматриваем лишь логику мышления самих шахтеров.

Парадоксально в их действиях то, что именно этот отряд рабочего класса должен был *сильнее всех остальных* пострадать при переходе от советской экономической системы к «рыночной». Во-первых потому, что почти вся угольная промышленность в России при рынке была бы нерентабельной и процветала лишь как часть целостного советского хозяйства на плановой основе.²¹ Большие издержки при добыче угля были обусловлены уже геологическими характеристиками пластов.

Например, в США в 70-е годы вообще не добывали уголь с глубины более 150 м, а 95 % добычи угля США было сосредоточено в Аппалачском бассейне с глубиной залегания пластов 63 метра. В СССР средняя глубина залегания пластов была в Донецком и Печорском бассейнах 395-420 м, в Карагандинском бассейне 300 и в Кузнецком 200 м [78, с. 382]. В 80-е годы добывали уголь уже с глубины более 700 м.

Во-вторых, исторически шахтеры были в советское время выделены как привилегированная часть рабочих. Вот средняя месячная зарплата в 1990 г. рабочих 5 разряда (без надбавок): аппаратчики в химической промышленности — 307 руб., слесари-инструментальщики в машиностроении — 326 руб., сталевары — 451 руб., проходчики в угольной промышленности — 611 руб. Средняя зарплата рабочих по всем отраслям промышленности составляла в 1990 г. 285,6 руб., шахтеры имели самую высокую зарплату в сравнении с рабочими того же разряда.

Теймураз Авалиани (народный депутат СССР, депутат Госдумы

1996-2000 гг.), который был председателем забастовочного комитета Кузбасса с 17.07.1989 г. по 27.01.1990 г., написал воспоминания о первой забастовке, в ходе которой он и был избран руководителем стачкома [14]. Мимоходом он сообщает бытовые подробности о жизни шахтеров, из которых определенно видны их привилегированное положение и даже самоуверенность. Он пишет, в частности, о строительстве жилья через ЖСК: «Что интересно. В 1985-1989 гг. я агитировал шахтеров брать ссуду на 20 лет под 3 % годовых с условием, что 50 % за них будут гасить шахты. Желających было мало. Такова психология человека!» И это притом, что зарплата шахтеров доходила до 1 тыс. руб. в месяц, а квартира площадью 65 кв. м стоила в ЖСК 7 тыс. руб. Вот эту социальную систему и стали ломать шахтеры.[22](#)

Руководила шахтерами местная отраслевая номенклатура. Социолог В. И. Ильин, излагающий ту историю, пишет: «Менеджмент подставил под шахтерский удар руководство КПСС и правительство СССР... Региональные угольные объединения приняли активное участие в разработке квалифицированных требований бастующих. На начальных этапах рабочего движения очень громко звучал призыв к ликвидации объединений как паразитических структур, выдвигались требования предоставления шахтам полной экономической самостоятельности» [82].

На шахтах велика прослойка инженеров, людей с высшим образованием. Они находились в постоянном диалоге с рабочими, советовали им. Каков был ход их мысли, когда они требовали «предоставления шахтам полной экономической самостоятельности»? Ведь она означала прежде всего отмену государственных дотаций шахтам — при том, что по рыночной цене уголь большинства шахт никто не купил бы.

За три волны шахтерских забастовок был сформулирован и предъявлен большой массив требований (1760 документов только в 1989 г.). Их анализ показал, что примерно половина требований носила политический характер, не связанный с профессиональными и

социальными проблемами шахтеров. В основном требования были направлены против центральных органов государства: «руки прочь от Литвы», «департизация органов МВД, КГБ, армии, народного образования», «устранение цензуры в средствах массовой информации», «отставка председателя Гостелерадио Л. Кравченко», «передача II канала ЦТ и I канала радио в ведение РСФСР» и пр.

В этих требованиях не было логики, они часто были взаимоисключающими у разных коллективов. Например, шахтеры одновременно требовали «сохранить Союз» и «создать Совет Конфедерации Суверенных государств с полномочиями координирующего органа». К 1991 г. полностью исчезли «конструктивные» требования — технико-технологические, организационные и экологические. В документах уже выражалась «твердая убежденность в необходимости смены государственного руководства, а может быть, и всей общественно-политической системы» [89]. Смысл таких акций — дестабилизация общественного строя, но в данном случае она кардинально противоречила интересам самих бастующих. У них был отключен аппарат использования рационального знания.

Авалиани, бывший в 1989 г. председателем стачкома Кузбасса, рассказывает, как экономисты из СО АН СССР срывали соглашение, достигнутое между комиссией Верховного Совета СССР и забастовщиками. Шахтеры требовали прибавки к зарплате в виде коэффициента и удовлетворялись его величиной 1,3. Это и было первым пунктом соглашения о прекращении забастовки.

Авалиани пишет: «Рассматривая пункты соглашения, мы столкнулись с тем, что во многих случаях нет расчетов, а пункты об экономической самостоятельности и региональном хозрасчете вообще носят декларативный характер. И непонятно кем они внесены... Я попросил первого секретаря обкома КПСС А. Г. Мельникова вызвать к утру д.э.н. Фридмана Юрия Абрамовича и его шефа Гранберга Александра Григорьевича — директора института экономики СО АН СССР из Новосибирска с обоснованиями данных

проектов, по которым они выступали в областной прессе уже более года. Оба явились утром 18 июля, но на мою просьбу дать текст, что они предлагают для включения в правительственные документы, дружно ответили, что у них ничего нет...

Вдруг появилось предложение — поясной коэффициент шахтерам поднять с 1,25 до 1,6! Все разом заговорили, а автора нет! Но коэффициент 1,6 был ранее проработан СО АН СССР и, видимо, подкинут моим товарищам А. Гранбергом. Вдруг кто-то подкинул предложение записать в протокол „предоставить экономическую свободу всем цехам и участкам заводов и шахт“. И опять пошла буза» [14].

Насколько можно судить по документам, присланная в Кузбасс для переговоров комиссия Верховного Совета СССР не сумела разумно объяснить (и, вероятно, не сумела и сама понять), что многие требования шахтеров означают подрыв хозяйственной и социальной системы СССР. Она пошла на поводу у забастовщиков и подписала соглашение, означающее гибель советского строя.

Чего стоит хотя бы такой пункт: «Всем предприятиям Кузбасса предоставить право с 1 июля 1989 г. продавать сверхплановую продукцию по договорным ценам, как внутри страны, так и за рубеж. С 01.01.90 разрешить продавать в этом же порядке 30 % фактически выпускаемой продукции, без каких-либо ограничений». Или такой: «Прерогативу составления норм и расценок передать предприятиям с 01.07.89 с учетом требований техники безопасности».

Кроме того, в соглашение были включены «вопросы, требующие глубокой экономической проработки, рассмотрения и утверждения на сессии Верховного Совета СССР», из них некоторые стоит привести полностью:

«1. Перевести Кузбасс на социальный хозрасчет, взяв за основу мировые социальные нормативы.

2. Госкомитету цен при Совете Министров СССР повысить цены на уголь в соответствии с фактическими затратами на добычу... с предоставлением экономическим службам предприятий (объединений)

права гибко производить корректировку основных экономических показателей (объем угледобычи, производительность труда, себестоимость, нормы выработки).

<...>

4. Предоставить полную экономическую и юридическую самостоятельность предприятиям».

Что такое «мировые социальные нормативы», которые должны стать основой «социального хозрасчета» Кузбасса? Шахтеры хотели отказаться от бесплатной медицины и платить врачам своей поликлиники столько же, сколько платят врачам в США? Они хотели иметь такое же медицинское обслуживание, как в Бангладеш (тоже часть «мира»)? На какой рынок отправили бы в 1989 г. шахты добытый уголь, если бы «повысили цены на уголь в соответствии с фактическими затратами на добычу»? И почему шахтеры требовали включить в цену только «затраты на добычу»? Они что, собственники угля, чтобы распоряжаться природной рентой? И ведь все это писали экономисты с научными титулами.

Был подписан «протокол о согласованных мерах» с правительством и ЦК КПСС. Его проект, по словам Авалиани, готовили не рабочие, а интеллигенты: Геков А. Н. — экономист облисполкома, Матвиенко И. И. — госарбитр, Лопатин Л. Н., Фридман Ю. А., Чуньков Ю. И. — доктора экономических наук. Но даже после подписания этого протокола, полностью удовлетворившего требования шахтеров, экономисты и увлеченные ими инженеры продолжали срывать соглашение.

Авалиани пишет: «Вдруг кто-то подкинул предложение записать в протокол „предоставить экономическую свободу *всем цехам и участкам* заводов и шахт“. И опять пошла буза. Помню разговор со скреперистом ЗЖБК М. П. Анохиным. Разумный мужик, но вдруг заиклило. Спрашиваю его, как он себе представляет — разделить ЗЖБК на отдельные предприятия? Котельная отдельно, ЖБ узел отдельно, формовка отдельно и т. д. Да, говорит, отдельно! Ну и что, ЗЖБК после этого будет работать? Молчит. Таких казусов было

много».

Но дело не в казусах, за ними стоит массовый отказ инструментов рационального мышления. Иррационален сам язык интеллектуальных вождей забастовки и примкнувших к ним партийных и советских руководителей края. В декабре 1989 года был принят документ, который гласил: «Кузбассовцы связывают надежды по выходу края из колониального состояния с утверждением Верховным Советом СССР постановления „О переходе Кемеровской области на самоокупание и самофинансирование“». Ну, назвали они в своих обращениях Кузбасс, находящийся на дотации государства, колонией СССР — а дальше что? Как они понимали «освобождение»? Что значит «самоокупание и самофинансирование» для региона, практически все производство которого является рентабельным только в плановой экономике?

Давайте вчитаемся в тезисы доклада М. Б. Кислюка (будущего губернатора Кемеровской области) «О программе действий рабочих комитетов»: «Для победы революции (а реформа — революция) необходима способность рабочего движения к смелым, решительным действиям. Совет рабочих комитетов считает необходимым:

1. Производственным объединениям по добыче угля перевести до 1 января 1990 года все шахты и разрезы на полную экономическую самостоятельность в соответствии с Законом о государственном предприятии (объединении)... 2. Кемеровскому облисполкому совместно с заинтересованными предприятиями и организациями начать разработку техникоэкономического обоснования превращения Кемеровской области в свободную экономическую зону... 4. Средствам массовой информации, ученым, прогрессивным ИТР, рабочим комитетам, общественным организациям Кузбасса необходимо провести энергичную разъяснительную работу в трудовых коллективах с целью добровольного и сознательного перехода коллективов на полную самостоятельность.

Совет рабочих комитетов считает, что самостоятельность предприятий — не самоцель, а средство проведения политической и экономической реформы нашего общества. Активная торговля

предприятий, в том числе с другими странами, заполнит товарами пустующие полки магазинов, избавит кузбассовцев от унижительных очередей» [14].

Как могло этим тезисам аплодировать множество образованных людей, тысячи инженеров, экономистов, преподавателей вузов! Какая может быть «полная самостоятельность дотационных шахт», какая «активная торговля с другими странами»? Кажется невероятным, что образованные люди могли всерьез этому верить. Но ведь они и сейчас не изложили, для урока молодежи, тогдашнюю логику своих рассуждений. Отсутствие рефлексии — тяжелое поражение рациональности.

И что получила интеллигенция шахтерского края, какую яичницу изжарила себе, когда подожгла дом? Цитированный выше В. И. Ильин пишет: «Директора многих шахт действительно воспользовались ликвидацией административного контроля со стороны объединения для продуманной политики собственного обогащения... К 1994 г. оказалось много очевидных фактов, свидетельствующих о том, что часть директоров распоряжалась шахтами как собственными предприятиями, с которыми скоро придется расстаться. При этом кое-что перепало и рабочим в форме необоснованного повышения зарплаты, бартера по „смешным“ ценам и пр. Когда же некоторые шахты оказались в безвыходном экономическом положении из-за долгов, их директора где добровольно, а где под давлением стали увольняться, оставляя трудовым коллективам разваленные производства, а себе — накопленные сбережения; поскольку же они были самостоятельны в своих действиях, то придаться к ним и доказать в их поведении корыстный умысел почти невозможно».

В октябре 1990 г. II съезд шахтеров утвердил текст Генерального типового тарифного соглашения. Его главный пункт — «обеспечение справедливой оплаты труда в соответствии с рыночной стоимостью горняцкой рабочей силы». Какое убожество мысли, при чем здесь эти туманные полит-экономические категории! Взрослые люди, разрушая источник пищи для своих детей, требовали бессмысленной

виртуальной сущности — «рыночной стоимости горняцкой рабочей силы»! Что это за фантом, кто его видел, кто его мог подсчитать? Что такое «рабочая сила»? Ведь это абстракция высшего уровня, не найдется двух человек, которые смогли бы высказать о ней два одинаковых суждения, не сверяясь на каждой фразе с «Капиталом» Маркса. И как можно было требовать в 1990 г. рыночной стоимости, когда рынка и в помине не было? Но уже и тогда каждый, почесав в затылке, мог бы догадаться, что на нерентабельных шахтах рыночная стоимость горняцкой рабочей силы равна нулю. Именно этого они и хотели?

Шахтеры требовали *отказа от советской системы*, в которой занимали привилегированное положение, и желали ориентации на «опыт практики экономически и социально развитых стран». Допустим, они посчитали, что СССР не является развитой страной — так с какой стати он должен брать за ориентир страны иной «весовой категории»? Ведь это требование неразумно с очевидностью — а его принимали на съезде, обсуждали, голосовали.

Результат известен. Шахтеры нанесли удар, который добил советскую систему и были отброшены режимом Ельцина в сторону. Среди них началась массовая безработица, зарплата сократилась в несколько раз. Ясно, они совершили ошибку фундаментального характера — и никаких признаков разумного анализа, извлечения уроков.

Мы не обсуждаем вопрос, разумно ли было свергать советский строй и ликвидировать СССР — в этом вопросе общество разделено по идеалам и интересам. Угрозой *для всех* в целом, — и правых, и левых, и демократов, и монархистов — является утрата большими социальными группами способности делать разумные умозаключения и занимать ответственную расчетливую позицию. Это делает исключительно уязвимой всю страну и все общество в целом. Выявление корней этой болезни и ее эффективное лечение — обязательное условие становления нового российского «общества знания».

Глава 6 Обществоведение в России

Проблема создания структур «общества знания» поставлена в России в тот момент, когда общество и государство еще не вполне преодолели *системный кризис* конца XX века. Тяжесть и продолжительность этого кризиса во многом обусловлены тем, что как раз к его началу в СССР «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах и коллективах не говорим, не они в эти годы определяли общий фон).

Как и у всякой науки, главная социальная функция общественных наук заключается в том, чтобы *формулировать запреты*. Выражаясь мягче, предупреждать о том, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей — указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Большие сбои мировое обществоведение стало давать уже с начала XX века. Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма — сложной болезни Запада и особенно немецкого народа (хотя симптомов было достаточно). В этом предвидении оказалось одинаково несостоятельным как обществоведение, которое сложилось в парадигме либерализма, так и то, которое развивалось на методологической основе марксизма (исторический материализм).

Оно также не увидело и не поняло признаков «бунта этничности», который вспыхнул в конце XX века и в традиционных, и в современных обществах. Зрение обществоведов было деформировано методологическим фильтром — верой в то, что наш мир прост и устроен наподобие математически точной машины. В этой вере интеллигенция пряталась, как страус, от нарастающей сложности и нестабильности. Но в России перестройка и хаос 90-х годов привели к поражению даже и этой механистической рациональности.

Что значит «мы не знаем общества, в котором живем» (выражение

Андропова, которое повторил и Горбачев)? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лодии и испорчен компас. Но перестройка лишь вскрыла ту глубокую деформацию советского обществоведения, которая стала нарастать с 60-х годов. Углубляясь в смыслы концепций Просвещения, как в их марксистской, так и либеральной версиях, обществоведение быстро отрывалось от традиционного знания России и от здравого смысла. На методологических семинарах и конференциях велись жалкие схоластические дебаты по проблемам, которые не пересекались с реальной жизнью. И этот сдвиг был *системным*.

Дж. Грей в своей грустной книге «Поминки по Просвещению» называют всю современную западную политическую философию «политическое мышление в духе страны Тлён» (см. О.З.: История... разд. I, пп. 3). Он пишет, что ошибочное представление человека как индивида привело к бессилию либеральной мысли. Она, например, отбрасывает этничность и национализм как труднодоступное понимание отклонение от нормы. По словам Грея, «подобное понимание господствующих сил столетия... не предвещает ничего хорошего современной политической философии или либерализму».

Какая беда, что наша российская интеллигенция, начиная с поколения Горбачева, впала в это же самое либеральное мышление «в духе страны Тлён» — вымышленной страны, которую увлеченно изучало сообщество интеллектуалов! В 50-е годы на философском факультете МГУ вместе учились Мамардашвили, Зиновьев, Грушин, Щедровицкий, Левада. Теперь об этой когорте пишут: «Общим для талантливых молодых философов была смелая цель — вернуться к подлинному Марксу» [22]. Что же могла обнаружить у «подлинного Маркса» эта талантливая верхушка советских философов для понимания России? Жесткий евроцентризм, крайнюю русофобию и отрицание «грубого уравнительного коммунизма» как реакционного выкидыша цивилизации, тупиковой ветви исторического развития. Но ведь образ России у Маркса — это и есть страна Тлён.

Конечно, сильное давление на сообщество обществоведов оказал политический интерес. Чтобы сломать такую машину, как советское государство и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления. В рамках нормальной логики и расчета невозможно было оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «науку». Сегодня чтение солидных, академических трудов естествоведов перестроечного периода оставляет тяжелое чувство. В них нарушены самые элементарные нормы логического мышления и утрачена способность «взвешивать» явления.

Это выразилось в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория *выбора*. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью». Иррациональным был уже сам лозунг «иного не дано!»

В среде обществоведов, которые разрабатывали доктрину реформ, методологическим принципом стала *безответственность*. В ходе реформы это сказалось самым страшным образом. Пафос реформы был открыто оглашен как *слом советской хозяйственной системы и создание необратимости*. Сама декларация о *необратимости как цели* показывает глубинную безответственность — как философский принцип.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2004 г. В. В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения „старого здания“... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Это важное утверждение. Ведь реформа 90-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики — а теперь оказывается, что это был ее *демонтаж*,

причем исключительно грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а общество никогда бы не дало такого согласия. Речь идет о колоссальном обмане общества, совершенного с участием авторитетных обществоведов.

Наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто никогда и не утверждал, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа. Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которого никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за блага для «новых русских» уже никак нельзя будет оправдать. Однако, сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва в катастрофу. А вот предупреждений об очень высоком риске сорваться в катастрофу было достаточно.

Итак, главные обществоведы страны не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катастрофы — но тут же требовали его переделать. Никакое научное сообщество не может принимать подобные катастрофические предложения без обоснования и критического анализа. Один этот штрих показывает, что к концу 80-х годов в СССР и России уже не существовало сообщества обществоведов как *научной* системы.

Горбачев и его «интеллектуальная команда» вместо «научного анализа» гнали общество, торопили, не давали опомниться и задуматься, представляли дело так, будто никакого выбора и не существует. Весь дискурс официального обществоведения был направлен на то, чтобы люди *не поняли*, что их ожидает в ближайшем

будущем. Но ведь для общества как раз было жизненно важно разобраться именно в сути выбора, перед которым оно было поставлено, и основная масса народа надеялась на то, что гуманитарная интеллигенция — философы, историки, социологи — в этом разберется и честно растолкует остальным. Люди считали, что это — профессиональный долг обществоведения.

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т. И. Заславская: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество... При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуются не более 10-15 лет... Необходимость принципиального изменения траектории развития общества означает, что прежняя была ложной» [74].

Здесь сказано, что население и страну ждет не улучшение каких-то сторон жизни, а смена самого *типа* жизнеустройства, то есть *всех сторон* общественного и личного бытия. Речь идет даже не о том, чтобы с перекрестка пойти «другой дорогой», а о том, чтобы сменить *тип траектории* — пойти в другую сторону, да еще и «в другом измерении» (вглубь земли?).

Казалось бы, поставлена фундаментальная проблема и следующим шагом будет именно на таком фундаментальном уровне сказано, в чем же «прежняя траектория была ложной». Но нет, этот разговор велся (да ведется и сегодня) на уровне деталей бытового характера. Выезд за границу облегчить, вместо универсамов супермаркеты учредить, цену поднять так, чтобы очередей не было, разрешить образование партий — Жириновского, Явлинского, а то скучно без них.

А ведь за утверждением Т. И. Заславской стояли вещи *экзистенциального* уровня. Например, предполагалось изменение всех фундаментальных прав человека — на пищу, на жилье, на труд. От общества, устроенного по типу семьи, когда именно эти права являются неотчуждаемыми (человек рождается с этими правами), предполагалось перейти к обществу, устроенному по типу рынка,

когда доступ к первичным жизненным благам определяется только платежеспособностью человека. Как могли обществоведы уклониться от обсуждения именно этой фундаментальной проблемы выбора и толковать о частностях?

Даже проблема ликвидации плановой системы хозяйства, частная по сравнению с общим изменением типа жизнеустройства, оказалась для обществоведения слишком фундаментальной. О ней говорилось мало и именно в технических терминах — что лучше учитывает потребительский спрос: пиджаки, план или рынок? Г. Х. Попов писал в 1989 г.: «В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС „Основные положения коренной перестройки управления экономикой“ и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР Законе СССР „О государственном предприятии (объединении)“ есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: „Контрольные цифры... не носят директивного характера“. В этом положении — один из важнейших узлов перестройки» [137].

Исторические слова! Значит, речь идет о чем-то самом важном. Так растолкуйте это людям, товарищи философы и экономисты! Но обществоведение, напротив, нанесло тяжелый удар по методологии понимания людьми самых простых и фундаментальных для их жизни вещей, по навыкам постановки вопросов, вычленения главного, выявления причинно-следственных связей.

Уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным (пусть негласно) и среди российских, и среди западных специалистов. В 1996 г. видные экономисты Н. Петраков и В. Перламутров писали в академическом журнале «Вопросы экономики»: «Анализ политики правительства Гайдара-Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы» [134].

Но ведь надо вспомнить, что влиятельные обществоведы прямо призывали людей принять перспективу «опустошительного ущерба»,

внушая, что в середине 80-х годов люди жили так плохо, что хуже не бывает. Вот, доктор философских наук, главный научный сотрудник АН СССР А. И. Ракитов пишет в академическом журнале о хорошо изученном явлении — первоначальном накоплении капитала в XVIII-XIX веках: «Первоначальное накопление капитала действительно жестокий процесс. Но эта жестокость того же рода, как жестокость скальпеля, разрезающего живую ткань, чтобы вырезать гнойник и освободить плоть от страданий. Однако жестокость „первоначального накопления“ ни в какое сравнение не идет с циничным надругательством над людьми и обществом эпохи окончательного разграбления, длящегося в нашей стране вот уже 70 лет» [142].

Можно ли считать эти утверждения рациональными, относящимися к сфере знания? Даже для пропаганды в боевых условиях это выглядит как гротеск, шокирующий мало-мальски образованного человека. Какой гнойник, какая плоть? От каких страданий освободил скальпель первоначального накопления английских крестьян, согнанных с земли, или десятки миллионов африканцев, угнанных в рабство? Но это говорит видный философ, ставший советником президента по вопросам науки. Русский интеллигент... Подобные высказывания — признак глубокого кризиса обществоведения.

Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц, дает ясную оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [161, с. 188].

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества*. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*, о возникновении в сознании проектировщиков реформы «странных аттракторов», которые тянули к выбору наихудших вариантов из всех возможных, тянули к катастрофе.

Перед нами явление крупного масштаба: на огромном

пространстве при участии влиятельной интеллектуальной группировки искусственно создана хозяйственная и социальная катастрофа. Ее интенсивность не имеет прецедента в индустриальном обществе Нового времени. Украина — большая европейская страна с высоким уровнем научного и промышленного развития. В 2000 г. средняя реальная заработная плата здесь составляла 27 % от уровня 1990 года (в РФ 42 %, в Таджикистане 7 %).

Казалось бы, перед обществоведением возник очень важный в теоретическом и еще более в практическом плане объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Но за прошедшие 15 лет никакого стремления к рефлексии по отношению к методологическим основаниям программы реформ в среде обществоведов не наблюдается! За исключением отдельных личностей, которые при настойчивой попытке гласной рефлексии становятся диссидентами профессионального сообщества.

В России 90-х годов на высказывание мнений, противоречащих доктрине реформ, была наложена цензура, по сравнению с которой советская идеологическая цензура показалась бы предельно либеральной. Даже почтенным иерархам экономической науки (например, академикам Д. С. Львову, Н. Я. Петракову или Ю. В. Яременко) был закрыт доступ к трибуне, так что их рассуждения в узком кругу специалистов превратились в «катакомбное» знание.

Американские эксперты А. Эмсен и др. пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов» [206, с. 67]. В те годы этот ярлык означал маргинализацию человека как профессионала и был едва ли не опаснее, чем ярлык «фашиста». Но гораздо важнее состояние именно сообщества как целостности, *мэйнстрим*.

Дж. Стиглиц констатирует: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем „проведения приватизации любой ценой“... Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к

созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным» [161, с. 81].

То есть, реформаторы и их ученые советники совершили ошибки, которые можно было предсказать чисто логическим путем, то есть ошибки *тривиальные*. Чтобы их не видеть, надо было впасть в аномальное состояние сознания. Так надо признать это и совместно выяснить причины ошибки! Как можно отказываться от пересмотра ошибочных воззрений — и продолжать называть себя учеными? Но рефлексии нет!

Известный американский советолог С. Коэн писал в 1998 г. в «Независимой газете» (27 августа): «Проблема России состоит в беспрецедентно-всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения... Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе — буквальной демодернизации живущей в XX веке страны» [124]. Коэн не сказал очевидного: в XXI веке промышленно развитая страна не может пережить «демодернизацию» — она гибнет.

Если отбросить предположения о том, что доктрина реформ являлась плодом сатанинского заговора против России, остается признать, что ее замысел включал в себя ряд ошибок *фундаментального* характера. Эти ошибки делались вопреки хорошо систематизированному историческому опыту России, вопреки предупреждениям множества советских и российских специалистов, вопреки предупреждениям видных зарубежных ученых. Этот факт также требует рефлексии, ибо говорит об очень глубокой деформации всей системы норм научной рациональности в отечественном обществоведении.

Рефлексии нет даже по тем конкретным выводам ведущих обществоведов, которыми перед обществом было обосновано решение о проведении реформ. Именно эти выводы были единственным авторитетным аргументом, потому что ни исторический опыт, ни здравый смысл доводов в пользу этих реформ дать не мог. В

конце 90-х годов стало совершенно очевидно, и это было зафиксировано в ряде работ отечественных и зарубежных ученых, что эти исходные выводы были ложны. Никак не ответив на эти работы, содержащие профессиональную критику, общность обществоведов, разработчиков доктрины реформ, отвечать не стала. Это — нарушение фундаментальной нормы научности.

Назовем, только для примера, два положения которыми обосновывалась радикальная реформа: утверждение, будто советское народное хозяйство переживало кризис и было на грани коллапса; утверждение, что кардинальная трансформация социально-экономической системы не приведет к социальному бедствию.

А. Н. Яковлев в интервью 2001 г. подтвердил первый тезис: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» [208].

Чтобы проверить эти слова академика РАН от экономики, каждый мог тогда и может сегодня «взять статистику» и убедиться, что, согласно всем главным показателям, прежде всего размеру инвестиций, никаких признаков кризиса, а тем более коллапса, в середине 80-х годов не было. Достаточно посмотреть на массивные, базовые индикаторы, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в их достоверности не сомневался и не сомневается.[23](#)

Таблица 2

Основные экономические показатели СССР за 1980-1988 гг.

Показатели	1980	1985	1986	1987	1988
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд руб.	619	777	799	825	875
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд руб.	1150	1569	1651	1731	1809
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд руб.	679	811	846	879	913
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд руб.	188	209	220	219	222
Ввод в действие жилых домов, млн кв. м	105	113	120	131	132
Отправление грузов транспортом общего пользования, млрд т	11,9	12,3	12,8	13,1	13,2
Мощность электростанций, млн квт	267	315	322	332	339
Добыча топлива (в пересчете на условное), млн т	1896	2073	2166	2230	2287

А вот итог ретроспективного анализа экономического состояния СССР в 80-е годы, обобщенный в [144]: «Исключительно важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение темпов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема».

Что касается второго тезиса — о том, что «невидимая рука рынка» принесет благоденствие населению, — то приверженность этой утопии хорошо характеризуется той агрессивностью, которую вызывали у интеллектуальной бригады реформаторов сомнения массы этого самого населения.

В. В. Радаев и О. И. Шкаратан так трактовали эти сомнения: «А что же нынешняя революция? (А это, безусловно, революция. Речь идет о смене формаций)... На практике против первых, даже робких шагов в стороны рыночной экономики и гражданского общества решительно выступили разноликие социальные силы... Казалось бы, вот путь, вот спасение — рынок, кооперативы, частная собственность. Но вплоть до

сегодняшнего дня идут острейшие дискуссии... На самом деле трагическим является консерватизм не отдельных групп, а тем более отдельных лиц, но огромных масс, верящих, что они сегодня живут при социализме и что его необходимо „исправить“. В сознании многих рыночные формы хозяйствования односторонне отождествляются с эксплуатацией, неравенством, безработицей. Да, пожалуй, нет для реформаторов более страшной преграды, чем народные предрассудки» [141].

Прошло 17 лет, «рынок, кооперативы, частная собственность», которых опасались «огромные массы», наглядно продемонстрировал, что они несут именно «эксплуатацию, неравенство, безработицу». Очевидно, что «огромные массы» оказались обладателями надежного достоверного знания и надежных рациональных методов предвидения. А видные обществоведы из АН СССР В. В. Радаев и О. И. Шкаратан дали совершенно ложный прогноз и оказались интеллектуально несостоятельными. И где же их рефлексия и профессиональный разбор причин такой огромной ошибки?

Как известно, одна из главных идей, положенных в основание российской реформы, сводилась к переносу в Россию англосаксонской модели экономики. Эта идея выводилась из, казалось бы, давно изжитого в Просвещенном сознании примитивного евроцентристского мифа, согласно которому Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его наиболее чистом виде. Американские эксперты, работавшие в Москве, пишут: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку — это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России» [206].

Никаких шансов на успех такая реформа не имела. Экономисты и

философы предлагали взять за образец Запад и приводили как довод цитаты из фон Хайека или Милтона Фридмана. Они ничего не объясняли в советской реальности, но оказывали магическое действие. На предупреждения, которые делали самые авторитетные западные ученые, не обращали внимания. А именно в этот момент Дж. Гэлбрейт заметил: «На деле экономические идеи всегда являются продуктом своего времени и места возникновения, с которыми они тесно связаны, их нельзя рассматривать независимо от того мира, который они объясняют» (см. [86]).

Народное хозяйство и жизнеустройство любой страны — это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений. Выбор за образец для построения нового общества России именно США — страны, созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице — не находит рациональных объяснений. Трудно сказать, какие беды пришлось бы еще испытать российскому народу, если бы у реформаторов действительно хватило сил загнать Россию в этот коридор.

Дж. Грей пишет то, что знали и основоположники современной русской культуры, и подавляющее большинство граждан СССР: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, *чего им следует опасаться*; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях» [62, с. 192].

Дело вовсе не в идеологии, речь идет об исторически заданных *ограничениях* для выбора модели развития. Можно говорить о рациональности неолиберализма — в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности. Но это вовсе не значит, что постулаты и доводы неолиберализма являются рациональными и в

существенно иной реальности, например, в России. Даже напротив, перенесение их социальной модели в иную экономическую и культурную среду практически наверняка лишает «их» обоснование рациональности. Это — почти очевидное элементарное правило. Анализируя причины краха неолиберальной реформы в России, мы должны понять природу «гибридизации» западного и отечественного научно-социального сознания, которая порождает синергическую интеллектуальную конструкцию, доводящую травмирующие свойства любой реформы до состояния абсурда, несовместимого с жизнью общества.

Дж. Гэлбрейт сказал об этих планах российских реформаторов: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить».

Психическое отклонение клинического характера — вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин молчать! В 1996 г. американские эксперты, работавшие в РФ (А. Эмсен и др.), признали: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества».

Страх — понятная эмоция специалистов, чьи рекомендации привели к катастрофе. Но почему этот страх не был обуздан рациональным научным знанием? Объяснить этот феномен — приоритетная задача социологии российского «общества знания». Какова природа невежества, которое «породило» политику реформ в России? Изживается ли это невежество сегодня? Какие социальные механизмы блокируют рефлексию сообщества обществоведов России? Каковы способы восстановления информационной системы, которая вновь свяжет эту общность дееспособной когнитивной структурой?

Катастрофический кризис, в создании которого активное участие

принимало сообщество обществоведов, в свою очередь самый тяжелый удар во всей системе знания нанес по *обществоведению*. Состояние всех типов социально-научного знания характеризуется рядом общих черт, на фоне которых реализуются специфические сценарии и тенденции развития в каждой отдельной области (экономике, социологии, этнологии и пр.). Главными общими процессами и факторами можно считать следующие:

- кризис мировоззренческой матрицы советского проекта в 60-80-е годы XX века и производный от него кризис когнитивной основы советского обществоведения;
- кризис легитимности советской политической системы в 80-е годы и распад сообщества обществоведов; формирование группировок на идеологической и прагматической основе; «внешние» заказчики и спонсоры и их влияние на обществоведение;
- фрагментация информационной системы российского обществоведения; дискриминация при доступе к информационным ресурсам по идеологическим и экономическим основаниям;
- изменение системы отношений с «социальными заказчиками» и возникновение «интеллектуального предпринимательства» в сфере обществоведения;
- изменение системы господства в России и новая структура «научного фронта» в обществоведении;
- системный кризис в России и отход от норм рационального мышления в элите и в массовом сознании;
- общий кризис когнитивных структур Просвещения и давление постмодернизма.

Согласно этому перечню, первым фактором, определяющим состояние обществоведения, является воздействие на научное сообщество *наследия советского периода*. Инерция этого воздействия очень велика, и ее преодоление само по себе есть актуальная и сложная задача обществоведения, которая в явном виде даже еще не поставлена. Без рефлексии и рационального диалога с этой инерцией не справиться.[24](#)

Важнейшей особенностью обществоведения в советское время был искажающий реальность методологический фильтр, через который оно видело свой предмет. Этим фильтром был специфический способ понимать общество в его развитии — **исторический материализм**.

Истмат — доктрина, ставшая частью идеологии. Доктрина быстро оторвалась от ее основоположников и стала жить своей жизнью, порой весьма «не по Марксу». Обществоведению нанесла вред прежде всего *стереотипизация* истмата — превращение его формул в расхожие догмы, Маркс писал даже: «Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты». То есть, этот метод не просто может стать бесполезным, но и превращается в *свою противоположность*! А значит, приводит к совершенно ложным выводам.

Имея истмат как *руководящую нить*, классики марксизма дополняли его всеми достижениями современного им знания. Наши «профессора истмата», которые блокировали доступ к «немарксистскому» знанию, были в этом смысле **антимарксистами**.

Из ограничений, наложенных классиками на применение метода, следует, что для понимания конкретных процессов надо осваивать и другие, лежащие *вне истмата* методологические средства. Советское обществоведение нарушило ограничения, наложенные на применимость метода его творцами, и резко снизило познавательные возможности нашего общества.

Так, политэкономия уже с начала XIX века все более и более приобретала характер «позитивной» науки, заменяющей описание социальной реальности ее более или менее абстрактными моделями, тяготеющими к механистическому детерминизму. Из политэкономии заимствовал «чистые» модели и истмат. Включив в изучение общества категорию *законов*, Маркс сделал всю свою философию уязвимой для соблазна позитивизма. Сам он защищался от этого

соблазна диалектикой, которая во многом компенсировала само разделение «субъект-объект». По-иному пошло дело у социал-демократов и особенно в советском истмате.

В декабре 1921 г. вышла книга Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии». Уже здесь было проведено разделение единой философии истории на два раздела — истмат и диамат. Завершен был этот процесс в классическом труде советского истмата, учебнике В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона «Исторический материализм», изданном массовыми тиражами [88].

На отдаление истмата от диалектики и усиление в нем *механистического детерминизма* впервые указала Роза Люксембург, но глубоко рассмотрел этот процесс А. Грамши. Он, прежде всего, высказал мысль о причине и даже необходимости этого процесса *на определенной стадии* общественного развития. Он писал в «Тюремных тетрадах»: «Когда отсутствует инициатива в борьбе, а сама борьба поэтому отождествляется с рядом поражений, механистический детерминизм становится огромной силой нравственного сопротивления, сплоченности, терпеливой и упорной настойчивости... Реальная воля становится актом веры в некую рациональность истории, эмпирической и примитивной формой страстной целеустремленности, представляющей заменителем предопределения, провидения и т. п. в конфессиональных религиях... Но когда „подчиненный“ становится руководителем и берет на себя ответственность за массовую экономическую деятельность, то этот механицизм становится в определенном смысле громадной опасностью... Фатализм является ничем иным, как личиной слабости для активной и реальной воли. Вот почему надлежит всегда развенчивать бессмысленность механистического детерминизма, который, будучи объясним как наивная философия массы, и лишь как таковой представляющий элемент внутренней силы, с возведением его в ранг осознанной и последовательной философии со стороны интеллигенции становится причиной пассивности, дурацкого

самодовольства» [61, с. 54-55].

Таким образом, если фатализм истмата и был когда-то полезен трудящимся как заменитель религиозной веры в правоту их дела, то в советское время положение изменилось принципиально. Теперь партийное обществоведение взяло на себя «ответственность за массовую экономическую деятельность», и фатализм стал «громадной опасностью» — «причиной пассивности, дурацкого самодовольства». И Грамши записал в «Тюремных тетрадах» такое замечание: «Что касается исторической роли, которую сыграла фаталистическая концепция философии практики, то можно было бы воздать ей заупокойную хвалу, отметив ее полезность для определенного исторического периода, но именно поэтому утверждая необходимость похоронить ее со всеми почестями, подобающими случаю» [61, с. 60].

Эти похороны не состоялись и сегодня — истмат лишь «вывернут» в фундаментализм механистического неолиберализма. Реформа 90-х годов никак не сказалась на статусе методологии истмата, потому что он с ней оказался вполне совместим — пролетарская революция не созрела, советский строй был реакционным, следовательно, надо способствовать развитию производительных сил в рамках капитализма.

Своей жесткой схемой смены формаций истмат подвел к мысли, что советский социализм был «ошибкой истории». И потому-то основная масса обществоведов от истмата сегодня совершенно искренне находится в одном стане с ренегатами марксизма.

Мы стоим перед фактом, который невозможно отрицать: советское обществоведение, в основу которого была положена марксистская методология исторического материализма, оказалось несостоятельно в предсказании и объяснении кризиса советского общества. Речь идет о фундаментальных ошибках, совершенных большим интеллектуальным сообществом, так что объяснять эти ошибки аморальностью или конформизмом членов сообщества невозможно. Те методологические очки, через которые оно смотрело

на мир, фатальным образом искажали реальность. Идеологический конформизм интеллигенции мог так легко проявиться потому, что теория марксизма не налагала запрета на смену идеалов.

В марксизме и в русском коммунизме были общие черты, которые делали возможным их взаимодействие, но в то же время создавали и предпосылки для конфликта (который впервые выразился в расколе на большевиков и меньшевиков). Вплоть до 60-х годов XX века симбиоз советского строя и марксизма был одинаково необходим «обеим сторонам». Без этого симбиоза марксизм стал бы достоянием истории. Но, опершись на русский коммунизм, марксизм как интеллектуальное течение позже стал одним из соучастников его разгрома. Нельзя проходить мимо такого важного явления, как *антисоветский марксизм* 60-80-х годов на Западе и в СССР.[25](#)

Критический анализ методологического оснащения доктрины марксизма является для постсоветского общества абсолютно необходимым, а для обществоведения он представляет профессиональный долг. Этот анализ тем более актуален, что как правящая элита, так и оппозиция в РФ продолжают, хотя частью бессознательно, в своих умозаключениях пользоваться инструментами исторического материализма — смена идеологических клише «победившей» частью общества на это никак не влияет.

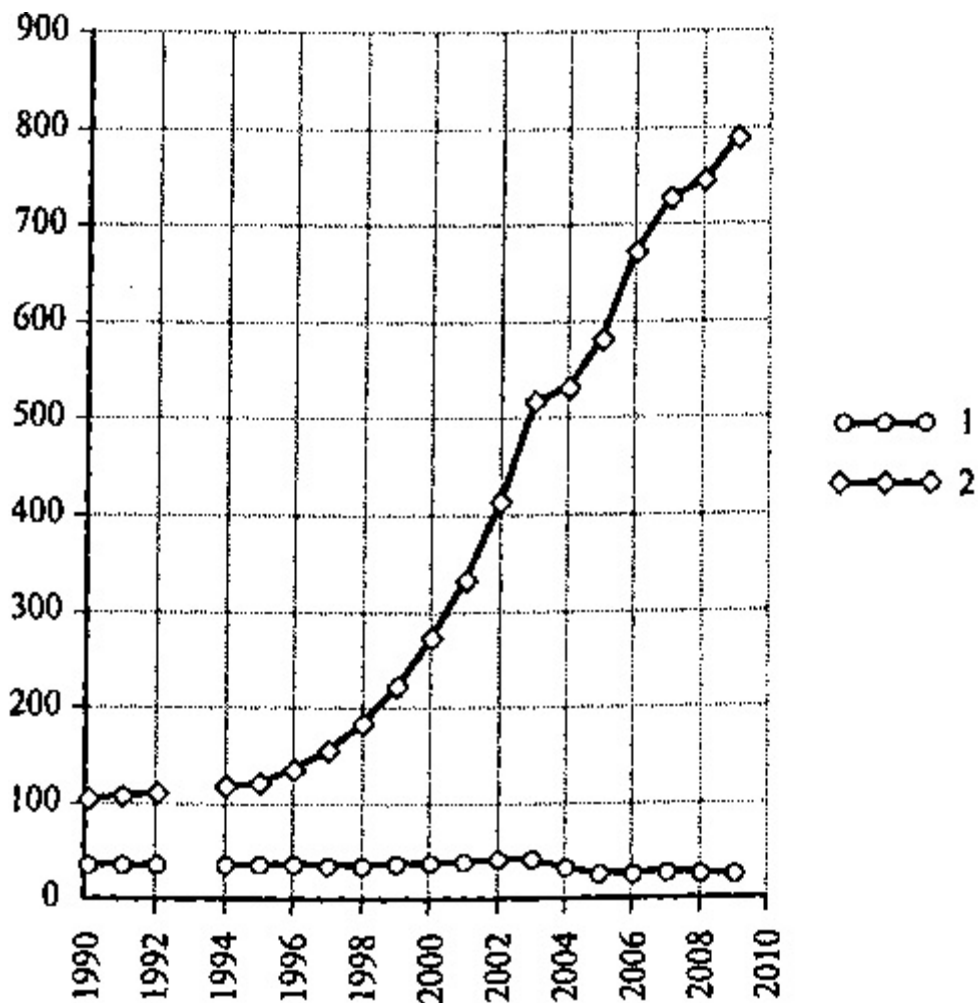
Обществоведение после краха советского строя

Слом догматических норм обществоведения после 1991 г. оказал освободительное воздействие, но потенциал его был реализован в очень малой степени. Это произошло прежде всего потому, что интеллектуальные структуры ставшего официальной догмой *неолиберализма* во многом симметричны структурам истмата, так как в принципе выводятся из той же картины мира и той же метаидеологии евроцентризма. Большинство обществоведов, выросших в парадигме

вульгарного истмата, продолжают обучать студентов. Отказавшись от этикетки марксизма, они внедряют в сознание ту же самую структуру мышления, что и раньше.

Более того, механицизм и «рыночный» детерминизм приобрели в нашем «неолиберальном» обществоведении характер фундаментализма. Ликвидация «цензуры» марксизма освободила такие темные и даже архаические силы, что произошел откат в методологических и ценностных установках, которого мало кто мог ожидать. Зачастую это даже не откат, а «прыжок в сторону» от привычных культурных норм. Речь, конечно, идет не обо всем обществоведении, но все же о доминирующей и официально признанной его части.[26](#)

Важным изменением во всей «системе знания» постсоветской России стало резкое расширение масштабов подготовки специалистов с высшим образованием в области обществоведения (гуманитарно-социальные специальности, экономика и управление — не считая педагогических профессий). Произошло быстрое увеличение числа людей, которые формально принадлежат к сообществу обществоведов, но реально не имеют ни времени, ни институциональной поддержки для социализации как членов эго сообщества. Возникла «среда», растворяющая научное сообщество. Динамика этого процесса представлена на рис. 1.

Рис. 1. Динамика выпуска специалистов высшими учебными заведениями России, тыс. человек: 1 — естественнонаучные специальности; 2 — гуманитарно-социальные специальности, экономика и управление

Диспропорция в подготовке кадров высшей квалификации не так велика, но все же указывает на деформацию структуры интеллектуального потенциала страны. В 2005 г. аспирантуру закончило 14 430 специалистов гуманитарно-социальных областях

(исторические, экономические, философские, филологические, юридические, психологические, социологические политические науки, искусствоведение и культурология) и 5 442 специалиста естественнонаучного профиля (физико-математические, химические, биологические науки и науки о Земле).

Кризис общества вызывался и внутренними причинами. После краха СССР в социальной структуре обществоведения сложилась компактная господствующая группа, объединяющей силой и ядром идейной основы которой является *антисоветизм*. У нее развито мессианское представление о своей роли как разрушителей «империи зла». Вот статья-манифест А. Ципко, в котором говорится: «Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И, наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т. д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дождаться разрушительных перемен...» [188].

Мы как будто вновь читаем «Вехи», но уже в форме самообличения, смешанного с гордостью. Это разрушительное обществоведение стало опираться на столь идеологизированную когнитивную структуру, что в принципе не могло дать адекватного объяснения и даже описания того кризиса, в который погрузила Россию реформа. В конце 1994 г. в докладе на международном симпозиуме историк из ИМЭМО РАН В. Г. Хорос сделал вывод «о недостаточной готовности интеллектуальной элиты в России к реформам. Может быть, даже более резко: об явно обозначившемся интеллектуальном и во многом моральном банкротстве нынешней генерации российских реформаторов» [184].[27](#)

Интеллектуальное банкротство — слишком общее утверждение. На деле произошла деградация всей системы познавательных средств, на которой собирается интеллектуальное сообщество. Это значит, что в настоящее время российское общество не обладает коллективным субъектом научной деятельности в области обществоведения и трансляции знаний из этой области во все сферы общественной практики. Отдельные личности, малые группы и лаборатории не могут заменить *национального сообщества*.

Именно эта форма организации научной деятельности может обеспечить создание и поддержание *информационной системы*, соединяющей членов сообщества между собой, с международным сообществом, с обществом своей страны. За год в России выпускается почти 600 тыс. специалистов в области обществоведения с высшим образованием, а почти единственный научный журнал по социологии выходит тиражом 3 тыс. экземпляров и почти никакого влияния на мышление и дискурс огромной массы дипломированных специалистов не оказывает.

Только профессиональное сообщество может выработать, задать и поддерживать всю систему норм, регулирующих получение, проверку и движение научного и вообще рационального знания о предмете. Для этого требуется соответствующая *социальная организация*, профессиональная «полиция нравов» и дееспособная система санкций.

Ничего этого в постсоветском обществоведении нет. Самые тяжелые нарушения норм научности (по ошибке или по недобросовестности) не влекут за собой не только формальных профессиональных санкций, но и никакой реакции. На конференциях даже в учреждениях самого высокого статуса два докладчика один за другим могут говорить вещи, абсолютно несовместимые в когнитивном плане, и это не вызывает не только дискуссии, но даже вопросов.

В приведенных выше примерах внимание обращено на отход от норм рациональности виднейших представителей российского обществоведения, заслуженных и авторитетных ученых. Но речь идет не о личностях, а о той части высшей научной элиты страны, которая в своих книгах, докладах и выступлениях в СМИ задавала новые стандарты понятийного языка, критерии, логику и меру. Была создана и силой авторитета навязана большей части гуманитарной интеллигенции аномальная *методологическая парадигма*. В ней стали господствовать не нормы научной рациональности и не ориентация на достоверность и истину, а корпоративные и партийные интересы. На языке этой парадигмы, с ее логикой и мерой стала мыслить и изъясняться основная масса преподавателей, подготовленных ими дипломированных специалистов, а затем и политики, бизнес-элита, СМИ.

Декларированный в последние годы в России курс на инновационное развитие и построение «общества знания» делает совершенно необходимым *сборку* отечественного обществоведения как профессионального сообщества. В условиях общего культурного и мировоззренческого кризиса эта сборка не может вестись на единой когнитивной основе в рамках общей методологической парадигмы. Речь может идти о формировании небольшого числа интеллектуальных кластеров, однако соединенных наибольшим числом общих профессиональных норм, обеспечивающих возможность дискуссии и диалога.

Единственной интеллектуальной ассоциацией, которая обладает институциональными возможностями для организации этой

программы, является в данный момент Российская Академия наук. В целом, в ней в наибольшей степени сохранилась приверженность нормам жесткой научной рациональности — благодаря совместному пребыванию с сообществом естественнонаучных дисциплин. РАН тесно связана с крупнейшими университетами России, относительно меньше пострадавшими от кризиса 90-х годов, а также в существенной мере сохранила связи с главными структурами государства.

Представляется, однако, что организация *пересборки* методологической и социальной структуры российского обществоведения должна стать делом именно Академии наук как целого, а не только влиятельных групп самих обществоведов из Отделения общественных наук РАН.

Глава 7 Мифотворчество

Перестройка стала открытой фазой дезинтеграции, почти разрушения целостной системы знания, необходимой и достаточной для выработки разумных решений в управлении общественными процессами. При этом возник *когнитивный диссонанс*, который выразился в двух происходящих совместно, но несовместимых процессах. С одной стороны, доминирующая часть обществоведов декларировала приверженность к крайнему *рационализму* (в варианте *сциентизма*), а с другой стороны, практиковала крайнее *мифотворчество*, то есть сдвиг к алогичному мифологическому сознанию.

Популярный тогда международный обозреватель А. Бовин в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) высказал, как комплимент перестройке, распространенную в то время мысль: «Обязательная предпосылка выполнения программы перестройки, которую можно назвать основной программой партии, — последовательно научный взгляд на окружающие, обступающие нас проблемы... Бесспорны

некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением» [36, с. 522-523].

Здесь можно было бы углядеть скрытый сарказм, но, скорее, Бовин не силен в методологии. Для мышления политика «тождественность с научным мышлением» звучит как страшное обвинение.²⁸ Научное мышление автономно по отношению к этическим ценностям, равнодушно к проблеме добра и зла. Оно ищет *истину*, ответ на вопрос «что есть?» и не способно ответить на вопрос «как должно быть?»

Напротив, мышление политика должно быть неразрывно связано с проблемой выбора между добром и злом. Он, в отличие от ученого-естественника, исходит из знания о *человеке* и чисто *человеческих* проблемах. Это такой объект, к которому нельзя и невозможно подходить, отбросив этические ценности, понятия о добре и зле. Когда такие попытки делались и человек превращался для экспериментатора в вещь, то этот экспериментатор утрачивал рациональность мышления. Такие случаи хорошо известны и из реальной истории науки, и из лабораторных психологических исследований.

В русской культуре эта проблема была поставлена уже в середине XIX века и решалась одинаково и левыми философами, и либералами-западниками (обзор этой темы дан в книге Бердяева «Русская идея», написанной в 1946 г.). Поразительно, но этот поворот к сциентизму не вызвал никаких дебатов в российском обществоведении. Ведь сказать, что политическое мышление новой власти *тождественно научному мышлению*, должно было послужить сигналом опасности.

Но главный провал рациональности возник именно из-за комбинации такого свободного от этики «научного мышления» с **мифотворчеством**. Мифы, создаваемые в лоне «общества знания», обладают общими присущими мифам чертами. Они несут в себе целостную мировоззренческую идею и претендуют на обобщающее объяснение проблемы, соединяют разные типы знания, включают в

рациональный анализ этические ценности и используют художественные средства.

Уже в 1992 г. Г. В. Осипов дал общий анализ главных мифов перестройки, которые в совокупности послужили «перерастанию социально-экономического кризиса советского общества в национальную катастрофу». Он сгруппировал эту совокупность в девять базовых мифов, давших обществу ложную картину процессов в сфере государства и управления, национальных отношений, хозяйственной и социальной сферы, собственности на средства производства, места России в системе культур и цивилизаций [128]. Этот сжатый образ задает структуру и методологическую нить для создания большого труда о мифологии перестройки и реформы в России конца XX — начала XXI века. Для строительства нового «общества знания» России такой труд необходим, и это — задача для молодых социологов и культурологов. Годы реформы, последовавшие за этой работой, дали богатейший материал.

В базовый миф о государственности входит целый свод *антигосударственных* мифов. Одним из них был миф об «административно-командной системе», о невероятно раздутой бюрократии СССР. Советское государство было представлено монстром — в противовес якобы «маленькому» либеральному государству. На деле именно либеральное государство («Левиафан») должно быть предельно бюрократизировано, это известно фактически и понятно логически. Ведь либерализм (экономическая свобода) *по определению* порождает множество функций, которых просто не было в советском государстве — например, США вынуждены держать огромную налоговую службу. Колоссальное число государственных служащих занимается в рыночной экономике распределением всевозможных субсидий и дотаций, пропуская через себя огромный поток документов, которые нуждаются в перекрестной проверке.

Советская бюрократическая система была поразительно простой и *малой по численности*. Очень большая часть функций управления выполнялась на «молекулярном» уровне в сети общественных

организаций (например, партийных). В журнале «Экономические науки» (1989. № 8. С. 114-117) была опубликована справка о численности работников государственного управления СССР в 1985 г. Всего работников *номенклатуры управленческого персонала* (без аппарата общественных и кооперативных организаций) было *во всем СССР* 14,5 млн человек. Если добавить работников охраны, курьеров, машинисток и других работников, не входящих в номенклатуру должностей, то это число вырастет на 2, 8 млн человек.

Из 14,5 млн государственных управленческих служащих 12,5 млн составляли управленческий персонал предприятий и организаций, которые в подавляющем большинстве действовали в сфере *народного хозяйства*.

Так, например, в это число входили главные специалисты (0,9 млн человек), мастера (2,1 млн человек), счетно-бухгалтерский персонал (1,8 млн человек), инженеры, техники, архитекторы, механики, агрономы и ветврачи (2,1 млн человек) и т. д. Таким образом, численность *чиновников* в строгом смысле слова была очень невелика — 2 млн человек.

Численность управленческого персонала на Западе (в состав которого, конечно, не входят мастера, бухгалтеры и механики), была намного больше, чем в СССР, как и раньше была намного больше, чем в Российской империи. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 17 странах Запада доля государственных служащих в общей численности занятых в середине 90-х годов составила в Швеции, Норвегии и Дании 30 %, во Франции, Финляндии и Австрии — 20 %, Португалии, Италии и Германии — 15 %. Но об этом обществоведы гражданам *не сообщали*. Они этого *не знали* или *скрыли* эту информацию? В любом случае это — дефект «общества знания» в части обществоведения.

Что мы могли наблюдать после того, как советский тип государства был ликвидирован? Чиновничий аппарат и бюрократизация в РФ фантастически превысили то, чем возмущались в СССР. Наша интеллигенция не знает этого или не хочет знать из-за утраты

способности к рефлексии. Миф не поколеблен. Тот факт, что постсоветское обществоведение не только не объясняет, но и активно уводит общественное внимание от патологической бюрократизации современной России как важного социального явления, говорит о глубоком кризисе сообщества обществоведов.

Проявлений этого мифотворчества ученых во время кризиса было множество, здесь мы кратко рассмотрим лишь несколько типичных мифов, созданных как аргумент в пользу демонтажа советской системы и особенно ее хозяйства.

Одним из важных инструментов в этих нападках был тезис о якобы *избыточном производстве ресурсов как фундаментальном дефекте плановой экономики*. Этот тезис вошел, в действительности, в самое ядро всей доктрины подрыва легитимности советского строя и, затем, подрыва самого хозяйства СССР и оставшихся от него «независимых» республик. Ведь вслед за атаками на какую-то «избыточную» отрасль (производства стали, тракторов, энергии и т. п.) или даже параллельно с этими атаками, принимались политические решения по подрыву этих отраслей.

Это происходило уже в 1989-1991 гг., даже при формальном сохранении плановой системы — через сокращение или полное прекращение капиталовложений, остановку строительства и ликвидацию госзаказа. Начиная с 1992 г. ликвидация системообразующих отраслей народного хозяйства была возложена на действие «стихийных рыночных сил», которые, однако, точно направлялись, посредством политических решений правительства, на уничтожение самых новых и технологически прогрессивных производств.

Соппротивление этому курсу было подавлено — в том числе и «культурными средствами» — внедрением в сознание мифа об избыточности ресурсов в хозяйстве, которое якобы «работает *на себя, а не на человека*». Частое повторение этого иррационального утверждения сделало его привычным, и оно не вызывало у людей психологического отторжения, хотя в нем нарушены и логика, и мера.

Слишком большая часть интеллигенции приняла и этот миф, и логику, которая лежала в основе этой программы мифотворчества. Это видно из того, что в пропаганде этих стереотипных мифов, выработанных в идеологических лабораториях перестройки, с энтузиазмом приняли участие интеллектуалы из, казалось бы, разных политических лагерей.

Формула «абсурдной избыточности ресурсов» облекалась в самые разные содержательные оболочки и служила как генетическая матрица вируса, внедряемая в сознание человека уже независимо от той или иной оболочки. В частности, были резко уменьшены все капиталовложения в *энергетику*, хотя специалисты доказывали, что сокращение подачи энергии и тепла в города Севера и Сибири просто приведет к исчезновению «потребителей». Тот факт, что гуманитарная интеллигенция благосклонно приняла программу, в которой почти невозможно было не видеть большой опасности для хозяйства и даже для шкурных интересов каждого обывателя, настолько необычен, что должен был бы сам по себе стать предметом большого исследования.

Более того, видные обществоведы не просто благосклонно приняли эту программу, но и проявили в ее поддержке непонятную агрессивность и даже ненависть к энергетике. Красноречив «Меморандум в защиту природы» (1988), подписанный видными деятелями науки и культуры, в котором велась атака на Энергетическую программу СССР. И речь шла не о критике Энергетической программы, огонь велся на ее поражение. Замечательна сама фразеология этого «Меморандума»: «Вся многолетняя деятельность Минэнерго завела наше энергетическое хозяйство в тупик... Большая часть добываемого топлива расходуется на технологические нужды, и прежде всего на выработку электроэнергии. Более трех четвертей производимой в стране электроэнергии используется на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. Это означает, что энергетические ресурсы в основном используются для производства опять же энергетических ресурсов и сырья с крупномасштабным разрушением природной среды.

Именно этот абсурдный принцип развития нашей энергетики заложен в Энергетической программе СССР и ныне осуществляется. Никто за все это не понес ответственности» [118].

Иррациональный тип мышления, породившего этот документ перестройки, виден уже в повторении заклинания о том, что в стране осуществляется «производство ради производства, а не ради человека». Мало того, что затраты энергии «на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте» считаются *бесполезными для человека*, они почему-то рассматриваются как «опять же производство энергетических ресурсов». И ведь 13 подписей под документом, из них 6 докторов разных наук.

Грубое нарушение меры часто является следствием устранения контекста (можно сказать, той системы координат, в которой измерение приобретает смысл). Полезный учебный материал дает миф об *избытке тракторов в СССР*. Это утверждение стало в конце 80-х годов общим местом дискурса перестройки.

В рассуждениях об избытке тракторов нарушались элементарные правила рациональных умозаключений. Вот, А. С. Ципко пишет в большой академической книге: «Мы буквально наводнили страну тракторами комбайнами, а относительное отставание ее аграрного сектора от традиционного фермерского хозяйства стран Западной Европы не только не уменьшилось, а увеличилось. И немудрено. В некоторых областях сегодня на круг меньше собирают зерна, чем до революции» [189, с. 74].

Первый тезис («наводнили страну тракторами») обязывает применить *расчет* (калькуляцию). «Наводнили» — это сколько? Во сколько раз больше, чем в Западной Европе, где рачительные фермеры «не наводнили»? Никакой меры Ципко не вводит, потому что его тезис абсурдно противоречит реальности. Столь же абсурдно утверждение, будто в «некоторых областях» урожаи зерна меньше, чем до революции. Что это за области? Какие там урожаи? Данные по всем областям доступны, что же скрывать.

Во втором тезисе («из-за колхозов увеличилось отставание от западных фермеров») нарушена норма явного фиксирования *правил* — если сравниваешь динамику двух разных систем, то обязан сообщить правила такого сравнения. Здесь надо было дать сведения об этой динамике, временной ряд показателей — но тогда тезис Ципко выглядел бы просто нелепо. Отставание от Западной Европы именно прекратилось в советское время, когда сельское хозяйство России смогло вырваться из порочного круга аграрного перенаселения и перейти от трехполья к многопольному севообороту.

Здесь же нарушена норма — применять установленные правила *объяснения*. Допустим, действительно «увеличилось отставание». Даже если бы это было фактом, сам по себе он *не объясняет* своих причин. Ципко верит, что все дело в собственности на землю. Но вера — дело свободы совести. Чтобы ее подтвердить разумом, надо выполнять правила — назвать главные возможные причины явления и дать обоснование той причины, которая выбрана в качестве гипотезы. Может, дело не в фермерах, а в колоссальных государственных субсидиях, которые стали давать фермерам в Западной Европе?

В данном случае грубо нарушено и другое элементарное требование: если сравниваются две разные системы, то прежде всего надо показать (или хотя бы сказать, взяв на себя ответственность), что эти системы выполняют *критерии подобия*. Ведь очевидно, что в Западной Европе почему-то со времен Средневековья сложилось «традиционное фермерское хозяйство», а в России, наоборот, сохранилось общинное крестьянское, а потом колхозное. И как ни бился Столыпин, превратить крестьян в фермеров не смог. В чем-то, значит, несоизмеримы две системы — так назови причины несоизмеримости, согласуй с ними возможности сравнения.

Наконец, нарушены нормы рациональности четвертого типа — сведение целей к другим целям. Ясно, что цель рассуждения А. С. Ципко — убедить читателя согласиться с ликвидацией колхозно-совхозной системы сельского хозяйства. Но что стоит за этой частной целью? Ни из этого маленького пассажа с «наводнением страны

тракторами», ни из всей статьи (по смыслу радикально социал-дарвинистской), читатель не может понять, каковы фундаментальные постулаты автора, каковы его высшие цели и нормативные представления о благой жизни, из которых выводится цель статьи. К чему вы клоните, профессор?

«Парадигмальное» значение для мифа о тракторах приобрело утверждение официального руководителя тогдашней экономической науки академика А. Г. Аганбегяна о том, что в сельском хозяйстве СССР имеется в два-три раза больше тракторов, чем необходимо. Дословно Аганбегян пишет: «Результат [абсурда плановой системы] — разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раз больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин» [1]. Это утверждение произвело столь сильное впечатление на мировое сообщество экономистов, что не раз цитировалось на Западе не только в прессе, но и в серьезных монографиях.

Задав меру, содержащую в себе оценку состояния (*«эти трактора не нужны сельскому хозяйству... хватило бы в два или три раза меньше машин»*), академик устранил систему координат, в которой его мера могла бы иметь смысл. А у экономистов, читавших это высказывание академика, не возникало желания встроить данную им меру в реальный контекст и задать себе вопрос: «Причем здесь *производство* тракторов в США? Сколько тракторов следует считать необходимым именно для СССР? Сколько тракторов имеется в ФРГ, в Италии, в Польше?»

Разве не удивительно было слышать, что советским колхозникам хватило *бы в три раза меньше* тракторов, чем то число, что они имели? Когда же наша промышленность успела так перенасытить село тракторами? Аганбегян не указал типичную норму насыщенности

хозяйства тракторами в той экономике, которая предлагалась нам как пример для подражания. Разве на Западе фермеры имели в три раза меньше тракторов, чем советские колхозники? В действительности в тот момент (1988 г.) в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было **в 16,5 раз меньше, чем в ФРГ**. Искажение меры столь велико, что возникает совершенно ложное представление о реальности. Приведем данные из самых обычных справочников.

Таблица 3.

Обеспеченность сельского хозяйства тракторами (без садово-огородных), на 1000 га пашни, штук

Страна	1980	1988
СССР	11,6	12,2
Польша	45	77
Италия	113	144
ФРГ	200	201
Япония	343	476

Академик-экономист не мог этих данных не знать. Но важнее тот факт, что сообщество экономистов без всяких сомнений приняло ложное утверждение одного из своих лидеров и, насколько известно, до сих пор никак на него не отреагировало.

1 декабря 2003 г. академик А. Г. Аганбегян выступал в Новосибирском государственном университете. Логика его не изменилась, он сказал: „В плановом хозяйстве производилось много продукции, которая не была востребована. Например, мы производили в 7 раз больше тракторов, чем США... Когда перешли к рынку, цена на тракторы резко выросла, в нее стали включать капитальные вложения, затраты на разработку, прибыль — теперь уже хозяйства должны были расплачиваться за них своими деньгами, а не госкредитами. В результате производство тракторов сократилось примерно в 20 раз» [15].

А. Г. Аганбегян еще больше сгустил краски по сравнению с 1990

годом — теперь у него выходит, что тракторы в советское время вообще *не были востребованы*. Да, на них пахали (и теперь пашут на остатках), но, поскольку «тракторные заводы находились на дотации», необходимость пахоты академик реальностью не считает.

Рассмотрим подробнее два схожих по структуре мифа.

Миф об избытке стали

Интенсивной атаке была подвергнута установка хозяйственной политики СССР на укрепление *металлического фонда* страны через развитие отечественной металлургии. Последующий ход событий показал, что эта кампания нанесла сильнейший удар по ядру российского хозяйства.

Железо, «фундамент цивилизации», — важнейший из всех видов сырья, сыгравший революционную роль в развитии культуры. Объем производства стали в мире непрерывно растет и в 2007 г. составил 1,35 млрд т, что намного опередило прогнозы конца 80-х годов. Но еще более важным показателем, нежели годовое производство стали, является накопленный в стране *металлический фонд*.

Экономисты, которые фабриковали миф об избыточном производстве стали в СССР, знали реальность — хорошо известна фундаментальная книга Л. Л. Зусмана «Металлический фонд народного хозяйства СССР» [78]. С. Г. Струмилин писал в 1975 г. в предисловии к этой книге о месте металлического фонда в национальном богатстве: «Современная мировая материальная культура строится на этой базе, достигающей 5,5 млрд т накопленного металлического фонда».

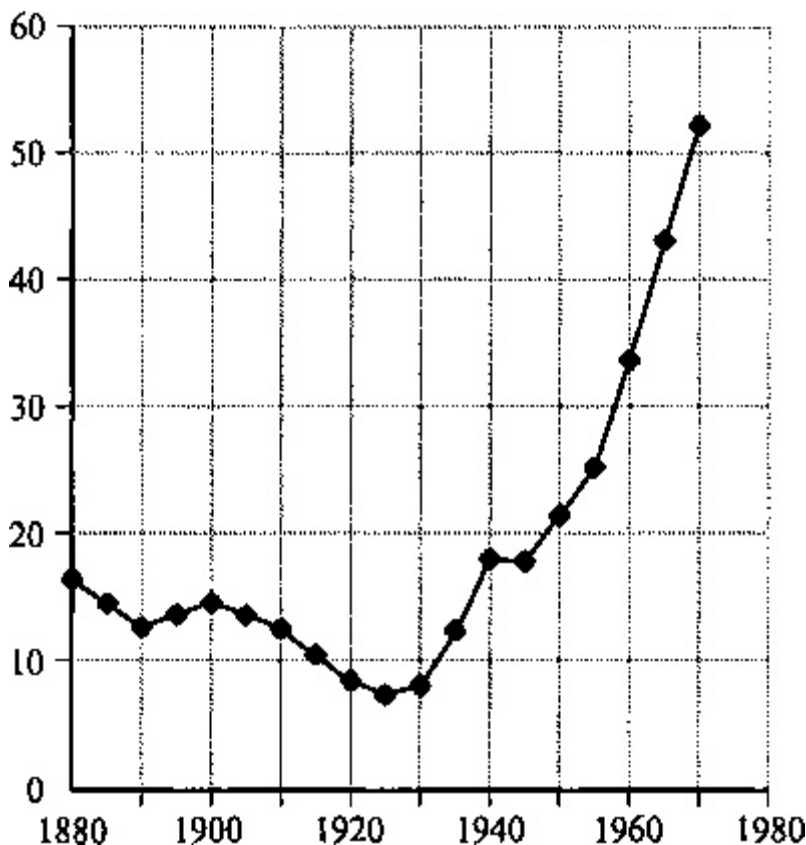
Написана эта книга по материалам Всесоюзных переписей основных фондов всех отраслей народного хозяйства, проведенных в 1962 и 1972 гг. [29](#) Тогда был изучен кругооборот металла в СССР и проведены расчеты металлического фонда, необходимого для

решения главных социальных задач страны. Исходя из них и была составлена программа развития черной металлургии.

Каков же был металлический фонд Российской империи, а затем СССР? В 1911 г. он был равен 35 млн т. Прирастать он начал только с 1924 г. и достиг в 1932 году 55-60 млн т. В 1937 г. в СССР было 90-95 млн т металла, а к началу 1941 г. — 118-124 млн т.

В конце 60-х годов СССР обогнал США по *приросту* металлического фонда и начал догонять по абсолютной величине. В 1973 г. металлический фонд СССР достиг 1 млрд т. Таким образом, металлический фонд на душу населения СССР вырос с 300 кг в 1920 г. до 3700 кг на 1 января 1972 г. С этой базы и началось выполнение программы, которую во время перестройки экономисты — советники Горбачева — высмеивали как абсурдную, сравнивая СССР и США.

Каков же был металлический фонд США? В 1920 г. металлический фонд США в 12 раз превышал фонд СССР! В 60-е годы СССР вошел с металлическим фондом, в 3 раза меньшим, чем у США и даже существенно меньшим, чем США имели в 1920 г. Динамика преодоления разрыва в объеме металлического фонда СССР и США представлена на рис. 2. В 1970 г. металлический фонд США составлял 1639 млн т (8 т на душу населения) и в 2 раза превышал фонд СССР.[30](#)

Рис. 2. Динамика металлического фонда Российской империи и СССР относительно металлического фонда США, %

Но и в 1975 г. разрыв все еще был велик. Плановые задания на 1970-е годы предполагали, что к 1980 г. СССР приблизится к размерам того металлического фонда, которым США располагал в 1970 г. К 1990 г. разрыв можно было сократить еще больше, но этот процесс был сорван вследствие принятия новой экономической доктрины во время перестройки.

Тем не менее, за советское время удалось обеспечить Россию металлом на уровне развитых промышленных стран — сегодня на каждого жителя РФ приходится металлический фонд в размере 10 т, в то время как критерием отнесения страны к числу промышленно

развитых является наличие металлического фонда 8-9 т на душу. И рывок был сделан именно в ходе той программы, которая была опорочена в 1989-1991 годы.

Книга Л. Л. Зусмана передает состояние страшного голода на металл, который испытывали все отрасли народного хозяйства (возможно, за исключением оборонной промышленности). Дефицит металла приводил к большим социальным и экономическим перегрузкам, прежде всего, ограничивая возможности **строительства** — на здания и сооружения приходится половина металлического фонда страны. Каким аутистическим сознанием надо было обладать обществоведам времен перестройки, чтобы возмущаться тем, что квартиры в СССР тесноваты — *и в то же время* призывать к сокращению производства стали! (В 1993 г. А. Чубайс в предвыборной полемике призывал вообще загасить все домны в России)

Следует учесть, что в СССР, чтобы экономически освоить большие пространства, требовались гораздо большие *металлоинвестиции* в сооружения, чем в США. Металлический фонд железнодорожного транспорта в США был вдвое больше, чем в СССР, хотя грузооборот советских железных дорог превышал американский более чем в 2 раза. Но это требовало избыточных усилий персонала.

Количество металла в автомобильном парке США в 1971 г. было в 15 раз больше, чем в СССР. Запчастей у нас всегда не хватало — прежде всего потому, что СССР мог вложить в запчасти (в расчете на единицу массы металла в машинах) в два раза меньше металла, чем США. В СССР было мало хороших автомобильных дорог, что объясняли тупостью плановой системы. При этом экономисты перестройки умалчивали, что в автодороги США за 40 лет (до 1970 г.) было уложено 50 млн т стали, а в СССР всего 1,7 млн т, включая металл, пошедший на строительство мостов и путепроводов.^{[31](#)}

К огромному перерасходу средств вела в СССР нехватка трубопроводов (и промысловых, и распределительных), вызванная

прежде всего дефицитом стали. Если бы программу развития металлургии сорвали на десять лет раньше, Россия сегодня осталась бы без металла, нефти и газа. А значит, без хлеба, жилья и тепла.[32](#)

Когда хозяйство работает при дефиците какого-то важного ресурса, это создает множество узких мест и приводит к перерасходу всех ресурсов. Острая нехватка металла в СССР прежде всего приводила к *перерасходу самого металла* — возникал порочный круг. Перерасход был вызван повышенными удельными нагрузками на металл при эксплуатации металлических изделий. Это видно в эксплуатации и железнодорожных рельсов, и тракторов, и большинства других машин.

Имея достаточно металла, американцы могли себе позволить *не возвращать* использованную сталь на вторичную переработку, если это было экономически невыгодно. Безвозвратные потери металла за срок его службы составляли в США 43-45 %, а в СССР 12-15 %. С точки зрения экологии советский тип использования металла был более перспективен, нежели американский, но экономическая эффективность страдала.

Из этого видно, что антиметаллургическая кампания, развязанная в конце 80-х годов ведущими обществоведами, исходила из *ложных* посылок и содержала фундаментальные методологические ошибки, говорящие о глубокой деградации рациональности. Результат известен. Накопленный в советское время металлический фонд РФ тает. Сокращение производства стали в 1991 г. приняло обвальный характер — к 1998 г. в РФ *более чем в два раза* (с 94,1 млн т до 43,6 млн т). Металлоинвестиции как в строительство, так и в машиностроение, сократились в РФ за годы реформы в 4 раза. В последние годы РФ получает конечной металлопродукции разного рода в среднем 50 кг на душу населения, в то время как средняя норма на Западе превышает 300 кг. Но на Западе нет академиков-экономистов, которые внушали бы людям, что много металлопродукции производит лишь та промышленность, которая работает на себя, а не на человека.

В РФ резко возросли безвозвратные потери металла. Инвентаризация металлического фонда страны не проводится. Железный фундамент нашей цивилизации подточен. Черный миф об «избытке стали» был важным фактором в развитии глубокого кризиса металлургии. По состоянию на 2001 г. свыше нормативного срока использовалось 88,5 % доменных печей и 86 % прокатных станов. За 12 лет реформы произошло резкое технологическое отставание от мирового уровня.

Здесь мы говорим не об экономике и не о технологии, а о тех методологических установках, с которыми обществоведы подходили к анализу промышленной политики в области металлургии. Хорошим учебным материалом может служить книга Н. Шмелева и В. Попова «На переломе: перестройка экономики в СССР» [200]. Авторы — влиятельные экономисты, профессор Н. П. Шмелев (сейчас академик РАН) к тому же работал в Отделе пропаганды ЦК КПСС и был народным депутатом. Рецензенты книги — академик С. С. Шаталин и член-корр. АН СССР Н. Я. Петраков.

Примечателен сам тип изложения, который применили здесь экономисты — мысли излагаются с таким объединением разнородных понятий и явлений, что в каждом тезисе возникает большая неопределенность, необычная для людей, связанных с научной деятельностью. Всегда очень размыта мера, которую прилагают авторы к тому или иному явлению, хотя вполне доступны точные достоверные данные. Вот, авторы пишут об СССР: «Мы производим и потребляем, например, в 1,5-2 раза больше стали и цемента, чем США, но по выпуску изделий из них отстаем в 2 и более раза» [200, с. 169].

Рассмотрим это утверждение. Прежде всего, в один ряд в нем ставятся категории разной природы — «*производим*» и «*потребляем*» — и большинство читателей сразу оказывается в ловушке. Например, многие страны потребляют сталь, не производя ее ни грамма. В открытой экономике США очень велик импорт и стали, и металлоемких изделий, а в СССР — экспорт намного превышал импорт. Как же можно было об этом не сказать?

За 1981-1988 г., то есть за тот период, на изучении которого в основном и базировались авторы книги, США импортировали 134,8 млн т стали, что составляет (за вычетом экспорта) прибавку к металлическому фонду, равную 121,6 млн т. В 90-е годы импорт стали в США превысил 30 млн т в год (например, в 1998 г. он составил 37,7 млн т). Это огромные величины.

При той степени интеграции, какой достиг к концу 80-х годов мировой капиталистический рынок, сравнивать производство чего бы то ни было в СССР с какой-то одной страной (например, США) вообще абсурдно. Например, в РФ добывается сейчас по 14 кг поваренной соли на душу населения в год (кстати, вдвое меньше, чем в РСФСР). А в США — по 160 кг, а в Австралии — по 470 кг. Значит ли это, что надо равняться на США? А может, на Австралию? Или, наоборот, снизить добычу соли до уровня Японии (11 кг)?

Почему как пример для СССР в производстве стали были взяты США? Почему было не сказать здесь же, что в 1990 г. СССР произвел стали на душу населения в 1,7 раза меньше, чем Япония, и почти в 2 раза меньше, чем Чехословакия? Авторы-экономисты использовали цифры столь некорректно, что их утверждения оказывались вне норм научности.

Иными словами, сравнение производства стали в СССР и США, *даже если бы оно было проведено корректно*, не может служить никаким аргументом для оценки промышленной политики СССР. Но сравнение было и проведено с грубыми ошибками.

В книге, написанной в годы перестройки, утверждается, что СССР с его плановой системой производит избыточную сталь (160 млн т), в то время как эффективно регулируемая рынком экономика США разумно производит небольшое количество (70-80 млн т). Как же обстояло дело в действительности?

Только за два десятилетия, с 1951 по 1970 г., США произвели 1946 млн т стали — почти 2 миллиарда тонн! Иными словами, они в течение двадцати лет стабильно держали средний уровень производства в 100 млн т стали в год. За это же время в СССР было

произведено 1406 млн т стали — на 540 млн т меньше, чем в США. Накопленное же в течение всего XX века преимущество США над СССР в количестве произведенной стали было огромно. Что же делают экономисты, чтобы убедить граждан в абсурдности плановой экономики и избыточности производства стали в СССР? Они сравнивают пик нашего производства с временным спадом в США.

Да, в начале 80-х годов на какое-то время США снизили свое производство стали (причем компенсировали это снижение резким увеличением импорта). Самой низкой точкой был 1982 г., когда в США произвели 67,7 млн т. — тогда *всего за один год производство стали в США упало почти вдвое*. После этого производство стало расти. Да, бывали в США такие резкие колебания — ну и что? Почему это должно было повлиять на производство стали в СССР? Сравнение объемов производства стали в СССР и США в момент перестройки как аргумент для развала отечественной черной металлургии *неосновательно*.

Звучали призывы сократить производство стали по примеру США — и в то же время говорилось об остром «голоде» на металл во многих отраслях хозяйства СССР. Это и есть признак когнитивного кризиса — видеть голод, но создавать миф об избытке и даже верить этому мифу. Нет и симптомов преодоления этой болезни. Выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 г., академик А. Г. Аганбегян сказал о производстве стали в СССР: «Если столько продукции не нужно, то и выплавлять 146 млн т стали (когда Америка выплавляла всего 70 млн т) бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза» [15].

Значит, совершенно ложное утверждение можно повторять даже в одном из ведущих университетов страны даже через 15 лет после начала катастрофического кризиса, созданного в том числе благодаря этому утверждению.

То же самое можно сказать и о рассуждениях по проблеме *потребления* стали. При том соединении категорий производства и

потребления стали, к которому прибегли авторы книги, читателям внушается ложная мысль фундаментального, общего значения — будто **потребление** стали, скажем, в 1985 г., равно **производству** стали в этом году (даже если отвлечься от импорта и экспорта). Это — разновидность подмены предмета утверждения путем смешения разнородных понятий.

Металл — ресурс исключительно долгоживущий, срок его работы составляет около ста лет — за год теряется всего 0,5 % металлического фонда от коррозии и 0,4-0,5 % от истирания. Отслуживший свой срок в изделиях металл возвращается на переплавку, а оттуда опять в изделия. Поэтому ставить знак равенства между производством стали в таком-то году и ее потреблением — бессмыслица. В 1985 г. мы потребляли сталь, сваренную из всего чугуна, выплавленного в Российской империи и СССР — за вычетом безвозвратных потерь. Чтобы сравнить действительное потребление стали в СССР и США, авторы должны были бы сообщить величину металлического фонда СССР и США — количество стали, «работающей» в зданиях, вооружениях, машинах двух стран. Сказать об СССР, что *«мы потребляли стали вдвое больше, чем США»* — иррациональное утверждение, но ни авторы, ни рецензенты, ни большая часть интеллигенции этого не видела. Вот где главный симптом кризиса советского «общества знания».

В экономической науке уже с середины XIX века четко различались понятия **«потока»** ресурсов и **«фонда»** или **«запаса»** ресурсов (stock). Готовое производство стали — это прирост запаса, часть «потока», а «потребляем» мы весь действующий в хозяйстве металл. Точно так же, как живем мы в домах, построенных за многие десятилетия, а не только за последний год. Может ли экономист не различать две категории — **жилищный фонд в 1990 г. и ввод в действие жилья в 1990 г.?**

Обратим теперь внимание на меру: *«мы производим и потребляем стали в 1,5-2 раза больше, чем США»*. Число оказывает на читателя магическое воздействие. Но давайте все же встряхнемся,

сбросим с себя очарование цифрой и вникнем. Бросается в глаза широкий *диапазон* количественного показателя. Почему такой разброс — верхний предел на треть больше нижнего? Что-что, а статистика производства и потребления стали ведется в цивилизованных странах более века, а регулярно проводившаяся в СССР инвентаризация металлического фонда даже удивляет своей дотошностью. Все строчки в переписи даются с точностью до сотых долей процента, и это реальная точность. То же и в других странах. В США учет этих показателей ведут несколько независимых друг от друга организаций, да к тому же за металлическим фондом США тщательно следят их партнеры и конкуренты, например, Японская федерация черной металлургии. Изучение металлического фонда промышленных держав — одна из главных задач экономической разведки. Почему же у Н. П. Шмелева такая неопределенность? Только потому, что определенная мера заставляет использовать определенные *понятия*, а в этом случае вся конструкция мифа сразу обрушилась бы.

Уберем из утверждения Н. П. Шмелева нюансы и напишем суть: «В СССР производили стали вдвое больше, чем в США, а стальных изделий производили вдвое меньше, чем в США». Вывод: советская промышленность была *черной дырой*, в которой пропадала сталь, поэтому следует сократить производство стали до уровня США. Рассмотрим сначала логику вывода.

Предположим заведомо невозможное — что в силу каких-то причин из болванки стали в СССР действительно производили в четыре раза меньше тех же изделий, что из такой же болванки в США. Например, из болванки весом 500 т в США делали 4 танка, а в СССР один. Можно ли сказать, что раз мы получаем из одной и той же болванки в четыре раза меньше танков, чем в США, следует уменьшить производство стали и давать на наш танковый завод лишь четвертушку той болванки? Нет, это было бы несусветной глупостью. Из четвертушки болванки мы как раз получили бы не танк, а пшик. Чтобы получить из болванки сначала два, а потом и четыре танка, был

только один путь — улучшать инструменты и квалификацию работников — и тогда уже, по мере улучшения, урезать количество стали, даваемое заводу. Как мы знаем, реформа в СССР и России свелась не к улучшению технологии, а к сокращению производства металла.

Теперь о достоверности суммарной оценки — о том, что *потребление* стали у нас якобы было вдвое выше, чем в США, а *производство изделий* из нее вдвое меньше. Как такое можно сказать? При помощи подмены понятий. Как говорилось, металлический фонд был почти вдвое меньше, чем в США. Это и было наше потребление стали. Что же касается «изделий», то утверждение авторов не имеет смысла, ибо сталь и не может потребляться иначе как в виде изделий — рельсов, балок, листа и т. д. Все утверждение иррационально, независимо от того, какая его часть ошибочна. Две части не стыкуются между собой.

Если же авторы считают, что в СССР много стали превращалось в отходы при изготовлении изделий, то они ошибаются. Вес металлоизделий, полученных из металла — один из важных показателей, которые обязательно учитываются статистикой при инвентаризации металлического фонда. Этот показатель дается даже в статистических ежегодниках. На деле выход изделий из единицы металла в СССР был *выше*, чем в США. Это происходило именно вследствие *нехватки* металла в СССР, из-за чего у нас металлический лом собирали для нового оборота почти полностью, а в США — только то, что было экономически выгодно. Чтобы в США смогли произвести из тонны стали в 4 раза больше металлоизделий, чем в СССР, американские фабриканты должны были бы суметь из одной тонны стали произвести как минимум 3,2 тонны металлоизделий. Таким образом, искажение реальности в количественной мере экономистов доведено до абсурда.

Н. Шмелев считает первой по значимости причиной перерасхода металла в СССР нехватку пластмасс: «В машиностроении доля неметаллических конструкционных материалов составляет у нас всего

1-2 %, тогда как в США — 15-20 % (в Японии к 2000 году эта доля должна составить около 50 %)» [200, с. 170]. Такое поклонение чудодейственным технологиям и материалам, сродни низкопоклонству, иногда охватывает экономистов. Можно ли себе представить, чтобы наполовину из пластмассы были построены самые тяжелые машины — экскаваторы и башенные краны, корабли и турбины? Академик Ю. В. Яременко говорил об этой иррациональной вере в пластмассы: «Находились люди, которые писали книги о том, что можно делать станки целиком из пластмасс, включая даже станину. Появление безголовых, но агрессивных технократов — это важный и отчасти трагический момент нашей истории» [212].

Далее авторы вводят еще одну абсурдную меру: «На ту же единицу национального дохода у нас уходит в 2,4 раза больше металла, чем в США». Здесь опять вводится неопределимая категория: что значит «*та же единица* национального дохода»? Чему равна эта единица в США и СССР? Понятия эти в хозяйстве СССР и США очень различны, они не имеют смысла, если не объясняется, как одно пересчитывается в другое. В 1989 г. читатель понимал под национальным доходом продукт *реальной экономики* — произведенные товары и услуги, а не движение денег и ценных бумаг,

Сами же Н. Шмелев и В. Попов пишут, что объем промышленной продукции СССР составлял 80 % от американского, а продукция сельского хозяйства — 85 %. Металлический фонд в СССР был намного меньше, чем в США — каким же образом «на ту же» единицу национального дохода у нас могло уходить в 2,4 раза больше металла? Металлоемкость продукции в СССР была заведомо ниже, чем в США — *намного* меньше у нас было сооружений и машин, а это главный фактор металлоемкости производства.

Проще сравнить металлоемкость единицы национального дохода в тех отраслях хозяйства, где имеется однозначно понимаемая абсолютная единица измерения продукта. Например, при сравнении единицы услуг, произведенных на транспорте, есть совершенно идентичная единица измерения — *тонно-километр перевозок*. Она

одинакова и в США, и в СССР, и в Африке. В книге Л. Л. Зусмана читаем: «Использование 1/5 металлического фонда США, содержащейся в железнодорожном транспорте, в 3 раза менее интенсивное, чем в СССР, вызывается в большой мере особенностями капиталистической экономики и приводит к избытку массы металлического фонда железнодорожного транспорта США примерно на 20-150 млн т» [78, с. 370].

Здесь все ясно — известна масса металла, заключенная в рельсах и мостах, в подвижном составе, известен объем перевозок и т. д. Металлоемкость одного тонно-километра перевозок на железнодорожном транспорте в СССР в три раза меньше, чем в США. Известны и причины этой разницы, которые здесь нет места обсуждать. Если уж называть цифру для всего хозяйства, то требовалось представить подобный расчет металлоемкости по отраслям.

Развернутая во время перестройки кампания по дискредитации советской черной металлургии важна для изучения как представительный пример деградации всей когнитивной структуры рассуждений в обществоведении. Приведя во время перестройки и реформы 90-х годов к фундаментальным ошибкам, она не компенсирована и до сих пор и является важным фактором при выработке программы становления «общества знания» в современной России.

Миф о мелиорации и удобрениях

Одним из больших комплексных мифов перестройки был *экологический*. По проблемам экологии высказывались совершенно категорически, и никакой увязки их тезисов с реальностью и здравым смыслом не требовалось.

В частности, многие академики и профессора утверждали, что строительство в СССР водохранилищ и стоящих на них ГЭС было

следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. А. Д. Сахаров в «Предвыборной платформе» (1989 г.) выдвигал такие требования: «Немедленное прекращение финансирования Министерства водного хозяйства и его ликвидация или перевод на полный хозрасчет... Закрытие экологически вредных производств» [152, с. 258]. И это говорит человек, бывший безусловным авторитетом в среде научно-технической интеллигенции! Ведь если бы она скептически принимала подобные иррациональные декларации, никто бы их и не высказывал.

В ведении Минводхоза находились мелиоративные работы, связанные с орошением или осушением. Против них и была направлена одна из стрел экологической мифологии. Условие получения высоких урожаев — мелиорация почвы, под держание ее влажности в нужных пределах. Но само слово *мелиорация* было сделано в 80-е годы пугалом. В 70-е годы в РСФСР были построены крупные оросительные системы. В середине 80-х годов на орошенных и осушенных землях производилось 15-16% продукции растениеводства РСФСР. В ходе реформы эти работы прекратились практически полностью, а системы мелиорации пришли в упадок. Идеологическим прикрытием этого и служил миф.

Вот неожиданный побочный эффект этой операции. В конце 2002 г., после наводнений с человеческими жертвами на Северном Кавказе, на «Эхе Москвы» дал интервью заместитель председателя Госстроя Л. Чернышов. Он так объяснил причины катастрофы, опасности которой раньше не было: «Проблема в чем? Что длительное время гидротехнические сооружения, которые создавались „Минводхозом“ и „Минсельхозпродом“ еще в советские времена, во-первых, утратили свое значение в целевом плане, т. е. все каналы, которые орошали рисовые поля, поливали пустынные степи Ставрополя, они не эксплуатировались порядка 10-15 лет. Во-первых, прекратило существование ведомство „Минводхоз“, который всегда держал на балансе и в плановом порядке осуществлял эксплуатацию, обновление и т. д. этих объектов. Когда пытались специалисты на определенном

этапе там открыть задвижки или шабера, все заржавело, невозможно было ничего с ними сделать. Т. е. можно было скомпенсировать удар, который пришелся тогда на ряд населенных пунктов, но это сделать по техническим причинам невозможно из-за того, что те объекты, которые сейчас есть и которые не эксплуатируются, они ни у кого, по существу, бесхозными являются».

Миф о мелиорации игнорировал знание. Предлагая за образец сельское хозяйство США, авторы этого мифа из числа видных ученых, замалчивали реальность этого образца. В США дело обстояло так: «Рациональное использование минеральных удобрений и химических средств защиты растений было невозможно без проведения мелиоративных работ на сельскохозяйственных землях [США]... В 1987 г. Министерство сельского хозяйства США опубликовало исследование, в котором наиболее полно прослежены и оценены размеры осушения сельскохозяйственных земель страны. Согласно этим данным, к 1985 г. было искусственно дренировано примерно 44,5 млн га сельскохозяйственных земель... Размер капитальных вложений для проведения этих работ оценивается в 40,3 млрд долл... В целом по США около 24 % земель, занятых полевыми культурами, расположено на осушенных площадях... Исследования, проведенные в целях определения эффекта осушенных земель на площади 12 млн га, показали, что примерная прибавка урожайности кукурузы при использовании средних доз удобрений составляет около 25 ц/га» [192, с. 34-35].

Вот Н. П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, писал в важной книге: «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель» [200, с. 143]. Важный элемент мифа — *мера*. Утверждение Шмелева несоизмеримо с реальностью. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га — 0,35 % всей пашни. Водохранилища отнюдь не «поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель», зато позволили оросить 7 млн га

засушливых земель и превратить их в пашню. А если уж вводить меру потерь «плодороднейших земель», то надо вспомнить, что в РФ нынешняя рыночная реформа «поглотила» 45 млн га посевных площадей — они выведены из оборота и зарастают кустарником.

Другая цель создания водохранилищ — установка ГЭС. Казалось бы, значение ГЭС должно быть для каждого очевидно — за их счет существенно снижается цена электроэнергии в РФ. Красноречив конфликт между новыми собственниками, получившими большие алюминиевые заводы, и РАО ЕЭС. «Алюминиевые короли» хотели при реформе РАО ЕЭС приватизировать сибирские ГЭС, но правительство не соглашалось. Специалист по экономической географии России из МГУ В. Горлов говорит: «Сибирские реки, обеспечивавшие экономику СССР супердешевой электроэнергией, перекрывали невыгодное экономико-географическое положение алюминиевых производств, построенных рядом с ними. Если наши алюминщики не будут гарантированно получать электроэнергию по низкому тарифу, то их перспективы на мировом рынке будут весьма призрачными» [49]. Вот она, польза от этих ГЭС, которые работают уже полвека — *супердешевая* электроэнергия. Из нее составлены миллиарды Абрамовича, молиться он должен на «рукотворные моря». Другой эксперт прямо говорит, что если ГЭС приватизировать не удастся и их энергия будет идти в общий котел, то «высокие цены на электроэнергию ГЭС в мгновение ока уничтожат все конкурентные преимущества алюминиевых компаний как игроков на мировом рынке».

В конце 80-х годов был разработан и внедрен миф о вредности *минеральных удобрений*, применение которых было в СССР якобы избыточным и ведущим к массовому накоплению нитратов в продуктах сельского хозяйства.

Прежде всего, этот миф создавал ложный образ реальности. В общедоступных справочниках можно было получить информацию, которая кратко дана в табл. 4.

Таблица 4

Внесение минеральных удобрений на 1 га пашни, кг в пересчете на 100 % питательных веществ

Страна	1980	1985
СССР	84	113
Чехословакия	334	337
ФРГ	480	426
Нидерланды	807	806

Количество вносимых в почву минеральных удобрений было в СССР очень скромным. Страна только-только стала выходить на тот уровень, при котором внесение удобрений компенсирует вынос из почвы питательных веществ с урожаем (в последние советские годы вынос питательных веществ с урожаем и сорняками достигал 124 кг с гектара). Известно, что естественное плодородие обеспечивает урожайность не выше 7-8 ц зерна с гектара (в 1909-1913 гг. в среднем за год она составляла 6,9 ц). По применению удобрений СССР еще сильно отставал и от Запада, и даже от Китая — а элита «общества знания» вела кампанию против «избыточного применения удобрений»! При этом специалисты подчеркивали, что минеральные удобрения есть **наиболее важный почвосберегающий фактор**.

Достоверные данные были вполне доступны. Более того, перед глазами был пример США, на которые тогда были устремлены взоры нашей интеллектуальной элиты. Что же мы видели в этой сфере в США? Вот небольшая информативная книга: Б. А. Чернякова «США: сельское хозяйство, химизация, экология» (1991). [33](#) В этой книге, в частности, сказано: «В докладе Управления долины Теннесси (наиболее крупная и авторитетная среди организаций в США, ведущих НИОКР по минеральным удобрениям) указывается, что с 1950 по 1972 г. 45 % среднегодового прироста урожайности всех сельскохозяйственных культур страны получено благодаря применению удобрений» [192, с. 24].

То есть, примерно *половина* того роста урожайности, который и

сделал США главным производителем зерна, была достигнута благодаря удобрениям! И это — общий вывод! То же самое наблюдалось и в других странах. Б. А. Черняков пишет: «Китай в 1975-1984 гг. увеличил сбор зерна с 244 млн до 365 млн т, превзойдя даже США — до того времени самого крупного производителя зерна. Главным фактором такого успеха, несомненно, стало использование минеральных удобрений, размер внесения которых за указанный период вырос в 3,3 раза» [192, с. 15].

Те, ученые которые в конце 80-х годов способствовали разжиганию «нитратного психоза», должны же как-то выразить свое отношение к той реальности, которую они идеологически легитимировали! Применение удобрений в сельскохозяйственных предприятиях РФ снизилось с 9,9 млн т в 1990 г. до 1,5 млн т в 1995 г., а в 1999 г. упало на уровень 1,1 млн т. С 1995 по 2002 г количество вносимых в почву удобрений в России в среднем за год составляло 19 кг/га. Для сравнения заметим, что в Китае в 1995 г. на 1 гектар было внесено 386 кг удобрений. Россия воспроизводит типичную «двойную структуру» сельского хозяйства «третьего мира» — есть небольшие оазисы относительного благополучия, а остальная земля *дичает*. В 1987 г. минеральные удобрения получали 74 % площади посева, а в 1993 г. эта доля упала до 25 % (в 2006 г. удобрялись 34 % посевных площадей).

При этом в кампании против применения удобрений в СССР наблюдалось острое нарушение логики — от советского сельского хозяйства требовали сократить использование удобрений, и одновременно требовали высокой урожайности, как в Западной Европе с ее благоприятными почвенно-климатическими условиями и внесением удобрения в количестве в десятки раз большем, чем в РФ!

О применении пестицидов и говорить нечего, оно рассматривалось как вредительство, сознательный геноцид, развязанный советской властью. Производство средств защиты растений в РФ было ликвидировано практически полностью. В то же время в США дело обстоит так: «В 1985 г. фермеры США закупили пестицидов на 5

млрд долларов, что составило 24 % расходов на горюче-смазочные материалы, электроэнергию, минеральные удобрения и пестициды» [192, с. 96].

Так же обстоит и с другими средствами мелиорации. Вот одна из таких малозаметных технологий — известкование, способ снижения кислотности почвы, необходимого не только для повышения урожайности, но и для сохранения плодородия почвы. Как к нему относятся в США? Б. А. Черняков пишет: «*Известкование почв* как способ устранения излишней кислотности играет роль одного из наиболее важных факторов повышения эффективности химических средств плодородия, а соответственно и урожая сельскохозяйственных культур... Поддержание pH почвы на должном уровне служит хорошим средством профилактики болезней сельскохозяйственных культур... Объем вносимых известковых материалов составлял [в США] в 80-е годы 26 млн т» [192, с. 111].

Что же произошло в России в результате реформы? В РСФСР в почву вносилось 32-33 млн т известковой и доломитовой муки в год, но в ходе реформы проведение известкования, было практически прекращено (точнее, сокращено в 50 раз). Миф о вреде химизации послужил завесой для того, чтобы нанести тяжелейший удар по едва ли не главному национальному достоянию России — сельскохозяйственным угодьям.[34](#)

«Нитратный» миф, который внедрялся в массовое сознание от имени науки и с участием известных ученых, заметно сдвинул общество к иррационализму. В Институте философии РАН обсуждалась книга американских авторов, профессора Джорджтаунского университета М. Фешбаха и журналиста А. Френдли-младшего «Экоцид в СССР» (М., 1992, тираж 20000 экз.). *Экоцид* — не больше и не меньше! Как сказано во введении, «книга стала шоком для тех, кто прочел ее».

Но был там врач-гигиенист питания Л. М. Прихожан, который не постеснялся сказать: «Я должен сказать, что, к сожалению, книга мне не понравилась. Вы, уважаемые коллеги, представляете науку, я же

санитарный врач и всю жизнь занимаюсь практическими вопросами гигиены питания. Увы, большая часть того, что написано авторами о питании — это чушь. Прежде всего — нитраты, которым уделено 90 % текста. Как вы знаете, нитраты — естественный продукт жизнедеятельности азотобразующих микробов в почве. Они есть всегда и везде. Действительно, установлено, что в каких-то определенных ситуациях нитраты могут превращаться в нитриты, а те в свою очередь в нитрозамины — потенциальные канцерогены. Причем, тоже только в определенных условиях... Почему же возник такой „нитратный“ бум? В конце концов, с вареной колбасой и сосисками вы получаете нитриты в чистом виде, и ни у кого это не вызывает отрицательных эмоций» [205].[35](#)

Самое тяжелое в истории всего этого мифотворчества то, что подобные мифы, противоречащие и знанию, и здравому смыслу, и очевидной реальности, никакому критическому анализу и пересмотру не подвергаются. Они так и остаются как бастион против рациональности. Пока не восстановится рефлексия научного сообщества и не будет вскрыт и разрушен механизм разрушающего рациональность мифотворчества, строительство нового российского «общества знания» будет парализовано.

Деформация структурного видения объекта в обществоведении

Обществоведение, задачей которого является критический анализ общества как системы, нуждается в достоверном представлении о *структуре* этой системы, какими бы терминами ни обозначались разные структурные единицы в зависимости от идеологической доктрины, положенной в основу методологии (классы, сословия, страты, социальные групп и пр.).

Однако с 1990 г. сама проблематика классовой структуры была

свернута в социологии (тогда еще советской). Контент-анализ философской и социологической отечественной литературы, проведенный за трехлетние периоды 1981-1983, 1987-1989 и 1990-1992 гг., показал, что в 16,2 тыс. документов термин *«классовая структура»* встретился лишь в 22 документах (в 1987-1989 гг. — в 128 документах) [169]. Социологи практически прекратили изучать структуру общества через призму *социальной однородности и неоднородности*, употребление этих терминов сократилось в 18 раз — как раз в тот момент, когда началось быстрое социальное расслоение общества. Из поля зрения социологов в начале 90-х годов выпала проблема *уровня жизни* — именно в тот момент, когда именно здесь возникло острое и углубляющееся социальное противоречие. В 1981-1983 гг. этот термин был употреблен в 407 документах, а в 1990-1992 гг. только в 15. В социологической литературе стало редко появляться понятие социальные последствия, эта тема стала почти табу [169].

При первом приближении обществоведения к структуре социальной системы логично делать объектом анализа наиболее массивные и социально-значимые общности. Так, в индустриальном обществе объектом постоянного внимания обществоведения является *рабочий класс*. Обществоведение, «не видящее» этого класса и происходящих в нем (и «вокруг него») процессов, попросту неадекватно структуре его предмета.

Именно такая деформация произошла в постсоветском обществоведении — рабочий класс России был практически исключен из числа изучаемых объектов. Между тем, в этой самой большой общности экономически активного населения России происходили драматические изменения. В 90-е годы страна переживала *деиндустриализацию*, а рабочий класс, соответственно, *деклассирование*. Это социальные явления, которых не переживала ни одна индустриальная страна в истории, колоссальный эксперимент, который мог дать общественным наукам большой объем знания, недоступного в стабильные периоды жизни общества. Это

фундаментальное изменение социальной системы, в общем, не стало предметом исследований в обществоведении, а научное знание об этих изменениях и в малой степени не было доведено до общества.

В короткий срок состав промышленного рабочего класса России сократился вдвое. Что произошло с 12 миллионами рабочих, в среднем весьма высокой квалификации? Что произошло с социальным укладом предприятий в ходе такого изменения? Как изменился социальный статус промышленного рабочего в России, престиж рабочих профессий в массовом сознании и в среде молодежи? Что произошло с системой профессионального обучения в промышленности? По всему кругу этих вопросов имелись лишь отрывочные и «фольклорные» сведения.

Социолог Б. И. Максимов пишет: «С большим интересом и не меньшим уважением прочитал статью В. В. Трушкова „Современный рабочий класс России в зеркале статистики“... Справедливо замечание автора об исчезновении „рабочего класса“ „из общественного поля зрения“. И из поля зрения социологии, добавляю я. Правда, на страницах журнала «Социс» — надо отдать ему должное — появляются статьи о рабочих. Но если взять российскую социологию в целом, не много сегодня можно насчитать научных центров, кафедр, отдельных ученых, занимающихся проблемами рабочих, рабочего движения, которое совсем недавно, даже по шкале времени российской социологии, считалось ведущей силой общественного развития и для разработки проблем которого существовал академический институт в Москве (ИМРД). Почти в подобном положении оказалась вся социально-трудовая сфера, из которой просто выросла новейшая российская социология, и которая также как будто бы «испарилась». Она оказалась на периферии внимания сегодняшней раскрепощенной социологии. Неужели эта сфера стала совершенно беспроблемной? Или может быть общественное производство до такой степени потеряло свое значение, что его можно не только не изучать (в т. ч. социологам), но и вообще не иметь (развалить, распродать, забросить)? Нет производства — нет

проблем?

Дело, видимо, не в исчезновении объекта исследования, его проблемности, а в некоторой конъюнктурности социологии... Было модно — все изучали труд, социалистическое соревнование и движение к коммунистическому труду, советский образ жизни и т. п. Изменилась мода — анализируем предпринимательство, элиту, преступность, наркоманию, смертность, беспризорных детей и т. п.» [113].

Назовем массивную группу из другой части социального «спектра», которая остается «белым пятном» в российском обществоведении и о которой общество практически не получает научных сведений. Это люди, переживающие *социальное бедствие*. В 90-е годы произошло не просто социальное расслоение с обеднением большей части населения. Произошла «дифференцированная» разруха с массовой маргинализацией, которая вырвала из народа целые группы — путем резкого изменения их мировоззрения, образа жизни и стереотипов поведения.

По данным социологов (Н. М. Римашевская), к 1996 г. в результате реформ в РФ сформировалось «*социальное дно*», составляющее, по *минимальным* оценкам, 10 % городского населения или 10,8 млн человек. В состав его входят: нищие (3,4 млн), бездомные (3,3 млн), беспризорные дети (2,8 млн) и уличные проститутки (1,3 млн).³⁶ Это — социальная группа, незнакомая для России и немыслимая на Западе. Большинство нищих и бездомных в России имеют среднее и среднее специальное образование, а 6 % — высшее.

Сложился и равновесный слой «придонья» (зона доминирования социальной депрессии и социальных катастроф), размеры которого оцениваются в 5 % населения. Общий вывод таков: «В обществе действует эффективный механизм „всасывания“ людей на „дно“, главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих

граждан» [145].

Таким образом, почти пятая часть населения России сброшена на «дно» и «придонье». Происходит фундаментальное разделение общества — отказ общества считать отверженных своими приобретает демонстративный характер. Так, де факто им отказано в конституционном праве на медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ). Это притом, что практически все бездомные больны, а среди беспризорников больны 70 %. Половина бездомных — бывшие заключенные и беженцы — находятся в постоянном конфликте с властью, т. к. не могут легализоваться и нарушают правила регистрации. Государственная помощь ничтожна по масштабам, что также стало символом отношения к отверженным. К концу 2003 г. в Москве действовало 2 «социальных гостиницы» и 6 «домов ночного пребывания», всего на 1600 мест — при наличии 30 тыс. **официально учтенных** бездомных. Зимой 2003 г. в Москве замерзло насмерть более 800 человек³⁷ [18].

Эта огромная по масштабам социальная группа выпала из поля зрения обществоведения, что наносит и обществу, и государству, и самой этой страдающей части народа огромный ущерб. Отсутствие достоверного научного знания резко снижает качество социальной политики в отношении этого контингента, ведет к необратимому углублению латентного пока что общественного конфликта. Немногие публикации, предназначенные для просвещения общества, пока что далеки от стандартов обществоведения.

Пример — изданная в 2007 г. книга о нищих [44]. Она напечатана в научном издательстве, среди ее авторов известные ученые. Но сложное и драматическое явление нашего общества трактуется в ней удивительно поверхностно. Рецензент И. Смирнов пишет: «В книге „Бредущие среди нас“ рассматривается феномен нищенства в России и странах Европы в историческом прошлом и настоящем... Наверное, в книге мы найдем научное обобщение материала по болезненной и новой для нас проблеме (ведь, как справедливо отмечено авторами, „для жителей России нищенство является новым явлением, оно

практически отсутствовало до конца 1980-х годов“. Ну, и рекомендации, как преодолеть это зло. Правильно? А теперь — что на самом деле... Из 30 страниц про Россию на советский период отведено... полтора абзаца. Притом, что именно в этот период проблема решалась эффективно. А как? Нет ответа. Жалкие полстранички, и те заняты „дискурсами“ и „коннотациями“, а также сетованиями, что советская наука проблеме нищенства не уделяла внимания. Интересно, правда? **Проблема не изучалась, потому что решалась. Зато теперь изучается».**

Как показывает далее рецензент, ничего существенного о проблеме в книге не сказано: «Проблема специально затуманена какой-то „стигматизацией“, связь попрошайничества с криминалом, оказывается, „сохранилась в официальных источниках и СМИ“, в „массовом представлении“. А в научном представлении — разве что-то другое?» [155].

Столь же деформировано структурное видение проблем обществоведения. Очевидно, что «дерево» актуальных проблем в ходе реформы быстро и кардинально изменялось. Новая ситуация создавала новые социальные противоречия и ставила совершенно новые исследовательские задачи. Достаточно сказать, например, что очень быстро изменилась вся структура *социальных страхов*, но за 90-е годы надежной «карты» этих страхов так и не было составлено и динамика ее неизвестна. Между тем такая «карта» представляет собой ценный инструмент для мониторинга общественных процессов в периоды трансформации общества.

Глава 8 Постиндустриальное общество как объект гипостазирования

Непосредственно для нашей темы важен случай гипостазирования относительно понятия *постиндустриальное общество*. Влиятельные

круги реформаторской элиты России превратили это весьма расплывчатое понятие в обозначение реальной сущности, определенного жизнеустройства, в которое якобы втягивается мир по выходе из кризиса индустриальной цивилизации. Этой сущности приписываются черты, противоречащие реальному профилю того общества, которое и считается инкарнацией постиндустриализма — общества США и Западной Европы. Следовать при проектировании российского «общества знания» этому образу, созданному утопическим мышлением энтузиастов постиндустриализма, было бы очень неосторожно.

Канонической работой, на которую принято ссылаться в рассуждениях о постиндустриальном обществе, стала статья В. Л. Иноземцева «Парадоксы постиндустриальной экономики» [83]. Поныне на нее принято ссылаться в рассуждениях о постиндустриальном обществе. Рассмотрим кратко ее главные тезисы, не пытаясь выявить в них какую-то систему. Речь идет действительно о парадоксах, но не постиндустриальной экономики, а ее фетишизации.

В. Л. Иноземцев пишет: «Постиндустриальное общество развивается на фундаменте всемерного использования потенциала, заключенного в прогрессе теоретического знания — этот важнейший тезис Д. Белла, основателя концепции постиндустриализма, сегодня фактически не подвергается сомнению».[38](#)

Это утверждение не подтверждается ни логически, ни исторически. А уж здравому смыслу оно противоречит просто дерзко. Тезис о примате какого-то одного типа знания (конкретно, теоретического) можно принять как крайнюю абстракцию, применимую (с большими оговорками) на начальной стадии анализа. Но никак нельзя утверждать, что на таком вырожденном фундаменте может развиваться какое бы то ни было общество. Если сформулированный Иноземцевым тезис «фактически не подвергается сомнению», то лишь потому, что никто его всерьез и не рассматривает. Тезис просто неверен.

Очевидно, что система знания, на которой стоит постиндустриальное общество (как и любое другое), представляет

собой сложную целостную систему, обладающую большим разнообразием. Теоретическое знание является в этой системе важным элементом, но именно *элементом*, встроенным в контекст множества других типов знания, методов познания и коммуникации — в большую *когнитивную структуру*. Если же говорить о проблемах развития российского «общества знания», то тем более важен настрой на создание большой динамичной системы с высокой способностью к адаптации. Здесь доминирование теоретического знания с сегрегацией других видов обошлось бы слишком дорого (да оно и невозможно, мы рассуждаем о модели, оторванной от реальности).

Далее В. Л. Иноземцев пишет: «Если информация, как и любой другой производственный ресурс, может выступать и выступает в качестве объекта собственности (property), и в этом отношении информационная экономика имеет сходство с индустриальной, то знания, в отличие от любого другого производственного ресурса, могут быть и являются лишь объектом владения (possession), и образуют базу для качественно новой хозяйственной системы».

Как это понять? Знания появились только сегодня, в постиндустриальном обществе? Каким образом знания «образуют базу для качественно новой хозяйственной системы» — разве в «качественно старой хозяйственной системе» не было знаний? А в аграрном натуральном хозяйстве не было не только знаний, но и информации, поскольку она не была «объектом собственности (property)»? К чему вся эта схоластика, эти рассуждения в духе страны Тлён? Они лишь дезориентируют людей.

В. Л. Иноземцев выдвигает странный тезис, истоки которого даже трудно себе представить: «Вовлечение в процесс массового материального [индустриального] производства всё нарастающего объема сырьевых ресурсов, энергии и рабочей силы приводило к пропорциональному росту общественного богатства. Сегодня набирает силу *иной процесс*: использование знаний умножает результаты гораздо более эффективно, чем применение любого другого».

Что за парадоксальный понятийный аппарат! Ведь очевидно, что «вовлечение энергии и рабочей силы» было точно таким же «использованием знаний», как и сегодня. Переход к «вовлечению энергии» ископаемого топлива вместо энергии сокращения мускула привело не просто к непропорциональному росту общественного богатства, а вызвало *индустриальную революцию*. Это был такой скачок в использовании знаний, с которым пока что постиндустриальная революция не может и сравниться. Неужели, по мнению В. Л. Иноземцева, создание паровой машины как средства «вовлечения энергии» менее значимо в движении знания, чем появление компьютера? И как можно оторвать «вовлечение нарастающего объема сырьевых ресурсов» от использования знания? Как вообще можно «умножать результаты» только с помощью использования знания, противопоставляя его всем «любим другим» ресурсам? Знание — без сырья, без энергии и без рабочей силы? Как автор представляет это себе в реальности? К чему эти парадоксы? Какую сверхзадачу хочет решить автор при помощи таких необычных утверждений? Читатель имеет право знать, к чему хочет его подвинуть текст.

Вот тезис уже из сферы социологии знания: «Переход от индустриального общества к постиндустриальному снижает воздействие на человека обстоятельств, обусловливаемых социальной средой; в то же время особое значение приобретают внутренние силы самой личности... и в этом аспекте постиндустриальная социальная система радикально отличается и от аграрного, и от индустриального обществ».

Это фантазия апологетов постиндустриализма, которая увяла еще в 80-е годы. Какие там «внутренние силы самой личности»? Никогда отдельная личность не испытывала столь мощного «давления социальной среды», как в постиндустриальном обществе, которое наконец-то получило вожаемые средства господства над личностью без прямого насилия и открытого принуждения — при помощи средств «дистанционного управления». «Общество

спектакля», созданное телевидением и социальной психологией, мозаичная культура, превращающая личность в «человека массы», столь резко усилили давление на человека, что это стало острой экзистенциальной проблемой именно при наступлении «третьей волны» цивилизации. Немецкий философ Краус афористично выразился о нынешней правящей верхушке Запада: «У них — пресса, у них — биржа, а теперь у них еще и наше подсознание».

Как пишет английский философ З. Бауман, именно постиндустриализм порождает новый тип бытия личности, от наступления которого невозможно укрыться никому: «Самые страшные бедствия приходят нынче неожиданно, выбирая жертвы по странной логике либо вовсе без нее, удары сыплются словно по чьему-то неведомому капризу, так что невозможно узнать, кто обречен, а кто спасается. Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея „общности интересов“ оказывается все более туманной, а в конце концов — даже непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в „общее дело“, не имеют „естественного адреса“. Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики» [29].

Станным образом смешивает В. Л. Иноземцев предмет двух разных наук — социологии и экономической науки, пытаясь найти какое-то принципиальное отличие постиндустриализма от общества модерна. Он пишет: „Залогом прогресса [постиндустриальной экономики] становится развитие самого человека, а это никогда не принималось во внимание классической экономической теорией, сформировавшейся как наука о закономерностях производства материальных и нематериальных благ, но не личности. Поэтому с традиционной точки зрения экономика постиндустриального общества представляется экономикой парадоксов».

Это рассуждение некогерентно. Экономическая теория, хоть классическая, хоть постиндустриальная, и не должна заниматься «закономерностями производства личности». У каждой науки свой предмет. Разве постиндустриальная экономика есть «экономика парадоксов» (?) именно потому, что проблемами личности стала заниматься в ней экономическая теория, а не предназначенные для этого науки о человеке?

Что же это за парадоксы, которые имеет в виду В. Л. Иноземцев? На первое место он ставит вот что: «Первая парадоксальная ситуация отражает утрату возможности применять стоимостные показатели для оценки экономики знаний».

Этот парадокс — следствие нарушения логики и смешения категорий. Автор берет частный и очень специфический срез экономики (*знания*), который и раньше не подпадал под действие стоимостных показателей, и переносит ограниченность одного метода измерения (*стоимости*) на всю экономику. Система стоимостных показателей, как и любая другая, действует лишь в отношении вполне определенной и ограниченной группы параметров. В применении ее к знанию «обнаруживается» неадекватность этих показателей, которая никогда не была секретом, и это объявляется «парадоксом», якобы выражающим суть всей экономической системы.

Да и сама применяемая в этом суждении терминология создает путаницу: если «экономика знаний» определена как качественно новое явление, то как стоимостные показатели могли «*утратить*» свою применимость? Этой «применимости» и раньше не могло быть, поскольку не существовало объекта оценки.

В поисках парадоксальных особенностей постиндустриальной экономики В. Л. Иноземцев попадает в дебри, из которых трудно выбраться. Он пишет: «Сегодня информационные блага скорее копируются, чем воспроизводятся, поскольку большинство из них произведено в результате уникальной деятельности, а не постоянно повторяющихся малоквалифицированных усилий».

И тезис, и аргумент странны и сами по себе, но они к тому же

несоизмеримы! В каком смысле сегодня информация копируется, а раньше воспроизводилась? Египетский писарь, переписывая документ, воспроизводил его, а не копировал, потому, что не имел квалификации? А копировать на ксероксе — признак высокого знания? И почему деятельность по производству информационных благ *уникальна*! Это же во времена марксизма называлось «всеобщим трудом». Почему усилия по их производству не являются «постоянно повторяющимися»? Достаточно взглянуть в работу исследователя в лаборатории — трудно найти деятельность, где было бы больше «постоянно повторяющихся» усилий. Причем здесь вообще «квалификация усилий»? Что нового внесла «экономика знаний» во все это по сравнению с Древним Египтом — разве там усилия жрецов были «малоквалифицированными»?

Далее В. Л. Иноземцев применяет к постиндустриальной экономике стоимостные показатели, забыв, что только что говорил об их неприменимости: «Удельная стоимость одного мегабайта памяти жесткого компьютерного диска снизилась за последние тринадцать лет более чем в 2 тыс. раз... Традиционные показатели экономического роста не способны зафиксировать достигнутый прогресс адекватным образом, когда технологическое совершенствование благ вызывает не рост цен на новые товары, а их снижение».

Откуда все это? Каков тут смысл? Тринадцать лет назад цена «нового товара» — мегабайта памяти жесткого диска — была в 2 тысячи раз выше, чем «старого товара» (например, детского рисунка с мегабайтом информации на листке бумаги). А снижение цены товара при технологическом совершенствовании его производства наблюдалось во все времена, от каменного века до постиндустриального общества, тут нет ничего нового и никакого парадокса.

Итак, первым парадоксом у В. Л. Иноземцева была неприменимость стоимостных показателей, а вторым парадоксом — применение этих самых неприменимых показателей. Он пишет:

«Второй парадокс обнаруживается при сравнении темпов роста производительности труда и динамики технологических достижений. Еще в 80-е гг. было замечено, что производительность в высокотехнологичных отраслях не только существенно ниже, чем в традиционных, но и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. В начале 90-х годов величина добавленной стоимости в расчете на одного работника в электронной промышленности США была в пять раз ниже, чем в нефтепереработке, и в восемь раз ниже, чем в табачном производстве... Это говорит о том, что высокие темпы информационной революции не только обуславливают отсутствие роста цен на высокотехнологичную продукцию, но и требуют все более подготовленных и высокооплачиваемых работников, что снижает показатели фондоотдачи даже при быстром росте стоимости самих производственных фондов».

Здесь все поставлено с ног на голову, привычные понятия даны в каком-то извращенном смысле. Если наукоемкий труд не выражается в стоимостных показателях, зачем его измеряют величиной добавленной стоимости? Что значит «производительность в электронной промышленности в восемь раз ниже, чем в табачном производстве»? Ведь это нелепость. Сравниваются несоизмеримые вещи с применением неопределимой меры! Как можно сказать, что высокая зарплата работника сложного труда означает его низкую производительность? Понятие, имеющее узкий служебный смысл, в результате гипостазирования ведет к нелепым выводам, которые почему-то называются «парадоксами».

Третий, главный парадокс В. Л. Иноземцева: «Современная постиндустриальная экономика может демонстрировать хозяйственное развитие при постоянном снижении инвестиций... Таким образом, в постиндустриальном обществе экономический рост и инвестиционная активность становятся независимыми и взаимно нейтральными. В этом кроется как принципиальное отличие постиндустриальной экономической системы от индустриальной, так и объяснение того, почему „догоняющее“ развитие является в

современных условиях бесперспективным».

Откуда это, где факты, какова логика? Что такое «экономический рост и инвестиционная активность»? Что значит «недогоняющее развитие», которое теперь считается перспективным? В каком постиндустриальном *обществе* наблюдается «постоянное снижение инвестиций»? Кто так считает, кроме В. Л. Иноземцева? Все это ответственные утверждения, люди их читают и многие верят. Мало кто полезет в справочники их проверить.

Вот самый простой показатель — «Валовое накопление основного капитала». Он выражает динамику инвестиций в их самом грубом материальном выражении, не как покупку ценных бумаг на мировых биржах, а как вложения в основной капитал конкретной страны. В США относительно 1995 г. этот показатель был равен в 2000 г. 146 %, а в 2005 г. 161 %. Где здесь «постоянное снижение инвестиций»? Напротив, инвестиции *опережают* рост ВВП, причем значительно (в США в 2000 г. он составил 122 % относительно 1995 г., а в 2005 г. 139 %). В Финляндии, стране-модели постиндустриальной экономики, валовое накопление основного капитала в 2000 г. составило 146 % относительно 1995 г., а ВВП составил 126 %.

В поддержку своего парадоксального тезиса В. Л. Иноземцев приводит такие доводы: «Известно, что в 90-е гг. доля ВВП, используемая на инвестиционные нужды, составляла в Японии 28,5 %, Южной Кореи — 36,6 %, а в континентальном Китае — 42 %. Однако это не предотвратило мощного кризиса, поразившего эти индустриальные государства. Напротив, в 1996 г. в США инвестиции не превышали 18 % ВВП, в Швеции — 14,5 %... Тем не менее невысокий уровень инвестиционной активности в этих странах не является препятствием для быстрого хозяйственного роста».

Какой турбулентный поток цифр и слов! Можно было бы в него не окунаться и жить в параллельном мире, но этот поток не оставляет пространства для жизни, он стал в России *мейнстримом*. Если им не овладеть, он затопит всё.

Итак, в США инвестиции составили 18 % ВВП, а в Китае 42 %. Ну

и что? Что хотел сказать автор? Что Китаю следовало бы поступить так же, как США? Какую латентную величину хотел выразить автор через параметр (измеряемую величину) — долю инвестиций в ВВП? Он эту латентную величину не называет и, похоже, о ней даже не подумал. О том, чтобы изложить связь между параметром и латентной величиной, хотя бы в виде гипотезы, и речи нет. Эти числа должны произвести на читателя магическое действие, как бубен шамана. Как связаны эти числа с выводом? Неужели В. Л. Иноземцев и впрямь считает, что США демонстрируют «быстрый хозяйственный рост», а Китай — низкий?³⁹

Почему инвестиции представлены относительной величиной — в процентах ВВП? Автор, похоже, об этом не задумался, а ведь его выбор делает эту меру в данном контексте бессмысленной. Пока глобализация не ликвидировала государства, для каждой страны важен абсолютный размер инвестиций, определяемый стоящими перед страной критическими задачами. Япония поставила себе задачей в исторически короткие сроки догнать США, и все 80-е годы поддерживала уровень валовых сбережений в 2,5 раза более высокий (относительно ВВП), чем в США. Но следует ли из этого, что Япония не развивает постиндустриальную экономику? Нет, конечно, просто приводимые В. Л. Иноземцевым параметры не имеют никакого отношения к теме.

Хозяйственные комплексы разных стран имеют разные национальные инвестиционные базы. Инвестиции в основной капитал в мире в целом составляли в начале этого века около 6,6 трлн долл. в год, а в США 1,8 трлн долл. или 27 % от мировых. Вот что важно, а не проценты от ВВП США. В 2001 г. инвестиции в США составили 2,1 трлн долл. — в 5 раз больше, чем в Китае [125] — это прежде всего и должен был сообщить В. Л. Иноземцев.

К тому же величина инвестиций зависит не от объема ВВП страны, а от мобилизационных способностей финансовой системы извлекать необходимые ресурсы для решения критически важных задач. Этим определяются и инвестиционные стратегии стран. США, как следует из

литературы, придерживаются «стратегии инвестиционного опережения», а нас хотят убедить в том, что там происходит «постоянное снижение инвестиций» и это, мол, признак постиндустриальной экономики.⁴⁰ Естественно, что инвестиционные стратегии различны у Китая, США и Швеции, и постиндустриальная экономика тут не при чем. Парадоксы возникают в сознании российских интеллектуалов.

Из всего этого В. Л. Иноземцев делает философский вывод, который с трудом поддается трактовке в обычных понятиях: «Все это говорит о том, что постиндустриальные государства обладают сегодня новым типом инвестиций, отличным от сбережений в традиционном понимании этого термина. В 90-е годы основным источником хозяйственного развития постиндустриальных стран становится реинвестируемый интеллектуальный капитал, аккумулируемый промышленными и сервисными компаниями, капитал, самовозрастание которого не сокращает личного потребления граждан, а фактически предполагает его».

Что это за «новый тип инвестиций»? Что объясняет эта новая туманная сущность? Откуда видно, что «реинвестируемый интеллектуальный капитал» становится «основным источником хозяйственного развития постиндустриальных стран»? Все это утверждения, составленные из неопределимых понятий и из неизмеримых величин. Они не обладают никакой познавательной ценностью, а создают информационный шум, питающий демагогию разного рода. Можно сделать разумное предположение, что «интеллектуальный капитал», о котором говорит В. Л. Иноземцев, есть *знание*. Но тогда его высказывание банально, а попытка приписать полезность знания именно постиндустриальной экономике очевидно несостоятельна. Знание всегда было полезно, и его «самовозрастание не сокращало личного потребления граждан, а фактически предполагало его». В этом смысле компьютер ничем не лучше каменного топора.

Насчет «основного источника» — это наивная утопия, миф

постиндустриализма. Бюро экономического анализа США регулярно публикует данные об «источниках хозяйственного развития». В 2004 г. корпоративная прибыль предприятий на территории США составила 1,037 трлн долл., еще 316,4 млрд поступило от иностранных филиалов и дочерних компаний. Прибыль от производства «постиндустриальных» товаров такова: «компьютеры и продукты электроники» принесли убыток в 4,9 млрд долларов, «информация» дала прибыль 43,9 млрд долл. «Основным источником» это никак не назовешь.

В 2006 г. общая прибыль выросла на 400 млрд долл., прибыль от производства товаров выросла на 141 млрд долларов, в том числе от производства компьютеров и информации — на 54 млрд долл. Рынок «постиндустриальных» товаров очень невелик и, в общем, в экономическом смысле они убыточны — огромные капиталовложения в их производство приходится списывать.

Ценность постиндустриального производства — вовсе не прибыль, позволяющая увеличить «личное потребление». Это *источник силы*, дающий группе постиндустриальных стран возможность занять в мире привилегированное положение и получать от него большие выгоды. Высокоточное оружие позволяет получать от инвестиций в Ближний Восток 7 долларов прибыли на 1 доллар капиталовложений. Но для этого США и их союзникам пришлось во время войны в Ираке тратить более 1 млрд долларов ежедневно. На эти 7 долларов и прирастает «личное потребление», и извлекаются они из «традиционного» индустриального производства — добычи нефти и руды, производства материальных благ, строительства.

Что же касается «личного потребления граждан» в постиндустриальных странах, которое В. Л. Иноземцев считает достоинством постиндустриального общества, то эта идея уже в 2000 году вызывала недоумение. Речь идет о феномене, который и на самом Западе рассматривается как социальная болезнь, угрожающая очень тяжелыми последствиями. К концу XX века норма накопления в США стала отрицательной — население тратило примерно на 1 %

больше, чем получало. Постиндустриальное общество стало жить в долг, что говорит даже о мировоззренческом сдвиге, «протестантская этика» отброшена полностью.

В. Л. Иноземцев просто восхищен этим достижением постиндустриализма: «Таким образом, в современных постиндустриальных обществах сформировался саморегулирующийся механизм, позволяющий осуществлять инвестиции, стимулирующие хозяйственное развитие, посредством максимизации личного потребления, всегда казавшегося антитезой накоплениям и инвестициям».

Это — типичное гипостазирование, да еще отягощенное аутистическим мышлением. Инвестиции посредством максимизации личного потребления! И вправду парадокс. Только почему автор называет этот механизм «саморегулирующимся»? Ведь кто-то должен отдавать долги. На деле тут работает не «саморегулирующийся механизм», а «невидимый кулак» ВВС США.

Кого нам предлагают как пример, чтобы много потреблять, не вкладывая денег в производство? США! Да как с них можно взять пример, США — явление уникальное. В 1991 г. федеральный долг США составил 3,6 трлн долл., долги корпораций 2,2 трлн долл., долг населения по потребительскому кредиту 4 трлн долл. Средний долг потребителей достиг 94 % их личных годовых доходов после вычета налогов [91]. Попробовали бы русские занять у кого-нибудь такие деньги.

Если же взять все «развитые страны», то в 90-е годы стремительно рос объем банковских требований на погашение кредитов. В 1998 г. сумма невозвращенных кредитов достигла умопомрачительной величины — 11 трлн долларов. В результате у всех «постиндустриальных» стран резко вырос внешний долг. Государство платило, чтобы не допустить краха финансовой системы. В 1998 г. иностранные долги составляли уже 23 % федерального долга США, что составило 14% ВВП США [173]. Маневрируя, финансовые власти США оттягивали и смягчали развязку, но все же кризис неизбежен.

Что же хорошего видит В. Л. Иноземцев в этом потребительском буме в долг, где тут «самовозрастание интеллектуального капитала»?

Он противопоставляет постиндустриальной экономике индустриальную: «И наоборот, статистика развивающихся стран свидетельствует, что на старте XXI века индустриальная хозяйственная модель не имеет никаких источников финансирования собственного развития, кроме сокращения текущего потребления, уменьшающего возможности аккумулирования интеллектуального капитала».

В какой индустриальной стране он нашел «сокращение текущего потребления, уменьшающего возможности аккумулирования интеллектуального капитала»? Нельзя же такие вещи заявлять без всякого фактического подтверждения! Он приводит, как пример таких стран, Китай и Южную Корею. Так сообщите, какой мерой вы измерили интеллектуальное отставание этих стран или «сокращение текущего потребления». Ведь регулярно службы ООН и специальные международные организации публикуют сравнительные данные и по той, и по другой сфере. Какие, однако, странские заявления. Зачем создавать столь ложный образ индустриального хозяйства?

Согласно опубликованным данным, доля населения, живущего за чертой бедности, в Азии, Африке и Латинской Америке сократилась с 1960 года к середине 90-х годов в целом с 45-50 % до 24-28 %. В Индии этот показатель снизился с 56 до 35-40 %, в Китае — с 33-39 до 8-12 %, в Индонезии — с 58-60 до 15-17 %, в Бразилии — с 48-52 до 17-19 %. Это огромные, миллиардные массы населения, живущие в странах, находящихся на этапе индустриального развития. Как можно говорить о «сокращении текущего потребления» в свете этих данных?

Завершается статья гимном постиндустриальным странам (в духе «мышления страны Тлён»). Презрение автора к отсталым индустриальным нациям таково, что он противопоставляет их *человечеству*: «В том, что человечество не только осваивает информацию как неисчерпаемый ресурс для развития производства, но и превращает основные виды потребления, связанные с развитием

личности, в средство возобновления и наращивания этого ресурса, мы видим залог бесконечного прогресса постиндустриального общества. Его бурный хозяйственный рост способен продолжаться десятилетиями в условиях не только низкой, но и отрицательной нормы накопления в ее традиционном понимании. В то время как индустриальные нации вынуждены идти по пути самоограничения в потреблении, постиндустриальные способны его максимизировать, достигая при этом гораздо более впечатляющих и масштабных результатов».

Экономика постиндустриального общества — огромная и еще малоизученная тема. Здесь мы не можем в нее углубляться. Однако в связи с тем, что технократическая утопия постиндустриализма овладела умами значительной части российской интеллектуальной элиты, следует хотя бы указать на предупреждения, которые были сделаны на Западе, чтобы остудить несбыточные ожидания, порожденные апологетикой «третьей волны» в 70-80-е годы XX века. Грёзы о том, что «кодифицированное теоретическое знание» обеспечит западному обществу «рост потребления без инвестиций в материальное производство», становились опасными для устойчивости общества, как всякие миллениаристские ожидания чуда.

Прежде всего, уже первые попытки оценить вклад компьютерных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в ускорение движения знания (точнее, даже не знания, а информации) показали, что лимитирующим фактором в этом движении является не технология, а социокультурные условия. Это было охарактеризовано поговоркой: «Вы можете подвести лошадь к воде, но вы не можете заставить ее пить».

И потребности общества в информации, и готовность получать и использовать всё большие объемы знания — системы инерционные и сложные. Расширение технических возможностей — фактор благоприятный, но не достаточный. В ходе проводимых с конца 70-х годов в Японии исследований движения и потребления информации привели к таким оценкам: ежегодный прирост производства

информации в Японии составлял примерно 10 %, ежегодный прирост потребления информации составлял лишь 3 %. У людей нет времени принимать, после некоторого порога, избыточную информацию [64, с. 353].

Тем не менее, наличие большого запаса хорошо организованной и доступной информации повсеместно было признано потенциально важным фактором для развития большинства сфер общественной деятельности. Поэтому с конца 80-х годов в развитых промышленных странах стали делать крупные инвестиции в разработку, производство и широкое внедрение ИКТ. Примерно через 10 лет (срок, через который можно надежно оценить экономический эффект от инвестиций) были начаты исследования вклада ИКТ в рост производительности труда и прибыли.

Обобщая первые результаты американских работ, О. Григорьев и М. Хазин пишут в 2000 году: «До сих пор не произошло существенного воздействия нового информационного сектора на традиционный, в первую очередь промышленный, в смысле существенного увеличения эффективности последнего, роста в нем производительности труда и нормы прибыли» [63]. Если так, то вся статья В. Л. Иноземцева основана на ложных посылах, которые уже в момент ее публикации должны были быть поставлены под сомнение.

Подробный обзор проведенных в США исследований дан в книге А. Б. Кобякова и М. Л. Хазина [92]. Авторы вводят понятие «новая экономика», чтобы учесть затраты и эффект работ по внедрению и использованию ИКТ во всех отраслях, которые по виду основной деятельности не включаются в число постиндустриальных. Они пишут: «Общие инвестиции в „новую экономику“ к концу века составляли в США порядка 30 % в долях ВВП, а ее продажи — на уровне 20 % в долях ВВП. Уже в этой ситуации было совершенно непонятно, как можно было увеличить продажи „новой экономики“ даже не в полтора раза, а на какие-нибудь 12-15 % (в относительном масштабе, разумеется)! Ведь для этого надо было бы либо существенно увеличить расходы потребителей, как частных, так и

корпоративных, либо вытеснить каких-либо традиционных производителей».

Анализ данных межотраслевого баланса США, приведенный в [92], показал, что за 1987-1998 годы доля инвестиций в продукцию «новой экономики» увеличилась в 1,68 раза, с 15 % до 25 % от объема государственных и частных инвестиций в основной капитал. В это же время доля аналогичной продукции в ВВП, рассчитанном методом конечного использования, увеличилась незначительно, с 17 % в 1987 году до 19 % в 1998 году (то есть в 1,11 раза).

Иными словами, в США возник огромный разрыв в 10 % ВВП между затратами и ожидаемой отдачей от ИКТ. Таким образом, от постиндустриальной экономики в абстрактной модели В. Л. Иноземцева можно было бы ожидать только «снижения личного потребления граждан».

В [92] приведены данные самого крупного и широкого исследования, опубликованного к тому моменту, — «Рост производительности труда в США в 1995-2000». Оно было проведено для американской аудиторско-консалтинговой компании комиссией экспертов, возглавляемой Нобелевским лауреатом Робертом Солоу (Массачусетский технологический институт).

Были изучены 59 главных отраслей в разных сферах бизнеса. Общий вывод сводится к следующему. Вопреки распространенному мнению, при расчетах роста производительности для каждой отрасли, выяснилось, что практически всё увеличение скорости роста сконцентрировано всего в шести отраслях: розничная торговля, оптовая торговля, торговля ценными бумагами, полупроводники, производство компьютеров, телекоммуникации (точнее, две из трех подотраслей телекоммуникационной отрасли — мобильная телефония и сетевая телефонная связь).

В остальных 53 отраслях экономики происходили небольшие увеличения и снижения роста производительности, в целом компенсирующие друг друга. Указанные шесть отраслей производят 31 % ВВП и вносят 38 % в совокупное увеличение насыщенности

экономики информационными технологиями. 62 % освоенных ИКТ пришлось на оставшиеся 53 отрасли, которые в совокупности не внесли практически никакого вклада в увеличение роста производительности. Для всех отраслей промышленности огромная часть сделанных в 1990-е годы инвестиций в ИКТ оказалась неэффективной.

Вторая задача исследования состояла в определении веса разных факторов в развитии шести отраслей-лидеров. Какую роль сыграли именно ИКТ? Ответы таковы. В розничной торговле рост производительности ускорился благодаря ряду нововведений, не сводимым к современным ИКТ: новой организации складской работы, электронному обмену данными, беспроводному сканированию штрих-кода и др. «Электронные» продажи через Интернет большой роли пока не сыграли. В 2000 году доля электронных продаж составила 0,9 % от совокупного объема розничных продаж и была слишком низка, чтобы оказать серьезное влияние на общую производительность. В совокупности развитие торговли через Интернет внесло менее 0,01 % в общеэкономическое увеличение роста производительности. В оптовой торговле положение было примерно таким же — улучшения были следствием целого комплекса нововведений.

Производительность труда в полупроводниковой отрасли увеличилась благодаря ускорению разработки и выпуска новых более быстродействующих процессоров. Это — традиционные НИОКР и производство новой техники, без принципиальных признаков нового уклада (постиндустриализма). В производстве компьютеров ускорение роста производительности в значительной степени обязано нововведениям за пределами самой отрасли (усовершенствованию микропроцессоров, появлению новых устройств типа CD ROM и DVD). Появление Интернета вызвало необыкновенный всплеск спроса на более мощные персональные компьютеры и оказало на этот рост косвенное стимулирующее воздействие. Единственной из шести быстро развивающихся отраслей, где Интернет существенно способствовал увеличению производительности, оказалась торговля

ценными бумагами. К концу 1999 года уже около 40 % розничных продаж ценных бумаг осуществлялось через Интернет.

Однако и в этой сфере применение ИКТ оказалось сопряжено с новыми проблемами, решить которые будет непросто. Эти технологии создали широкие возможности для «беловоротничковой» преступности. Банкротство корпорации Enron, хищение 5 млрд долларов из банка «Сосьете Женераль», махинации с бухгалтерской документацией, уязвимость счетов перед атаками хакеров и другие признаки показывают, что колоссальные затраты на внедрение информационных технологий не привели к соответствующему увеличению экономической эффективности.

Немаловажен для нашей темы и другой важный вывод этого и аналогичных исследований: позитивный эффект от применения ИКТ увеличивается по мере повышения уровня индустриального развития страны, причем увеличивается *нелинейно*. Таким образом, индустриализация («догоняющее» развитие, в терминах В. Л. Иноземцева) — необходимое условие для того, чтобы национальная экономика могла с успехом воспользоваться средствами постиндустриального уклада. В «развивающихся странах» внедрение ИКТ оказывается убыточным.

Все это нисколько не снимает с национальной повестки дня России задачу развития и освоения современных информационных технологий и строительства адекватного им «общества знания». Как было сказано выше, обладание такими технологиями и принадлежность к группе стран с развитой социодинамикой знания — условие для самого существования независимой страны в мире, входящем в полосу нестабильности и трансформации.

Глава 9 Деграция «знания власти»

В самом начале 90-х годов, продолжая движение по траектории, заданной во время перестройки, власть РФ привела своими

действиями к глубокой деградации собственной когнитивной структуры и своего интеллектуального обеспечения. Эта деградация проявилась во всех срезах системы знания и его социодинамики, а также во всех главных функциях государственной власти.

Во многом это стало следствием той жесткой интенсивной кампании, которая велась во время перестройки против государства вообще, против государственного аппарата СССР и всего сообщества работников управления («бюрократов»). Все эти категории специалистов составляли важную часть социальной системы советского «общества знания». Они были представлены носителями «сталинской идеологии», а их сообщество подвергнуто демонтажу.

О. И. Шкаратан писал в книге «Социология перестройки»: «Эта гигантская масса управленцев путем простого деления множила должности в аппарате и, утратив корни общественно-продуктивного существования, в своей значительной части превратилась в паразитирующего бюрократа, в своеобразный аналог древнеримского люмпен-пролетариата, столь же зависимого, как и он, от милостей и подачек политической элиты. Тем самым перерожденная в этом смысле мелкая бюрократия составила подлинную социальную базу сталинской диктатуры» [195, с. 56].[41](#)

Возмущение Шкаратана вызывает даже то, что часть работников госаппарата пользовалась служебными машинами или бесплатным проездом на общественном транспорте: «Общественный транспорт (без такси) обошелся [в 1983 г.] в 4,3 млрд руб. Но из них 3,3 млрд руб. были компенсированы проданными билетами. Надо полагать, если бы многие работники аппарата не имели права бесплатного проезда, то убыток от общественного транспорта был бы значительно меньше, если бы он вообще имел место... И в этих-то условиях мы слышим от чиновных лиц один за другим призывы повысить цены за проезд в общественном транспорте!» [195, с. 69]. Вот на таком «знании» базировалась перестройка.

Атаке подверглись те структуры «общества знания», которые в государственной власти выполняли функции рефлексии, анализа и

предвидения — министерства и Академия наук, КГБ и Госплан. Л. Баткин в книге-манифесте «Иного не дано» тотально отвергает саму идею государственного управления: «Зачем министр крестьянину — колхознику, кооператору, артельщику, единоличнику?.. Зачем министр заводу?.. Зачем ученым в Академии наук — сама эта Академия, ставшая натуральным министерством?» [28, с. 176].

Удары наносились и по инструментам познавательной деятельности, абсолютно необходимым для власти и управления. Вот, С. Г. Кордонский в поразительной по своему пафосу статье громит *статистику*: «Состояние государства описывается государственной и ведомственной статистикой, “лукавые цифры“ которой интерпретируются теоретическими схемами обществоведения. Жизнь государства определяется циклом „сбор и обработка статистической информации — обществоведческая интерпретация — планирование — принятие решений“, который повторяется каждый месяц, квартал, год, полугодие, пятнадцать лет» [96, с. 168].

Это — невероятное заявление в культурной, промышленно развитой стране в конце XX века, и еще более невероятно, что оно опубликовано тиражом 50 000 экземпляров в издательстве «Наука» Академии наук СССР. В нем отвергается сама *функция* власти вести непрерывное формализованное измерение главных параметров жизни народа, общества, страны, архивировать по установленной методологии данные этих измерений, а также осмысливать эти данные согласно имеющимся теоретическим представлениям. Столь же нелепо обвинение обществоведению в том, что оно — «государственный институт». Что хотел этим обвинением сказать Кордонский? Что обществоведение не должно сообщать знание государственным органам? Что обществоведы не должны работать в государственных учреждениях?

Национальная трагедия России состоит, в частности, и в том, что это агрессивное мракобесие на время стало господствовать в государстве. Те меры, которые были предприняты в конце 80-х годов против сегмента «общества знания», непосредственно

обслуживающего государственную власть, имели *катастрофические* последствия. Бумаги, которые исходили из ведомств, заполненных людьми с «новым мышлением», были написаны на таком языке и с такой логикой, что не поддавались интерпретации ни в рамках рационального знания, ни в рамках здравого смысла. При чтении этих бумаг вспоминались слова М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!»

С 1989 г. началась быстрая и все более глубокая деградация *культуры языка* высшего слоя чиновников. Она не остановлена и поныне. Вот проект Государственной программы «Развитие сельского хозяйства... на 2008-2012 годы», обнародованный Министерством сельского хозяйства РФ в конце 2007 г. Каким языком он написан! Читаем, например, что предусмотрено «субсидирование маточного поголовья крупного рогатого скота мясных пород по системе технологии мясного скота „корова-теленки“». В разделе «Целевые индикаторы» на 2009 г. поставлена такая задача: «Поголовье мясных коров, тыс. голов — 414, в том числе коров, тыс. гол. — 168». Это пишут эксперты Министерства, люди с высшим образованием не в первом поколении, это визируют начальники департаментов, это читает министр. Язык не сказывается на качестве решений? Это ошибочное мнение, язык — инструмент мышления, его деградация есть симптом болезни.

Глубокая деградация произошла в ходе реформы в системе *тех информационных каналов*, которые соединяют власть с обществом и граждан в нацию. *Информационное пространство* определяет эффективность «знания власти». Народы и сложились из племен благодаря тому, что государство организовало «сгустки» информационных связей. Позже для сплочения народов и наций огромное значение приобрело *печатное слово*. Оно создало *матрицу* для формирования гражданских наций — общенациональную *печать*. Эта роль не утрачена печатью и при господстве телевидения. Телевидение действует скорее как фактор, изолирующий людей, а чтение печатного текста обладает способностью порождать

мысленный диалог.

Центральная газета, одновременно дающая во все уголки страны важные для всех сообщения, порождала ощущение национальной общности и тем самым глубинное *горизонтальное чувство товарищества*, которое и есть сопричастность народу. Газета задавала *национальную повестку дня* и потому стала одной из систем, которые непосредственно воспроизводят народ и общество. Организовать и держать такую систему может только государство с его почтовым ведомством.

В советское время десяток «центральных» газет одновременно задавал всему населению общий понятийный язык и канву для осмысления реальности. Выполнение этой функции советской печати страдало рядом недостатков, но несомненно, что все ее читатели *соединялись* полученной информацией.

В ходе реформы система печати была ликвидирована таким образом, что сразу была подавлена ее соединяющая функция. «Центральные» газеты перестали существовать. Появилось множество газет, в совокупности создающих хаос и подрывающих общую систему мировоззренческих координат. Но даже и такое печатное слово перестало достигать большинства граждан. В 1990 г. 1 тысяча жителей РСФСР ежедневно получала 700 экземпляров газет, а сейчас в РФ 117-120, то есть в 6 раз меньше. Общество резко разделено на две части — меньшинство, читающее газеты, и большинство, газет не читающее. Информационное пространство, покрываемое печатным словом, разорвано. Это — важное разделение. Многие категории сигналов власти не проходят в общество — ликвидированы необходимые для них каналы. Социодинамика знания власти деформирована.[42](#)

Конечно, в 90-е годы власть обрекла реформу на провал прежде всего из-за принципиального выбора такого вектора изменений, который кардинально противоречил базовым интересам и ценностям большинства населения страны. Однако немаловажным условием, усугубившим кризис, было и нарастающее *незнание* власти,

последовательное «отключение» тех источников знания, которые предупреждали о недопустимости тех или иных шагов, предпринимаемых властью. Избежав такого глубокого разрыва с системой знания, режим Ельцина мог избежать ряда важных ошибок, которые не были необходимы даже для достижения целей, поставленных ошибочной доктриной.

Например, не был необходимым тот раскол общества, который произошел при перестройке административных норм в сфере недвижимости. Когда говорят об *обеднении*, обычно внимание концентрируется на расслоении народа по доходам и уровню потребления. Однако на деле *социальный апартеид* создается множеством разных способов. Так, в начале реформ в РФ была учреждена частная собственность и рынок недвижимости. Соответствующей правовой защиты имущественных прав создано не было, и возник хаос, от которого понесла ущерб значительная часть населения. Затем были созданы ведомства государственной регистрации недвижимости (строений и земельных участков) и введены новые, очень сложные правила регистрации. Возможность понять эти правила и действовать в соответствии с ними сразу стала фильтром, разделившим население *примерно на две равные части* — тех, кто получал доступ к легальной недвижимости, и тех, кто этого доступа лишился.

Проведенное в 2003 г. исследование привело к такому выводу: «Для почти половины населения новые имущественные отношения остаются закрытой сферой, о которой они не имеют представления (или имеют весьма смутное)... Большой частью населения система государственной регистрации имущественных прав воспринимается либо как совершенно чужая, не имеющая никакого отношения к их жизни, либо как враждебная, способная привести к новым жизненным трудностям... Выявленные тенденции ведут к сужению социальной базы этого нового для нашего общества института, соответственно, к снижению его легитимности. Институт, за пределами которого остается более половины населения, не может претендовать на

легитимность» [162].[43](#)

Чтобы не придавать нашему изложению политического оттенка, который совершенно не нужен для рассматриваемой темы, будем иллюстрировать тезисы не высказываниями представителей верховной власти, а суждениями их близких советников и экспертов, которые в те годы формировали дискурс власти — его понятийный аппарат, язык и логику, меру и критерии.

Прежде всего, язык власти был насыщен словами-амебами, неизвестными для подавляющего большинства населения страны (и даже большинства политиков). Это сразу подрывало всякую возможность общественного диалога и делало рассуждения иррациональными в восприятии граждан. О важнейших решениях сообщалось на языке, которого люди не понимали. Достаточно вспомнить, что в сообщениях о приватизации ключевым словом стал «ваучер» — термин, в тот момент совершенно неизвестный даже экономистам. Никаких объяснений этого термина не давалось, кроме обещания А. Чубайса, что за ваучер каждый сможет получить две «волги».

Заявления, которые должны были быть предельно ясными и понятными для каждого, были полны умолчаниями, эвфемизмами и новоязом, искажающим смысл знакомых слов. На технических совещаниях в органах власти высокопоставленные чиновники заговорили на «рыночном» языке, вкладывая в новые термины совершенно фантастическое содержание. Всякие попытки выяснить точный смысл, вкладываемый в эти термины, вызывали сильное раздражение, так что вопросы теряли смысл, а о дискуссии не могло быть и речи.

Еще хуже обстояло дело со сложными конструкциями — категориями и понятиями. Привычные понятия заменялись новыми, фундаментально меняющими смысл. Так, понятие «правоохранительные органы» заменили термином «силовые структуры». Слово, корнем которого является *право*, было заменено термином, очищенным от этической окраски. *Сила* нейтральна, как

молоток, она равнодушна к добру и злу, она — орудие.[44](#)

В 2003 г. Министерство обороны РФ опубликовало отчет о ходе военной реформы. Начинается этот документ со странного идеологического заявления: «За прошедшие после обретения Россией суверенитета годы российские Вооруженные Силы прошли сложный путь».

Вот как понимают военные власти суверенитет России! От кого же Россия *обрела суверенитет* — от Белоруссии? От Абхазии? А до 1991 г. Россия была их колонией или доминионом? И это извращенное понятие исходит из Министерства обороны, которое обязано было оберегать целостность державы. А если теперь от России оторвут Приморье, Министерство обороны РФ опять назовет это обретением суверенитета России от данной территории?

Дальше следует фраза с новым словом-амебой: «Фактически российские Вооруженные Силы находились в центре процессов формирования новой парадигмы национальной безопасности Российской Федерации». Зачем здесь это понятие — *парадигма*? И как могут Вооруженные силы находиться «в центре процессов формирования парадигмы», причем не аллегорически, а именно «фактически»?

Как же в этой новой парадигме видится главная роль Вооруженных сил? Вот главный вывод доклада: «В результате принятия законодательных актов, а также формирования полноценной законодательной и судебной власти в России была сформирована система гражданского контроля над Вооруженными Силами, что полностью соответствует требованиям демократической политической системы. Несмотря на определенные трудности, удалось добиться создания основ для общественного контроля над деятельностью Вооруженных Сил... Сегодня мы можем говорить и о невиданной прежде открытости информации по проблемам военной политики и реформирования армии. Одним из показателей гражданского контроля может служить количество жалоб и исков с учетом арбитражных и общей юрисдикции к Министерству обороны

РФ» [16].

Все это не имеет отношения к главной функции армии как важнейшей институциональной матрицы государства. И примененные здесь слова и понятия неадекватны даже в рамках новой «парадигмы». Какой общественный контроль? Никогда ранее в обозримый период общество не было в такой степени лишено даже информации о том, что происходит в Вооруженных силах, в каком состоянии находятся их главные структурные элементы.

Рассуждениям была присуща крайняя степень гипостазирования. В июне 1993 г. по западной прессе прошла статья советника Ельцина, директора Центра этнополитических исследований Эмиля Паина «Ждет ли Россию судьба СССР?» В ней он так объясняет западному читателю желание ликвидировать СССР: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю» [172].

Что же это за коммунизм надо было ликвидировать, ради чего стоило разрушить страну? Коммунизм Горбачева и Яковлева! Это абсурд, «политический режим, который был в тот момент», не мог претендовать даже на звание социал-демократического, он тяготел к неолибералам типа Тэтчер, к правому крылу буржуазных партий.

А. Илларионов, ставший советником Президента по экономическим вопросам, говорит в интервью (в апреле 1999 г.): «Выбор, сделанный весной 1992 года, оказался выбором в пользу социализма... — социализма в общепринятом международном понимании этого слова. В эти годы были колебания в экономической политике, она сдвигалась то „вправо“, то „влево“. Но суть ее оставалась прежней — социалистической» [81].

Политика Гайдара и Чубайса — это социализм! Причем «в общепринятом международном понимании этого слова». Вследствие извращения устоявшегося понятия возникает и *некогерентность*

всего утверждения, причем некогерентность демонстративная. Язык власти был неадекватен реальности, и это влияло на умозаключения.

Чтобы подавить в людях сомнения и вопросы, придумывались сбивающие с толку метафоры. Например, в ходу был лозунг «возвращение в лоно цивилизации». Какой страшный образ! За радикальный переход к рынку ратовали такой аналогией: «Нельзя быть немножко беременной». Но ведь никакого подобия между беременностью и экономикой нет. Более того, реальная экономика и не признает «или — или», она, если угодно, именно «немножко беременна» многими хозяйственными укладами. С помощью метафор доказывали изначальную негодность жизнеустройства России: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма, и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)» [99]. И это — в журнале Академии наук.

Изменился смысл привычных слов, относящихся к хозяйству. Вот что сказал академик А. Г. Аганбегян, выступая в Новосибирском государственном университете: «Наша страна производила 120 млн т зерна и еще покупала. Этого не хватало, считалось, что для скота надо больше кормов... С переходом к рынку, когда за зерно стали спрашивать реальные деньги, выяснилось, что его столько не нужно. В прошлом году урожай был 84,5 млн т зерна. Это бедствие — на него резко упала цена, вывезено на экспорт 17 млн т и еще 10 млн т остались невостребованными. Поэтому переход к рынку — крайне болезненная вещь, связанная с огромным сокращением производства» [15].

В этом рассуждении привычные понятия вывернуты наизнанку, так что все оно перемещается в какое-то зазеркалье. Почему же зерно «не нужно»? Им питались люди, из него производили комбикорм для

скота. Разве для скота не надо кормов, это только «считалось» в плановой экономике? Экономiku требовали перестроить именно для того, чтобы зерна производили больше — на этом строилась вся антиколхозная пропаганда. А оказывается, что хороший урожай, с точки зрения ведущего экономиста-реформатора — *бедствие*! Вот, значит, к чему стремились главные экономические советники власти — организовать в стране «огромное сокращение производства»! А значит, и снижение потребления для большинства населения.

Изменение смысла понятий вело и к сдвигу в мировоззренческих концепциях. В частности, в представлениях властной элиты с начала 90-х годов наблюдалась склонность к *натурализации* общественных явлений. Экономист, многолетний декан факультета экономики МГУ Г. Х. Попов заявил в своей книге «Что делать»: «Социализм пришел, как нечто *искусственное*, а рынок должен вернуться, как нечто *естественное*» [выделено нами — Авт.].

Поразительно, как удалось замечательным образом стереть в сознании окол властной элиты вполне очевидную вещь — хозяйство, а тем более экономика, суть явление *социальное*, присущее только человеческому обществу. Это порождение *культуры*, а не явление *природы*. Рыночная экономия тем более не является чем-то *естественным* и универсальным. Рыночная экономика — *недавняя* социальная конструкция, возникшая как глубокая мутация в специфической культуре Запада. Уж если на то пошло, *естественным* (натуральным) всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей — потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*. Разве не странно, что перестали замечать эту отраженную в языке сущность.

А. Стреляный, ведущий радио «Свобода», выступая 18 мая 2001 г., сказал, например: «Всё советское народное хозяйство, от первого тракторного завода до последней прачечной, появилось на свет неестественным путем. Не рынок, не потребитель решал, где строить тот или иной завод или мастерскую, что там клепать и сколько, а чиновник, Госплан. Эти искусственные создания (артефакты) и

существовать могли только в искусственной среде, что значит за счет казны, а не потребителя».

Называть «естественным» завод, построенный «по указке потребителя, а не Госплана» — глупость. Это такой же «артефакт», могущий «существовать только в искусственной среде», как и советский завод. Ну как могли выпускники Академии общественных наук при ЦК КПСС слушать подобную чушь и поддакивать ей!

Под натурализацию общественных процессов, которая произошла в сознании властной элиты, придав ему черты радикального социал-дарвинизма и мальтузианства, окол властные интеллектуалы подводили «научную базу». Видный антрополог, директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков, в 1992 г. бывший Председателем Госкомитета по делам национальностей в ранге министра, в интервью 1994 г. утверждает: «Общество — это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство — это утопия и социальная смерть общества» [163].[45](#)

И это — после фундаментальных трудов антропологов, показавших, что отношения доминирования и конкуренции есть продукт исключительно *социальных* условий, что никакой «*природной*» предрасположенности к ним человеческий род не имеет. Жизнь показала несостоятельность антропологической модели, в которой человек представлен как индивид, ведущий гоббсову «войну всех против всех». Но российские обществоведы, консультирующие власть, продолжают исходить из принципов методологического индивидуализма и берут *homo economicus* как стандарт для модели человека. Это делает весь дискурс власти внутренне противоречивым и неадекватным реальности.

Придание обществу «естественных» черт дикой природы — культурная болезнь Запада, давно осмысленная и во многом преодоленная (см. О.З.: История... разд. I, гл. 6). Казалось невозможным, чтобы она в конце XX века вдруг овладела умами

российской интеллигенции.

Российское «общество знания», уверовав в рынок, игнорировало труд крупнейшего западного экономиста XX века Дж. М. Кейнса. Ведь он специально обсуждал концепцию естественного порядка вещей и якобы «природных» законам общественной жизни. Он вскрыл методологическую ловушку, скрытую в самом понятии «естественный», и отверг правомерность распространения этого понятия на общество. Мы переживаем уникальный в истории культуры случай, когда интеллектуальная бригада власти выступает как сила обскурантистская, антинаучная.

Общим свойством рассуждений и заявлений власти стала в 90-е годы глубокая деградация *меры*. Реформа привела к глубокому кризису, от государства требовались действия по его преодолению или хотя бы смягчению. Принимались решения, о них сообщалось с количественными данными, которые должны были вселить надежду на скорое улучшение. Не будем вспоминать гротескные обещания начала 90-х годов («трудно будет месяца два»). Несоизмеримость проблем и тех средств, которые выделялись для их решения, нарастала все 90-е годы и сохранилась до сих пор.

Так, реформа подорвала основные фонды животноводства, создав условия, не позволяющие содержать племенной скот. Сегодня в РФ меньше крупного рогатого скота, чем было после Гражданской войны, в 1923 году. А население (значит, и число потребителей продуктов животноводства) с тех пор увеличилось почти в полтора раза. Перед реформой, в 1988 г., в РСФСР было 1,43 коровы на 10 человек. В 2001 г. осталось 0,89 коровы, а на 1 января 2006 г. — 0,67 коровы на 10 душ населения. Какие меры предприняло Правительство, чтобы выправить ситуацию? В рамках национального проекта по сельскому хозяйству фермерам дали кредиты на покупку телят — 100 тысяч голов за два года. Это покрывает 2,5 % от ежегодной убыли крупного рогатого скота в РФ. А относительно суммарного сокращения стада за годы реформы (40 млн голов) это величина совершенно несоизмеримая, она составляет всего 0,0013 % потерь.

Важным вопросом политики стала в РФ проблема личных сбережений граждан, которые хранились в государственном Сбербанке. Они были незаконно конфискованы правительством Гайдара и превратились в долг государства РФ перед населением. Как сообщил В. В. Путин, «общий объем долга перед населением — я хочу обратить на это ваше внимание — 11,5 триллиона рублей». Была начата выплата небольших сумм вкладчикам старших возрастов, и эти выплаты представлены как решение проблемы. Были даже названы «темпы и объемы этих выплат» — в 2003 г. 20 миллиардов руб., а в 2004 г. 25 миллиардов. Нетрудно применить арифметику и увидеть, что в 2003 г. правительство вернуло населению $1/575$ от суммы долга. Это значит, что возвращение долга в таком темпе растянется на 575 лет.

Ясно, что суммы выплат совершенно несоизмеримы с величиной долга, так зачем же имитировать возвращение долга? Почему не объяснить людям реальное состояние дел и не обратиться к их разуму и гражданскому чувству? Ведь, давая людям подобные ответы как нечто разумное, власть усугубляет и так очень тяжелые повреждения в массовом сознании.

Яркий пример — рассуждения о проблеме ЖКХ. Видение этой проблемы в среде властной элиты и верховной власти представляет собой мозаику величин, совершенно несоизмеримых между собой. Как будто все инструменты меры испорчены. На головы обывателей льется поток утверждений, в которых концы одних количественно представляемых величин никак не вяжутся с концами других.

В 2002 г. говорилось, что проблемы ЖКХ вызваны тем, что за 90-е годы „федеральные и другие государственные структуры задолжали в систему ЖКХ астрономическую сумму — 25 миллиардов рублей». Это несоизмеримо с масштабами проблемы, 25 млрд рублей — мелочь по сравнению с действительным долгом государства перед ЖКХ страны! В апреле 2003 г. реальная сумма задолженности была названа заместителем председателя Госстроя РФ Л. Чернышовым на открытии заседания коллегии Госстроя России — 4,5-5 триллионов

рублей. Только неотложная замена полностью изношенных участков теплосетей обошлась бы по ценам 2003 г. 1,35 триллиона рублей![46](#)

Но и эта сумма задолженности государства занижена. Оно, будучи в СССР главным собственником, ответственным за содержание ЖКХ, было обязано каждые 25 лет проводить плановый ремонт своего жилищного фонда. В 90-е годы подлежала капитальному ремонту основная масса жилья — дома, построенные в 60-70-е годы, на нынешнее десятилетие падал ремонт домов, введенных в действие в 80-е годы (за эти три десятилетия было построено жилых домов площадью около 1,8 млрд м). Объем ремонта, отложенного за 1991-2006 годы, составляет 2 млрд м. Стоимость этого ремонта — задолженность государства перед ЖКХ, ее величина — около 2 триллионов долларов.

Деградация когнитивной структуры государственной власти продолжается. А с ней продолжается и распад общества, скрепленного государством. Перед российской социологией — необычный и плохо изученный объект. Актуальность его изучения чрезвычайна.

В гл. 3 настоящей книги говорилось о том, что одним из важных проявлений кризиса «общества знания» в 90-е годы стало массовое нарушение логики рассуждений, которое приводило к *некогерентности* умозаключений и высказываний. В заявлениях видных чиновников и политиков это наблюдалось особенно ярко. К середине 90-х годов такой тип рассуждений стал стереотипным, авторы высказываний перестали замечать нарушения логики. Это явление было столь массовым, что дать его обзор не представляется возможным. Приведем пару типичных примеров.

Вспомним, как видные экономисты и даже министры объясняли, почему вырученные от продажи нефти деньги надо хранить за границей и ни в коем случае не вкладывать в отечественную экономику. В 2006 г. прошла целая серия выступлений по телевидению на эту тему. Экономист В. Мау утверждал, что беда России — высокие цены на нефть. Слишком быстро мы богатеем — и от этого беднеем с невероятной скоростью. Эта идея поначалу шокировала своей

алогичностью, и внятно разъяснить ее никто не мог. Но она овладела умами власть имущих. Начальник экспертного управления Президента РФ А. Дворкович заявил с экрана телевидения: «Сегодня у нас проблем больше, действительно, с высокими ценами на нефть, чем благоприятных тенденций. Цены на бензин растут, многие предприятия говорят, что удорожание рубля ведет к потере конкурентоспособности». Если принять эту логику, то следовало бы вылить нефть в море или раздавать ее даром. Россия должна продавать свой товар только в том случае, если это приносит убыток.

Следом за Мау на конференции «Модернизация экономики и выращивание институтов» выступает министр экономического развития Герман Греф и заявляет, что из-за высоких цен на нефть «предстоящие реформы будут очень тяжелыми». Как сообщает РИА «Новости», Греф сказал буквально следующее: «На сегодняшний день легких и популярных реформ не осталось, они будут болезненными и будут нарушать привычный образ жизни».

Вдумайтесь в слова Грефа: до сих пор реформы были «легкими и популярными» — люди, мол, радовались и изъятию их сбережений, и внезапному обеднению, и росту тарифов на свет и газ. Но теперь это благополучие кончается. Почему же? Потому, что теперь много денег у России, девать их некуда — и вот, реформы придется сделать «болезненными». Можно ли назвать эти рассуждения рациональными?

«В кратчайшие сроки в течение ближайших двух лет мы должны заложить основы для фундаментальных преобразований в таких областях как образование, здравоохранение и наука», — подчеркнул Греф.

Перед телекамерой Греф развил свою мысль: «Образование, здравоохранение, ЖКХ. Как бы ни были больны эти вопросы, их нужно решать. Конечно же, выступает против большая часть ректоров. Им хорошо... То же самое в здравоохранении... Но это нужно сделать во что бы то ни стало, как бы это, может быть, трудно не было. И Маргарет Тэтчер сказала, по-моему, о том, что реформы, которые не затрагивают интересов большого количества людей, не дают больших

результатов».

Таков главный критерий — задеть интересы большого количества людей, как Тэтчер советовала. Чтобы было доходчиво, Греф поясняет: «В отношении патернализма. Конечно же, каждый человек в стране, мы должны это четко довести, что забота государства только о тех... государство должно заботиться о людях, об их уровне благосостояния, о больных, инвалидах, престарелых людях. Все остальные должны обеспечивать свое будущее сами. И свое здоровье, свое благосостояние, всё каждый человек должен зарабатывать сам».

Итак, «забота государства *только о тех*»! Значит, не обо всех. Вычленим главное: «Государство должно заботиться о людях. Все остальные, каждый человек, должны обеспечивать свое будущее сами».

На телепередаче «Времена» у В. В. Познера (17 апреля 2006 г.) Греф объяснял, что надо делать с лишними деньгами, которые душат Россию: «У стабилизационного фонда есть две функции. Первая функция очень малопонятна — это функция стерилизации избыточных денег». Функция и впрямь очень малопонятная. Стерилизовать деньги! Великий философ рыночной экономики Франклин завещал потомкам: «Помните, что деньги по своей природе плодоносны!» Да, у американцев плодоносны, у них избыточных денег не бывает, а русские обязаны свои деньги стерилизовать — чтобы не плодоносили.

Как же правительство РФ стерилизует деньги? Оно их вкладывает в чужую экономику! Греф объясняет: «Когда в экономику приходит большая масса денег, не обеспеченных товарами, то они либо должны изыматься из экономики и не тратиться внутри страны, или будет очень высокая инфляция, ну в полтора раза выше, чем сейчас, а это прямое влияние на инвестиционный климат, отрицательное влияние. И мы этими деньгами ничего не сможем решить, кроме как очень быстро потратить их».

Вдумайтесь в логику: если у нас завелись деньги, то инвестировать их внутри страны ни в коем случае нельзя, потому что это испортит

инвестиционный климат и тогда к нам прибудет мало инвестиций!

Греф продолжает: «Все экономисты, профессиональные экономисты, утверждают в один голос — стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны для того, чтобы сохранить макроэкономическую стабильность внутри страны. Как это не парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем. Не в страну! Это первое. Вторая функция стабилизационного фонда — это вот сундук на черный день. Но этот черный день не будет таким черным, что случится какой-то коллапс».

Острая некогерентность! Если инвестиции «в страну» вредны, то зачем же нам этот инвестиционный климат? А если правительство ради этого климата старается, то почему же его «профессиональные экономисты» утверждают в один голос, что деньги «нужно инвестировать вне пределов страны»? Ведь это сразу отпугнет всех инвесторов. Ну кто будет вкладывать деньги в России, если сам министр экономического развития предупреждает: «Не в страну!» Мол, инвестируя «туда», мы больше на этом зарабатываем. Значит, и всем надо инвестировать «туда», а не «сюда». Греф считает, что все это «парадоксально». Но это больше похоже на прискорбный провал в рациональном мышлении (если вообще говорится искренне).

Да и ссылка на «профессиональных экономистов» не проходит. На той же передаче дали сказать пару слов академику-секретарю Отделения экономики РАН академику Д. Львову, так он говорил нечто совершенно противоположное — деньги надо инвестировать именно в России, для развития ее экономики. Есть в хозяйстве России дыры, где все уже висит на ниточке, где требуется именно срочная стабилизация. Например, во многих городах на грани отказа водопровод. Хозяйство РФ может обеспечить все необходимое для ремонта — трубы, насосы, материалы и рабочие руки. Но у городов на это нет денег. И вот, они берут на Западе кредиты под 20,5 % годовых (как это сделал Ярославль) — из тех российских денег, которые правительство отправило туда на хранение! Почему же не дать Ярославлю эти деньги под 12 % — и всем в России это будет

выгодно. Нет, надо разорить город и обогатить западный банк.

Существует, однако, гипотеза, что этот тип рассуждений содержит элемент притворства и является уловкой бюрократа, желавшего избежать вопросов и общественного диалога. В эту гипотезу трудно поверить, но даже если это так, проблема лишь усугубляется. Неоднократно указывалось на то, что такая «фиктивная» алогичность, подобно программе-вирусу, внедряется в алгоритм умозаключений и подчиняет его своей иррациональной логике.

Возможно, это произошло вследствие «конвергенции», когда наша правящая элита стала «учиться» у США и подражать им. При этом она «заразилась» многими вещами, не имея того иммунитета или противоядий, которыми обладает элита США, культивирующая у себя эти болезни вполне сознательно, как средство *манипуляции сознанием*. Одним из таких средств является, как это ни парадоксально звучит, *сознательная иррациональность*. Этот инструмент политического постмодерна уже стал фактором роста напряженности в мире, в том числе в сфере сознания.

Н. Хомский обращает внимание на эти установки, предложенные в исследовании Стратегического командования США в 1995 г. и вошедшие в «Основные положения доктрины сдерживания после холодной войны» [182, с. 29]. Авторы исследования считают, что США должны использовать свой ядерный потенциал, чтобы «в случае, если их жизненно важные интересы поставлены под угрозу, выставить себя в роли иррациональной и мстительной страны». Как сказано, «это должно быть частью нашего образа как нации, который мы демонстрируем нашим противникам... Представлять себя абсолютно рациональным и хладнокровным — значит оскорблять себя... Тот факт, что некоторые элементы [американской государственной машины] могут казаться потенциально „неконтролируемыми“, способен принести выгоду; ведь это только вселит страх и сомнения в умы тех, кто принимает решения на противоположной стороне баррикады».

Эта доктрина родилась не после холодной войны. Н. Хомский

пишет: «Этот доклад воскрешает никсоновскую „теорию сумасшедшего“: наши враги должны осознавать, что мы безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле».

Если так, то некогерентность высказываний чиновников высшего ранга надо считать оружием в психологической войне против собственного народа.

Некогерентным являлось объяснение замысла реформы ЖКХ, которая возлагает ответственность за его ремонт и содержание на население и местные власти, хотя финансовые возможности обоих этих субъектов хозяйствования несравнимо меньше необходимых затрат. Зам. председателя Госстроя РФ Л. Чернышов дал такое объяснение в передаче на радио «Эхо Москвы» (2003 г.): «Я должен сказать, что... в пределах 120-127 млрд рублей ежегодно из консолидированного бюджета в ЖКХ отправляется денег, и сейчас отправляется. Но эти деньги идут как дотации предприятиям ЖКХ, естественно, не имеют никакой адресности, ничего. В результате они, естественно, используются так, как на душу положит этому предприятию. Т. е. задача реформы в том, чтобы деньги отдать гражданину, тому, кто нуждается в субсидии. Отдать эти деньги человеку, и чтобы он заплатил полным рублем с учетом государственной поддержки».

За мыслью чиновника в таком изложении уследить непросто. Почему деньги, идущие «как дотации предприятиям ЖКХ, естественно, не имеют никакой адресности, ничего»? Почему это *естественно* и как деньги могут «*не иметь ничего*», тем более «никакой адресности»? И почему деньги, посланные без адреса, все же попадают предприятию, а уж оно, «естественно», тратит их «как на душу положит»?

Но суть этих рассуждений в том, что население, получив от госбюджета адресные субсидии, должно будет, чтобы «модернизировать сетевое оборудование в городах и населенных

пунктах» и вообще обновить основные фонды ЖКХ, расплатиться с долгами и еще внести 4-5 триллионов рублей для приведения всей системы в минимально приемлемое состояние. И депутаты фракции большинства проголосовали за закон о реформе ЖКХ даже не задав вопросов. При этом дотации гражданам, «чтобы они заплатили полным рублем», были ужаты со 127 млрд руб. до 20 млрд руб. в год. Результат известен: капитальный ремонт жилищного фонда почти не ведется, изношенные водопроводные, канализационные и тепловые сети почти не перекадываются. В таблице 5 приведены данные Росстата за 2006 г.

Таблица 5

Замена изношенных инженерных сетей ЖКХ в РФ (2006 г.)

Сети	Нуждаются в замене, тыс. км	Заменено, тыс. км
Водопроводные сети	130,6	8,7
Канализационные сети	24,4	0,79
Теплосети	44,2	5,7

Ценным учебным материалом для изучения системы знания постсоветской власти служит конфликт, возникший при операции *монетизации льгот*. Летом 2004 г. в Госдуме был принят, а в Совете Федерации утвержден закон, заменяющий предоставление льготным категориям граждан ряда благ в *натуральном* выражении денежными выплатами. Возник социальный конфликт, который выявил важную деформацию структуры знания, к которому прибегала власть. Из нее было исключено традиционное знание, выработанное в культуре России, и неявное знание чиновников. При этом оказалось выхолащенным и рациональное знание, выраженное в аналитических материалах социологов.

Проблема льгот к деньгам не сводится. Тут столкнулись два мировоззрения, два типа рациональности — и выявился разрыв между властью и массой населения. Главная цель монетизации была внерациональной и лежала в сфере идеалов — «монетизировать» все стороны жизни. Это и оскорбило людей. Пассивное сопротивление этой акции было удивительно единодушным. Это говорит о том, что

она затронула что-то очень важное, какой-то нерв — но правительство не пошло на диалог, не обратило внимания на доводы даже очень авторитетных людей.

Вот пример. За 15 лет реформы в РФ было подорвано донорство крови, число доноров сократилось вдвое. Кроме того, резко снизилось качество донорской крови — значительную часть ее сдают, за небольшую плату, отчаявшиеся люди, часто опустившиеся на дно. Как сказано в обзоре 2004 г., «бесплатного донорства в нашей стране практически не существует. Оно кануло в Лету вместе с введением в России законов рыночной экономики... Попробуйте-ка прийти с выданной на пункте сдачи крови просьбой-справкой о предоставлении вам выходного дня к руководителю какого-нибудь ОАО» [123]. Ликвидация льгот нанесла еще удар. Доноры Ижорского завода, в основном, сдававшие кровь *бесплатно* (и реально *не получавшие* положенных льгот), пишут: «Мы с горечью и недоумением узнали, что доноров хотят лишить немногочисленных льгот. Кровь — бесценный дар. Донорство неоценимо в денежном выражении, и льготы — лишь некоторый стимул для участия людей в донорском движении. Это знак признательности и благодарности этим людям со стороны государства... Неужели Россия хочет „прославиться“ как первая страна, загубившая донорское движение?»

Власть *не знала* простых вещей. Монетизация любых натуральных повинностей или благ есть механизм *атомизации* общества, перевода всех человеческих и социальных отношений на принципы купли-продажи. Льготы — механизм *усложнения* общества, повышения его разнообразия. Это знаки отличия, знаки заслуг человека перед обществом и государством. Они важны даже просто как напоминание о том, что существует *доблесть* и *заслуга*. Монетизация стирала из памяти людей само понятие доблести («Не имеет ценности то, что имеет цену»). Этот удар по культурным устоям и вызвал конфликт. Если система льгот и вообще натуральных выплат действительно была бы уничтожена («монетизирована»), это нанесло бы обществу огромный урон, его даже трудно оценить.

Заметим, что Запад сохраняет многие традиционные ценности и здравый смысл. Там никому и в голову не придет ликвидировать сложную и широкую систему натуральных льгот. Принимая на работу ценного сотрудника, администрация фирмы помимо высокого оклада сразу сообщает ему список тех натуральных льгот, которыми он может пользоваться (например, местом на удобной автостоянке, теннисным кортом или бассейном и т. п.). Производственные фирмы в США часто предлагают своим рабочим другую важную льготу. Они, закупая для нужд производства материалы, приобретают и такие, которые используются в быту (краски и пр.) — и продают их своим работникам со склада фирмы по оптовым ценам. Такое «сращивание производства с бытом» почти ничего не стоит фирме, но дает существенную экономию части работников, хотя этой льготой тоже пользуются далеко не все.[47](#)

Надо к тому же сказать, что разработчики закона проявили удивительную нечувствительность к фундаментальным категориям. Натуральные льготы — страховой *фонд (запас)*, к которому прибегают в момент нужды. Ежемесячные денежные выплаты — *поток*. Закон заменяет фонд (запас) потоком, что является фундаментальным изменением системы. Эта сторона дела даже не обсуждалась.

Различие хорошо видно при рассмотрении льгот на покупку лекарств. Имея эту льготу в натуральном выражении, человек в случае нужды (заболевания или обострения болезни) идет и изымает свой фонд, свой запас. Каково же будет поведение человека, который ежемесячно получает эту льготу, превращенную в поток — в ежемесячную небольшую прибавку к пенсии? Месяц за месяцем он здоров, и в 99 % случаев просто будет тратить эту прибавку в общем потоке своих скудных доходов, даже не задумываясь. И в момент заболевания или обострения болезни этот человек денег на лекарства иметь не будет.

Чтобы загодя превращать поток в запас, он должен был выработать в себе навыки и даже культуру *накопительства*, а для

этого должно было пройти несколько поколений. Большинство населения РФ таких навыков и такой культуры не имеет. Поэтому о наличии фондов у нас заботилось государство, община, трудовой коллектив. Какая безответственность — лишить всего этого жителей России!

Наконец, льготы натурой — исключительно *экономная* вещь потому, что они «таятся в порах производства». Их замена деньгами уничтожает тот огромный эффект, который возникает при переплетении производства и быта, как в крестьянском дворе или на советском заводе (и даже, хотя и в меньшей степени, в западной фирме). Заводы в СССР отапливали дома своих рабочих (и их соседей) отходами технологического тепла, заводские сварщики между делом ремонтировали в этих домах трубы и обустроивали детские площадки. Эти натуральные льготы рабочим выкраивались из лоскутков производственных мощностей. Перевод их на рыночную основу влетает в такую копеечку, что привыкшие к советским порядкам российские хозяйственники не раз за время реформы столбенели.[48](#)

Нечувствительность власти к фундаментальным вопросам видна в убеждении, будто выход из кризиса, созданного перестройкой и реформой — проблема *экономическая* и ответ должны дать экономисты. Но экономика — лишь видимая часть айсберга проблемы. На деле экономиста можно уподобить инженеру-эксплуатационнику, который часто не знает и даже не обязан знать теоретических принципов всей машины — например, термодинамики как теории тепловой машины. И когда слушаешь рассуждения политиков о нашем кризисе, возникает смешанное чувство: о чем они вообще говорят?

Предупреждения отечественных специалистов о том, что в структуре кризиса экономические причины являются лишь одним из множества элементов и взятые в отдельности дают ложное представление о сути происходящих процессов, отметались начисто.

Выслушаем замечание П. Бурдые, одного из виднейших

социологов современности. Он писал: «Я думаю, что экономизм, который встречается как у левых (в марксистской традиции), так и у правых, приводит к тому, что экономическая реальность подвергается настоящему увечью. Он стремится абстрагировать из любого даже самого основополагающего измерения одни только затраты и прибыли... За последствия политики, понимаемой как управление экономическими равновесиями (в узком смысле этого термина), мы расплачиваемся тысячей способов: социальными и психологическими затратами, безработицей, болезнями, правонарушениями, алкоголизмом, наркоманией, страданиями, которые приводят к озлобленности и расизму, политической деморализации и т. д.

Настоящая всеохватывающая бухгалтерия социальных затрат и прибылей могла бы показать, что социология предлагает экономику ничуть не менее строгую и соответствующую сложности окружающей реальности, чем та, что предлагается частичной экономикой собственно управления; и что логика верно понятых интересов предполагает разрыв не только с либеральной вседозволенностью, но и с детерминизмом натурализованных социальных законов. Нужно заново утвердить роль Государства и потребовать от него, чтобы в своей борьбе против обеих форм подчинения необходимости экономических законов, которые вытекают из двух этих форм экономизма, оно вооружилось знаниями демографических, экономических и культурных законов и постоянно корректировало последствия их действия при помощи политики, использующей все имеющиеся средства (юридические, налоговые, финансовые и проч.)» [43].

Глава 10 Деградация способности к рефлексии

Рефлексивное отношение к бытию, способность регулярно, почти

непрерывно «оглядываться назад» — важное качество того «общества знания», нормы которого выработало Просвещение. Это вовсе не самопроизвольно возникшее умение, это часть определенной методологии мышления, методологию можно освоить и развивать, а можно и утратить.

Именно рефлексия дает возможность поступательного движения в познании реальности — в каждый момент настоящего мы должны иметь в виду тот прошлый запас знания, который приращиваем сейчас, ибо эту новую частицу знания мы встраиваем в изменяющуюся структуру знания, которым обладали вчера, год или десять лет назад. Рефлексия — это непрерывное обновление знания. Понятно, что рефлексия требует воли и мужества — сзади всегда ошибки. Недаром Кант писал, что Просвещение имеет свой девиз, свой наказ: *Aude sapere* — «имей отвагу, смелость знать».

Функция рефлексии является ключевой в когнитивной структуре власти. В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется и возникают разрывы непрерывности, рефлексивный аспект мышления приобретает критическое значение. Задержка с анализом предыдущих состояний и решений нередко становится фатальной, поскольку система проходит точку невозврата, и движение процесса по плохой траектории становится необратимым. Самые фундаментальные процессы во время кризиса становятся резко нелинейными и протекают в виде череды сломов и переходов — мы же часто исходим из привычных линейных представлений.

В России после 1992 г. произошло разрушение или глубокая деградация инструментов рефлексивного мышления. Доктрина реформы прямо предполагала стирание коллективной исторической памяти, замену культурного ядра российского общества, возвращение на «столбовую дорогу цивилизации». Отключение «блока рефлексии» в сознании работников власти и управления в начале 90-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности — как будто кто-то сверху щелкнул каким-то выключателем.

Нарушение норм рациональности при утрате памяти и способности

к рефлексии — большая общенациональная проблема, она сама должна стать предметом усиленной рефлексии, а затем и специальной культурной, образовательной и организационной программы. Пока что признаков осознания этой проблемы не видно.

Вот недавний известный пример. В 2002 году в РФ собрали 86 млн т зерна. Высшие должностные лица заявили, что в России достигнут *рекордный урожай* (говорилось даже, что «удалось добиться таких результатов, **которых не было в советское время**»). При этом реальные данные Госкомстата РФ о производстве зерна (в весе после доработки) публикуются регулярно и общедоступны. Они таковы: в 1970 г. в РСФСР было собрано 107 млн т зерна; в 1973 — 121,5; в 1976 — 119; в 1978 — 127,4; в 1990 — 116,7; в 1992 — 107. Мы видим, что 24 года назад было собрано зерна *в полтора раза больше*, чем в «рекордный» 2002 г. То есть, представления высших чиновников и их экспертов о зерновом хозяйстве России ошибочны фундаментально. Более того, урожай 1992 года, то есть *уже времен реформы*, был больше «рекорда» почти на треть. Урожай менее 100 млн т в последние 20 лет в РСФСР вообще был редкостью. Даже *в среднем* за пятилетку 1986-1990 гг. зерна собирали 104,3 млн т в год.

Чиновники и служащие в правительстве и администрации президента эксперты-экономисты, конечно же, не собирались ввести общество в заблуждение. Они были неспособны мыслить во временном контексте, «видеть» даже короткие временные ряды. И это свойственно нынешней власти в целом. Поврежден важный механизм рационального знания. Утверждение, будто 2002 год стал рекордным для территории РФ за всю ее историю, не является тривиальным. Как можно, называя какое-то достижение *рекордом* (то есть «*записанным на скрижалях*» достижением), не взглянуть назад и не поинтересоваться, какими были достижения в прошлые годы? Тем более, что сельское хозяйство страны переживает кризис. Как мог сенсационный рекорд не вызвать интереса и сомнения?

Надо вспомнить, что одним из первых шагов реформы стала ликвидация тех главных инструментов рефлексии и «административной

памяти», которые выработала наша культура. К их числу относился, например, регулярный гласный отчет по понятной и весьма строгой форме. Прошел год — и отчитывается руководитель, каждый в рамках своей ответственности, а все слушают. Сама форма отчета заставляла людей *вспоминать*. И этот отчет кладется, как летопись наших дел.

Производственные совещания, на которых отчитывался директор, профсобрания с отчетом профкома, сессии Верховного Совета с отчетом председателя Совета министров — все это был механизм, заставляющий *вспоминать и обдумывать пройденное* — за год, за пятилетку. Эту обязанность вспоминать и обдумывать отменили. Полезно взять сегодня любой отчетный доклад Косыгина — и сравните с речами Гайдара, Черномырдина, Касьянова. Мы видим огромный откат в культуре памяти и мышления.

Если и есть отчеты, составляемые правительством по установленной международными организациями форме, то они остаются практически недоступными для общества. Официальный «Доклад о состоянии здоровья населения РФ» в 1993 г. был выпущен тиражом 300 экз. Чиновники и даже специалисты утратили доступ к элементарному инструменту рефлексии — *статистическим ежегодникам*. В советское время ежегодник «Народное хозяйство СССР» издавался массовым тиражом, содержал информативные показатели с длинными временными рядами и стоил 3 рубля. Нынешний Ежегодник — скудное по содержанию издание ценой более 1 тыс. руб. Сделаны недоступными простейшие контрольные инструменты рефлексии (отчетные доклады, контрольные цифры и др.), идет быстрая деградация хранилищ материальных носителей памяти (архивов и библиотек). Восстановление даже этих элементарных условий для полноценного рефлексивного мышления уже стало сложной задачей.

Не имея ни ясно изложенных программ, ни отложившихся, как летописи, отчетов, ни доступной статистики работники органов власти и управления и не могут оценить пройденного пути. А без памяти о пройденном нельзя рационально рассуждать о программах! Пять лет

говорилося о «программе Грeфа», потом эта программа куда-то исчезает — и о ней никто не вспоминает.

Хороший учебный материал для анализа функции рефлексии дает история введения купли-продажи земли и «фермеризации» России в 90-е годы. В доктрине реформ было принято, что главным типом хозяйства на селе в будущей рыночной системе станут *фермерские* хозяйства. Их пропагандой занимались идеологи и ученые широкого диапазона. Кампания эта проходила вне норм рационального знания — с крайним гипостазированием, игнорированием реальных фактов и нарушением логики. Но здесь мы говорим о рефлексии.

Как видятся результаты огромного изменения сегодня, через 17 лет после начала «фермеризации всей страны»? Невозможно разумное планирование дальнейших шагов без анализа тех последствий, к которым привела большая программа, которая к тому же не отменена и не завершена.

Результаты таковы. В 2006 г. число фермерских хозяйств в РФ составило 255,4 тыс., а общая земельная площадь их сельскохозяйственных угодий — 21,6 млн га (со средним размером земельного участка 81 га). Из этих угодий пашня составляла 15 млн га. Это около 15% всей пашни в России. На этой земле фермеры произвели в 2006 г. 6,5 % всей валовой сельскохозяйственной продукции страны. Особенно сильно у них отстает трудоемкая часть сельского хозяйства — *животноводство*. Здесь они дают только 3,3 % от общего объема продукции. Очевидно, что как производственный уклад в российском сельском хозяйстве фермерское хозяйство оказалось несостоятельным. Предположение, что этот уклад является наиболее прогрессивным и продуктивным, не оправдалось. Но ведь ученые и политики, которые 17 лет переделывали сельское хозяйство страны, исходя из этого предположения, никогда не обмолвились об этом выводе. Неизвестно даже, знают ли они о результатах этого колоссального эксперимента.

Каковы перспективы фермерства в нынешней системе хозяйства? Судя по объективным данным, очень небольшие. По данным

Сельскохозяйственной переписи 2006 года, из имеющихся фермерских хозяйств *сельскохозяйственную деятельность* осуществляли в 2006 году только 124,7 тыс. А 107 тыс. фермеров относятся к категории *«прекративших сельскохозяйственную деятельность»*. *Еще 21,4 тыс. хозяйств считаются «приостановившими сельскохозяйственную деятельность»*. Выходит, половина фермеров, получив землю, хозяйства на ней не ведут! Можно ли замалчивать этот факт?

Ведь из него следует, что не увенчалось успехом главное институциональное изменение в сельском хозяйстве России, которое было положено в основу реформ — не действует институт *купи-продажи земли*. Такое фундаментальное изменение жизнеустройства страны требовало обширного обоснования и общественного диалога. Диалога не было, задать вопросы было нельзя, доводы реформаторов были очень скудными. Но как реально пошла купля-продажа земли, как оправдалось первое предвидение авторов реформы? Самый длительный эксперимент по продаже земли был проведен в Саратовской области. Казалось бы, итоги его должны быть подведены и изучены.^{[49](#)}

Напротив, о результатах уже более чем десятилетнего опыта Саратовской области практически ничего не известно. Есть отрывочные данные. Вот, например, сообщение из области: за три года действия закона проведено 332 земельных аукциона, на которых продано участков на сумму около 13 млн рублей. За три года продать чернозема на полмиллиона долларов!

Саратовская область — зерновая. Как повлияло введение купли-продажи земли на производство? Заметных улучшений по сравнению с другими областями нет. Относительно трех «советских» пятилеток с 1976 по 1990 годы сбор зерна в области за пятилетки с 1991 по 2005 годы снизился в той же пропорции, что и в других регионах. Но это не главное. Главное — частный капитал не покупает землю, чтобы вести хозяйство. Землю скупают спекулянты для теневой перепродажи иностранцам, о чем пишут откровенно. Вот недавняя справка

Минсельхоза: «Добросовестные землепользователи и инвесторы сталкиваются с проблемами оформления земли в собственность или в долгосрочную аренду. Одновременно с этим, все последние годы идет процесс повышения привлекательности земли как рыночного товара, как актива. В результате в эту сферу вошли многочисленные земельные спекулянты».

В «Государственном (национальном) докладе о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2004 г.» сказано: «Из 401 млн га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан и юридических лиц находится около 126 млн га или более 30 % от всех таких земель. Остальные 275 млн га (около 70 %) находятся в государственной и муниципальной собственности. Из 121 млн га, которые являются собственностью граждан, около 113 млн га (93 %) составляют земельные доли, из них примерно 27 млн га (24 %) — это невостребованные земельные доли. В сельскохозяйственном производстве не используется более 30 млн га пашни» [59].

Итак, в государственной и муниципальной собственности в 2004 г. находилось 275 млн га (около 70 %) земель сельскохозяйственного назначения России. Эту землю в небольших размерах каждый год покупают сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства. Так, в 2004 г. ими было выкуплено у уполномоченных органов государственной и муниципальной власти **8 тыс. га** земель вне населенных пунктов. Это 0,0029 % земли, предлагаемой к продаже. И сельскохозяйственные предприятия, и фермеры предпочитают не обременять себя частной собственностью, а арендовать землю у государства (в 2004 г. такая аренда составила 54 млн га).

Реально, никто землю для производства хлеба не покупает, 93 % земли граждан — полученные от колхозов пай, а у юридических лиц земли чуть больше 1 %. При этом разгром колхозов и совхозов привел к сокращению посевных площадей на треть. Надо зафиксировать этот вывод, ставший несомненным за 17 лет реформ: институт *купи-продажи земли*, ради внедрения которого

реформаторы пошли на создание глубокого раскола в обществе, в России не действует.

Почему же и половина начавших свое дело фермеров прекратили пахать и сеять? Причина в том, что мелкая ферма не может вести хозяйство и тягаться с крупным хозяйством без очень больших бюджетных дотаций. Это надежно установлено и в столыпинской реформе, и в США, и в Западной Европе. А обещанных дотаций фермерам в России не дали. Когда проводилась кампания «*фермеризации*», были обещания, что тем гражданам, которые выйдут из коллективных хозяйств и совхозов и заведут собственное хозяйство, будет оказана государственная поддержка. К концу 90-х годов около 80 % фермеров не получили такой помощи. Они работали себе в убыток, с огромной самоэксплуатацией. Сейчас, с быстрым ростом цен на зерно, финансовое положение фермеров немного улучшается, но в целом это не меняет дела.

В результате к 2006 г. 50,6 % всей земельной площади занимали фермерские хозяйства, владеющие более чем 1000 га земли. Таковых было 4466 хозяйств — на всю Россию. Среди них выделялись 101 хозяйство, владевшие более 10 тыс. га каждое (в среднем по 56 тыс. га). Это российские латифундисты, уклад «третьего мира». Возник и слой малоземельных и, как ни странно это звучит, безземельных фермеров. Из всех фермерских хозяйств в 2006 г. 17,4 % вообще не имело земельных участков, и еще 20,5 % имели участки до 3 га (в среднем по 1,7 га).

Хозяйства фермеров, в основном, являются *семейными*. По сути дела, это трудовые крестьянские хозяйства с очень малой долей наемного труда. Согласно изучению, в 1999 году, 187,6 тыс. хозяйств. В них было занято 235,8 тыс. наемных работников (в среднем 1,3 работника на одно хозяйство), причем в среднем один работник за год отработал только **43,9 человеко-дня**. Реально, это были батраки-сезонники. Затраты на оплату труда с социальными отчислениями в

структуре расходов фермерских хозяйств составляли всего 10%.

В 2006 г. общее число работников, занятых во всех фермерских хозяйствах, составляло 475 тыс. человек. В их числе наемных работников, занятых на постоянной основе, было 83 тыс. человек, то есть в среднем **по одному работнику на 3 фермерских хозяйства**. Остальные — поденщики или сезонники. Таким фермерские хозяйства в России в целом стали еще менее «капиталистическими», чем в 1999 году. Тогда ради чего разрушили имевшиеся развитые хозяйства?

Фермерством занялась отечественная сельская элита, верхушка колхозно-совхозной деревни. Из 146 тысяч руководителей дееспособных фермерских хозяйств 86 тыс. проработали в сельском хозяйстве более 20 лет. Мало того, это самый образованный состав — 34,2 тыс. (23 %) руководителей имеют высшее профессиональное образование. Это агрономы, инженеры, зоотехники. Еще 4,8 тыс. имеют незаконченное высшее образование, а 46,6 тыс. (32 %) — среднее специальное. Изъятие из сельскохозяйственных предприятий такого числа опытных и высокообразованных специалистов и превращение их в мелких хозяев на клочке земли — колоссальный удар по отечественной экономике и по российской деревне. Это наша национальная беда, которая не была осмыслена и к которой государство и общество остались равнодушны.

Надо искать новые формы соединения трудовых крестьянских хозяйств с крупными предприятиями, совместно модернизировать их как *систему*. Но для этого требуется *рефлексия*, а она отсутствует.

Причины поражения навыков рефлексии фундаментальны и находятся в синергическом (кооперативном) взаимодействии. Соединились и усиливают друг друга политические и мировоззренческие факторы, которые отличают режим переходного периода после 1988 г. Этот режим возник и действовал и в состоянии перехода «порядок — хаос». Это вышедшая из рамок порядка борьба интересов, разрушающая структуры сложных общественных систем. Одним из результатов этой борьбы является появление «странных аттракторов», которые втягивают мышление в весьма стабильные

новые структуры, задающие ход мысли, неадекватный реальности. Это состояние само становится источником опасности для существования систем общества и фактором углубления кризиса вплоть до создания системы порочных кругов («исторической ловушки»). Хотя внимание обычно привлекают необъяснимые ошибки в решениях органов власти и управления, основанием для таких ошибок является повреждение инструментов мышления у широких категорий специалистов, связанных с подготовкой решений.

Можно говорить об утрате управленческими структурами «системной памяти», наличие которой и делает возможной рефлексию. За последние 15 лет произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ, а также их социальной базы — гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Мы переживаем кризис когнитивной структуры управления всей системы средств познания и доказательства, которые применяются при выработке решений. Это не могло не вызвать и кризиса сообщества управленцев. Ведь оно, как и любое профессиональное сообщество, соединяется не административными узами, а общим инструментарием. Масштабы деформации когнитивной структуры таковы, что на деле надо констатировать распад сообщества. Разумеется, работники управления — умные и образованные люди, они часто произносят разумные речи, но эти «атомы разума» не соединяются в систему, что и говорит о распаде сообщества.

Для такого вывода имеются необходимые и достаточные признаки. Во-первых, социально важные решения, полученные с явным нарушением логики и меры, а иногда и прямая ложь политизированных управленцев не вызывают санкций со стороны коллег — это означает, что сообщества не существует. Есть конгломерат личностей и клики, собранные «по интересам», но нет социальной системы, соединенной общими нормами и общей этикой. Во-вторых, взаимоисключающие утверждения, которые кладутся в основу решений, не становятся предметом дебатов с целью найти причины расхождений. А ведь такие

расхождения с невыявленными «корнями» ставят под угрозу целостность когнитивной структуры и всегда вызывают тревогу сообщества. В настоящее время они не порождают ни тревоги, ни дебатов, даже не вызывают удивления и любопытства.

Состояние системы управления в России ныне таково, что оно будит и актуализирует латентные опасности и выводит на уровень потенциально смертельных даже те опасности, которые могли бы контролироваться с ничтожными затратами. Мы обычно сводим дело к коррупции и некомпетентности, но еще большая беда состоит в том, что власти делают ошибку за ошибкой — и никаких признаков рефлексии и «обучаемости».

Глава 11 Знание власти: деградация функции предвидения, целеполагания и проектирования

Важным «срезом» рационального сознания является способность *предвидеть* состояние и поведение важных для нас систем и окружающей среды. Для власти особенно важно предвидеть угрозы и риски. Предвидение опирается на анализ предыдущих состояний и их изменения, включая анализ собственного осознания и понимания этих состояний, собственных решений и действий. Для такого анализа необходим навык *рефлексии* — «обращения назад».

Вся эта совокупность знания, которое кодифицировано согласно системе, заданной функциями власти, позволяет *проектировать будущее*, осуществляя *целеполагание*. Это — едва ли не важнейшая обязанность государства. В цивилизованном обществе только государство способно координировать усилия огромных масс людей, задавая им общий вектор и критерии успеха. Это соединяет людей в народы и нации, наполняет действия каждого общим смыслом.

Проектирование будущего, определение общего вектора развития

и конкретное целеполагание, осуществляемые властью и принимаемые (или отвергаемые) обществом, возможны только через постановку и осмысление *фундаментальных* вопросов бытия. Власть формулирует их в форме национальной повестки дня, как череду «перекрестков судьбы», актуальных исторических выборов, давая и обоснование своего выбора той или иной альтернативы. На разных уровнях общества эта повестка дня обсуждается в ходе «каждодневного плебисцита», обмениваясь информацией через сложившуюся в обществе систему каналов. Социодинамика этого знания — один из важных срезов «общества знания» в конкретный период.

Поражение рационального сознания во время перестройки выразилось в важном явлении — настойчивом уходе от постановки и осмысления *фундаментальных* вопросов. Это было неожиданно видеть у образованных людей, тем более наделенных властными полномочиями. Для них в перестройке как будто и не существовало неясных фундаментальных вопросов, не было никакой возможности даже поставить их на обсуждение. Можно даже сказать шире. Современный кризис России замечателен тем, что между властью и обществом как будто заключен негласный договор: не ставить не только фундаментальных, но и вообще трудных вопросов, уже не говоря о том, чтобы отвечать на них. Депутаты не задают таких вопросов правительству, избиратели депутатам, читатели газете и т. д.

Прежде всего, уход от фундаментальных вопросов выражался в отказе от определения категорий и их места в иерархии. Это приводило к смешению ранга проблем, о которых идет речь. Причем как правило это смешение имело не случайный, а направленный характер — оно толкало сознание к *принижению* ранга проблем, представлению их как простого, очевидного и не сопряженного ни с каким риском улучшения некоторой стороны жизни. Проблемы бытия представлялись как проблемы быта.

Обыденным явлением стало равнодушие к различию *векторных* и *скалярных* величин. В том типе мышления, что был сформирован перестройкой, из рассуждений практически полностью была

исключена категория *выбора*. Проблему выбора пути подменили проблемой технического решения. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью».

Определить главный вектор — значило бы создать более достоверную «карту» политического рельефа России. Это снизило бы риск тяжелых аварий и срывов политического процесса и, в принципе, уже в среднесрочной перспективе отвечало бы интересам подавляющего большинства населения, в том числе и самих реформаторов. На это власть не пошла, предпочтя «набрать очки» обещанием «скалярных благ», улучшения «всего».

Потеря навыка видеть фундаментальную разницу между векторными и скалярными величинами привела к глубокой деформации понятийного аппарата и нечувствительности к даже очень крупным ошибкам. Например, во время перестройки и в начале реформы власть стала подменять понятие «замедление прироста» (производства, уровня потребления и т. д.) понятиями «*спад производства*» и «*снижение потребления*». Скалярную величину подменили векторной, что привело к неверным выводам.⁵⁰ Мы здесь не говорим о недобросовестности части политиков, сознательно обманывающих государство и общество. При действии разработанных в рациональном знании контрольных механизмов такой обман и не мог бы иметь успеха.

В гл. 6 настоящей книги приведена целевая установка перестройки, которую огласила академик Т. И. Заславская: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество». Предлагалось кардинально изменить вектор развития страны, произвести не улучшение каких-то сторон жизни, а смену самого типа жизнеустройства, то есть всех сторон общественного и личного бытия. Однако понять, каковы ориентиры этого изменения, в сторону какого образа будущего власть направляет государственный корабль, было невозможно. Карта и компас были разрушены.

Утрата способности к рефлексии и к предвидению будущего как развития по разным возможным векторам превращает целеполагание в

магическое действие. Это сразу ликвидирует все барьеры, которые защищали когнитивную структуру властного сообщества от господства аутистического мышления. Отодвигается в сторону рациональный расчет, начинаются «грезы наяву». Предметом важного методологического рассмотрения, говорящего о кризисном состоянии западного «общества знания» на пороге постмодерна, стала изданная в 1997 г. во Франции «Черная книга коммунизма» (авторы С. Куртуа, Н. Верт и др.). Хорошим учебным материалом для нас может служить разбор одной темы «Черной книги», проведенный Н. Хомским — именно в качестве учебного упражнения [182, с. 216-222]. Он разбирает анализ двух больших социально-экономических реформ, проведенных в 50-70-е годы в Китае и Индии, который был предметом большого научного труда «экономиста Амартьи Сена, чье сравнительное исследование голода в Китае и соответствующего опыта демократической Индии удостоилось особого внимания, когда он несколько лет назад получил Нобелевскую премию».

Не имея здесь возможности остановиться подробнее на работе Хомского, мы упомянули «Черную книгу» потому, что ее благосклонно приняла в России близкая к власти интеллектуальная элита. В РФ эта книга была издана Союзом правых сил в 2001 г. тиражом 100 тыс. экземпляров с грифом «Предназначено для распространения в муниципальных, сельских, школьных и вузовских библиотеках». Вступительную статью написал сам бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев, который подписался как *академик РАН*.

Говоря о книге и ее обсуждении на Западе, историк-эмигрант А. С. Кустарев отмечает ее значение как симптома дерационализации сознания образованной части общества. Запрос рынка на такую литературу, по его мнению, говорят об отходе важного контингента читателей от рациональности и в то же время о коррупции научного сообщества. А. С. Кустарев пишет: «Ориентация на историко-эпические бестселлеры таит в себе огромные опасности для исторической рефлексии общества. Выйдя из монастырей и

университетов на книжную ярмарку, историки вынуждены менять содержание исторического повествования и интерпретацию исторической картины (чтобы не сказать — действительности) в угоду примитивному, но претенциозному вкусу потребителя... Два элемента в нынешней фазе антикоммунистической кампании указывают на возврат магического сознания. Это вера в чудодейственную силу „символического судебного процесса“ и убеждение в том, что судить можно не только „человека“, но и „идею“, и даже „символ“... Символический суд над коммунизмом и требования вынести ему формальный смертный приговор есть прежде всего магическое действо. Это попытка заклясть, заговорить призрак... В конце средних веков во Франции имела место занятая вспышка правового мистицизма: устраивались судебные процессы над животными — лошадьми, собаками, свиньями. Этот красочный эпизод безумно интересен для истории культуры. Не случайно он имел место в „начале модерна“, когда еще сильные пережитки магического сознания комбинировались с религиозным духом и рационализмом правового сознания. Как мы говорили, рациональное правовое сознание (другая ипостась научного сознания) с тех пор сильно укрепилось, но теперь его влияние пошло на убыль» [102].

Здесь следует снова напомнить, что смешение векторных и скалярных величин, неспособность различать категории *выбора пути* и *технического решения* являются в нынешнем обществе свойством сознания всех социальных групп, просто это состояние проявляется более наглядно у тех, кто привлекает больше внимания, кто ближе к власти. Но ослабление способности к структурному анализу общественных явлений подорвало силы и оппозиции, которая должна была бы играть в постсоветской политической системе важную роль (мы можем рассматривать ее как интеллектуальную «теневую власть»).

К различению векторных и скалярных величин, которое игнорировала власть в своих установках во время перестройки и реформы, тесно примыкает другое важное условие рациональных

умозаключений — различие *цели и ограничений*. Здесь произошел тяжелый методологический провал, связанный со сдвигом к *аутистическому* мышлению — из рассмотрения была почти полностью устранена категория ограничений.

Когда мы рассуждаем об изменениях каких-то сторон нашей жизни в политической сфере, экономике, образовании и т. д.), мы используем знания и применяем навыки мыслительного процесса, данные нам образованием и опытом. В процессе целеполагания мы выделяем какую-то конкретную цель. Поскольку разные цели конкурируют, мы стремимся не беспредельно увеличить или уменьшить какой-то показатель, а достичь его *оптимальной* (или близкой к ней) величины.

Но, определяя цель (целевую функцию, которую надо оптимизировать), разумный человек всегда имеет в виду то «пространство допустимого», в рамках которого он может изменять переменные ради достижения конкретной цели. Это пространство задано ограничениями — запретами высшего порядка, которые нельзя нарушать. Иными словами, разумная постановка задачи звучит так: увеличивать (или уменьшать) такой-то показатель в сторону его приближения к оптимуму *при выполнении таких-то ограничений*.

Без последнего условия задача не имеет смысла — мы никогда не имеем полной свободы действий. Ограничения-запреты есть категория *более фундаментальная*, нежели категория цели. Недаром самый важный вклад науки в развитие цивилизации заключается в том, что наука нашла метод отыскивать и формулировать именно *запреты*, ограничения. Невозможность устройства вечного двигателя, закон сохранения материи и энергии, второе начало термодинамики — все это ограничения, определяющие поле возможного.

Анализ «пределов» (непреодолимых в данный момент ограничений) и размышление над ними — одна из важных сторон *критического* рационального мышления, выработанного программой Просвещения. В такой критике нашего исторического бытия есть позитивное начало, в чем и заключается философская установка Просвещения. Эта критика неразрывно связана с самой идеей

прогресса, развития. Ведь развитие — это и есть нахождение способов преодоления ограничений посредством создания новых «средств», новых систем и даже новой среды. Как писал М. Фуко, «речь идет о том, чтобы преобразовать критику, осуществлявшуюся в виде необходимого ограничения, в практическую критику в форме возможного преодоления» [178, с. 352]. Уход, начиная с момента перестройки (а на интеллигентских кухнях уже с 60-х годов), от размышлений об ограничениях, в рамках которых развивалось советское общество, привел к тому, что попытка преодолеть эти реальные, но неосмысленные ограничения в годы реформы обернулись крахом.

Старое утверждение, гласящее, что «искусство управлять является разумным при условии, что оно соблюдает природу того, что управляется», кажется настолько очевидным, что Фуко называет его *пошлостью*. Но ведь правители России и их эксперты, начиная с Горбачева, принципиально не признавали этот тезис. Они открыто провозгласили, что будут управлять государством и обществом России, *вопреки* их природе, ломая и переделывая их природу. Они даже бравировали тем, что эту природу не знают и презирают.

Примером может служить приватизация земли в России в 90-е годы XX века и превращение ее в товар со свободной куплей-продажей. Она стала акцией государственной власти, беспрецедентной по тому отношению, которое было проявлено правительством к большому корпусу знания, накопленного по данной проблеме в мировой и отечественной науке. Превращение в товар общинных земель разного типа и последствия такого изменения были предметом интенсивных исследований экономистов, социологов и антропологов начиная с XVII века, с экспроприации общинных земель в Ирландии Кромвелем. Затем Локк исследовал эту проблему по заказу администрации колоний Северной Америки при Организации рынка общинных земель индейских племен.

К актуальным исследованиям практических реформ в XIX веке подключились историки. Были изучены результаты приватизации

общинных земель в Древнем Риме (как пишут историки, «результатом стало обезлюдение, Римская империя опустела и была захвачена варварами»). Огромный опыт был накоплен и изучен в ходе земельных реформ, которые вели колониальные администрации Англии в Индии и Франции в Северной Африке. В пореформенной России большое исследование общинного хозяйства, начиная от первобытного строя, у разных племен и народов (в Америке, Индии, Северной Африке и др.) провел русский либеральный социолог, историк и этнограф М. М. Ковалевский. Его книгу «Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения» (1879) тщательно конспектировал Маркс. Будучи членом Государственного совета, Ковалевский выступал против насильственного разрушения крестьянской общины, опираясь на опыт тяжелых последствий таких реформ в других странах. Исторический обзор накопления знаний о приватизации общинных земель дан в [101].

В начале XX века, по следам реформы Столыпина, ценное знание дали исследования российских экономистов-аграрников (А. В. Чаянов и др.). Земельные отношения стали важным предметом в *экономической антропологии*, которая стала развиваться на Западе в 60-е годы XX века. Но мы здесь говорим не о приватизации земли по существу, а о том, что в ходе подготовки важнейшей и очень рискованной реформы, которая стала одной из причин тяжелого и пока безвыходного кризиса российского сельского хозяйства, эксперты правительства и политики-реформаторы игнорировали современное кодифицированное знание *абсолютно и категорически*. Не было совершенно никакой возможности поставить вопрос на обсуждение даже в чисто академическом плане. Такое отношение власти к знанию не только сказывается на качестве решений, оно разрушает социальную систему знания, уничтожает тот *этнос*, который соединяет носителей знания в сообщество.

Как другой пример можно привести длящиеся уже почти двадцать лет бесплодные попытки выстроить в России двухпартийную политическую систему на манер западной. Это — один из больших

проектов социальной инженерии («социального дизайна»), в рамках доктрины *имитации*. Но политическая система — производное от структуры и культуры общества. Двухпартийная система и в особенности ее «мощный левый центр» — продукт зрелого *буржуазного* общества. Социал-демократизм — доктрина в философском плане сложная, а в социальном плане возможная лишь после того, как буржуазия накопит и завезет из колоний большие средства, чтобы оплатить социальное государство. Есть ли в РФ эти условия? Об этом вопрос в российском «обществе знания» даже не стоит. Эксперты власти знать реальности не желают, а конструировать политическую систему берутся. Общество переросло советскую политическую систему, но в нем вовсе не возникло зрелого буржуазного «субстрата», поэтому попытка искусственного копирования «двухпартийной машины» не удастся. Правая либеральная доктрина неадекватна состоянию экономики и международным условиям РФ, культуре и историческому опыту общества, а все это — исключительно устойчивые ограничения.

В данном случае попытка имитации тем более неразумна, что одновременно в РФ осуществляется «рыночная» реформа неолиберального типа, которая как раз ведет к разрушению принятой ранее на Западе двухпартийной системы. Неолиберальная волна просто смела эту систему, так что существенные различия между правыми («либеральными») и левыми («социал-демократическими») партиями исчезли.

Дж. Грей пишет: «Традиционный консерватизм отныне не может считаться реалистическим политическим выбором, поскольку институты и практики, составляющие его наследие, были сметены с исторической сцены теми рыночными силами, которые выпустила на волю или упрочила Неолиберальная политика... В то же время и сам неолиберализм сегодня можно рассматривать как политический проект, разрушающий свои собственные опоры» [62, с. 163].

Радикальный постмодерн неолиберализма выхолостил двухпартийную систему Запада — что же предлагается имитировать в

России? То, чего нет на Западе и не может сосуществовать с агрессивной новой средой? Уже в 80-е годы западная партийная система получила красноречивое название — *ambi-dextra* — то есть «двое-правая». Обе партии, независимо от их названий, проводят одну и ту же правую, неолиберальную, политику. Ведь кризис левых партий Запада тем и вызван, что социал-демократия взяла на себя задачу демонтировать западное «государство всеобщего благоденствия».

Вообще, если кто-то рассуждает о великой цели как наивысшей ценности, не указывая на ограничения, то его слова можно принять лишь как поэтическую метафору или как отступление от норм рационального мышления. Когда, например, говорят, что «конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой», то в этом, скорее всего, смешаны обе эти причины. Как это любой ценой? Есть же цена неприемлемая, например, гибель всего человечества.

Перестройку и реформу можно рассматривать как постановку множества целей по улучшению разных сторон нашей жизни. Ради этого предлагалось изменить те-то и те-то переменные (отношения собственности, политическое устройство, тип армии и школы и т. д.). В совокупности все эти изменения означали смену общественного строя. И если мы вспомним весь перечень частных задач, то убедимся, что ограничения не упоминались вообще или затрагивались в очень расплывчатой, ни к чему не обязывающей форме (вроде обещания Горбачева «конечно же, не допустить безработицы» или обещания Ельцина «лечь на рельсы»).

Рассмотрим два больших «проекта будущего», принятие которых к исполнению могло произойти только в условиях глубокой деградации когнитивной структуры власти и отключения целого ряда «контрольных механизмов» рациональности (в том числе категории ограничений, критериев и норм целеполагания). Первый проект — перестройка национально-государственного устройства СССР и России, второй — перестройка народного хозяйства.

Целеполагание и предвидение в перестройке государства

После трагедии в Беслане В. В. Путин сказал, что население РФ пожинает плоды «распада огромного и великого государства» (СССР). Но СССР не «распался» сам собой, а был уничтожен вследствие действий или бездействия верховной власти СССР и РСФСР. На какое же знание опиралась власть, принимая решения, которые привели к катастрофе, какова была та когнитивная структура, которая оказалась несостоятельной в предвидении важнейших массивных и необратимых общественных процессов? Это надо понять, приступая к строительству нового «общества знания». Ведь РФ по своему национально-государственному типу — тот же Советский Союз, только поменьше. Никуда не делись ни философия развала, ни сами философы. Леонид Баткин, один из «прорабов» перестройки, сказал после ликвидации СССР, напоминая своим соратникам: «На кого сейчас рассчитана формула о единой и неделимой России? На неграмотную массу?...» [27]. Был выброшен лозунг о «России делимой».

Идея развала Российской империи была одной из ключевых идей западной геополитики с конца XIX века. К этому были и предпосылки — наступление капитализма, породившего национальную буржуазию. Дворянство России было многонациональным и было заинтересовано в сохранении монархии и империи, а буржуазия желала национального либерального государства, что красноречиво показала Февральская революция, «рассыпавшая» империю. Примерно такие же предпосылки возникли в позднем СССР. Если поначалу номенклатура имела черты сословия и укрепляла империю-СССР, то в 80-е годы ее соблазнила идея оборотиться буржуазией и приватизировать достояние страны. Для этого надо было сначала «разрезать пирог». Декларации о суверенитете 1990 г. и были первым шагом по ликвидации общенародной собственности, разделом ее по национальным

республикам.

Но предпосылки — это всего лишь предпосылки. Нужна была доктрина, *легитимация знанием*. Идея разрушения Советского Союза была выношенной частью всего «антиимперского» проекта, рупором ее стал академик А. Д. Сахаров.

Сахаров был взят как знамя той радикальной частью элиты, которая пришла к власти в 1991 г. и определяла ход реформ. В 1994 г., к 73-й годовщине со дня рождения А. Д. Сахарова, Администрация Президента РФ издала брошюру «Слово о Сахарове» [154]. В ней — выступления тех, кто собрался на конференцию по случаю такого события. Показателен состав участников: Е. Г. Боннер, С. А. Ковалев, А. Н. Яковлев, А. В. Козырев, С. А. Филатов и др.; открывается брошюра обращением Б. Н. Ельцина.

Вот слова С. А. Филатова, тогда главы Администрации Президента: «В этом зале собрались те, кто считает себя учениками Андрея Дмитриевича... кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось... Тем большая ответственность лежит на нас, на людях, кому выпало сегодня осуществить то, о чем мечтал Андрей Дмитриевич Сахаров... Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова».

Чтобы понять «образ будущего» в сознании власти, которая «взяла на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось», надо выделить то главное, что «Андрею Дмитриевичу мечталось». Какой вектор в развитии общественных процессов он утверждал, воздействуя на события силой своего авторитета?

Сахарову претило само устройство СССР как единого государства, ядром которого являлся русский народ. В «Предвыборной платформе», которую Сахаров опубликовал 5 февраля 1989 г., было выдвинуто требование: «Компактные национальные области должны иметь права Союзных республик... Поддержка принципов, лежащих в основе программы народных фронтов Прибалтийских республик»

[149]. А в другом документе требовал, чтобы в Союзе вообще все структурные единицы имели статус союзной республики.

Предложенная им «Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии» (1989) означала расчленение СССР на полторы сотни независимых государств. Например, о нынешней РФ в ней сказано: «Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций» [152, с. 270]. Примечательно, что в этой «конституции» Северный Кавказ в Россию не включен — он входит в «ряд других республик».

Это было правовое и идеологическое обоснование развала. Даже части «республики Россия» помимо полной (!) экономической самостоятельности получали свои силовые структуры.[51](#)

Второй шаг — принятие 12 июня 1990 г. «Декларации о суверенитете РСФСР». Это была решающая акция по расчленению СССР. Недаром вплоть до недавнего времени ее праздновали как абсурдный «День независимости России». Одновременно в тех же кругах готовились декларации по отделению — уже от РСФСР. 27 ноября 1990 г. такую декларацию приняла Чечено-Ингушетия. Она рассматривала себя как суверенное государство, в Декларации не содержалось даже косвенных упоминаний о ее принадлежности к РСФСР. Эти два акта — единая связка, они написаны, можно сказать, одной рукой.

Дирижировал этим процессом Горбачев, он усиливал эту кампанию властью государства. В 1991 г. был проведен, несмотря на возражения Верховного Совета, референдум с провокационным вопросом — надо ли сохранять СССР. До этого сама постановка такого вопроса была неприемлемой и отвергалась массовым сознанием. Теперь власть заявила, что целесообразность сохранения СССР вызывает сомнения и надо этот вопрос поставить на голосование. Как мы помним, 76 %

населения высказалось за сохранение Советского Союза.

Но против СССР проголосовало более половины жителей двух привилегированных столиц. Здесь была сильна идея «разрушить империю любой ценой». Приближенный к Горбачеву историк Юрий Афанасьев писал: «СССР не является ни страной, ни государством... СССР как страна не имеет будущего». Историк М. Гефтер говорил в 1993 г. в Фонде Аденауэра об СССР, этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена» и Беловежское соглашение, мол, было закономерным.

Даже в 2005 г., когда отмечалась годовщина перестройки и уже было пролито много крови, Горбачев-фонд издал доклад с той же «антиимперской» риторикой: «Не секрет, что Советский Союз был построен на порочной сталинской идее автономизации, полностью подчиняющей национальные республики центру. Перестройка хотела покончить с такой национальной политикой». Какая схоластика! При чем здесь «порочная идея» 1920 года — ко времени перестройки СССР пережил несколько исторических эпох, прошел самые тяжелые испытания.

Проекты государственного устройства постсоветской России, исходящие из среды ученых, были поразительно утопическими, всякие нормы рациональности при этом проектировании будущего были отброшены. Академик И. Р. Шафаревич отвергал сложившийся за многие века принцип построения российского государства и предлагал взять за образец «нормальные» государства Запада (все же, наверное, не Заир): «На месте СССР, построенного по каким-то жутким, нечеловеческим принципам, должно возникнуть нормальное государство или государства — такие, как дореволюционная Россия и подавляющая часть государств мира» [194].

Это противоречит школьному знанию — дореволюционная Россия по своему устройству вовсе не была похожа ни на «подавляющую часть государств мира», ни на «нормальное национальное государство». Дореволюционная Россия была *многонациональной*

империей. При этом она не была похожа на другие, *колониальные* империи. И вообще, ничего «нормального» в государственных устройствах нет ни в США, ни в Германии, ни в Монако — тип государства вырастает не логически, по какому-то правильному шаблону а исторически. Каждый государственный организм имеет множество своих, уникальных черт.

А. С. Панарин в своей последней книге писал: «Только теперь, после наступления этого момента истины [реформы 90-х годов], все мы можем оценить, чем в действительности был для всех нас Советский Союз. Он был уникальной, не предусмотренной Западом для других народов перспективой самостоятельного прогресса и приобщения к стандартам развитости. Западная цивилизационная дихотомия: Запад и остальной мир, Запад и варварство, Запад и колониальная периферия — была впервые в истории нарушена для гигантского региона Евразии» [131, с. 173].

Утверждение Панарина является косвенной оценкой той части «общества знания», которая занимала в 80-е годы господствующее положение и которую он обозначает словами «все мы». Почему же оценить реально существовавшие формы социального общежития (Советский Союз) «все мы» смогли только после катастрофы — после того, как эти формы были разрушены по совету и при активных усилиях этого «общества знания»? Ведь это и есть признак его полной методологической несостоятельности. Необходим диагноз, о котором должно знать все российское общество и государство. Без него нет и не будет лечения, а сам «больной», похоже, своей болезни и не замечает.

Выработка и реализация всей доктрины по изменению государственного устройства России-СССР представляет собой поразительный факт в истории культуры и в социологии знания именно тем, что сообщества и организации, прямо ответственные за *целеполагание*, не только не выполнили своих функций, но как будто о них и не подозревали. В государственную систему вносились катастрофические изменения, но ни в одном документе не было

сказано в поддающихся рациональной трактовке понятиях — *зачем?*

Что предполагалось получить в результате этих изменений? Зачем принимались декларации о суверенитете с иррациональными, на грани безумия, статьями вроде того, что «все интеллектуальные ресурсы на территории республики принадлежат народу этой республики»? Зачем принимался «закон о репрессированных народах», который заведомо должен был стать детонатором межэтнических конфликтов на Кавказе?

Отсутствие формализованного изложения проблемы, цели, задач и средств их решения перед тем, как предпринять действия, кардинально изменяющих судьбу целых народов, было столь важным отказом всей «технологической» системы российского «общества знания», что без «инженерного» анализа причин такого срыва никаких шансов на эффективное строительство новой системы нет. Здесь нужна и рефлексия относительно собственных отказов и аварий, и привлечение анализа подобных случаев в других обществах.

Начиная с 1988 г. регулярно наблюдалось странное явление — при возникновении общественной проблемы, власти предпринимали действия, которые явно вели к *ухудшению* положения. В обиход даже вошло уклончивое понятие «контролируемые катастрофы». Поскольку это стало своего рода *технологией* власти, можно предположить, что принятие таких решений было рациональным с точки зрения тех скрытых целей, которые преследовали реформаторы. Но это — «рациональные *теневые* цели», мы же говорим о рациональности *явного* дискурса власти и политической элиты, который формировал нормы рациональности (Тойнби при анализе кризиса цивилизаций придавал большое значение тому факту, что элита сама начинает верить в мифы, с помощью которых она манипулирует массовым сознанием — именно тогда создается «ад крошечный»).

Магическим действием на сознание политически активной части общества во время перестройки и реформы обладал иррациональный аргумент, который раз за разом использовали после очередной мини-катастрофы идеологи и политики: «Ведь что-то надо было делать!»

Например, в 1991 г. с помощью боевиков неформальных групп были ликвидированы органы советской власти в Чечне и учрежден «созданный в лаборатории» режим Дудаева, постмодернистская смесь адата, шариата, архаичной клановой демократии и уголовной иерархии. Этому режиму передаются армейские арсеналы. Затем центральная власть совершает беззаконие — «фрахтует» танки и экипажи (без военной формы и знаков различия) и организует рейд в Грозный. Так началась война.

Невысказанный вопрос был всем известен: «Почему из всех возможных вариантов действия вы выбрали наихудший?» И в ответ слышали: «Что-то надо же было делать!» Ответ не соответствовал вопросу, но он *принимался*. Структурно точно такое же положение складывалось и по проблемам расчленения РАО ЕЭС или железных дорог, реформы ЖКХ или «монетизации» льгот. В воздухе висит вопрос: «Зачем?!», — а в ответ мы слышим: «Что-то надо же делать!»

Это воспринималось как специфический «российский» отказ рациональности. На деле речь идет о политической технологии, которая ради конъюнктурной задачи власти (уйти от диалога) подрывает рациональность. Н. Хомский, который скрупулезно собирает подобные случаи отказа рациональности в США и заполняет ими свои книги, пишет о том, какое объяснение давалось бомбежкам Югославии в 1999 г.: «Расхожий тезис утверждает, что США нужно было что-то делать: они не могли просто оставаться безучастными наблюдателями в то время, как в Косово продолжались злодеяния. Этот аргумент настолько абсурден, что даже как-то странно его слышать. Предположим, что вы видите, как на улице совершается преступление, и понимаете, что не можете молча стоять в стороне — поэтому вы берете автоматическую винтовку и убиваете всех участников данного события: преступника, жертву, свидетелей. Должны ли мы воспринимать это как разумную и морально оправданную реакцию?» [182, с. 62].

Те, кто в России творил хаос в мышлении ради своих мелких целей, не слушали предупреждений. А ведь специалисты, исходя из теории

хаоса, указывали, что при этом самом «новом мышлении» будут приниматься наихудшие решения и выбираться наихудшие варианты. И это разрушение здравого смысла проводилось под знаменем перехода к высоким интеллектуальным стандартам.

Что же касается представлений о мироустройстве и месте России в мире, то интеллектуальные авторитеты, на которые ориентировалась власть, отвергали выработанное в русской и советской культуре знание вполне определенно. Так, Сахаров был убежденным *мондиалистом* — сторонником исчезновения наций и унификации мира под властью мирового правительства. Уже в «Меморандуме» (1968) он пишет: «Человечество может безболезненно развиваться только как одна семья, без разделения на нации в каком-либо ином смысле, кроме истории и традиций». В своем проекте «конституции» Сахаров пишет: «В долгосрочной перспективе Союз стремится к конвергенции социалистической и капиталистической систем... Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства» [152].

Сахаров выражает здесь ту утопию Просвещения, которая, парадоксальным образом, стала господствовать в мировоззрении советского «общества знания» конца 80-х годов и в большой мере продолжала господствовать в 90-е годы — утопию слияния народов и наций в одну цивилизацию с одной («лучшей») моделью жизнеустройства и с единой шкалой «общечеловеческих» ценностей. Это было колоссальным провалом советского «общества знания», который и привел к тяжелому культурному, а затем и системному кризису общества и государство.

Западное «общество знания» эту утопию, в общем, преодолело, оставив ее лишь в арсенале *идеологии*, как средство манипуляция сознанием. Оно рационально освоило уроки XX века с его фашизмом на Западе и взрывом этнического сознания в «третьем мире». Проявления культурного и этнического партикуляризма были встроены западным «обществом знания» в картину мира как неотъемлемо присущий социальной реальности фактор. Изучение

этого фактора даже позволило прикладному обществоведению Запада превратить партикуляризм в политический инструмент и создать ряд эффективных технологий, в том числе для «холодной войны» против СССР, а теперь и против России (например, технологии «оранжевых» революций [84]).

В России «общество знания» двигалось в совершенно противоположном направлении, видя мир через призму «мышления в духе страны Тлён». Сахаров предсказывал не крах Советского Союза, побежденного в «холодной войне», а его конвергенцию с Западом и создание Мирового правительства. Академик Н. Амосов (занимавший в рейтинге духовных авторитетов интеллигенции начала 90-х годов третье место), в своем предвидении будущего был близок к Сахарову. Он писал: «Созревание — это движение к „центральному разуму“ мировой системы, возрастание зависимости стран от некоего координационного центра, пока еще не ставшего международным правительством... Можно предположить, что к началу XXI века вчерне отработается оптимальная идеология... — частная собственность 70 проц и демократия — в меру экономического созревания...

Будет сохраняться несовпадение интересов, продуцируемое эгоизмом и агрессивностью на всех уровнях общественных структур. Особенно опасными в этом смысле останутся бедные страны. Эгоизм, нужда могут мобилизовать народы на авантюрные действия. Даже на войны. Но все же я надеюсь на общечеловеческий разум, воплощенный в коллективной безопасности, которая предполагает применение силы для установления компромиссов и поддержания порядка. Гарантом устойчивости мира послужат высокоразвитые страны с отработанной идеологией и с достаточным уровнем разума» [20].

Полный провал этих предвидений — признак глубоких дефектов когнитивной структуры нашего «общества знания». Рациональный анализ этих дефектов и вызванных ими отказов и аварий — абсолютно необходимый этап в проектировании нового «общества знания»

Целеполагание в реформировании социальной системы

Проектирование будущей *социально-экономической системы* в конце 80-х годов исходило из двух принципов: возможно более полного слома советской системы с созданием необратимости; имитации западных структур как «естественных» и эффективных.

А. Д. Сахаров в «Предвыборной платформе» в феврале 1989 г. в первом пункте прямо ставил как цель смену всей экономической основы жизнеустройства: «Ликвидация административно-командной системы и замена ее плюралистической с рыночными регуляторами и конкуренцией... Свободный рынок рабочей силы, средств производства, сырья и полуфабрикатов» [152, с. 257].

Речь здесь идет о *радикальной* смене общественного строя («ликвидация», а не реформирование). В основу нового общества предлагается положить конкуренцию, а не сотрудничество — то есть, имеется в виду вовсе не «социализм с человеческим лицом», не «конвергенция» и даже не социал-демократия шведского типа, а именно «дикий капитализм» (как пишут либеральные философы, «палеолиберализм»). Свободный рынок рабочей силы! Даже без профсоюзов, коллективных договоров и трудового законодательства, которые на Западе с XIX века *ограничивают* свободу рынка труда. Власть, которая аплодировала Сахарову, получила от него совершенно ясную и четкую программу, заверенную авторитетом знания — программу утопии дикого капитализма в уже индустриальной России.

Советник Ельцина философ А. И. Ракитов ставил цель еще более глубокой трансформации — самого ядра культуры. Он писал в 1992 г.: «Трансформация российского рынка, основанного на низких технологиях и вялотекущих экономических процессах,

малоинициативных предпринимателях и купцах,... отсутствии серьезной капиталистической этики и свободы предпринимательства, в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры» [143].

Вот каким было целеполагание власти: сменить сам тип *цивилизации* России. Это цель *идеальная*, она формулируется на языке этических ценностей, которые не лежат в сфере рационального знания, но взаимодействуют с ним. Это взаимодействие при целеполагании во время перестройки и реформы было нарушено. Как только в «дереве целей» происходил переход на один уровень вниз, от идеальной цели к целям практических программ действия, формулировки становились *иррациональными*, они активно и даже агрессивно противоречили знанию.

В своем предисловии к «Черной книге коммунизма» А. Н. Яковлев предложил реформаторам доктрину «Семь „Д“» — семь магических действий, которые надо совершить в ходе реформы. Это — формула целеполагания, обнародованная академиком РАН, членом Политбюро ЦК КПСС, «архитектором» перестройки. Четвертым «Д» у него стоит *деиндустриализация*. Разъяснение этой немислимой цели заменено бессвязными и не имеющими отношения к теме банальностями вроде такой: «Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный мир едины». Что это такое, при чем здесь это? Как из этой сомнительной сентенции вытекает, что в РФ надо проводить деиндустриализацию? А главный вывод апокалиптичен и столь же нелеп. Если, мол, наши заводы будут продолжать шуметь и дымить, то: «Сначала „положим зубы на полку“ из-за почвенного Чернобыля, начнем угасать от химических продуктов и других индустриальных отрав, в смоговых нечистотах. А потом что? Потом экологическая смерть». И эти некогерентные и безответственные суждения становились частью доктрины промышленной политики огромного государства!

Это редкостное по своей иррациональности стремление

уничтожить Отечественную промышленность было широко распространено в реформаторской элите. В важной перестроечной книге В. А. Найшуль пишет: „Чтобы перейти к использованию современной технологии, необходимо не ускорить этот дефектный научно-технический прогресс, а произвести почти полное замещение технологии по образцам стран Запада и Юго-Восточной Азии. Это возможно достичь только переходом к открытой экономике, в которой основная масса технологий образует короткие цепочки, замкнутые на внешний рынок. Первым шагом в этом направлении может стать привлечение иностранного капитала для создания инфраструктуры для зарубежного предпринимательства, а затем — сборочных производств, работающих на иностранных комплектующих» [122].

Целевая установка на деиндустриализацию России систематически обосновывалась академиком Н. П. Шмелевым. В важной статье он пишет: «Наиболее важная экономическая проблема России — необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных, условиях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей...

Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5 % трудоспособного населения (2-3 % в традиционной промышленности и 1-1,5 % в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива» [199].

Давайте внимательно вчитаемся в каждое из этих утверждений. Во-первых, критерием «нормальности» экономики академик считает не степень удовлетворения жизненных потребностей населения и страны в целом, а наличие *конкуренции*. Это — ценностное, а не рациональное суждение. Даже один из основателей концепции гражданского общества Гоббс признавал, что существуют два примерно

равноценных принципа устройства хозяйства — на основе *конкуренции* и на основе *кооперации*, сотрудничества. Он пишет: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними». Гоббс отдавал предпочтение конкуренции, но вовсе не считал этот принцип очевидно более эффективным. В своем выборе он исходил, скорее, из внеэкономических критериев.

На что же готов пойти Н. П. Шмелев ради приобретения «конкурентности»? На ликвидацию до 2/3 всей промышленной системы страны! Это нельзя считать рациональным утверждением.⁵² На деле никакого экономического смысла в уничтожении отечественных промышленных предприятий быть не может — даже если они в данный момент неконкурентоспособны. Создать их стоило стране огромных усилий, и решение в момент кризиса раскрыть страну для ликвидации ее промышленности иностранными конкурентами неразумно (если только это не следствие коррупции). Д. И. Менделеев в похожей ситуации в конце XIX века предупреждал о необходимости защитить промышленное развитие народов России «против экономического порабощения их теми, которые уже успели развиться в промышленном отношении».⁵³

Такое отношение к отечественной промышленности, к национальному достоянию России, поразило специалистов во всем мире. В докладе американских экспертов, работавших в РФ, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно-известных лабораторий — значит смириться с ужасным несчастьем» [206].

Под идеей деиндустриализации у искренних реформаторов лежала аутистическая иррациональная вера в *постиндустриализм*. Этим объясняется тяжелое нарушение логики в последней части приведенного умозаключения Н. П. Шмелева. Вдумаемся: «Если

через 20 лет в наиболее развитой части мира в материальном производстве будет занято не более 5 % — значит, это и наша перспектива».

Во-первых, откуда взялся нелепый постулат, согласно которому к 2015 году «в наиболее развитой части мира в материальном производстве будет занято не более 5 %»? Это полностью противоречит всему тому знанию, которое к середине 90-х годов было накоплено о постиндустриальном обществе Запада. Было показано, что это вовсе не «деиндустриализованное» общество, а общество *гипериндустриальное* (см. О.З.: История... разд. I, гл. 3). Именно благодаря ускоренному развитию *отечественной* промышленности страны Запада могли *территориально* (!) переместить ее трудоемкую часть в зарубежные предприятия или отделения своих транснациональных корпораций. Но и там производство, использующее дешевую рабочую силу, остается частью то же самой отечественной промышленности.

Вот пример. В 80-е годы промышленные предприятия США стали переводить свои сборочные цеха в специальную зону на севере Мексики. Там возникли особые заводы (*maquiladoras* — от слова *maquila*, то есть часть муки, отдаваемая мельнику за помол; эти заводы платят Мексике не деньгами, а бартером, частью готовой продукции). Зарплата на этих заводах в 11 раз меньше, чем в таких же цехах в США. Эта система быстро расширялась. Уже в самом начале 90-х годов на этих заводах-*maquiladoras* производилось 33 % моторных блоков, используемых в автомобилях США, и 75 % других важнейших компонентов автомобилей [182, с. 165]. В 2000 г. в Мексике насчитывалось уже около 2 тыс. сборочных заводов, на которых трудилось 1,34 миллиона рабочих. На эти заводы приходилось свыше половины экспорта страны. Для экономики США эти заводы были не только источником дешевой рабочей силы, но и «кризисонеустойчивыми» предприятиями, которые желательно иметь вне собственных границ. Так, при экономическом спаде в США в 2001 г. в Мексике было закрыто около 500 таких заводов и уволено 250

тыс. работников — без всяких социальных гарантий [48].

Но главный разрыв в логике Н. П. Шмелева состоит в утверждении, что в результате деиндустриализации к 2015 г. место жителей России будет именно в «золотом миллиарде». Как же она станет элементом «наиболее развитой части мира»? Где она возьмет авианосцы, чтобы заставить бразильцев и малайцев осуществлять для нее «материальное производство»?

Аутистическая утопия «постиндустриализации», которая, якобы, позволит человечеству обходиться без материального производства — промышленности и сельского хозяйства — культивировалась не только в сознании прорабов перестройки. Ей, например, был подвержен Г. Греф — Министр по делам экономического развития РФ. В апреле 2004 г. он представил свой образ будущего на научной конференции, которую живо обсуждала пресса. Вот выдержка из обзора: «Призвание России состоит в том, чтобы стать в первую очередь не руками, а мозгами мировой экономики!» — таков был первый тезис министра. Но он сам тут же его и дезавуировал: «Этого нельзя сделать ни за десять, ни за пять лет, но мы должны последовательно идти в эту сторону». [54](#)

Затем Греф назвал два возможных пути развития экономики России. При движении по первому «граждане будут получать низкую зарплату и смогут конкурировать по этому показателю со странами уровня Эфиопии, а рента с монополий будет уходить на скрытые дотации неконкурентоспособной промышленности». Второй путь, который Герману Грефу кажется предпочтительным, — это «не только путь борьбы за рынки, но и путь создания новых рынков». Затем последовал странный вывод: «Могу поспорить, что через 200-250 лет промышленный сектор будет свернут за ненадобностью так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства» [94].

Принципиальный дефект той когнитивной структуры, на основе которой вырабатывалась доктрина реформ — *этический нигилизм*, игнорирование того типа знания, которое «записано» на языке нравственных ценностей. Отсутствие этой компоненты в

целеполагании больших реформ выхолащивает их смысл, лишает легитимности. Постановка цели реформы всегда предваряется манифестами, выражающими этическое кредо ее интеллектуальных авторов. Они обязаны сказать людям, «*что есть добро*». Сами по себе политические или экономические инструменты или механизмы (демократия, рынок) не могут оправдывать слом жизнеустройства и массовые страдания людей. Современный капитализм и буржуазное общество могли быть построены потому, что им предшествовало построение новой нравственной матрицы — *протестантской этики*. Она предложила людям новый способ *служения Богу*, инструментом которого в частности была нажива. Именно в частности, как один из инструментов, а не как идеальная цель. Новое представление о добре и связанный с ним новый тип знания, порожденные Реформацией, легитимировали новое жизнеустройство, оправдали страдания.

Ничего похожего не породило «общество знания» эпохи Горбачева-Ельцина. За первые десять лет перестройки и реформы обществоведение реформаторов много сделало, чтобы вообще устранить из мировоззренческой матрицы власти сами понятия греха и нравственности, заменив их критерием экономической эффективности. Н. П. Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно и, наоборот, что эффективно — то нравственно». [55](#) Здесь принято новое соподчинение фундаментальных категорий — *эффективности* и *нравственности*. Это радикальный разрыв с традиционной шкалой ценностей («совесть выше выгоды»), но для нашей темы важнее отход от знания: ведь реформа декларирует построение гражданского общества, но заявленная формула находится в прямой противоположности одному из принципов Дж. Локка. На деле обществоведение исподволь занималось легитимацией криминального, а не гражданского общества.

Элитарную часть обществоведов поразила необычная патология — утрата чувства сострадания к простому человеку. Вот, выступает по телевидению Ю. Левада, директор ВЦИОМ, социолог — как бы врач,

ставящий диагноз обществу. Он успокаивает власть: непримиримых противников реформы всего 20 % населения (всего-то 30 миллионов!), но вы не беспокойтесь — это люди в основном пожилые, без высшего образования, им трудно организовать. Дескать, подавить их людям молодым, энергичным и захватившим большие деньги, труда не составит. Какой разрыв с извечной моралью!

Реформа принесла большинству граждан России тяжелые страдания. Вот статистически значимый, массивный симптом социальной патологии, порожденной реформой. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации» (М., 2000) гласит: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи». В этих условиях обогащение узкой группы «новых собственников» и в особенности изъятие ими больших средств на скупку вилл и яхт за рубежом принимает демонстративно аморальный характер. Реформа не то что не сформировала чего-то похожего на протестантскую этику, она сформировала ее *антипод* — этику социального хищника и расхитителя средств производства и жизнеобеспечения общества.

Т. И. Заславская признает «снижение социальных запросов населения вследствие постепенного свыкания с бедностью и утраты надежд на восстановление прежнего уровня жизни». Казалось бы, невозможно было уйти от этических проблем такого изменения. Однако, выступая по поводу реформы, обществоведы не касались ее «человеческого измерения». Изредка кто-то из них в 90-е годы критиковал правительство, хотя и не ставя при этом принципиальных методологических вопросов. Так, академик Г. А. Арбатов посчитал нужным отмежеваться от правительства Гайдара: «Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаясь понравиться МВФ» [23].

В ответ на это Е. Майминас сразу же объяснял, что эти упреки

вызваны вовсе не состраданием, а исключительно прагматическими соображениями — как бы не раздражить зверя. Он пишет: «Почему эти серьезные люди — отнюдь не экстремисты — бросают в лицо правительству тяжелейшие обвинения в жестокости, экспроприации трудящихся или сознательном развале экономики...? Первая причина — в небезосновательных опасениях, что предстоящая либерализация практически всех цен, особенно на топливо и хлеб, даст новый импульс общему резкому их росту, дальнейшему падению жизненного уровня и вызовет мощный социальный взрыв, который может открыть путь тоталитаризму» [112]. Дескать, вот если бы стояли у нас оккупационные войска, которые защитили бы нас от тоталитаризма, тогда можно было бы бесстрашно обречать людей на бедность.

В 2001 г. официальный прожиточный минимум среднем по РФ составлял 1,7 долл. в день, в то время как ООН считает, что для разных стран уровень *нищеты* находится в диапазоне 2-4 долл. в день. Как пишет директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Н. М. Римашевская, «проблема бедности как самостоятельная исчезает, замещаясь проблемой экономической разрухи... Бедной становится как бы страна в целом» [145]. В РФ возникла уникальная категория «новых бедных» — *г р у п п ы работающего* населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам нигде никогда ранее не были малообеспеченными.

Важной особенностью природы российской бедности является и тот факт, что она, будучи создана посредством нанесения по обществу ряда молниеносных ударов (типа либерализации цен в январе 1992 г. и конфискации сбережений граждан), в дальнейшем стала воспроизводиться и углубляться в результате ряда *массивных*, очень *инерционных*, но начавших идти с ускорением процессов. К их числу можно отнести: ликвидацию или деградацию рабочих мест вследствие длительного паралича производства; физический и моральный износ всей производственной базы страны; деградацию и даже разрушение

жилищного фонда страны и инфраструктуры ЖКХ, что требует растущих затрат на его содержание, которые перекладываются на плечи жильцов; ухудшение физического и духовного здоровья обедневших людей, что создает порочный круг, из которого очень трудно вырваться; угасание трудовой и жизненной мотивации, снижение квалификации работников и быстрое нарастание малограмотности и неграмотности.

Наконец, важным условием создания и воспроизводства бедности является становление и укрепление теневой и криминальной экономики. Бедность является ее питательной средой и одновременно следствием. Уже сейчас в РФ огромны масштабы низкооплачиваемого и почти рабского труда нелегальных мигрантов. Присутствие целой армии таких бесправных работников на рынке труда настолько сбивает цену на рабочую силу, что в РФ нет даже возможности наладить капиталистическую эксплуатацию трудящихся — перед нами уклад, представляющий собой угнетение населения неофеодальным сословием, которое действует под маской предпринимателей.

По данным социологов (Н. М. Римашевская), к 1996 г. в результате реформ в РФ сформировалось «социальное дно», составляющее по минимальным оценкам 10 % городского населения или 10,8 млн человек. В состав его входят: нищие (3,4 млн), бездомные (3,3 млн), беспризорные дети (2,8 млн) и уличные проститутки (1,3 млн).⁵⁶ Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6 % — высшее. 85 % населения и 87 % экспертов считают, что «социальное дно» растет и становится более агрессивным. Сложился и равновесный слой «придонья» (зона доминирования социальной депрессии и социальных катастроф), размеры которого оцениваются в 5 % населения. Как сказано в отчете социологов, находящиеся в нем люди «испытывают панику».

Опасность сдвига от структурной бедности к крайнему обеднению резко усиливается вследствие резкого расслоения *регионов* РФ по

доходам населения. Одним из принципов советской социальной политики было постепенное выравнивание регионов по главным показателям благосостояния. На общем фоне существенно выделялись столицы — Москва и Ленинград. В ходе реформы региональная дифференциация резко усилилась. Резко нарушились устоявшиеся, стабильные соотношения в социальных индикаторах разных регионов страны.

Например, если в 1990 г. средний доход жителей Горьковской области составлял 72,4 % от среднего дохода жителей Москвы, то в 1999 г. средний доход жителей Нижегородской области составлял всего 16,9 % от среднего дохода москвичей, а в 2006 г. 27,4 %. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,53 раза. В 1995 г. она выросла до 15,6 раза, а в 2006 г. составила 10,2 раза.

При этом интеллектуальные авторы реформы не только не признают это социальной аномалией, но и оправдывают ее «теоретически». Е. Гайдар рассуждает: «Либеральные идеи в том виде, в котором они сформировались к концу XVIII века, предполагали акцент на свободу, равенство, самостоятельную ответственность за свою судьбу. Либеральное видение мира отвергало право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи» [52].

Здесь мы не даем оценки этой стороне целеполагания российской реформы. Мы обращаем внимание на то, что ее главные социальные установки противоречили **знанию**. Программа реформы принципиально не предполагала механизмов, предотвращающих обеднение населения, эта задача была исключена из дерева целей. Исследователи ВЦИОМ пишут: «Процессы формирования рыночных механизмов в сфере труда протекают весьма противоречиво, приобретая подчас уродливые формы. При этом не только не была выдвинута такая стратегическая задача нового этапа развития российского общества, как предупреждение бедности, но и не было

сделано никаких шагов в направлении решения текущей задачи — преодоления крайних проявлений бедности» [77].

Это противоречило фундаментальным свойствам «объекта реформирования». И антропология культуры России, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, и русская православная философия исходили из представления, что бедность есть порождение несправедливости и потому она — *зло*. Таков важный стереотип общественного сознания. Надо особо подчеркнуть, что понимание бедности как зла, несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни, вовсе не является порождением советского строя и его идеологии. Напротив, советский строй — порождение этого взгляда на бедность.

Вот выдержка из старого дореволюционного российского *учебника* по гражданскому праву: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немыслимы... За каждым должно быть признано то, что называется правом на существование... Дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование... Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности» [136].

В этом разделе учебника, во-первых, отрицается способность рынка оценить реальный вклад каждого человека в жизнеобеспечение

общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе — именно как право, а не *милость*. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью. Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России начала XX века является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным. В России реформаторы конца XX века, напротив, стали выбрасывать из общества бедных (фондовый коэффициент за время реформы вырос с 3,5 до 14,5, а с учетом теневых доходов он оценивается в 30-40). Это был исторический выбор, сделанный без рефлексии и без диалога. Так был задан определенный вектор, и явного осознанного отказа от него до сих пор не произошло.[57](#)

Этот вектор противоречит и тому знанию, которое было систематизировано и кодифицировано за рубежом. История быстрого индустриального и экономического развития стран с разными типами культуры убедительно показала, что быстрое развитие возможно лишь при условии ликвидации бедности и большого разрыва в доходах. Ренегаты социалистической идеи и слышать не желают о проектах развития в рамках этой доктрины. Но вот пример Тайваня. Там в 1960-1974 гг. была проведена форсированная программа экономического развития, успех ее во многом был предопределен ликвидацией бедности и сокращением расслоения общества. Децильный фондовый коэффициент, составлявший в 1953 г. 30,4, был резко сокращен до 8,6 в 1964 г. и 6,8 в 1972 г. [148].

Ограничение бедности стало рассматриваться как важное условие и выхода из тяжелых кризисов. Л. Эрхард в программе послевоенного восстановления ФРГ даже включал гарантию против внезапного обеднения в число *фундаментальных прав*: «Принцип стабильности цен следует включить в число основных прав человека, и каждый гражданин вправе потребовать от государства ее сохранения».

В российском обществе бедность является *социальной болезнью*. Для ее лечения необходим рациональный подход — с установлением

диагноза, выяснением причин и отягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то значит, не может быть и рационального плана ее разрешения.

В РФ сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать проблему бедности. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной «фотографии» нашей бедности, ее «карты». [58](#)

Ни наше общество, ни сформированное в советское время обществоведение методологически не были готовы для того, чтобы рационально описать и изучать разрушительные процессы, порожденные «революцией регресса». Но тот факт, что и за двадцать лет этой революции нет никаких импульсов, чтобы развить или хотя бы освоить чужие методы описания и анализа таких объективно существующих теперь в нашем обществе объектов, как бедность, говорит о глубоком поражении рациональности всего нашего культурного слоя. Отвергая знание о бедности, реформаторы грубо нарушили нормы рациональности — кардинальное изменение социального порядка было совершено без минимальных необходимых процедур обоснования.

Структурные деформации в методологии целеполагания

Этот провал в выполнении властью функции целеполагания во многом был предопределен деградацией важного блока мыслительного аппарата «общества знания» — соподчинения категорий «параметр-показатель-критерий». Образование дает навыки

применения этих инструментов и при изучении реальности, и при решении задач на оптимизацию. В ходе реформы интеллектуальные службы как будто забыли самые элементарные правила.

Любая величина, поддающаяся измерению, является *параметром* системы. Однако сама по себе эта внешняя, видимая величина мало что говорит об изучаемом явлении. Параметр становится *показателем*, то есть величиной, которая посредством своей количественной меры показывает нам какое-то скрытое свойство системы («латентную величину»), только в том случае, если мы имеем *теорию* или *эмпирически найденное правило*, которое связывает параметр с интересующей нас латентной величиной. Например: «Если температура тела выше 37°C , то это значит, что вы больны, поскольку...».

В практических руководствах даже подчеркивается, что если исследователь выдает параметр за показатель, не сообщая явно, какую латентную величину он стремится охарактеризовать, и не излагая теорию (или хотя бы гипотезу), которая связывает параметр с латентной величиной, то он нарушает *нормы логики*. В этом случае рекомендуется не доверять выводам этого исследователя, хотя они случайно и могут оказаться правильными. Принимать такой параметр за показатель нельзя.[59](#)

Конечно, в некоторых случаях теория или эмпирическое правило стали настолько общеизвестными, что их перестали оговаривать. Благодаря многократному повторению измерений мы *верим*, что такая теория существует. Многие люди дома измеряют себе и своим близким артериальное кровяное давление, и им уже не важна теория, объясняющая связь между показанием манометра и состоянием организма. Они видят стрелку на числе 180 мм — и сразу принимают таблетку и вызывают врача. Но крестьянин из штата Кашмир, который ничего не слышал ни об артериальном давлении, ни о ртутном столбе, никакого вывода из данных измерения сделать не сможет. Никаким показателем для него число 180 не является.

Перестройка привела к тяжелой деградации культуры применения

количественной меры для характеристики общественных явлений, процессов, проектов. Всякая связь между измерением и латентной величиной очень часто утрачена, да о ней и не вспоминают. Общей нормой стала подмена показателя параметром без изложения теории соотношения между ними и даже без определения той скрытой величины, которую хотят выразить при помощи параметра. Это определение чаще всего заменялось намеками и инсинуациями. Мол, сами понимаете, административно-командная система...

Например, в элите реформаторов было (и остается!) мнение, что советская экономическая и политическая система уже потому была абсурдна, что в СССР имелось избыточное количество вооружения. 60 тысяч танков, сами понимаете... Попытки узнать, как из этого параметра (60 000 танков) выводится оценка латентной величины «качество советской системы», всегда отвергались сходу. А ведь даже на первый взгляд видно, что если этот *параметр* и является *индикатором* чего-то, то связь эта очень непростая, ее еще надо найти. 60 тысяч танков в СССР — это по одному танку на 5 тыс. человек или на 400 кв. км. Много это или мало? Чтобы высказать рациональное суждение, требуются дополнительные данные и логические умозаключения. Но само требование сделать такое умозаключение отвергалось начисто, как и объяснения военных. Это признак деградации рациональности.

Другим важным тезисом было утверждение о неэффективности советской науки. Как довод использовались два параметра — число Нобелевских премий и средняя частота цитирования работ советских ученых в западных журналах. Эти доводы были прямо использованы в политической практике, когда с 1992 г. приступили к ликвидации отечественного научного потенциала. На деле оба названные параметра не могут служить показателем полезности советской науки.

Нобелевская премия дается, условно говоря, за работы, «блестящие во всех отношениях». Такую премию получают ученые, лидирующие в научном направлении, их работы являются вершиной айсберга усилий большой международной бригады. Большинство

советских ученых не имело ресурсов — ни материальных, ни временных, — чтобы становиться лидерами международных бригад (хотя и такое бывало как исключение). Они делали «просто блестящие» работы. Решив проблему, они не доводили ее до блеска «во всех отношениях», а шли дальше.

Советская наука, отставая от западной в оснащенности материальными ресурсами на два порядка, обязана была обеспечить минимально необходимым «количеством» научного знания отечественное хозяйство, социальную сферу и оборону. Фактически, она должна была обеспечить на критических направлениях *паритет с Западом*. Ориентироваться при этом на получение Нобелевских премий, отшлифовывая результаты до стандартов этих премий, было бы постыдным приспособленчеством. Измерять реальную ценность отечественной науки этими премиями — значит в лучшем случае обнаружить прискорбное непонимание социальных функций нашей науки и ее отличия в этом отношении от западной.

Еще больше противоречит знанию о социодинамике культуры использование в качестве показателя ценности науки сравнительно нового параметра — *цитируемости* публикаций. Никаким *показателем* эта «измеряемая» величина быть не может, и ее наукообразность и правдоподобность никак не могут извинить верхоглядства тех, кто пытается сделать из этих измерений какие-то многозначительные выводы.

Прежде всего, сравнение цитируемости советских и американских авторов не имело смысла из-за того, что американцы русского языка не знают — как же они могли цитировать работы на этом языке. А «Указатель научных ссылок» — американское издание «Science Citation Index» — охватывал очень мало незападных журналов и на 90 % отражал «цитируемость работ *западными* учеными». Но это даже не главное.

Главное в том, что когда кто-то ссылается в своей статье на работу другого ученого, он действует по принципу «все или ничего». Он оценивает ту работу, ссылку на которую помещает в

библиографию своей статьи, в 1 балл, а все остальные работы, которые использовал в своем исследовании, но не может процитировать, — в 0 баллов. Но ценность тех работ, которые он использовал, вовсе не отличается как 0 и 1. И выходит, что работа с ценностью, условно говоря, 0,99 балла все равно оценивается как бесполезная, получает 0 баллов.

Таким образом, частое цитирование каких-то работ, конечно, говорит о том, что это важные работы, но обратное утверждение неверно. Работы, которые не были процитированы, могут иметь высокую ценность, лишь чуть-чуть не дотягивая до 1 балла. На основании такого параметра ничего нельзя сказать о ценности таких работ — они оказываются в *зоне неопределенности*.⁶⁰ А если еще есть дополнительные факторы, которые снижают цитируемость какой-то совокупности авторов, как это и было в отношении советских публикаций, то использование этого параметра в качестве показателя приводит к заведомо ложным оценкам. Причем ошибка будет исключительно грубой. Однако в годы перестройки эти пресловутые «количественные» оценки вновь вытащили наружу и сейчас делают важным индикатором в научной политике.

Наконец, третий элемент триады категорий, необходимых для разумной постановки любой цели — *критерий*. Он, подчиняясь цели более высокого порядка, отражает представления о добре и зле, исходя из которых ставится задача. В общем случае, можно сказать, что критерий достижения цели есть инструмент, позволяющий при выполнении программы изменений зафиксировать то состояние дел, когда реформатор может сказать «это — хорошо!» Не имея критериев оценки, в принципе невозможно рационально программировать свою целенаправленную деятельность.

Неверный критерий означает, как правило, неверную постановку цели, что обычно обнаруживается поздно и нередко с самыми печальными результатами. В большинстве типичных ситуаций ошибка в выборе критерия оказывается связанной и с ошибочным определением показателя и параметра.⁶¹ Культура определения

критериев и их взаимосвязи с параметрами и индикаторами была подорвана во время перестройки столь грубо, что и до сих пор не видно признаков ее восстановления.

Спрашивать о показателях и критериях считалось почти неприличным. Вот, например, Н. Шмелев и В. Попов пишут в книге о советском сельском хозяйстве: «Второй по численности в мире парк тракторов используется хуже, чем где-либо: из почти 3 млн тракторов только по причине технической неисправности не эксплуатируется 250 тысяч» [200, с. 158].

Ну и что? Что здесь является показателем, каков критерий? Да, 8 % тракторов находятся в ремонте — много это или мало, хорошо это или плохо? Сколько должно находиться в ремонте в идеальном случае? Почему? Сам выбор параметра смысла не имеет. Он никак не связан с той функцией, которую выполняет трактор в системе сельского хозяйства. Почему же авторы выбирают такой странный параметр и не сообщают критерий? Потому, что если бы они взяли разумный показатель — число гектаров пашни, которую в СССР обрабатывал один трактор, то эффективность его использования пришлось бы оценить как поразительно высокую. Ибо в СССР один трактор обрабатывал площадь, в 10 раз большую, чем в Западной Европе.

Вернемся к мифу об избыточной вооруженности СССР, который нисколько не поколеблен и сегодня. Считалось, что иметь 60 тыс. танков для СССР — настолько плохо, что этот факт можно принять за показатель очевидного абсурда советской системы. Добиться, каким *критерием* пользуется человек, уверенный в такой оценке, никогда не удавалось и не удастся. 60 тысяч танков плохо — а сколько хорошо? Интересно, что попытки военных объяснить, исходя из каких критериев исходило советское военное планирование, никакого интереса не вызывали и не вызывают. Сама категория критерия едва ли не большинству кажется ненужной, надуманной.

Генерал-полковник А. Данилевич, бывший заместитель начальника Генерального штаба и один из военачальников, отвечавших за военное

планирование, пишет в 1996 г. в большой статье: «Спрашивают, зачем нам было нужно почти 64 тысячи танков? Мы исходили из того, какой может быть новая война, рассчитывали возможный объем потерь, которые оказались бы несравнимыми с потерями во второй мировой войне: в 2-4 раза, а то и в десятки раз больше. Сравнивали потенциалы восполнения потерь, с одной стороны — США и НАТО, и с другой — СССР и ОВД. Оказывалось, что американцы во время войны могли бы не только восполнять потери, но и наращивать состав вооруженных сил. К концу первого года войны они имели бы возможность выпускать вдвое больше танков. Наша же промышленность, как показывают расчеты возможных потерь (вычислялись с помощью ЭВМ, проверялись на полигонах), не только не могла бы наращивать состав вооружения, но была бы не в состоянии даже поддерживать существовавший уровень. И через год войны соотношение составило бы 1:5 не в нашу пользу. При краткосрочной войне мы успели бы решить задачи, стоящие перед нами. А если долгосрочная война? Мы же не хотели повторения ситуации 1941 года. Как можно было выйти из сложившегося положения? Создавая повышенные запасы вооружения, т. е. такие, которые превосходили бы их количество, требуемое в начале войны, и позволяли бы в ходе ее продолжать снабжать ими армию в необходимых размерах» [65].

Это объяснение на случай войны, которая с очень большой вероятностью велась бы без применения ядерного оружия. Однако бронетанковые силы служили и фактором устрашения, сдерживания НАТО, были средством предотвращения войны. А. Данилевич поясняет: «Американцы считали, что благодаря танкам мы способны пройти всю Европу до Ла-Манша за десять дней, и это сдерживало их».

Оба эти суждения кажутся разумными. Возможно, они ошибочны, но эта ошибка отнюдь не очевидна. Чтобы ее выявить, требуется привлечь фактические данные и логические аргументы как минимум такой же силы. Но никто этих данных не привлекал и на дефекты в логике военных не указывал.

Устранение самой категории критерия из рассуждений на политические и экономические темы стало характерно для элиты реформаторов. Утрата «чувства вектора», то есть понимания фундаментальной важности выбора *направления* по сравнению со скалярными параметрами движения (*быстрее, экономичнее* и т. п.), привела к удивительно поверхностному выбору критериев. Например, по отношению к политикам едва ли не главной похвалой стало — *компетентный*. Это не может быть критерием. Компетентность — скалярная величина, это способность хорошо делать порученное дело, а уж какое это дело (вектор), в чьих оно интересах — совсем другой вопрос.

Но еще более красноречивым признаком дерационализации сознания оловластной элиты, стал демонстративный *отказ* от определения каких бы то ни было критериев. В конце 1993 г. на международном симпозиуме в Москве сотрудник Е. Гайдара по Институту экономики переходного периода пытался убедить публику, что «реформа Гайдара» увенчалась успехом. Понятно, что это было непросто, изложение поневоле было очень туманным, и последовал вопрос: «Вадим Викторович, в прессе и в научных дискуссиях приходится сталкиваться с различными, подчас противоположными суждениями об эффективности реформ, проводимых „командой Гайдара“. Одни, в том числе и Вы, подчеркивают их успешность, другие говорят о полном провале. На основе каких критериев Вы и Ваши единомышленники судите об успехе реформ? В каком случае или при какой ситуации Вы констатировали бы успехи реформ, а при какой согласились бы, что они провалились?»

Ответ этого экономиста замечательно красноречив. Он сказал: «Я не сталкивался с критериями оценки реформ. Какое-то время я занимался методологией оценок, в частности критерием оптимальности народного хозяйства, исследовал этот вопрос, и, на мой взгляд, не существует объективных критериев оценки реформ, существуют лишь некоторые субъективные критерии» [79].

Итак, «ученый» из НИИ, созданного специально для изучения хода

реформ, «не сталкивался с критериями оценки реформ». В это было бы невозможно поверить, если бы сам он не сказал совершенно определенно. Реформаторы якобы даже не задумывались над тем, хорошо ли то, что они делают, в чьих интересах то, что они делают, получается ли у них именно то, что они предполагали или нечто совсем иное.

Кстати, В. В. Иванов не ответил на прямо поставленный вопрос. Его спрашивали не о том, каков «объективный критерий оценки реформ», а каков именно *его*, сотрудника Гайдара, *субъективный* критерий. На основе каких критериев именно Иванов и Гайдар судят об успехе реформ? О какой рациональности целеполагания можно говорить, если разработчики доктрины реформы отказываются сообщить критерий эффективности, из которого они исходят.

Экономист-эмигрант И. Бирман в своем докладе уделил этому эпизоду особое внимание. Он сказал о типе мышления реформаторов команды Гайдара: «Он и его команда гордились тем, что они никогда не были ни на одном предприятии. А недавно люди, стоящие у власти, позволили себе сказать, что они никому не объясняли, что они делали, потому что их бы не поняли. Это заявление руководителя правительства. Для меня, уже много лет живущего на Западе, это ужасное заявление. После этого человеку надо немедленно уходить в отставку. И пожалуй, закончить характеристику этой команды можно, коснувшись только что сказанного здесь. Человек, который защищал здесь эту политику — коллега Иванов, специалист, как он сам нам объяснил, по критерию оптимальности, — отказался охарактеризовать меру эффективности этой реформы. Надо ли к этому что-либо добавлять?» [34].

Во многих случаях уход от выработки критерия, согласно которому ищется лучшая (или хотя бы хорошая) комбинация переменных, скрывает под собой очень тяжелое нарушение рациональности — неспособность к целеполаганию, утрату цели, навыка ее сформулировать. Мы идем неизвестно куда, но придем быстрее других!

Деградация функции контроля

Особым направлением в антигосударственной кампании перестройки была массированная атака на структуры, выполняющие функции *контроля*. Было даже изобретено понятие «административно-командная система», представленная обществу как коллективный враг народа. Под прикрытием этой кампании еще до ликвидации СССР начался демонтаж многих контролирующих структур (например, таможни). В начале 90-х годов Россия, городская промышленно развитая страна, оказалась в необычной ситуации внезапного отказа механизмов, которые в норме гарантировали соответствие множества сторон обыденной реальности определенным нормам и стандартам.

Аптеки стали торговать фальсифицированными лекарствами, причем СМИ гипертрофировали масштабы этого явления, сея панику. Людей пугал сам факт внезапного отказа государства от функции надзора за такой деликатной сферой (притом, что контроль за качеством лекарств, поступающих в аптечную сеть, не был сопряжен с техническими трудностями — в отличие, например, от контроля за качеством мяса от скота, забитого на подворье, и продаваемого на шоссе).

От отравления фальсифицированной водкой в 1994 г. умерло 55 тыс. человек. Это шокировало: где же контролирующие органы? Кто в государстве анализирует эту информацию и принимает решение? Ведь очевидно, что эта информация в совокупности представляет собой ключевую компоненту «знания власти». Это знание «жесткое», земное, выражаемое в однозначных понятиях. Человек, купивший в магазине продукт, который во все времена был под жестким контролем качества, и получивший смертельное отравление — это факт, который обрушивает легитимность государства.

Уйдя от обязанности быть контролером, государство быстро сняло с себя и функции удостоверить качество исполнения важных социальных ролей. Это создало неопределенность во всех сферах

общественной жизни, и она будет чувствоваться еще долго. Например, стали открыто продаваться дипломы о высшем образовании — на переходах в московском метро стала обычной фигура молодого человека с плакатиком «Дипломы», нередко по соседству маячил и милиционер. Вагоны метро каждое утро оклеиваются множеством объявлений: «помощь в прохождении техосмотра», «помощь в получении водительского удостоверения», «больничный лист», «медицинская книжка», «справка о регистрации». На всех них есть контактные телефоны, никаких трудностей отыскать продавцов всех этих услуг не было и нет.

Один этот бизнес разрушает всю систему социальных статусов чиновников, удостоверяющих квалификацию людей или какое-то их состояние. В свою очередь, власть теряет инструменты, с помощью которых оно получало знание об обществе. Каков сегодня качественный состав инженерного корпуса России? Какая часть тех, кого государство считает дипломированными специалистами, купили свои дипломы? Это не могло не сказаться и на квалификации самих чиновников, особенно тех, кто не был связан с практическим управлением и не учился на опыте. В середине 90-х годов приходилось иметь дело с чиновниками министерств, рассуждения которых вызывали сомнения: а учился ли где-нибудь этот господин?

Однако, самый тяжелый удар по «знанию власти» наносили решения по тотальной ликвидации какой-то большой функции, которая издавна считается обязательной для государства и не может исполняться никаким другим общественным институтом. Для примера приведем функцию *стандартизации*.

Введение стандартов на производство однородных изделий таким образом, чтобы они были одинаковы по размерам и качествам и могли быть взаимозаменяемы, было нововведением, означавшим возникновение *цивилизации*. Стандартизация скачкообразно увеличила производительность труда и качество изделий. В древнем Египте были введены стандартные размеры кирпича, специальные чиновники контролировали их соблюдение. В древнем Риме в

строительстве применялись не только стандартные кирпичи, но и трубы водопроводов были постоянных размеров. Из стандартных каменных блоков строились дороги — стандартной ширины. Ясно, что стандартизация неразрывно связана с *метрологией* — наукой и практикой измерений.

В Средние века в ремесленном производстве применялись единые размеры ширины ткани, число нитей в ее основе. На пороге Нового времени введение стандартов позволило производить точный винт и точные шестерни, из чего возник прецизионный станок промышленного типа. Это был, как говорят, эпохальный прыжок «из царства приблизительности в мир прецизионности» — Научная революция переросла в Промышленную.

Для хозяйства было важно, чтобы единство мер и стандартов было распространено как можно шире, за племенные, региональные и национальные границы. Это единство расширяло рынок и собирало местные культуры в цивилизацию, народы в нацию, княжества и королевства в национальное государство или империю. Для государства владеть мерой значило обладать большой силой. В Древней Руси, пока не сложилось централизованного государства, объединяющим авторитетом обладала церковь, и надзор за мерами и весами был возложен на духовенство.⁶² Прототипы современных стандартов появились во времена Петра I.

Во второй половине XIX века стандартизация стала обязательной службой на промышленных предприятиях почти всего мира. Само отличие фабрики от мануфактуры заключалось прежде всего в стандартизации и единообразии производимых на каждом участке изделий, что и позволило применить в производстве *разделение труда*. Достижения стандартизации, сделанные в одной стране, быстро перенимались в промышленности других стран (так, в 1869 г. в Германии были разработаны и изданы стандарты профилей железного проката, в 1891 г. в Англии — стандарты резьбы и т. д.). Начали появляться международные стандарты. После Первой мировой войны, которая показала необходимость стандартизации для массового

производства оружия и боеприпасов, в промышленно развитых странах возникли национальные организации по стандартизации.

В России было учреждено Депо образцовых мер и весов, в 1893 г. преобразованное в Главную палату мер и весов. Директором его был Д. И. Менделеев. Однако создать единую государственную систему метрологии и стандартизации в царской России не удалось, применялись три системы мер: старая русская, британская (дюймовая) и метрическая. Введение единой метрической системы мер началось сразу после установления Советской власти. В первую очередь упорядочивались системы мер и стандартов. Это решение было одним из важнейших для хозяйства декретов Советской власти. Шаг был настолько назревшим, что вся Главная палата мер и весов во главе с директором с первых же дней стала активно сотрудничать с Советской властью и готовить реформу. История этой реформы — одна из интереснейших глав в истории становления российского «общества знания» XX века. Это был настоящий подвиг и ученых, и советского аппарата, и огромного числа пропагандистов. Даже во время Гражданской войны для отливки метрических гирь был выделен драгоценный чугун, и торговцы в короткие сроки были снабжены этими гирями. Первая глава в книге о ГОЭЛРО, которую написал Скворцов-Степанов, была посвящена объяснению смысла и значения реформы мер и весов, а предисловие к книге написал Ленин.

В России сложилось крупное сообщество специалистов по метрологии, и без их подвижнического труда в 20-е годы не могла бы быть проведена форсированная индустриализация 30-х годов. В 1924 г. при ВСНХ было организовано Бюро промышленной стандартизации (с 1925 г. Комитет по стандартизации), при котором работало 120 рабочих комиссий, готовящих промышленных стандарты. В этой работе участвовали такие известные ученые, как А. Н. Бах, И. М. Губкин, Г. М. Кржижановский, Д. М. Прянишников и др. К 1928 г. было утверждено свыше 300 общесоюзных стандартов, получивших силу государственного закона.⁶³ К 1932 г. Комитет утвердил 4114 общесоюзных стандартов. С 1940 г. общесоюзные стандарты стали

называться *государственными* и обозначаться индексом ГОСТ. За годы войны было утверждено более двух тысяч новых стандартов.

В СССР сложилась мощная, эффективная и всеобъемлющая служба стандартизации и метрологии, которая обеспечила очень высокую степень единообразия и точности производства изделий на всех предприятиях по всей территории страны. Уже этим вся промышленность была связана в одно большое предприятие с высокой степенью разделения труда и взаимозаменяемости деталей. Это, в частности, позволило создать тот тип ВПК, о котором шла речь в разд. II, гл. 5 (О.З.: История...) — детали, производимые в гражданском машиностроении, могли непосредственно использоваться при сборке самолетов и танков. С другой стороны, Госстандарт, непрерывно изучая множество параметров практически всей производимой в стране продукции, обеспечивал государственную власть ценнейшей достоверной информацией.

Во Всесоюзном НИИ по нормализации в машиностроении при Госстандарте велась разработка научно-теоретических основ стандартизации и нормализации. Создание тысяч межотраслевых нормалей заложило основы для быстрого прогресса в технологии машиностроения. Вся эта отлаженная за полвека система стандартизации была необходимым условием для рывка в высокотехнологичных отраслях — авиакосмической, судостроении, атомном машиностроении. Этот процесс был сорван в 1991 г. Но затем были сделаны шаги, которых даже в 1992-1993 гг. никто не мог ожидать. Правительство РФ начало демонтаж всей этой системы. Решение об отмене в России государственной стандартизации было принято без всякого диалога с инженерным и научным сообществом, почти тайно. В конце 90-х годов, когда об этом стали говорить, мало кто верил, что это всерьез.

Казалось очевидным, что создание сложных технических устройств (например, самолета) без стандартов, как универсального языка общения между тысячами специалистов, невозможно. Стандартизация — важная специальная отрасль техники, свод

незыблемых технологических правил, без которых современное производство просто не может существовать. Каждый стандарт типа ГОСТа — огромный труд коллектива квалифицированных специалистов и инженеров многих предприятий. А таких ГОСТов в советской системе тысячи. Как могла подняться рука на то, чтобы разрушить национальное достояние такого масштаба? Зачем? Кто приказал?

Тем не менее, с 1 июля 2003 г. вступил в силу Федеральный закон «О техническом регулировании», согласно которому, начиная с 2010 г., ГОСТы перестают быть обязательными для исполнения. Госстандарт ликвидирован с массовым сокращением сотрудников. Учреждено Российское агентство по техническому регулированию и метрологии, несравненно более слабое по своим возможностям. Кроме того, закон отменил всю систему отраслевых стандартов (ОСТов). Система государственных стандартов заменяется Техническими регламентами (ТР). Они разрабатываются фирмами для каждого вида продукции и утверждаются Государственной думой. Из тысяч необходимых регламентов в 2006 г. был разработан только один — по автомобильной промышленности. В других отраслях дело пока не пошло.

Из системы знания власти выпал один из важных блоков, совершенно необходимый для восстановления и модернизации хозяйства России. За него отвечало государство, и его отказ от выполнения этой важной функции остается необъяснимым шагом, понять который совершенно необходимо при проектировании строительства нового российского «общества знания».

Предвидение угроз

Когда в перестройке был взят курс на ликвидацию советского общественного строя, это потребовало подавления и ликвидации особой подсистемы «общества знания» — всех структур,

выполняющий функцию *предвидения угроз*.

Еще Аристотель писал, что возможны два типа жизнеустройства: в одном исходят из принципа «сокращения страданий», а в другом — «увеличения наслаждений». Советский строй исходил из первого принципа, он был создан поколениями, пережившими несколько волн массовых *бедствий*. Он весь был нацелен на предотвращение угроз. В этом СССР достиг больших успехов и даже сделал ряд важных открытий. Развитию этой части «общества знания» способствовало и наличие в мировоззренческой матрице советского строя компоненты общинного крестьянского коммунизма с присущей крестьянскому мироощущению культуры предвидения угроз в условиях высокой неопределенности.

Городское население 80-х годов, уже забыв о бедствиях, соблазнилось радикально перейти ко второму принципу жизнеустройства. Философ А. С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как «*бунт юноши Эдипа*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Эйфория перестройки не предвещала катастрофы, пока худо-бедно действовали старые системы защиты от угроз, но затем старые системы стали устраняться, а общественное сознание — и у элиты, и у массы — утратило навыки предвидения угроз. Нарушилась социодинамика этого типа знания — произошел сдвиг к аутистическому мышлению, информация об угрозах стала активно отвергаться. Даже предчувствия исчезли. Это было признаком назревания большого кризиса, а потом стало причиной его углубления и затягивания. Не чувствуешь опасности — и попадаешь в беду.

Вот, властями и строительными фирмами Москвы и Петербурга овладела идея построить несколько десятков небоскребов — чтобы было «как в Нью-Йорке». В Петербурге уже решили строить два 40-этажных дома, хотя такие дома можно строить только на прочных скальных выходах или на твердых отложениях, а под Петербургом залегает чехол слабых отложений (торф, пески, глины). Как же так? Очень просто — был ликвидирован важный институт индустриальной

цивилизации — *Госстандарт*. Его выстраивали у нас весь XX век — и вот, устранили, вместе с техническим надзором. Недавнее событие в Москве стало символом — прямо над туннелем метро около станции «Сокол» строители вбили 11 свай. Три из них провалились в туннель, а одна даже пробил поезд.

С конца 2000 г. в РФ стала нарастать волна аварий в теплоснабжении — с трех аварий на 100 километров в 1990 г. до двухсот в 2000 г. Это привело власть в замешательство. В 2003 г. вице-губернатор Петербурга А. Смирнов признался: «Если говорить в общем, то в последний год проблему ЖКХ только научились правильно понимать. Но этой проблемой по-настоящему пока ни граждане, ни власти еще не начали заниматься». Это чудовищное признание. Чего можно было *не понять* в «проблеме ЖКХ»? Все в этой проблеме было досконально известно, точные прогнозы делались с первого года реформы, но эти сигналы не проходили по каналам связи. Их не желали слышать!

В стране была отключена сама функция распознавания угроз, подорваны необходимые для ее выполнения структуры и испорчены инструменты. Вот тот фон, на котором разыгрывается наша драма.

Не желая слышать неприятных сигналов, мы стали отключать системы сигнализации об угрозах — одну за другой. Это выражалось в планомерной ликвидации («перестройке») структур, которые и были созданы для обнаружения *угроз* и их предотвращения. Общество заболело чем-то роде СПИДа. Ведь иммунодефицит и выражается прежде всего в отключении первого контура системы иммунитета — механизма распознавания проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

Вот, в 2002 г. президент В. В. Путин на заседании Госсовета РФ сказал о накатывающей на РФ угрозе наркомании: «В начале 90-х годов в результате политических потрясений мы просмотрели эту опасность». Как о «просмотрели»? Как можно такую вещь «просмотреть»? «Просмотрели» потому, что была уничтожена та огромная структура, которая ограждала страну от этой опасности —

пограничные войска, агентурная сеть КГБ, информационно-аналитические службы.

В норме опасность порождает функцию государства, а функция — соответствующую структуру. КГБ и был в СССР той сложной структурой, которая покрывала спектр главных *прямых* опасностей для государства и общества. Когда структуры КГБ соответствовали спектру опасностей и полноценно работали, в принципе невозможно было бы появление на нашей территории СССР террористических организаций, банд иностранных наемников, регулярное похищение людей и продажа вооружения, включая ракетные зенитные комплексы, организованным преступным бандам. Тогда в такие вещи просто никто не мог бы поверить.

Вспомним, насколько аутистическим и тоталитарным было в начале 90-х годов отношение окол властной элиты ко всей *системе* государственной безопасности. Сосредоточив внимание общества на одной из множества функций этой системы (на функции контроля за политическими противниками), на деле вели демонтаж всей системы. Вот в каких терминах создает образ КГБ психолог Л. Гозман, впоследствии ставший секретарем по идеологии СПС: «Не верю в то, что возможен гражданский мир, пока интеллигентные люди подают руку офицерам КГБ. Например, КГБ преступная организация, преступная, и даже если этот конкретный человек в преступлениях не замешан, руки ему подавать нельзя, как нельзя подавать руки гестаповцу... Размывание нравственных критериев внутри интеллигентской среды, которое идет сейчас под лозунгом ненасилия и всеобщего принятия гражданского мира, мне кажется, до добра не доведет» [138].[64](#)

КГБ — одна из систем предупреждения. Другая большая система, выполняющая эту функцию — наука. Она была «перестроена» примерно так же, как КГБ. Но даже сегодня о науке спорят лишь в терминах ее экономической эффективности. Ах, ее продукция неконкурентоспособна! Да разве в этом главная функция отечественной науки. Ее главная задача — накладывать запреты,

предупреждать о том, чего делать *нельзя*.

Уже с начала перестройки специалисты фиксировали это странное изменение в сознании людей — на время «обиход вошел даже термин «синдром самоубийцы». Операторы больших технических систем совершали целую цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот, на шахте Донбасса произошел взрыв метана, погибли люди. До этого был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Вместо того, чтобы устранить неисправность, его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили — и последовательно отключили около двадцати анализирующих и сигнализирующих устройств.

Но признаком *общей* беды это стало потому, что так вели себя люди в самых разных делах. Среди бела дня, при полной видимости, немыслимым образом сталкивались два корабля, которые вели опытные капитаны. Водители на шоссе вдруг разворачивались из правого ряда, даже не подав сигнала, и приводили к тяжелой аварии. От травм, случайных отравлений и несчастных случаев в России на пике этого процесса гибло очень много людей — до 400 тысяч человек в год.

Срыв произошел во всем «цивилизованном мире». Череда очень похожих аварий прокатилась в 80-е годы по многим странам — с тысячами погибших (как на химическом заводе ведущей американской фирмы в Бхопале в 1984 г. — 2 тыс. погибших, десятки тысяч искалеченных). И опять же, сходное поведение во всех сферах. Вот в Голландии, у причальной стенки, переворачивается новый паром — халатно расставили автомобили, перегрузили один борт. Двести жертв. В городах США, начиная с Нью-Йорка, прошла волна больших пожаров, толпы молодых людей сгорели в дискотеках.

В Испании заболела масса людей, писали о каком-то таинственном вирусе. В действительности торговые фирмы пустили в продажу импортное растительное масло, в которое был добавлен анилин — сильнейший яд. Газеты писали, будто анилин добавили, чтобы придать маслу привлекательный цвет, вкус и запах, но это кажется

невероятным. Госстандарт Испании выдал этому маслу сертификат качества. Директор Центральной лаборатории испанской таможни и еще четыре службы государственного контроля подтвердили, что масло с анилином годится в пищу. Погибло более тысячи человек, 25 тыс. остались инвалидами. Суды присудили жертвам компенсации в сумме 4 млрд долл., правительство отказалось платить, т. к. «это бы нанесло ущерб экономике страны».

Это было проявлением общего кризиса индустриальной цивилизации. Нас от этого отвлек острый социальный кризис 90-х годов, а на Западе имели время задуматься. Суть момента в том, что та техносфера, в которой живет человек, созрела до такой плотности и сложности, что опасностям в ней стало «тесно», и они стали активизировать друг друга. В Западной Европе только хлора накопилось более 20 тысяч летальных доз на каждого жителя. Интенсивность потоков энергии и опасных материалов такова, что сама технология может быть превращена в оружие массового уничтожения — и по ошибке, и сознательно. Но беда не в технике, беда в том, что городской человек не умнел в том же темпе, что росли опасности техносферы — и к настоящему времени его сознание не соответствует структуре и масштабам угрозы. Оно *неадекватно*. Причина в том, что в основу *индустриального разума* (рациональности модерна) был положен *механистический детерминизм*. Считалось, что мироздание — это машина, причем машина простая. Все в ней предопределено и поддается расчету. Это мировоззрение породило *безответственность*, особое качество человека индустриального общества. Если вокруг — простые машины, все обратимо и предсказуемо, то чего опасаться! Все поправимо, невидимых угроз мир не таит.

Механистическое сознание неадекватно по отношению к угрозам вообще, просто срыв в отношении *технологического* риска это показал раньше, чем угрозы соединились в лавину. Это сигнал, который надо услышать и принять срочные меры. Кстати сказать, после Чернобыля на Западе ожидали, что как раз из России будет

сказано важное слово, что в СССР началось движение к *новому пониманию рисков*. Академик В. А. Легасов с его группой на основе анализа чернобыльской катастрофы высказали много важных мыслей, в чем-то у них были даже прозрения. Легасов задумал написать книгу «Дамоклов меч» — о девяти гранях смертельной угрозы для России; он собрал бесценный материал фактов и размышлений, но не довелось закончить. Нас увлекла перестройка, а Легасов как раз и предупреждал о порождаемых ею опасностях.

Слабость в предвидении рисков была усилена у нас потому, что как раз к началу кризиса «отказало» обществоведение. Оно обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей — указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Большие сбои мировое обществоведение стало давать уже с начала XX века. Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма — сложной болезни Запада и особенно немецкого народа (хотя симптомов было достаточно).⁶⁵ Оно не увидело и не поняло признаков «бунта этничности», который вспыхнул в конце XX века. Зрение обществоведов тоже было деформировано методологическим фильтром механицизма. Веря в то, что наш мир прост и устроен наподобие математически точной машине, мы прятались в этой вере, как страус, от нарастающей сложности и нестабильности.

Но в России хаос перестройки и 90-х годов привел к поражению даже и этой механистической рациональности. Рациональное мышление было подорвано в сфере профессионального знания и знания власти, а без него целый ряд важных угроз стал невидимым, здравый смысл не настроен на их распознавание, эти угрозы порождены недавно. Что значит «мы не знаем общества, в котором живем»? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лоции и испорчен компас. Уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе — но интеллектуальная команда власти этого не видела.

В 80-е годы власть и ее интеллектуальная бригада проявляли

поразительное равнодушие даже к самым непосредственным угрозам государственной безопасности. Вот простой пример. Как «технология» перестройки было использовано учение о культурной гегемонии Антонио Грамши. Суть его в том, что до слома политического и социального строя производится «молекулярная агрессия» в сознание — разрушается культурное ядро общества множеством мелких ударов и уколов. Когда люди окончательно сбиты с толку, можно переходить ко второму этапу. Это — теория огромной важности, далеко выходящей даже за рамки политики (так, теория «молекулярной агрессии» в сознание — основа современной рекламы). Казалось бы, сведения о принятии ее на вооружение противником в «холодной войне» должны были быть восприняты с полной серьезностью. Но как пренебрежительно пишет об этом в 1985 году историк, специалист по ЦРУ проф. Н. Н. Николаев:

«Для ЦРУ Поремский [деятель НТС] сочинил „молекулярную“ теорию революции. НТС вручил ЦРУ наскоро перелицованное старье — „молекулярную доктрину“, с которой Поремский носился еще на рубеже сороковых и пятидесятих годов. Под крылом ЦРУ Поремский раздул ее значение до явного абсурда... Этот вздор, адресованный Западу, конечно, поднимается на смех руководителями НТС, которые в своем кругу язвят: „у нас завелась ‘одна революционная молекула’, да и то пьяная“» [126].

Н. Н. Николаев приводит изложение сути доклада об этой доктрине, сделанного в НТС в 1972 г. — и издевается над ним: «Если говорить серьезно и по существу, то притягательная сила описанной „идеологии“ близка к нулю, а быть может, величина отрицательная». Это написано в книге издания 1985 года, когда «агрессия» уже разворачивалась вовсю. А ведь эта технология и сегодня не изменилась, но никакого интереса не вызывает, хотя и в России есть специалисты по Грамши. На Западе же учение Грамши о гегемонии — почти обязательный для образования обществоведов предмет. Только в США за год защищаются десятки диссертаций, посвященных изучению трудов Грамши.

Большой программой перестройки была общая *дестабилизация*. Можно даже сказать, это была программа *стравливания* всех элементов общества, которые находились в скрытом, «дремлющем» конфликте. За столетия в сложном многонациональном и «многокультурном» обществе и государстве России было выработано множество явных и неявных механизмов разрешения, успокоения и подавления конфликтов. Эти механизмы отказывали очень редко, когда Россия попадала в историческую ловушку и возникала такая система порочных кругов, которую невозможно было разорвать в рамках сложившегося порядка. В конце 80-х годов сама власть стала дестабилизировать общество и загонять страну в историческую ловушку.

Во время перестройки была подвергнута разрушению вся *политическая культура* советского общества. Английский политолог Арчи Браун во введении к важной книге [2] дает такое определение: «Политическая культура — субъективное восприятие истории и политики, фундаментальные верования и ценности, фокус идентификации и лояльности, сумма политических знаний, чаяния, которые являются продуктом специфического исторического опыта наций или групп».

Из этого видно, что политическая культура является важной частью *культурного ядра* общества. Следовательно, власть, которая подрывает сложившуюся в обществе политическую культуру, неизбежно провоцирует тяжелый кризис. Западные политологи выделяют именно то направление во всей программе перестройки, которое в наибольшей степени противоречило политической культуре СССР и поэтому несло в себе предпосылки национальной катастрофы. А. Браун пишет, что важнейшей ценностью доминирующей советской политической культуры являлся *порядок*. Понимание того, какую угрозу представляют беспорядок и хаос, объединяло все социальные группы — рабочих, крестьян, интеллигенцию, управленцев.

Что хаос таит в себе смертельные угрозы для народа и государства — фундаментальная истина, накопленная за века знания об обществе.

В американской политологии она выражается в такой сентенции: «Не пробуждайте к жизни те силы, с которыми вам нелегко будет совладать». Для России в основании ценности порядка лежал и ее собственный «специфический исторический опыт» — разрушение государственности и гражданская война 1917-1921 гг. И что же общество наблюдало в ходе перестройки? Именно подрыв государственности и искусственное создание хаоса — с взрывом массовой преступности, кровопролития в национальных конфликтах и терроризма.

Советолог С. Бялер, директор Института международных изменений Колумбийского университета, сравнивает Горбачева с «Мартином Лютером, который стремился разрушить или существенно ослабить косные институты правящей церкви». Он точно определяет суть действий верхушки КПСС: «Начиная перестройку, Горбачев и его помощники в руководстве инициировали процесс, который не поддается полному контролю и которым нельзя всесторонне управлять» [2, с. 111].[66](#)

Горбачев резко дестабилизировал состояние советской системы в целом. Тем самым он поставил крест и на самой возможности успешных реформ. Наши либералы игнорировали императив, который сформулировал основоположник либерализма Джордж Стюарт Милль: «Всякий раз, когда устойчивость приносится в жертву прогрессу, приносится в жертву и сам прогресс».

То есть, став руководителем государства, Горбачев сделал именно то, что категорически противоречило знанию и историческому опыту. Это был колоссальный культурный срыв, такое отступление от норм рациональности, что даже профессиональные специалисты, которые к этому срыву нас и подталкивали, не могли его предвидеть. Видный американский советолог А. Брумберг признался: «Ни один советолог не предсказал, что могильщиком Советского Союза и коммунистической империи будет настоящий номенклатурный коммунист, генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев» [40].

Конечно, сильное давление на позицию номенклатуры оказал политический интерес. Чтобы сломать такую махину, как государство и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления. В рамках нормальной логики и расчета невозможно было оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «науку». Катастрофичными были сами метафоры перестройки. Вспомним, как обществоведы взывали: «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» — и все аплодировали этому сравнению, хотя были уверены, что в один прыжок эту пропасть перепрыгнуть не удастся. Но нельзя было даже спросить, а зачем вообще нам прыгать в пропасть. Разве где-нибудь кто-то так делает, кроме самоубийц? Предложения «консерваторов» — не прыгать вообще, а построить мост — отвергались с возмущением.

Летом 1991 г. несколько групп экспертов провели расчет последствий «либерализации цен», которую позже осуществил Гайдар (и расчет полностью подтвердился). Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, это был сигнал об угрозе тяжелого социального потрясения и спада производства. Но «ведущие экономисты» успокоили людей. Так, «Огонек» дал такой прогноз Л. Пияшевой: «Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить, я полагаю, 4-5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей 5, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику» — и так далее по всему спектру товаров. Сейчас это кажется курьезом, но дело очень серьезно — Л. Пияшева не была жуликом, она показала общую структуру мышления, которая мало в чем изменилась.

Точно так же была исключена проблема угроз из обсуждения программы приватизации промышленности. Навык их предвидения сумели изъять и из массового сознания. Да, подавляющее большинство граждан не верило в благо приватизаций самого начала и тем более после проведения. Но 64 % опрошенных ответили: «Эта мера ничего не изменит в положении людей».

Это — признак глубокого нарушения в сознании. Как может приватизация всей промышленности и практически *всех рабочих мест* ничего не изменить в положении людей! Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации! Реальность такова: приватизация (вместе со всеми идущими «в одном пакете» мерами) почти моментально привела к спаду производства вдвое и вытеснила с заводов и фабрик 9 млн рабочих и инженеров. Изменение жизнеустройства, исторический выбор люди воспринимали как бесполезное (но и безвредное) техническое решение. Мысленная операция прогнозирования угроз была исключена из мышления граждан. Такое восприятие реальности было навязано им огромным массивом выступлений авторитетных обществоведов и политиков.

Рациональное управление рисками на любом уровне требует постоянного мониторинга опасностей и их восприятия. Для этого надо вести одновременное изучение трех «срезов реальности»: объективно существующей системы угроз и источников риска; той «карты опасностей», которой мы обладаем в данный момент; той «системы страхов», которая складывается в сознании людей, за безопасность которых отвечает орган управления рисками.

Эти три системы взаимосвязаны. Все они должны быть структурированы. Например, «система страхов», сложившаяся в общественном сознании, должна быть изучена службами власти и преобразована в «карту страхов» — образ, адекватность которого зависит от эффективности инструментов познания, которыми располагает власть.

Эффективность власти в предотвращении и преодолении угроз зависит прежде всего от того, насколько адекватна та «карта опасностей», исходя из которой власть планирует и реализует свои действия, а также от наличия достоверной «карты страхов» и средств воздействия на «систему страхов». Общественное сознание и страх — факторы исключительно динамичные. При эффективном управлении общество воспринимает угрозы адекватно, и реалистичный страх

служит фактором снижения рисков. При ошибках власти или ее неспособности противостоять враждебным акциям воздействия на общественное сознание (разные типы психологической войны) страхи могут легко превращаться в факторы дестабилизации и источник внутренней опасности.

Во время перестройки и в 90-е годы российское общество пережило несколько приступов неадекватного страха, доходящих до уровня психозов, которые резко дестабилизировали ситуацию и углубили кризис. Еще важнее были случаи нечувствительности к назревающим угрозам. Замечательным примером служит абсолютное равнодушие, с которым органы власти и общество в целом восприняли предупреждения специалистов об остром финансовом кризисе (дефолте), который должен был произойти в августе 1998 г.

Журнал «Коммерсант ДЕНЬГИ» писал 27 мая: «Вот уже месяц в коридорах власти ходит „закрытый“ доклад, представляющий собой крайне пессимистичный прогноз развития финансовой ситуации в России. По мнению его авторов, в самое ближайшее время финансовая система рухнет... Катализатором валютного кризиса станет не фондовый обвал (это лишь завязка, и она уже произошла), а масштабный долговой кризис государства. Так что выйти из создавшейся ситуации можно „только“ через обесценивание необеспеченных обязательств государства“. Содержание доклада до последнего времени держалось в строгом секрете. И все же он стал достоянием общественности..., и сегодня „секретный“ прогноз обсуждают не только в ФСБ, СВР и МВД, но и в кулуарах администрации президента, Минфине, ЦБ, Думе, Совете федерации» [42].

Речь идет о докладе, подготовленном в Российском торгово-финансовом союзе (РТФС) зимой 1998 года. Он был разослан в органы власти (министерства, ведомства и ЦБ) в апреле. Момент и ход кризиса были предсказаны в нем с большой точностью на основе нормального анализа большого объема информации из зарубежных и российских источников. Вывод сводился к тому, что Россия стоит на

границы трех-пятикратной девальвации рубля, обвала фондового рынка и принудительной ликвидации рынка ГКО.

Этот доклад был нормальным продуктом профессиональной работы в рамках «общества знания». Официально РТФС и занимался «мониторингом политической и экономической ситуации», главным образом, по заказу госструктур. Как отнеслись к докладу «госструктуры»? Экс-министр экономики Е. Ясин назвал его «антиутопией», его поддержал А. Чубайс. Начальник департамента ценных бумаг Минфина Белла Златкис 20 мая советовала инвесторам: «Говорю с полной уверенностью: надо покупать ГКО. Их доходность столь высока, что компенсирует возможные риски изменения курсовой стоимости рубля. Кстати, такой же совет могу дать не только частным инвесторам, но и профессиональным участникам фондового рынка».

Доведению дел до краха ГКО, конечно, способствовала и заинтересованность ряда чиновников, которые сделали себе состояния, воспользовавшись инсайдерской информацией. Для нас, однако, важнее факт невосприимчивости органов власти к сигналам о назревшей угрозе.

Люди и организации обладают навыками предвидения угроз и их увязки в одну интегральную, воспринимаемую в своей целостности большую систему. На уровне личности эти навыки обычно выработаны на основании опыта и не выражаются в четкой форме кодифицированного знания. Однако уже на средних уровнях управления количество информации, которую необходимо быстро воспринять и переработать, превышает возможности интуитивных методов. На уровне государственной власти абсолютно необходимо вести регулярный научный анализ и «увязку» всех срезов системы рисков.

Резкий «отказ» интуитивных методов анализа происходит в условиях острого, тем более системного, кризиса. Это связано с тем, что резко изменяется объективная система угроз и ее динамика, в результате чего та «карта опасностей», которой по инерции пользуется

власть, становится слишком недостоверной. Одновременно, неустойчивой становится и «система страхов», о которой также утрачивается адекватное знание. Методы анализа и даже само «методологическое мышление» долго несут инерцию стабильного времени и соответствующей ему динамики взаимосвязи между угрозами и их восприятием. Их мониторинг должен быть специальной функцией власти с организацией структуры, адекватной этой функции.

Методологический провал произошел уже в 1990-1991 годы. Инерция мышления, порожденная стабильностью («застоем») советского времени, была укреплена методологическими догмами неолиберализма, верой в магическую способность рынка поддерживать равновесие системы. В результате и работники управления, и все общество были склонны к *линейным* экстраполяциям и недооценивали значение критических, пороговых явлений и возникающей «за порогом» необратимости. Перестройка резко дестабилизировала систему, реализация рисков и опасностей стала развиваться по автокаталитическому, самоускоряющемуся механизму. Это развитие резко нелинейно, так что переход от спокойного и внешне стабильного состояния к катастрофе происходит неожиданно и очень быстро.

Кроме того, механистическое сознание с трудом осваивает представление о *синергизме* опасностей. Суть его в том, что если две или больше опасностей действуют совместно, как система, то их эффект может многократно (даже на порядки) превосходить сумму эффектов при действии каждой из опасностей по отдельности. Когда такие системы складываются, могут быть разрушены объекты, которые казались совершенно неуязвимыми для каждой опасности взятой отдельно.

Можно высказать как общее утверждение: катастрофы происходят именно в результате синергизма опасностей, который был не предусмотрен и не просчитан. Более того, искусство разрушения в том и состоит, чтобы создать в нужном месте и в нужное время этот синергизм слабых факторов (опасностей). Напротив, искусство

управления рисками состоит в том, чтобы предвидеть возможность возникновения таких кооперативных эффектов и вовремя разрушать возникающие системы опасностей — также слабыми воздействиями.

Например, для СССР оказались очень опасны оказались местные (национальные) элиты, складывающиеся на межведомственной клановой основе. Вплоть до 60-х годов эти системы регулярно разделялись с устранением назревающего в них синергизма. Благодаря этому сложилась изошренная система обратных связей, которая автоматически «гасила» зародыши опасных конфликтов, когда их динамика подводила к заданному порогу. Это касалось, например, конфликтов в межэтнических отношениях. Создание этой системы было великолепным достижением советского «общества знания», и она действовала так незаметно, что стабильность казалась *естественным* состоянием. Уже в 1986-1987 гг. эта системы была разрушена, и очень быстро сложилась система обратных связей, ускоряющих развитие конфликтов. Изучение динамики развития конфликта в Нагорном Карабахе, Приднестровье и в Чечне показывает, насколько неадекватными были действия власти, невосприимчивой к сигналам «общества знания».

Положение осложнялось и тем, что достижение критических точек и переход в зону неконтролируемой нестабильности не вызывал адекватной реакции власти по той причине, что советская система проявила непредусмотренную и пока что не нашедшую объяснения устойчивость. В ней оказались заложены неявные стабилизирующие механизмы, свойственные традиционным обществам и не поддающиеся хорошему объяснению на языке западной науки. Тот факт, что мы не имеем четкого представления об этих механизмах, не позволяет уповать на их долговременное действие — они могут отказать без предварительного нарастания понятных нам тревожных симптомов. Российское общество на многие угрозы реагирует «неправильно» — иначе, чем детерминированное современное общество Запада. А значит, проникнутые европейским мышлением политики и интеллектуалы не понимают идущих от общества сигналов.

Сейчас срочной и чрезвычайной стала задача выявления актуальной, практически новой «карты опасностей», которая резко отличается от той, которая сложилась в момент кризиса советского строя и в 90-е годы. В ближайшие 10-15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится задачей только-только формирующегося нового «общества знания».

Фундаментом для составления новой «карты опасностей» служит определение векторов и динамики происходящих в России и в мире главных процессов и возникающих при этом противоречий. Пока что все политики от этого уклоняются: либералы и марксисты трактуют происходящее в понятиях истмата, «государственники» — в державной риторике, малопригодной для «инженерного» анализа.

События в России развиваются на фоне общего кризиса индустриальной цивилизации при большой открытости и ослаблении защитных сил российского государства и общества. Следует учесть при этом, что кризис индустриализма порождает и в западном обществе целую систему страхов, искаженных неадекватным восприятием порождаемых им угроз.

Вся карта опасностей для России будет кардинальным образом меняться в зависимости от того, по какому из альтернативных сценариев будет выходить из кризиса индустриальная цивилизация в целом. В настоящий момент ситуация определяется метафорой «цивилизация на распутье». Это — ситуация нестабильного равновесия. Как только оно будет сдвинуто в один из коридоров, станет возможным прогнозирование последствий и уточнение карты опасностей для России. За отпущенное России время требуется частично восстановить, частично построить новые структуры «общества знания», способные выполнить эту задачу.

Глава 12 Кризис «общества знания»: мировоззренческие срывы

Кризис «общества знания» постсоветской России выражается в мировоззренческих срывах, которые поражают общество в целом или большие его части. Если по какой-то причине люди начинают видеть реальность в ложных, слишком искаженных формах, их решения в целом становятся принципиально ошибочными. *Знание отвергается*. Такие социальные аномалии представляют особый раздел социологии знания.

Любое сообщество «собрано» и воспроизводится на определенной *матрице*. Как уже говорилось, важным ее срезом является *когнитивная структура* — система средств познания реальности, инструментов общественного сознания и обмена информацией (язык, значимые факты, теоретические представления, методы, мера, логика и др.). И когнитивная структура сообщества, и связывающая его информационная система поддаются *визуализации* методами социодинамики культуры, что позволяет следить за состоянием сообщества. Большие гетерогенные сообщества (такие, как народ, нация, общество) собраны на сложной мировоззренческой матрице, в которой переплетены когнитивные структуры множества сообществ и субкультур. В этой матрице есть ядерная зона, которая сплавливает все частичные сообщества.

Рассмотрим, как пример, один из мировоззренческих срывов. Жизнь семьи, общества, страны требует сочетания двух разных, но неразрывно связанных видов деятельности — *создания и сохранения*. Усилия того и другого рода по-разному осмысливаются и организуются. В нашем сознании они выражаются двумя разными категориями, которые наполняются содержанием в зависимости от того, в какой когнитивной структуре действуют — в сфере научного, обыденного, традиционного или другого сознания. Обе эти категории — узловые точки, соединяющие разные когнитивные структуры и

скрепляющие всю мировоззренческую матрицу.

В российском обществе за годы перестройки каким-то образом в сознании была подавлена категория *сохранения*. Много и конкретно говорилось о разрушении, туманно и красиво — о созидании. Ничего — о сохранении. Что имеем — не храним! И даже, потеряв, не плачем. Здесь не будем говорить о причинах этой духовной патологии, а обозначим само явление, исходя из эмпирических данных.

Этот провал следует считать тяжелым поражением сознания. Вызревало оно постепенно, но реформа 90-х годов его закрепила и усугубила, дала импульс. Оно является общим состоянием, потому-то его не замечают. И касается оно, в общем, всех классов объектов, которые общество создает, а ныне действующее поколение обязано сохранять.

Возьмем объект высшего уровня — сам *народ* России. Разве когда-нибудь общество или государство задумывались о том, что его надо сохранять? Разве говорилось в школе, вузе, в СМИ, в речах правителей, что для этого необходимы такие-то и такие-то усилия и средства? Нет, мы получили народ от предков как *данность* и даже не думали, что он нуждается в охране, уходе, «ремонте». На деле жизнь народа сама по себе вовсе не гарантирована, нужны непрерывные усилия по ее осмыслению и сохранению. Это — особый труд, требующий ума, памяти, знания и упорства. Как только этот труд перестают выполнять, жизнь народа деградирует. Народ жив, пока все его части непрерывно трудятся ради его *сохранения*, берегут и ремонтируют центральную мировоззренческую матрицу, хозяйство, тип человеческих отношений. Эту работу надо вести как непрерывное строительство, как постоянное *созидание и сохранение* национальных связей между людьми. Но созидание и сохранение — задачи во многом разные, они выполняются разными средствами.

С 1991 г. народ стал таять количественно, теряя год за годом почти по миллиону человек личного состава. Объявили о *демографической* катастрофе, но не о народе как особом сообществе. Даже Солженицын, заговорив о «сбережении» народа,

явно имел в виду «население», а не народ как целостность, как специфическим образом сплоченную общность (можно даже сказать, «систему»). Из заявлений на демографическую тему вовсе не следует признания того факта, что существование народа может быть под угрозой, даже если население, как совокупность *индивидов*, прирастает. А ведь это именно так — население может сохраниться и увеличиться, но при этом лишиться качества народа как субъекта истории. Но даже и в демографическом плане упор делается на повышение рождаемости, на созидание новых людей, а проблема *сохранения* почти игнорируется. А ведь сокращение продолжительности жизни мужчин на 5 лет равноценно утрате 8,5 % всех мужчин России. Такие потери не закрыть приростом рождений.

Возможно, народ — слишком сложная система для обсуждения, многие считают его Божьим даром или явлением природы, и мысль о необходимости «ухода и ремонта» принимается с трудом. Возьмем пример попроще, который ниже рассмотрим подробнее — ЖКХ. Его состояние стало сегодня критической социальной проблемой в РФ.

С 1991 г. был практически прекращен капитальный ремонт жилищного фонда России (рис. 367). И это достояние страны (почти треть ее основных фондов) стало деградировать. На глазах всего общества ЖКХ идет к катастрофе, но все внимание направлено лишь на *строительство* новых домов. В.В. Путин сказал: «Одной из самых актуальных задач считаю обеспечение граждан доступным жильем». Да, это важная задача, но ведь нового жилья строится в год всего 1,5 % от уже имеющегося, которое надо *сохранять*. Самой актуальной общенациональной проблемой стало сегодня не строительство нового жилья, а сохранение старого. Но об этом не говорят. В ЖКХ идет деградация его основных фондов — зданий и инфраструктуры (водопровода, теплосетей и т. д.). Это неумолимый фактор, и его игнорирование говорит о том, что инструменты познания реальности испорчены.

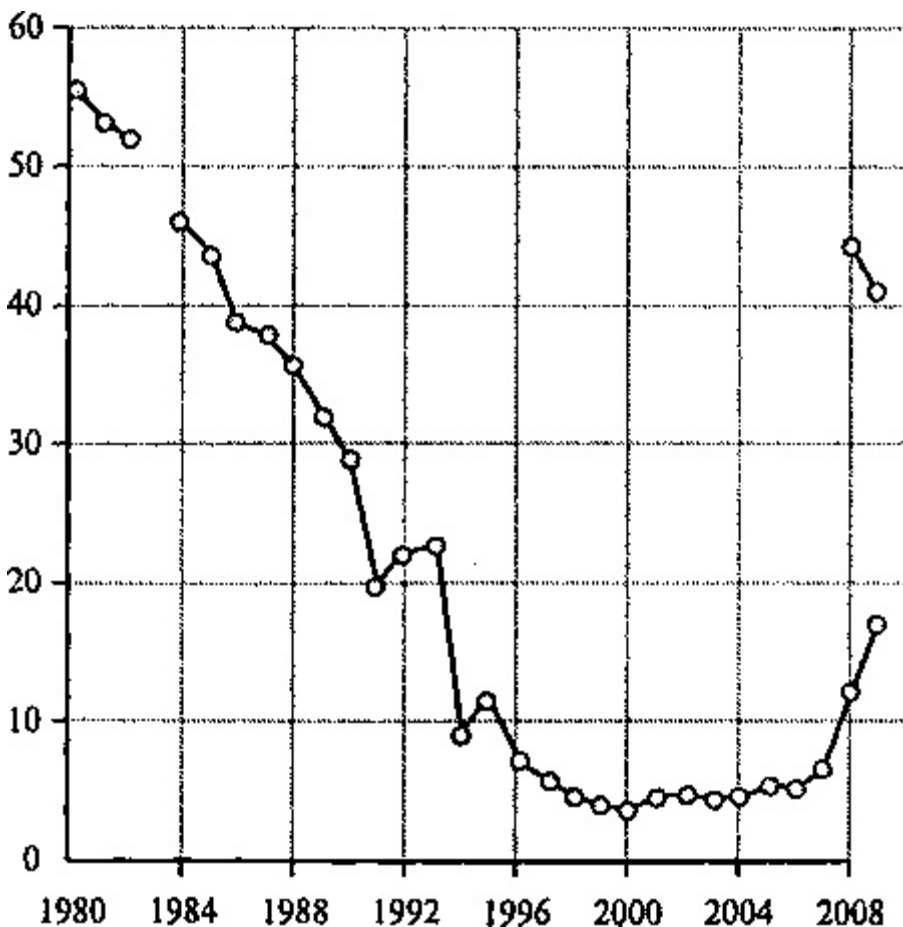

Рис. 3. Площадь капитально отремонтированных жилых домов, **68** млн м

Разрушение ЖКХ страны — очевидная угроза. Но для нас она — еще и та капля, в которой видно общее аномальное состояние государства и общества в их отношении практически ко всем угрозам. Утрачены механизмы и нормы, которые побуждают людей вкладывать средства и усилия в содержание и сохранение того искусственного мира культуры, в котором живет человек и без которого он существовать не может. Попробуйте спросить министра, депутатов, жителей — на что они надеются? Что дома сами собой капитально

отремонтируются? Что ржавые теплосети сами собой окрепнут? Что люди привыкнут жить без домов и без отопления? Никто ничего не ответит и даже вопроса не поймет. Эти проблемы как будто стерты из сознания людей. Это — глубокая деформация мышления, распад когнитивной структуры, на которой собрано общество.

За 90-е годы из *всех больших технических систем* России были изъяты средства, предназначенные для их содержания и ремонта. Разрушается культурное пространство в целом. Изъято из оборота 42 млн га посевных площадей. Треть земли, которую возделывали много поколений наших предков, продукт нашей культуры, на глазах дичает. Год за годом превращается в пустырь культурное поле, с необъяснимым равнодушием смотрят на это государство и общество. Реформа создала условия, не позволяющие содержать скот. Россия теряет стадо крупного рогатого скота — одну из главных составляющих основных фондов сельского хозяйства, огромное национальное достояние (см. рис. 4). Надо же разобраться в причинах его неуклонного разрушения! Но об этом гласно вообще никто вопроса не поднимал.

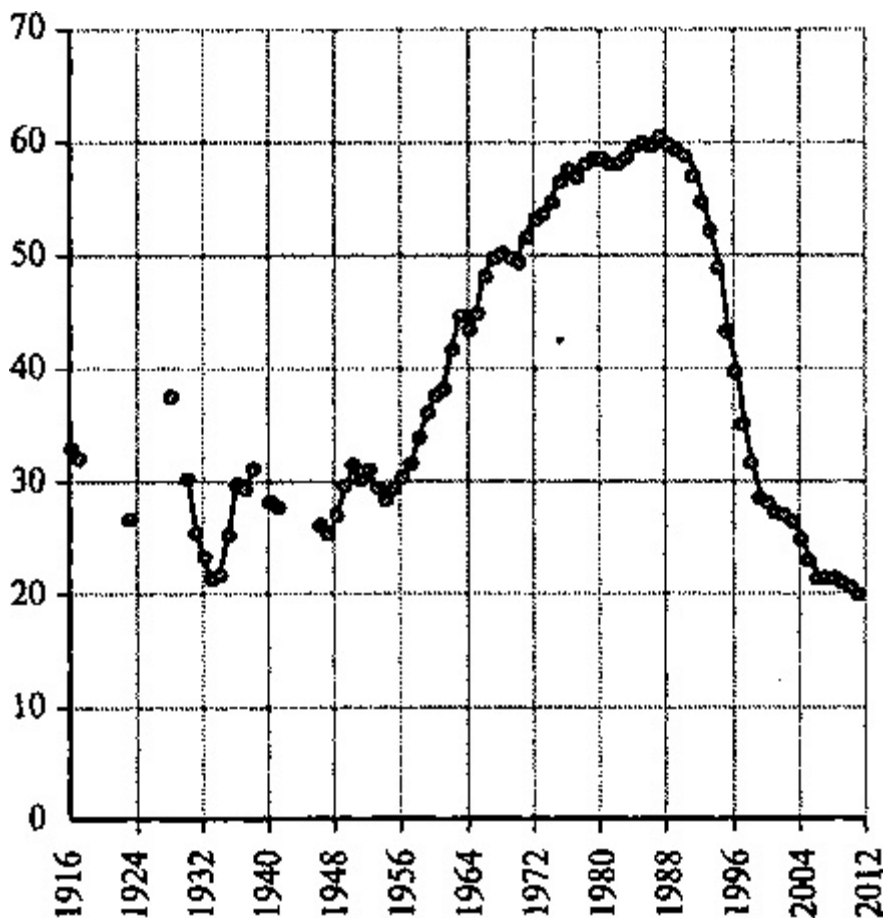
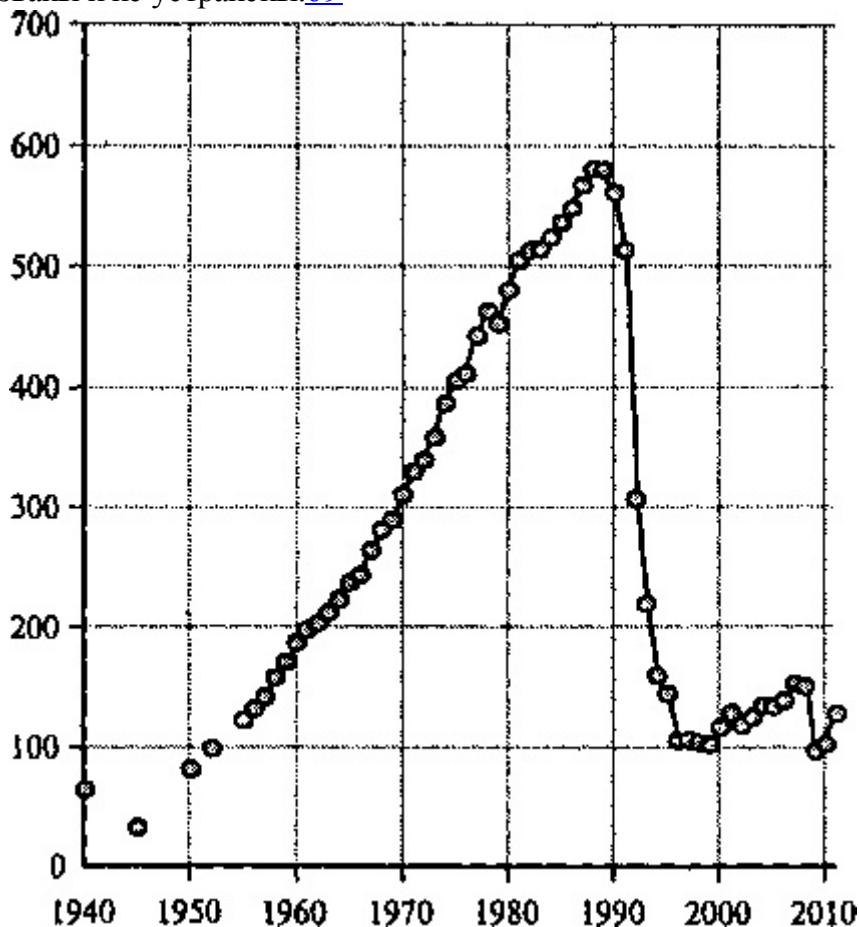

Рис. 4. Поголовье крупного рогатого скота в дореволюционной России, РСФСР и РФ в хозяйствах всех категорий (на 1 января, млн голов)

В Послании В. В. Путина 2007 года говорится о необходимости развития речных перевозок. Но эта отрасль совсем недавно *была* очень развита — имелся большой речной флот, предприятия по его содержанию и ремонту, обустроенные в масштабах всей страны пристани и фарватеры, квалифицированные кадры. Была *профессиональная культура*. В 90-е годы были созданы условия (экономические, социальные, культурные), несовместимые с

существованием отрасли — и флот распродан, кадры разбрелись. Перевозки грузов внутренним водным транспортом сократились в 6 раз (рис. 5), с перевозкой пассажиров еще хуже. Какой же смысл вкладывать деньги в повторное развитие отрасли, если причины краха не названы и не устранены.[69](#)

Рис. 5. Перевозки речным транспортом в России, млн т

Как же объяснить тот странный факт, что причины деградации культурного пространства не выявляются, не устраняются и даже не становятся предметом обсуждения? Более того, укрепилось общее мнение, что кризис позади и Россия вступила в период быстрого

развития. Само это утверждение должно было бы вызвать удивление, если бы общество *видело* динамику деградации технической базы. Но заявления о быстром развитии не вызывают удивления, поскольку в общественном сознании производство и содержание производственной базы разведены как *независимые* стороны хозяйства.

Но их нельзя разводить, это противоречит знанию и здравому смыслу. Их разведение искажает сам смысл главного показателя — *валового внутреннего продукта*. Ведь если из-за отсутствия надлежащего ухода и ремонта происходит аномальный износ или разрушение основных фондов, это следует считать «*производством валового внутреннего ущерба*» («антипродукта»). Эту величину следовало бы *вычитать* из ВВП. Попробуйте пересчитать ВВП Российской Федерации с учетом ненормативной деградации национального достояния!

Провал в сознании, о котором идет речь, корнями уходит в тенденцию к «натурализации» культуры. Мы часто слышим, что рыночная экономика — «естественный» порядок, что частное предприятие — явление «естественное». Это важные тезисы. Если частное предприятие «естественно», то есть, «природно», то и нет необходимости в специальной деятельности по уходу за ним, поддержанию особых условий, ремонту и т. д. Природные создания сами адаптируются к окружающей среде. После промышленной революции, во время которой господствовало представление, что все вокруг — *машины* разной степени сложности, натурализация культуры мало-помалу вытесняла из сознания заботу о сохранении творений цивилизации. Строительная лихорадка XX века маскировала процессы старения и износа сооружений.

Положение резко изменилось с началом «неолиберальной волны». В 1970 г. в США строительство инфраструктуры стало отставать от ее износа. Сейчас затраты на необходимый срочный ремонт оцениваются в астрономические суммы. Американское Общество Инженеров опубликовало отчет, согласно которому до 2010 г. требуется

истратить 1,6 трлн долларов. Речь идет о срочном ремонте 15 главных категорий сооружений (дороги, мосты, водоснабжение, энергетические сети и пр.). Задержка с ремонтом уже создает риски и опасность крупных отказов, ведет к большим издержкам. Так, жители США ежегодно тратят 54 млрд долларов на ремонт автомобилей, поврежденных из-за плохого состояния дорог. 85 % объектов инфраструктуры, о которых идет речь, находится в частном владении. Значит, само по себе «чувство хозяина» недостаточно, чтобы заставить рачительно ухаживать за сооружениями.

В советское время это слабое чувство было заменено *планом*. Раз советские сооружения «искусственные», значит, им требуется техническое обслуживание, которое предписано нормативами и средства на которое закладываются в план вплоть до списания объекта. А жесткая дисциплина запрещала «нецелевое использование средств», предназначенных для планового ремонта. Эти нормы и дисциплина были моментально отменены после приватизации. Рынок как будто отключил здравый смысл, чувство опасности и дар предвидения.

Перед нами — большая социальная проблема. Утрата важных блоков общественного сознания подкреплена ликвидацией административных механизмов, которые заставляли эти блоки действовать. Это было уже столь привычно, что сохранение и ремонт основных фондов выполнялись как бы сами собой, без усилий разума и памяти. Теперь нужно тренировать разум и память, **заставить** людей задуматься об ответственности за сохранение технических условий жизни общества. Нужно создавать хотя бы временные, «шунтирующие» механизмы, не позволяющие людям и организациям уклоняться от выполнения этой функции. Само собой это не произойдет, и основной груз по разработке и выполнению этой программы ложится на государство и становится критически важной функцией «общества знания». Больше нет организованной силы для такого дела.

Вернемся к проблеме распада матрицы, соединявшей народ.

Опасность гибели возникает вследствие слишком обширных ее изменений — избыточной *подвижности*. Чтобы устоять перед натиском «инога», нужны механизмы, которые антропологи называют *инерцией* и *пережитками*. Это необходимые средства для сохранения народа.

А. Леруа-Гуран пишет: «Инерция по-настоящему бывает видна лишь тогда, когда [этническая] группа отказывается ассимилировать новую технику, когда среда, даже и способная к ассимиляции, не создает для этого благоприятных ассоциаций. В этом можно было бы видеть самый смысл личности группы: народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам» [167, с. 195].

Вот поразительный вывод крупного ученого: «народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам»! Значение *традиции* как неперменного условия сохранения народа доказывали антропологи самых разных школ и направлений. Можно сказать, что они вывели «общий закон» этнологии, который гласит, что традиция есть форма коллективной адаптации общности к среде обитания: «Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания» (см. [168, с. 246]).

Перемена устоявшихся порядков — всегда болезненный процесс, но когда господствующие политические силы начинают ломать всю систему жизнеустройства, это создает обстановку «гибели богов» — *все обесценивается*. Это наносит народу столь тяжелую травму, что его сохранение ставится под вопрос. Такую травму и нанесла российскому обществу реформа, *всем* его социальным группам и слоям. После 1991 г. в России была провозглашена программа изменения всех больших систем.

Пробежим мысленно все стороны жизнеустройства — везде реформаторы пытаются переделать те системы, которые сложились в России, по западным образцам. Сложилась, например, в России своеобразная *школа*. Ее проект вырабатывался в длительных поисках и притирке к культурным традициям народа, с внимательным

изучением зарубежного опыта. Результаты были не просто хорошими, а блестящими, что было подтверждено множеством исследователей и Запада, и Востока. Эту школу было решено кардинально изменить, перестроив по специфическому шаблону западной школы.

Как странно. Попробуйте снести заурядный особняк в центре Москвы — поднимется страшный шум. Но вот, сносят здание российской школы — полное равнодушие. Говорят о зарплате учителей, о подведении Интернета, о перегрузке программ. Тот факт, что ликвидируется уникальное творение национальной культуры, ценность которого со временем будет только расти, не интересует ни государство, ни интеллигенцию, ни родителей. Из когнитивной структуры российского общества выпал целый краеугольный камень. В одном из важных срезов общество распалось.

Сложился в России, за 300 лет, своеобразный тип армии, отличный от западных армий с их традицией наемничества. Армию сразу стали перестраивать по типу западной (даже ввели нашивки с угрожающими символами — хищным орлом, оскаленным тигром — то, что всегда претило русской военной культуре). Но что означает для страны смена социального и культурного генотипа армии, какими это чревато издержками, никого на институциональном уровне не волнует. Гласа немногих вопиющих никто не слышит.

Сложилась в России, с середины XIX века, государственная пенсионная система, отличная и от немецкой, и от французской. В СССР она была распространена на всех граждан, включая колхозников. Система эта устоялась, была всем понятной и нормально выполняла свои явные и скрытые функции — ее сразу стали переделывать по англосаксонской схеме, чтобы каждый сам себе, индивидуально, копил на старость, поручая частным фирмам «растить» его накопления.

Система высшего образования России складывалась почти 300 лет. Это — один из самых сложных и дорогих продуктов русской культуры, это и одна из матриц, на которых воспроизводится культура. Уклад нашей высшей школы, организация учебного процесса и

учебные программы — это инструменты создания специалистов с высшим образованием особого типа — *интеллигенции*. Заменить все эти выработанные отечественной культурой инструменты на те, что предусмотрены Болонской конвенцией, — значит сломать механизм воспроизводства культуры России.

Но особенно поражает согласие российской интеллигенции на уничтожение самой крупной институциональной матрицы — отечественной промышленности. Каковы будут последствия приватизации промышленности, даже если бы она проводилась в соответствии с законом, а не по указу, было довольно точно предсказано специалистами в 1991 г. Следовало ожидать утраты очень большой части промышленного потенциала России.

Приступая к строительству постсоветского «общества знания», мы обязаны разобраться в этом моменте, ведь речь идет о глубоком болезненном срыве в мышлении значительной части высокообразованных людей, многомиллионной интеллигенции. Такое отношение к отечественной промышленности, к нашему национальному достоянию, поразило специалистов во всем мире. Провал колоссальный, ряд отраслей почти утрачен. Производство машиностроения в 2006 году на треть меньше, чем в 1990 г. (рис. 6).

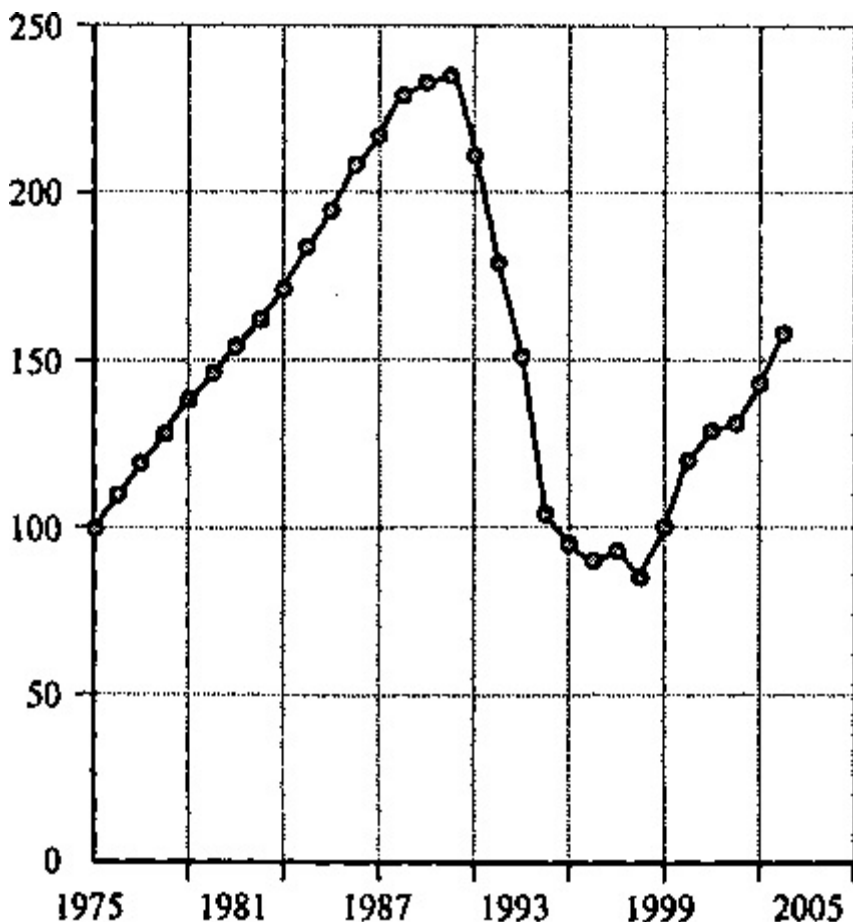
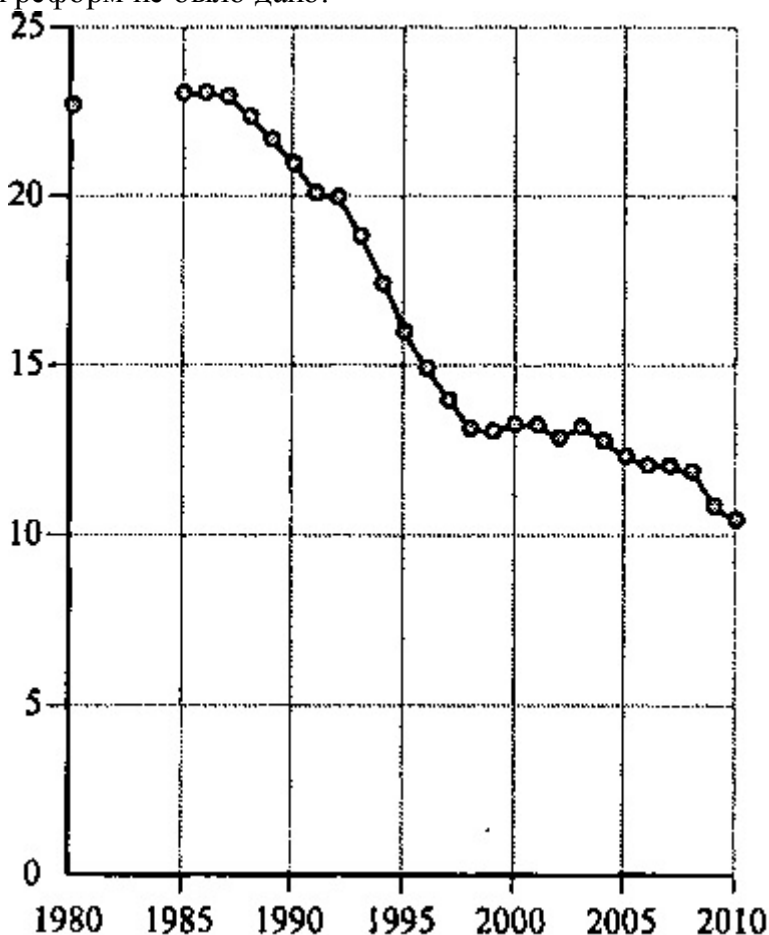

Рис. 6. Индекс производства в машиностроении и металлообработке РСФСР и РФ (1975 = 100)[70](#)

Понятно, что деиндустриализация означает и *деклассирование* рабочих, утрату огромного «человеческого капитала». Об этой стороне дела вообще никто не заикнулся при прохождении закона о приватизации и после нее. А ведь в любой промышленно развитой стране контингент квалифицированных рабочих считается особо ценным национальным достоянием. Сформировать его стоит большого труда и творчества, а восстановить очень трудно. В России в ходе реформы контингент промышленных рабочих сократился

вдвое, на 10 млн человек (рис. 7). Значительная часть их опустилась на «социальное дно». Но даже чисто прагматической оценки этой стороны реформ не было дано.

Рис. 7. Среднегодовая численность работников организаций промышленности в РСФСР и РФ, млн. чел.

В российском обществе 90-х годов было достаточно провести сравнительно небольшую идеологическую обработку, чтобы создать в массовом сознании и даже в сознании интеллигенции негативное отношение к большим блокам отечественной культуры и социального устройства. Так, антиколхозная кампания не опиралась на

убедительные рациональные аргументы, не использовала изощренных художественных средств, не давала никаких оснований ожидать создания новых, более эффективных производственных структур. Однако к ликвидации колхозов и совхозов общество отнеслось с полным равнодушием, хотя было очевидно, что речь идет о разрушении огромной системы, создать которую стоило чрезвычайных усилий и даже жертв.

Не менее очевидно было и то, что разрушение крупных механизированных предприятий, которые были центрами жизнеустройства деревни, будет означать колоссальный регресс и даже архаизацию жизни 40 миллионов сельских жителей России. И этого регресса до сих пор невозможно остановить и даже затормозить (см., например, рис. 8 и 9). И до сих пор это странное равнодушие не вызвало никакой рефлексии.

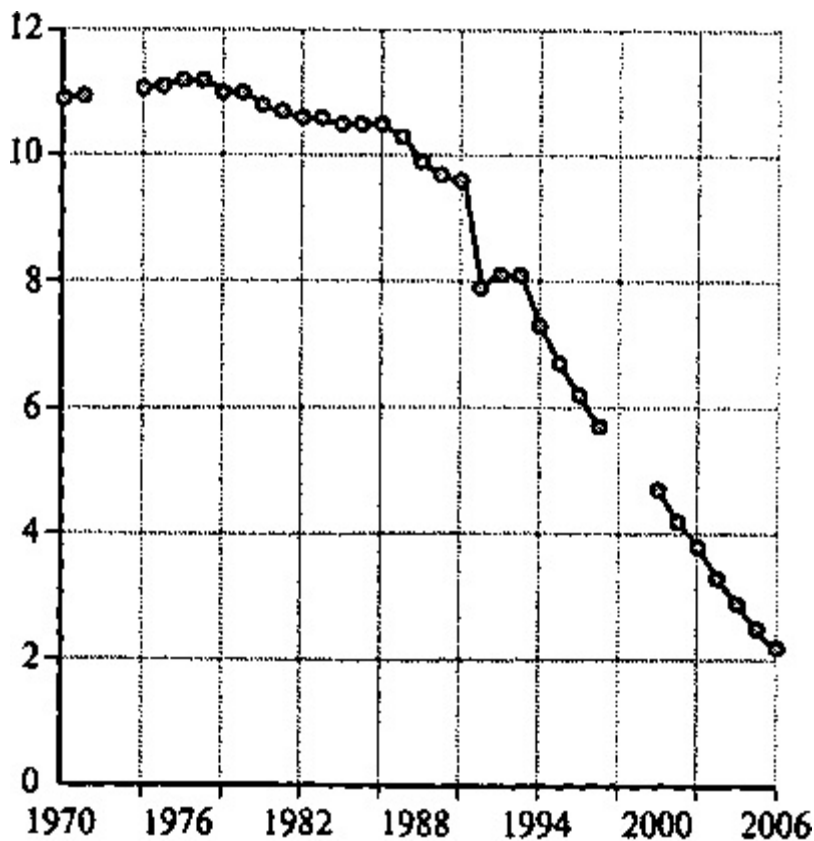

Рис. 8. Число работников в сельскохозяйственных организациях России, млн чел.

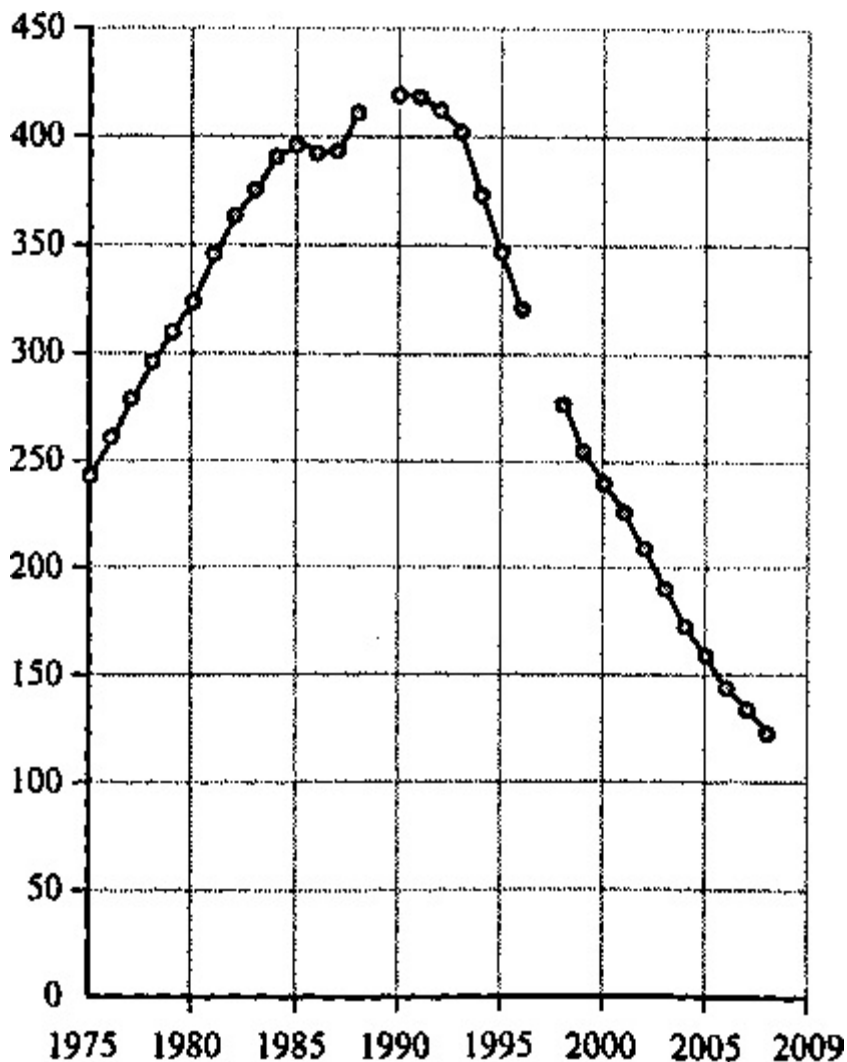

Рис. 9. Энергетические мощности сельскохозяйственных организаций России, млн л. с.

На другом краю спектра — точно такое же отношение к отечественной науке. Достаточно было запустить по СМИ поток совершенно бездоказательных утверждений о «неэффективности» науки, и общество бросило ее на произвол судьбы, равнодушно наблюдая за ее уничтожением. Никаких рациональных оснований для

такой позиции не было, просто в массовом сознании были испорчены инструменты, необходимые для осознания ценности науки. Надо признать, что и сама научная интеллигенция в своем понимании происходящего недалеко ушла от массового сознания.

Но вернемся к той части техносферы, прогрессирующий износ которой угрожает шкурным интересам подавляющего большинства населения России. Старение жилищного фонда России, быстрый переход его в категорию ветхого и аварийного ставит под угрозу даже физическую безопасность многих жителей РФ.

По данным Росстроя, на 2005 г. общий износ основных фондов в ЖКХ составил более 60 %, а четверть основных фондов уже полностью отслужила свой срок. Недавно опубликована такая справка: «Более 300 млн м (11 % всего жилищного фонда) нуждается в неотложном капитальном ремонте».

Но симптомом еще более фундаментальной угрозы служит *реакция общества и власти* на тот неумолимый процесс, каким является ветшание жилищного фонда. Процесс идет безостановочно и с ускорением, нет никаких надежд на то, что он вдруг сам собой остановится и повернет вспять. Но все смотрят на это равнодушно, не предпринимают действий, соизмеримых масштабу угрозы, и не пытаются составить разумное представление о ней. Никто даже не делает успокаивающих заявлений, пусть ложных. В них нет необходимости, ибо в обществе нет беспокойства.

Надо считать аномалией и такой факт, на который никто не обращает внимания. По данным Госкомстата, в РФ **на конец 2001 года** было 90 млн м аварийного и ветхого жилья или 3,1 % всего жилфонда РФ. Запомним эту величину. После этого Госкомстат не публиковал данных об аварийном и ветхом жилье. Однако о динамике старения сообщалось в документах и заявлениях официальных лиц. Так, председатель Госстроя РФ Н. Кошман 8 апреля 2003 г. сообщил прессе, что в 2002 году «в состояние ветхого и аварийного жилья перешло 22 миллиона квадратных метров».

9-11 февраля 2004 г. Госстрой России, Министерство жилищного

строительства и городского развития США и Всемирный банк провели в Дубне международный семинар «Ипотечное жилищное кредитование». На семинаре выступали зам. премьер-министра РФ В. Яковлев, председатель Госстроя РФ Н. Кошман, зам. министра экономики А. Дворкович. Главный доклад сделал зам. председателя Госстроя В. Пономарев. Все это официальные лица очень высокого ранга. Но главное, в пресс-релизе семинара сказано, что **«ветхий и аварийный фонд ежегодно растет на 40 %»**.

Простой подсчет показывает, что если скорость старения после 2001 г. принципиально не изменилась, то к концу 2006 г. категория ветхого и аварийного жилья должна была бы составить около 400-500 млн м или 14-16 % всего жилфонда РФ.⁷¹ Это величина *правдоподобная*, хотя наверняка неточная — мы можем сделать лишь грубую прикидку. Вот косвенные доводы на этот счет. Говорится, например, что в Москве ситуация лучше, чем в других местах — здесь земля очень дорогая, фирмы охотно сносят ветхое жилье и застраивают участки большими новыми домами. В мэрии недавно сообщили корреспонденту «RBC daily»: «В ветхом состоянии у нас находится 28 млн м жилья при общем размере жилого фонда 200 млн м».⁷²

Итак, в Москве, где положение лучше всего в РФ, ветхое жилье составляет 14 % жилищного фонда. Согласно «Российской газете» от 2 марта 2007 г., <http://7/www.rg.ru/2007/03/02/reg-jugrossii/dagestan-zhilie.html> «количество ветхих и аварийных домов в Дагестане составляет 26 % жилищного фонда». Таков диапазон на начало 2007 г., от 14 до 26 % жилищного фонда — ветхий и аварийный.

Что же говорят высшие должностные лица, отвечающие за состояние ЖКХ России в целом?

В феврале 2006 г. состоялось второе Всероссийское совещание на тему «Ветхий и аварийный жилищный фонд: пути решения проблемы». На этом совещании тогдашний министр регионального развития РФ В. Яковлев сообщил: «Сегодня в стране насчитывается более 93 млн м ветхого и аварийного жилья» [4].

Как сказано, «в совещании приняли участие члены Совета Федерации РФ, представители органов власти из Астраханской, Читинской, Нижегородской, Пермской, Тульской, Кемеровской областей, представители бизнеса, научных и общественных организаций».

После того совещания проходит 8 месяцев, и 5 октября 2006 г. зам. министра регионального развития РФ Ю. Тыртышов сообщает в интервью: «Доля ветхого и аварийного жилья в России достигла 3,2 % от общего объема жилищного фонда, что составляет 93,2 млн м». Он назвал данные, которые отражали состояние *на конец 2001 года*. Его слова противоречат тому, что в 2003 и 2004 гг. говорил председатель Госстроя РФ Н. Кошман (и подтверждал заместитель премьер-министра РФ В. Яковлев). Это признак общей деградации культуры управления. Министры и их заместители называют несовместимые величины — и никакой реакции! Общество получает сообщения, в которых концы не вяжутся с концами — и никто этого не замечает.

Так это и идет поныне. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» (октябрь 2007 г.) сказано: «Достижению целевых параметров обеспеченности населения жильем препятствует необходимость быстрого выведения из оборота жилья ветхого и аварийного фонда (по данным Росстата, 95 млн м на начало 2006 года, с тенденцией ежегодного роста на 2 млн)».

Отметим эту аномалию: сведения о величине ветхого и аварийного жилищного фонда РФ, даваемые разными источниками, несоизмеримы. Более того, одни и те же люди в разной обстановке называют разные величины. Резкие и никак не объясненные изменения в динамике величин, которые присутствуют в данных Госкомстата, не вызывают вопросов и удивления даже у *контролирующих* органов.

Вот Отчет Счетной палаты о ходе программы переселения граждан из ветхого и аварийного жилья [129]. Здесь сказано: «По состоянию на 1 января 2000 года суммарная площадь ветхого и аварийного жилья в Российской Федерации составляла 49,78 млн м (1,8 % в общем объеме жилищного фонда России), в том числе аварийный жилищный

фонд — 8,24 млн м)».

В приведенной здесь же таблице Госкомстата мы видим, что после 1999 г. начался резкий рост объема ветхого и аварийного жилья — 50 млн м в 2000 г. и 90 млн в конце 2001 г. Этот рост имеет свои объяснения, которые не раз приводило руководство Госстроя РФ. Но после 2001 г., вплоть до настоящего времени практически никакого прироста этого объема не происходит. Как аудиторы Счетной палаты могли не заметить этого странного явления? Как мог за эти годы остановиться процесс ветшания старых домов?

Напрашивается такое объяснение. Резкое изменение динамики старения жилищного фонда, в котором пороговой точкой стал 1999 год, побудило правительство пересмотреть критерии отнесения жилых домов к категории ветхих и аварийных. Это было оформлено Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2003 года № 552 «Об утверждении Положения о порядке признания жилых домов (жилых помещений) непригодными для проживания».

Во исполнение указанного постановления Правительства Госстрой РФ принял постановление от 20 февраля 2004 года № 10 «Об утверждении критериев и технических условий отнесения жилых домов (жилых помещений) к категории ветхих или аварийных». Это Постановление гласит: ...2. Не применять на территории Российской Федерации Приказ Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 05.11.1985 № 529 «Об утверждении Положения по оценке непригодности жилых домов и жилых помещений государственного и общественного жилищного фонда для постоянного проживания».⁷³ Согласно этим новым критериям, ветшание жилищного фонда резко замедлилось (с 40 % до 2 % в год). Поразительно и то, что практические работники местных властей (например, правительства Москвы) продолжают пользоваться старыми критериями и прессе сообщают соответствующие им величины.

Маскировка реальности не вызывает никакой реакции общества при самых разных подходах к проблеме ЖКХ. В своем интервью 5 октября 2006 г. замминистра Ю. Тыртышов сделал два важных

утверждения: «Потребность в капитальном ремонте составляет 144 млн м в год при произведенных в 2005 г. 30 млн м... Главное это объяснить и помочь людям осознать, что состояние их жилья — это их ответственность, а не мэра и губернатора».[74](#)

Однако выражение «Потребность в капитальном ремонте составляет 144 млн м в год» имеет смысл, только если такая доля жилищного фонда ремонтируется *регулярно каждый год*. Потребность в ремонте на 2005 г. — это 144 млн м плюс величина «отложенного» ремонта, и чем более велик срок, на который отложен ремонт, тем более чрезвычайной становится эта потребность. Если считать, что с 1991 г. должен был выполняться этот норматив, то величина ремонта, отложенного за 1991-2006 годы, составляет 2 млрд м.

Второе важное заявление замминистра заключается в том, что главное в проблеме ветхого жилья — «объяснить и помочь людям осознать, что состояние их жилья — это их ответственность, а не мэра и губернатора». Это совершенно новая принципиальная постановка вопроса. Когда и где было принято решение о том, что теперь стоимость капитального ремонта полностью возлагается на население? Ведь это было бы немыслимым изменением в социальной политике государства. Кто уполномочил замминистра делать такие заявления?

Какова же стоимость «отложенного ремонта»? В октябре 2007 г. Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 года. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по РФ составит **19,5 тыс. рублей за 1 м**. Следовательно, теперь произвести капитальный ремонт жилья, «отложенный» за годы реформы, обойдется примерно в 40 триллионов руб. в ценах 2008 года.

А во сколько же обойдется этот ремонт гражданам, если на них действительно возложат эти расходы? На жителя РФ в среднем

приходится по 10 кв. м общей площади квартиры. Значит, на семью из 4 человек — 80 м. Эта семья должна будет заплатить за капитальный ремонт 1,56 млн руб. При средней зарплате в 15 тыс. руб. это означает, что глава семьи должен заплатить за ремонт **весь свой заработок за 8 лет**. Понимает ли замминистра Ю. Тыртышов, что он сказал? Но ведь его слова не вызвали никакой реакции ни наверху, ни «внизу». Нас здесь интересует именно этот факт.

Несоизмеримость средств и проблемы, когнитивный диссонанс — общее явление на всей территории РФ. Ремонт повсеместно продолжает «откладываться». Во многих регионах он практически не ведется. Например, в 2006 г. в Астраханской обл. капитально отремонтировано 1,1 тыс. м жилья — это примерно 10-15 квартир. А в республике Тыва за год ремонт проведен на 200 м — в двух-трех квартирах. Вот сообщение Администрации Саратовской обл. от 5 февраля 2007 г.: «На переселение граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда Бюджетом области предусмотрено 180 млн руб., что позволит отселить порядка 240 семей». Это 1 % тех семей, которые официально надо переселить — ветхий и аварийный жилфонд области (по «новым» критериям) составляет 1,5 млн м.

Заметим, что согласно Постановлению правительства, которое цитирует Счетная палата, «непригодными для проживания признаются жилые дома (жилые помещения), находящиеся в ветхом состоянии, в аварийном состоянии, а также те, в которых выявлено вредное воздействие факторов среды обитания».

Как можно не видеть очевидного и молчать о нем: за год, согласно государственной программе, ликвидируется 0,5-1 % исходной проблемы, а сама проблема ежегодно возрастает на десятки процентов.

Сейчас в России, по официальной справке, более 300 млн м нуждается в капитальном ремонте **неотложно**. В Послании 2007 года В. В. Путин сказал о выделении 150 млрд рублей на капитальный ремонт жилищного фонда — на 5 лет. Сколько жилья можно отремонтировать за 2008 год на 30 млрд руб.? Если верить расценкам,

1,5 млн м жилья. А только в **неотложном** ремонте нуждается 300 млн м. Значит, выделение средств, о котором в Послании говорится как о решении проблемы, эквивалентно 0,5 % усилий, которые государство обязано сделать срочно, в аварийном порядке. А если брать проблему в полной мере «отложенного» ремонта, то это 0,02 %. Для примера — стоимость «отложенного» капитального ремонта жилищного фонда Санкт-Петербурга уже составляет 7 годовых бюджетов города — около 275 млрд руб.

Деградация когнитивной структуры, соединявшей население России в общество, продолжается. А с ней продолжается и распад самого общества. Перед российской социологией — необычный и плохо изученный объект. Актуальность его изучения чрезвычайна.

Глава 13 Кризис научной системы постсоветской России

Наука — ключевая часть ядра отечественного «общества знания». Для проектирования строительства в современной России ее нового «общества знания» необходимо выяснить, в каком состоянии прежняя научная системы выходит из того кризиса, в который погрузилась страна после 1991 года.

В этот системный кризис советское научное сообщество входило уже в состоянии духовной смуты, что стало одной из причин его неспособности к самоорганизации с целью активного гражданского участия в процессе реформирования науки в 90-е годы.

Слабым местом советского «общества знания» 70-80-х годов было вытеснение *знания о России*, в том числе и знания о науке и технике России. Начиная с 60-х годов XX века, в советском обществе стали складываться структуры мировоззренческого кризиса, который проявился, среди прочего, в нарастании «недоброжелательного инакомыслия». Оно выражалось в скептическом отношении к

патриотической риторике, в том числе касающейся отечественной науки. В какой-то мере этот скепсис можно объяснить невысоким литературным уровнем исторических текстов и их раздражающей идеологизированностью. Однако важнее сам факт, что значительная часть научно-технической интеллигенции благосклонно воспринимала пропаганду, принижающую уровень советской науки и эффективность научной системы СССР. Соответственно, в тех случаях, когда на Западе оспаривался приоритет отечественных ученых, многие интеллигенты брали сторону иностранных конкурентов.

По большей части эта установка была замаскированным способом выразить свое несогласие с политической системой СССР (т. н. «фига в кармане»), но результатом был подрыв легитимности отечественной научной системы и, следовательно, снижение ее жизнеспособности. В ряде случаев сами такие бессознательные диссиденты испытывали расщепление сознания. Например, в литературе подробно освещена история приоритетного спора об изобретении радио. Надежно установлено, что первое устройство радиосигнализации было представлено А. С. Поповым в 1895 г. на заседании Русского физико-химического общества согласно всем требованиям российского закона 1896 г. о привилегиях на изобретения. На этом основании во Франции, Германии и США было отказано в патентовании устройства Г. Маркони, сообщение о приборе которого было впервые сделано в 1897 г. Заслуги Маркони в совершенствовании радиоаппаратуры и освоении ее промышленного производства бесспорны, но что побуждало заметное число советских научных работников не верить в приоритет Попова как изобретателя радио? Такое самоотречение — признак культурного кризиса.

Что же касается советской программы создания ядерного оружия, то с конца 80-х годов версия о том, что главный вклад в его разработку сделала разведка, раздобывшая американские секреты, стала чуть ли не официальной. Почему столь значительная часть интеллигенции восприняла ее с радостью? Даже если бы это было так, какова природа этой радости? Почему хотелось верить журналистам, а

не специалистам, которые ответственно и без экзальтации изложили ход событий? Вклад разведки был важным и полезным, он позволил сэкономить силы и время, сократив число проверяемых альтернатив, но он не был решающим. В отношении термоядерного оружия этот вклад даже не был существенным — концепция советских физиков была оригинальной и более удачной, чем у американских. Руководитель работы академик Ю. Б. Харитон прямо заявил в газете «Известия» (8 дек. 1992 г.): «Полученные нашими разведчиками данные о работе в США по водородной бомбе оказались бесполезными» [58].

Во время перестройки значительная часть ученых приняла в ней активное участие в качестве авторитетных и уважаемых ораторов, взявших на себя функцию подрыва легитимности советского строя. На основании массовых социологических опросов 1989-1990 гг. Ю. Левада писал: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [73].[75](#)

Эта установка научной интеллигенции с точки зрения ее социальных интересов была иррациональной, поскольку было почти очевидно, что ликвидация советского государства сразу сделает ненужной огромную систему «державной» науки. Поэтому уже первые шаги по реформированию науки вызвали «расщепление сознания» ученых. Будучи поначалу, в большинстве своем, сторонниками перехода к рынку, они даже не допускали мысли, что законы рыночной экономики могут коснуться *лично их*. О закрытии крупных НИИ в 1992 г. персоналу объявляли за два месяца. Но поведение сотрудников было иррационально — они не могли в это поверить. Они не искали нового места работы, приходили, как обычно, в лаборатории и продолжали ставшие бессмысленными эксперименты.

Прежде чем дать краткое фактологическое изложение развития кризиса 90-х годов, надо напомнить те постулаты, которые были

положены в основу доктрины реформирования науки. Эта доктрина выработывалась в 1991 году и вызвала резкую критику в среде специалистов по науковедению из числа «консерваторов». Прежде всего, возражение вызывал утопический и радикальный подход к преобразованию науки как одной из несущих конструкций советского государства. По сути, ее предполагалось не *реформировать*, а подвергнуть революционной трансформации, как и другие институциональные матрицы советского строя (колхозную систему, армию, промышленность и т. д.).

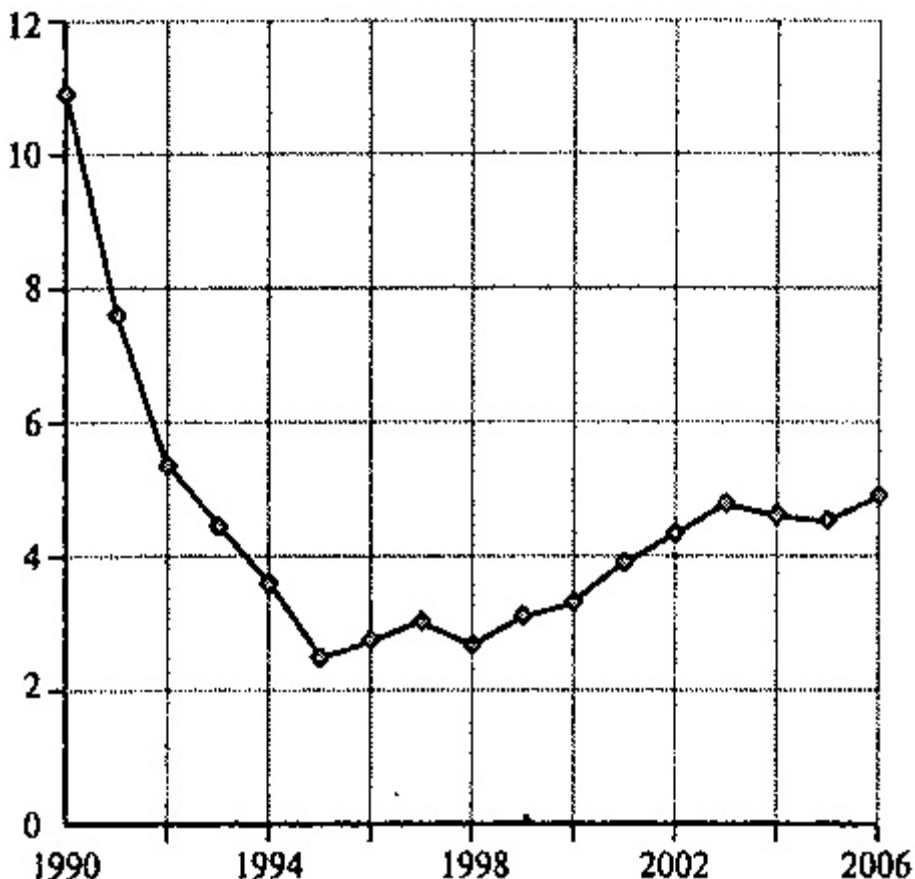
В 1990-1991 гг. в верхушке власти и в команде ее советников господствовало мнение, что смена политической системы и приватизация промышленности приведут к формированию гражданского общества, которое примет от государства многие из его функций. Считалось, что сразу произойдет самопроизвольное превращение науки государственной в науку гражданского общества. Эти расчеты подкреплялись высокой активностью самого научного сообщества как одной из движущих сил реформы. Исходя из этого главной стратегией управления наукой в 1992-1998 гг. стало невмешательство в процессы «самоорганизации» (*разгосударствление*).

Доктрина реформы, исходящая из идеи «разгосударствления» и передачи главных сфер деятельности государства под стихийный контроль рынка, оказалась несостоятельной в целом, но особенно в отношении науки и техники. Ни отечественный, ни иностранный капитал в России не смогли заменить государство как главный источник средств и главного «заказчика» НИОКР. Реформаторы исходили из постулата, согласно которому в России за короткий срок (1992-1993 гг.) произойдет становление мощного частного сектора, который приступит к научно-технической модернизации хозяйства и возьмет на свое содержание огромную научную систему России. Эти надежды были совершенно утопическими и противоречили всему тому, что было известно о природе научной деятельности, природе частного капитала и особенностях связи науки с государством в

России. Радикальный уход государства из сферы науки не мог не поставить ее на грань гибели. Огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, созданная за 300 лет державным государством, была оставлена почти без средств и без социальной поддержки.

В 1992 г. большое число научных работников остались без работы. Их ситуация по сравнению с другими секторами экономики оказалась наиболее тяжелой. По данным Московской биржи труда, потребность в ученых составила в тот год лишь 1,3 % от числа уволенных. Почти 100 претендентов на одну вакансию [68].

Ассигнования на гражданскую науку за 1990-1995 гг. снизились в 4,4 раза. С учетом того, что безотлагательно требовалось финансировать поддержание материально-технической инфраструктуры науки (здания, энергия, коммунальные услуги), затраты на *собственно продуктивную исследовательскую работу* сократились примерно в 10 раз. Пока большого роста ассигнований не наблюдается (рис. 10).

Рис. 10. Внутренние затраты на исследования и разработки в РФ, млрд руб. в постоянных ценах 1989 г.

Еще больше снизились расходы на обновление наиболее динамичной части основных фондов науки — приборов и оборудования. Если в середине 80-х годов на покупку оборудования расходовалось 11-12 % ассигнований на науку, то в 1996 г. — 2,7 %, а в 2006 г. 6,6 %. Таким образом, расходы на оборудование сократились в 15-20 раз. Коэффициент обновления основных фондов в отрасли «Наука и научное обслуживание» в 1998 г. составил лишь 1,7 % по сравнению с 10,5 % в 1991 г. В 2002-2004 гг этот коэффициент составлял 0,9-1 %.⁷⁶ План государственных инвестиций на

строительство объектов науки не был выполнен ни разу.

Ни разу не была выполнена 4%-я «норма» выделения средств из государственного бюджета, заданная Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». В 2004 г. объем бюджетных расходов на гражданскую науку составил 0,28 % валового внутреннего продукта и 1,76 % расходной части федерального бюджета, в 2006 г. он вырос до 0,36 % ВВП и 2,27 % федерального бюджета. Все внутренние затраты на исследования и разработки составляли в 1995 г. 0,85%, а в 2006 г. 1,08% ВВП.

Министерство науки и часть научного сообщества возлагали надежды на помощь иностранных фондов, которые стали давать российским ученым гранты или даже просто оказывать небольшую материальную помощь. Гранты были очень малы и, как отмечали многие, имели целью «скупить идеи по дешевке». Большие затраты времени на оформление отрывали людей от работы. Главным негативным эффектом ученые считали то, что гранты побуждали к изменению тематики исследований, так что фронт работ не только сужался но и видоизменялся в самых неожиданных направлениях, в основном, в сторону более мелких и прикладных задач за счет принципиально новых и стратегических исследований. Уже в 1994 г. надежды на фонды иссякли. Опрос научных работников показал, что 2/3 респондентов выразили негативное отношение к зарубежной помощи российской науке. 32,2 % ответили «Она больше выгодна Западу, чем нам», 22,3 % — «Она является замаскированной формой эксплуатации России»; 13,9 % — «Сам факт такой помощи постыден и унизителен» [68].

Итак, страна вступила в тот переходный период, когда старый «покровитель» науки, сильное государство, практически исчез, а новый (процветающая просвещенная буржуазия) если и появится, то лишь в гипотетическом светлом будущем. Это означает, что движение в принципиально том же направлении обрекает Россию, независимо от того, какой социально-политический строй в ней установится, на отбрасывание в разряд слаборазвитых стран без

всякой надежды на преодоление слаборазвитости.

Эрозия науки довольно быстро сделает всю систему обороны и сдерживания недееспособной. Можно с уверенностью предсказать, что самые широкие круги общественности с изумлением обнаружат, какую роль играла в их жизни наука, лишь после того, как ее необратимо лишатся. Менее очевидные, но не менее глубокие последствия окажет тихое исчезновение науки на жизнеспособность государства. Окажется, что из всех структур, обеспечивающих само существование цивилизованного человека в независимой стране, будет как бы вынут небольшой, но жизненно важный элемент. То, что не рухнет, то увянет. И этот эксперимент покажет, что собственная, национальная наука является необходимой опорой всей культуры и государственности в целом.

Второй важнейший принцип реформы заключался в радикальном разделении фундаментальной и прикладной науки. Президент Ельцин неоднократно настойчиво подчеркивал, что государством будет финансироваться лишь *фундаментальная* наука. Экономические следствия этого принципа почти не требуют пояснения. Наука в Российской империи и СССР была органичной частью государства. Государство рухнуло, новое «маленькое» либеральное государство в старой науке не нуждается и финансировать ее не собирается. Оно берет на содержание лишь «маленькую» же фундаментальную науку. Никакого иного субъекта поддержки науки в стране не существует. Миллион рублей, выделенный биржами на премию выдающемуся ученому, не обеспечит работой и зарплатой миллион рядовых ученых.

Это решение исходило из постулата, что фундаментальная наука может выжить и при отсутствии остальных подсистем науки (прикладных исследований, разработок, содержания всей научной инфраструктуры). Этот постулат ошибочен в самой своей основе и противоречит знанию о научной деятельности. Наука — не профессор Доуэль, чья голова прекрасно обходилась без тела, и заявления Ельцина говорили о прискорбном уровне знаний его советников. Несостоятельны и предположения, что можно провести селекцию

научных исследований и отделить зерна фундаментальной науки от плевел «нефундаментальной».

Надо сказать, что это положение доктрины реформы науки поддерживали и некоторые российские философы. Так, Е. Мамчур, Л. Баженов и В. Лекторский пишут: «Научная деятельность неоднородна: существуют разные по своему характеру типы этой деятельности. И прежде всего существует различие между фундаментальными и прикладными науками. Это два разных типа деятельности, преследующие совершенно равные цели и задачи. Фундаментальная наука имеет своей целью познание объективной действительности такой, как она есть сама по себе... Прикладные науки имеют совершенно другую цель — изменение природных объектов в нужном для человека направлении. Именно прикладные исследования непосредственно связаны с инженерией и технологией. Фундаментальные исследования обладают относительной независимостью от прикладных разработок. Они не связаны непосредственно с технократическим дискурсом и не обслуживают его непосредственно. В связи с чем фундаментальная наука не несет непосредственной вины и ответственности за те негативные последствия, которые, увы, действительно порождаются научно-техническим прогрессом» [116].

Это рассуждение представляет собой неприемлемое упрощение. Разделение науки на фундаментальную и прикладную — типичная ошибка *divisio* — неверного разделения целостного объекта на элементы.⁷⁷ Если администрация в целях учета и управления и проводит разделение между фундаментальными и прикладными исследованиями (но никак не науками), то при этом всегда имеется в виду его условность и относительность. И в том, и в другом типе исследования ищется достоверное знание, которое, будучи полученным, становится ресурсом, который используется в самых разных целях. Многочисленные попытки найти формализуемые различия между двумя типами исследований, в общем, к успеху не привели.

Научно-технический прогресс «порождает» те или иные практические последствия *всей совокупностью* накопленных знаний, и пытаться определить «непосредственную вину» того или иного исследования — наивно. А в общем надо признать, что именно фундаментальные изменения представлений о мире как раз и «порождают последствия», формируя мировоззренческую матрицу цивилизации и устанавливая или устраняя запреты на постановку целей. Тут уместно вспомнить высказывание Хайдеггера об атомной бомбе и Декарте.

В действительности, и в отношении фундаментальной науки обещания президента Ельцина не были выполнены. После резкого повышения цен в январе 1992 г. деятельность всей экспериментальной науки была практически парализована. Всего за год до этого никто не поверил бы, что Президиум Академии наук будет вынужден принять постановление, которое обяжет все Отделения «до 1 ноября 1992 г. принять решения о реорганизации каждого научного учреждения, имея в виду сокращение особо **приоритетных** научных направлений, подразделений и научных школ, располагающих наиболее высоким научным потенциалом, и ликвидацию... остальных структурных единиц».

Председатель Комитета Конгресса США по науке и технологии Дж. Браун заявил на слушаниях 8 февраля 1992 г.: «Россия стоит перед угрозой неминуемого разрушения ее научно-технической инфраструктуры в Российской Академии наук, учреждениях высшего образования и военно-промышленном комплексе» [9].[78](#)

Следующее принципиальное положение в доктрине реформирования науки сводилось к тому, чтобы поддерживать лишь блестящие и престижные научные школы. Предполагалось, что конкуренция сохранит и укрепит лишь те направления, в которых отечественные ученые работают «*на мировом уровне*». Таким образом, фронт работ резко сократится, и за счет высвобожденных средств можно будет финансировать реформу в науке. Эта установка очень устойчива. В «Концепции реформирования российской науки на

период 1998-2000 гг.» сказано: «Основная задача ближайших лет — обеспечение необходимых условий для сохранения и развития *наиболее продуктивной* части российской науки».

Знание и здравый смысл говорят, что само это представление о задачах науки *ложно*. При чем здесь «мировой уровень»? Посредственная и даже невзрачная лаборатория, обеспечивающая хотя бы на минимальном уровне какую-то жизненно необходимую для безопасности страны сферу деятельности (как, например, Гидрометеослужба), гораздо важнее престижной и даже блестящей лаборатории, не связанной так непосредственно с критическими потребностями страны. Пожертвовать посредственными лабораториями, чтобы за счет их ресурсов укрепить блестящие, в ряде случаев равноценно вредительству — особенно в условиях кризиса.

Свертывание «посредственных» исследований во многих случаях оказывает и разрушительный психологический эффект на все научное сообщество, усугубляющий кризис. Особенно это касается прекращения недорогих, но регулярных работ, необходимых для поддержания больших национальных ценностей, создаваемых наукой. Многие из таких работ продолжаются десятки или даже свыше сотни лет, и их пресечение приводит к значительному обесцениванию всего прошлого труда и созданию огромных трудностей в будущем. Таковы, например, работы по поддержанию коллекций (семян, микроорганизмов и т. п.), архивов и библиотек. Таковы и некоторые виды экспедиционных работ и наблюдений, например, проведение регулярных гидрологических наблюдений (разрезов).[79](#)

Подобные изменения в структуре исследований относятся к разряду *критических* явлений, по которым судят о долгосрочных намерениях государства и статусе науки в обществе. Их эффект усугубляется тем, что граждане при этом проводят сравнение установок государства в аналогичных экстремальных условиях в другие исторические моменты, из чего и делается вывод о векторе нынешней государственной политики.[80](#)

На первом этапе реформы науки изложенные выше принципы не

были реализованы. Произошло лишь съезживание и деградация научного потенциала. Такой результат в среде специалистов ожидался, поскольку с 1990 года и правительству, и лично Горбачеву подавались аналитические материалы с предупреждениями об ошибочности прогноза экономических изменений в стране, а следовательно, и выработанной на его основе стратегии первого этапа реформы в науке. Это было ясно даже из самых общих соображений — прогноз вытекал не из реальности, а из неолиберальной доктрины, в то время как система национальной науки складывается не на основе доктрин, а *исторически*.

Предполагалось, что сокращение государственного финансирования науки с одновременной приватизацией промышленности создаст и побудительные мотивы, и возможности для «передачи» науки от государства частному капиталу с привлечением иностранных инвестиций. Эти ожидания не оправдались. Иностранные инвестиции в сферу НИОКР в России привлечь не удалось. В 1995 г. 99,99% всей собственности на основные средства НИОКР составляла российская собственность. Более того, в сферу НИОКР не удалось привлечь существенных инвестиций и отечественного капитала.

Иначе, нежели ожидалось, пошел и процесс *самоорганизации* в науке. Предполагалось, что при экономических трудностях возникнет стихийно действующий механизм конкуренции, и наука сбросит «кадровый балласт». Это, по расчетам правительства, должно было бы привести к омоложению и повышению качественных характеристик кадрового потенциала. На деле произошло совершенно обратное: из научных организаций и учреждений были «выдавлены» более молодые и энергичные кадры — те, кто мог «устроиться». В результате значительно ухудшились демографические показатели исследовательского персонала отечественной науки — кадровый состав науки *постарел*. В 2006 г. в составе исследователей возраст свыше 50 лет имели 63,4 % кандидатов наук и 86,7 % докторов наук, а возраст свыше 60 лет — 33,5 % кандидатов наук и 57 % докторов

наук. В 1987 г. в СССР лишь 8 % кандидатов наук были старше 61 года.

Не произошло и структурной перестройки, к которой должна была побудить конкуренция. Произошло сокращение потенциала *практически всех* ведущихся в стране научных направлений и «спорообразование» организаций и учреждений. Число организаций, ведущих научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, не сократилось (4,6 тыс. в 1990 г., 4,1 тыс. в 1996 и 3566 в 2005 г.). Не наблюдалось и принципиального перераспределения ресурсов между научными направлениями и областями.

Какие же процессы в научной системе запустила реформа? Советская наука была целостной системой, размещенной географически на всей территории СССР. Ее целостность обеспечивалась как в горизонтальном (дисциплинарном, тематическом), так и вертикальном (по типам деятельности) разрезах. Ликвидация Советского Союза кардинально нарушила эту целостность и оставила в республиках, в том числе и в России, ущербные, структурно неполные научные сообщества. Дело было не просто в неизбежном снижении эффективности научной системы, при таком расчленении в ней возник социальный кризис. Поскольку в каждой исследовательской области коллективным субъектом деятельности является *сообщество*, а не конгломерат индивидов, ученые при разделении их сообществ в принципе потеряли возможность нормальной профессиональной работы — до тех пор, пока не интегрировались в какую-то иную целостную систему (мировую или ту, которая сложится из осколков прежней). Это — совершенно новая, трудная проблема, и никаких предпосылок для быстрого решения нет.

Целостность нарушилась и в вертикальном разрезе, причем весьма радикально. Старый хозяйственный механизм был разрушен, министерства ликвидированы — и тем самым фактически ликвидированы условия существования отраслевой науки, которая составляла 70 % процентов «кадрового тела» всей системы.[81](#)

В СССР отраслевая наука была плотно встроена в систему

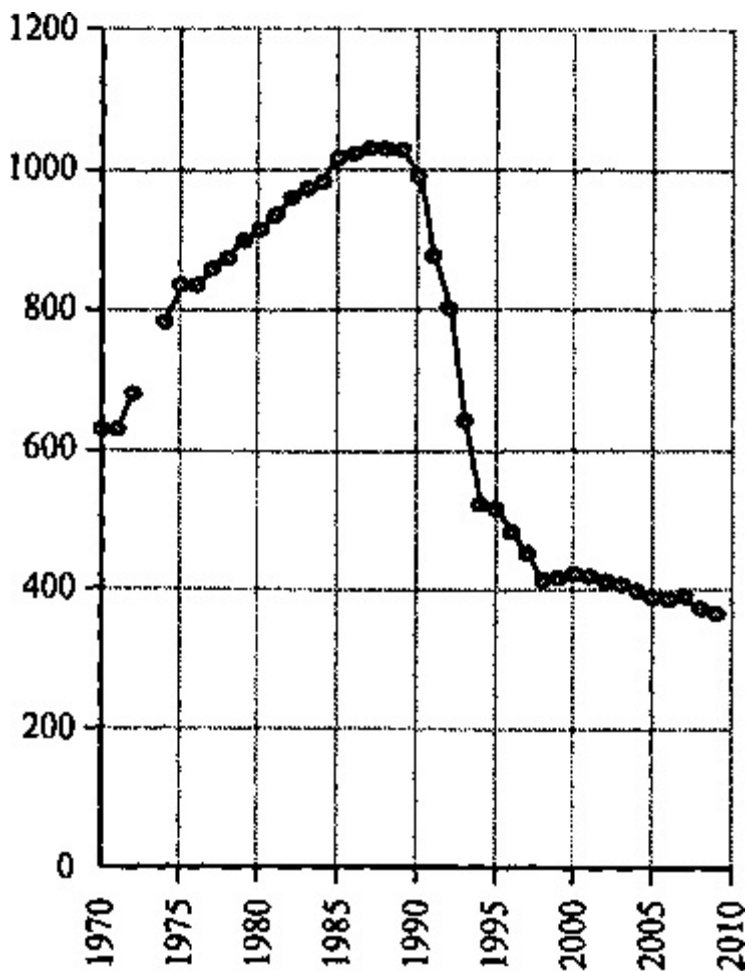
государства как распорядителя большей части производительных сил. Покуда все тело государственного организма было стабильным, целостная по сути своей наука, административно разделенная по отраслям, также составляла единый организм (хотя были болезненные явления, порожденные бюрократизацией ведомств). При «разгосударствлении» производства отраслевые министерства исчезли, и неожиданно НИИ и КБ оказались в вакууме: исчез тот социальный субъект, через которого общество снабжало их минимумом средств. Прекращение или резкое сокращение финансирования хотя бы в течение полугода означает просто смерть научного учреждения (хотя оболочка может сохранять видимость жизни еще долго).

Речь идет не только об отраслевой науке, которая, впрочем, составляет наиболее массивную часть организма советской науки. Министерства как государственные организации, ответственные за конкретные отрасли производства или услуг, вкладывали крупные средства и в академические исследования, и в науку высшей школы. Многие «бюджетные» институты АН СССР в действительности давно уже на две трети финансировались министерствами, а питание вузовской науки на 90 % зависело от хоздоговоров с отраслями. Масса проблемных лабораторий в вузах быстро исчезла, и в каждом случае речь идет о крупном потрясении. Что значило для Химического факультета МГУ уволить за один год 600 научных сотрудников, которые почти забыли о том, что их работа финансируется по хоздоговорам? Это значило обескровить один из лучших химических вузов страны. В России происходило невидимое обществу, прямо не объявленное уничтожение научной системы. Наука ликвидировалась мимоходом, как щепка, отлетевшая при рубке леса.

Причина была вовсе не в отсутствии средств для сохранения науки. Разрушенная первой мировой войной и революцией Россия имела гораздо меньше средств, чем в 90-е годы, для поддержки науки. Но в 1918-1919 гг., в разгар гражданской войны было открыто 33 крупных

научных института, ставших затем ядром советской научной системы. В 1920 г. в Саратове собрался научный съезд, на котором Н. И. Вавилов сделал свой известный доклад — и в том же году этот доклад был издан отдельной книгой. А в 90-е годы нередко научные суда вели лов рыбы, чтобы выплатить зарплату сотрудникам, закрывались научные издательства. В то же время создавались огромные состояния, города наполнялись роскошными импортными автомобилями. На этом фоне сведение дела к экономическим трудностям выглядит неубедительно.

Самой главной утратой стала потеря большей части кадрового потенциала российской науки. К 1999 г. по сравнению с 1991 г. численность научных работников в РФ уменьшилась в 2,6 раза. Динамика этой численности приведена на рис. 11.

Рис. 11. Численность научных работников (исследователей) в РСФСР и РФ, тыс. чел

Работа в науке на много лет стала относиться к категории *низкооплачиваемых* — в 1991-1998 гг. она была ниже средней зарплаты по всему народному хозяйству в целом. Ученым показали их место, зато теперь они должны быть благодарны. В августе 1992 г. средняя зарплата научных сотрудников Академии наук составляла 4 тыс. руб. в месяц (около 20 долл.). Это означает, что в семье из трех человек, где кормильцем является научный работник, вся его

зарплата, истраченная только на покупку продуктов питания, не обеспечивала и 1/3 официально установленного *физиологического минимума*. Это тот минимум, который, как было объявлено, «человек может выдержать без серьезных физиологических нарушений не более трех месяцев».

Динамика зарплаты в этой отрасли приведена на рис. 12.

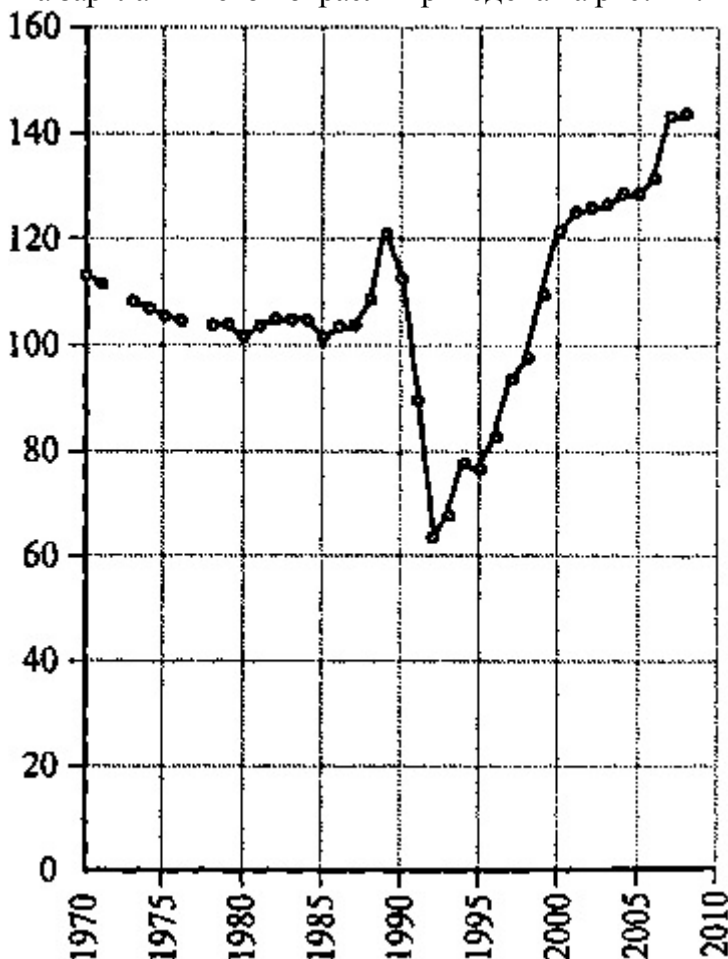

Рис. 12. Средняя зарплата в отрасли «Наука и научное обслуживание» в РСФСР и РФ, в % от средней зарплаты по экономике в целом

Журнал «Известия Американского математического общества», призывая американских математиков делать пожертвования для спасения советской математической школы, называл причину вполне однозначно: «Политическая смута последних лет в Восточной Европе поставила на грань катастрофы научные и математические исследования в бывшем Советском Союзе... Советский Союз обладал исключительно сильными традициями в математических науках, с блистательными научными достижениями и крупным вкладом в математическое образование. В настоящее время возникла угроза полной гибели этого сообщества...» [7].[82](#)

Кризис научной системы сопровождался резким изменением статуса науки в обществе. В советское время наука была гордостью народа и пользовалась уважением в массовом сознании. В обществе не было ни антиинтеллектуальных, ни антинаучных настроений. Общий культурный кризис и подрыв рационального мышления разрушили систему координат, в которых люди оценивали отечественную науку. Достаточно было запустить по СМИ поток совершенно бездоказательных утверждений о «неэффективности» науки, и общество бросило ее на произвол судьбы, равнодушно наблюдая за ее уничтожением. Никаких рациональных оснований для такой позиции не было, просто в массовом сознании были утрачены инструменты, чтобы увидеть сложную структуру социальных функций отечественной науки, тем более в условиях кризиса. Вместо науки в картине реальности образовалось пустое место, и вопрос о его ценности просто не имел смысла. Надо признать, что и сама научная интеллигенция в своем понимании происходящего недалеко ушла от массового сознания.

В 2002-2004 гг. в шкале престижности профессий в США наука занимала первое место («член Конгресса» — 7 место, «топ-менеджер» — 11, «юрист» — 12, «банкир» — 15 место). В Китае — второе место после врача. В России ученые занимали в те годы 8-е место после юристов, бизнесменов, политиков. В США 80 % опрошенных были бы рады, если сын или дочь захочет стать ученым, а

в России рады были бы только 32 % [10].

Таблица 6

Тиражи научно-популярных и реферативных журналов

Журнал	1980-е годы	2000 год
«Наука и жизнь»	3400	40
«Знание — сила»	700	5
«Химия и жизнь»	300	5
«Квант»	315	5
«Природа»	84	1,8
«Земля и Вселенная»	55	1
РЖ «Математика»	1,33	0,1
РЖ «Механика»	1,33	0,077

В 90-е годы наука была фактически отстранена от просветительской деятельности, которая раньше позволяла ей поддерживать непрерывный контакт с большей частью населения и быть постоянно «на виду». Телевидение перестало производить и транслировать отечественные научно-популярные программы, закупая их за рубежом, ученые перестали появляться на экране в дебатах на общие темы (да и дебаты эти были прекращены или превращены в шоу). Резко сократился выпуск научно-популярной литературы, которая имела раньше массового и постоянного читателя (в 1981 году ее выпуск в СССР составил 2451 наименование общим тиражом 83,2 млн экземпляров). В таблице 6 показано, как изменились тиражи самых популярных журналов.

Важным проявлением кризисе российского «общества знания» стала активизация в 90-е годы *антинаучных* течений. Тот факт, что государство встало на их сторону в столкновении с наукой, повергло научное сообщество в шок, от которого оно так и не смогло оправиться.

Главным инструментом обскурантизма и средством разрушения рационального сознания стали в РФ СМИ, особенно телевидение. По сообщению агентства «Росбалт» (ноябрь 2006 г.), «Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон обратился с письмом к гендиректору Первого канала К. Эрнсту с требованием „остановить производство телепередач, пропагандирующих оккультные антинаучные знания и методы оздоровления“». Глава епархии констатировал, что в эфире канала изобилуют программы о магии, гадании, сглазе и порче... Архиепископ отметил, что в программах „практически отсутствует контр-мнение священнослужителей, медиков и психологов на представленную проблему либо оно крайне коротко“». Он упрекнул менеджеров Первого канала в лоббировании оккультного просвещения и призвал вспомнить, что главной функцией телеканала „является просветительская функция“».

В своем обращении священнослужитель выразил даже изумление: „Это просто невероятно! XXI век на дворе, и я, архиерей Русской Православной Церкви, не раз ложно обвиняемой в противлении научному прогрессу, встаю на защиту науки и просвещения, в то время как „прогрессивная элита“ масс-медиа тиражирует на многомиллионную аудиторию лженаучные знания, средневековое мракобесие и суеверия».

А вот заметка в прессе того же времени. Показанный в апреле 2006 г. по РТР фильм «Великая тайна воды» получил три премии ТЭФИ, в том числе за лучший **документальный** фильм. Как пишет автор заметки, была и реклама: «Это удивительный совершенно, интереснейший фильм», — захлебывалась Ирина Петровская в эфире «Эха Москвы», подводя слушателя к «научной изюминке» фильма: если с водой здороваться, читать над ней молитвы с частотой 8 Гц, давать слушать ей классическую музыку, то она приобретает чудодейственные свойства. Автор и спонсор фильма Эмомото Масару — создатель новой религиозной секты, продающий «намоленную воду» по 35 долларов за пять унций. Получается, что канал «Россия» предоставил бесплатную (?) рекламу в прайм-тайм товару под

названием «Indigo Water — геометрически совершенная вода с посланием вашему телу».

Критик продолжает: «На протяжении всего фильма демонстрируется незнание школьной программы. Например, фильм вопрошает: „Почему из всех жидкостей у воды самое высокое поверхностное натяжение?“ Не торопитесь искать ответ у Масару: в любом справочнике написано, что поверхностное натяжение воды 73 мН/м, а ртути (тоже жидкость, если кто не в курсе) — целых 510. „До сих пор у науки нет ответа на вопрос, почему только вода — единственное вещество на планете — может находиться в трех состояниях (жидком, твердом и газообразном)», — вопиют авторы. Это вообще бред: можно подумать, у других веществ нет трех агрегатных состояний» [130].

Да и не только о телеэкране или желтой прессе речь. Проводником мракобесия становится *школа*.

И. Смирнов в «Русском журнале» (4 июля 2004 г.) пишет о том, что уже даже в учебной и методической литературе ставятся под сомнение общепринятые научные взгляды на происхождение человека и предлагается на уроках «уравновешивать» Дарвина религией, «выделяя сильные и слабые стороны двух мировоззренческих подходов». Он цитирует «методолога образования» М. Эдельштейна, который утверждает: «Преподавать и учить детей должны... скептики. Но скептики подлинные, то есть люди, способные усомниться в истине не только религиозной, но и научной, готовые объективно изложить все основные точки зрения, сознающие пределы разума, способные объяснить сущность эволюционизма и креационизма, не разъясняя при этом, что один о-го-го, а другой бяка-бяка. Более того, ученикам в школах и студентам в институтах не мешало бы рассказывать не только о физических законах и химических элементах, но и о Туринской плащанице, благодатном огне и мироточивых иконах» [156].

Достаточно хорошо известно, что именно смешение, переплетение разных форм сознания (например, научного с религиозным) ведет к

мракобесию, к подрыву *обоих* способов видения мира — потому и говорил Ницше, что оба типа мышления «должны лежать рядом, быть отделимыми и исключать всякое смешение». Смешение школы и университета, ставших механизмом передачи именно *рационального* знания и навыков мышления, с *религиозным* собранием как раз и создает питательную среду для химерического сознания. Оно стало в нынешней элите очень агрессивным.

Попытки ученых противостоять широкой пропаганде антинаучных взглядов через СМИ оказалась безуспешной, причем полностью, в принципе. Эта попытка была низведена до ограниченной возможности «бороться с лженаукой» внутри своей корпорации. При Президиуме РАН была создана Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Ее первое публичное представление состоялось 16 марта 1999 г. на заседании Президиума РАН. Доклад комиссии, сделанный ее председателем академиком Э. П. Кругляковым, был посвящен в основном анализу и критике распространения в нашем обществе лженауки и паранормальных верований — астрологии, шаманства, оккультизма и т. д. [139].

Э. П. Кругляков заявил: «С помощью СМИ и неконтролируемой книжной продукции значительная часть нашего народа систематически подвергается оболваниванию... Дело дошло до того, что астрологи, получившие доступ в высшие эшелоны власти, прогнозируют ухудшение экономического положения ряда областей страны не за счет тотального разворовывания ресурсов, но по причине неблагоприятного расположения звезд! Государственное телевидение (программа „Вести“, 4 апреля 1995 г.) прямо-таки директивно навязывает населению мысль о том, что „астрология является прикладной наукой, а врачи, ученые и политики должны учитывать в своей деятельности предсказания астрологов“».

Казалось бы, названо социальное явление фундаментального значения. Средства массовой информации и книгоиздание России *систематически* ведут оболванивание населения! Они действуют как подрывная сила, разрушающая структуры Просвещения и ту

мировоззренческую матрицу, на которой была собрана нация России в XX веке. Произошла *деформация* одного из важнейших общественных институтов. Как это произошло, какие механизмы произвели такое изменение, каковы тенденции, что можно им противопоставить? Ведь именно это — ранг тех проблем, которые должна была бы поставить на обсуждение Российская Академия наук. А дело свелось к перечислению многочисленных примеров и к жалобам.

Академик В. Л. Гинзбург констатировал: «Издающиеся большими тиражами газеты нередко печатают всякий антинаучный бред. Если же вы напишете в редакцию протест, разоблачите лженаучный характер публикации, то ваше письмо опубликовано не будет, вам даже не ответят».

С. П. Капица поддержал: «То, что сейчас делается на телевидении, нельзя назвать иначе, как преступление перед нашей страной и обществом. Это делается намеренно, расчетливо, очень изощренными методами и талантливыми людьми».

Наблюдения верные, но они, не получив «теоретического» объяснения, не становятся научными фактами, не обладают потенциалом выработки альтернатив действия. Это не то *знание*, которое *сила*. Вот решение Президиума РАН: «Рекомендовать для правительственных СМИ практику публикации комментариев, представляемых ведущими специалистами РАН, в случаях появления в этих изданиях статей, противоречащих известным научным фактам». Но эти рекомендации ни к чему не обязывают правительство и ни к чему не готовят общество. Например, А. Юрков, главный редактор правительственной «Российской газеты», категорически отказался выполнять такую рекомендацию, апеллируя к Закону о печати [139].

От Академии наук и общество, и государство ждали именно знания о том, что же происходит с обществом и государством, в чем корень этих неведомых нам болезней, какими могут быть лекарства. Видимо, ощущение собственного бессилия перед лицом такого вызова травмировало ученых не меньше, чем сам вызов.

Положение не улучшается. Последняя иллюстрация — пуск в начале сентября 2008 года большого ускорителя элементарных частиц (коллайдера) в ЦЕРНе. Перед этим почти целую неделю в информационных программах российского телевидения сообщалось об этом событии, и главным содержанием этих сообщений были опасения, которые *якобы* овладели населением и даже учеными развитых стран, как бы эксперимент на этом ускорителе не привел к возникновению черной дыры, которая поглотит планету. Это говорилось совершенно серьезно. Хотя вскользь сообщалось, что граждане России не слишком напуганы этой перспективой, однако делалось все, чтобы они напугались. При этом никому из ученых не дали слова, чтобы спокойно и внятно разъяснить иррациональность этих страхов. Если кто-то из физиков, практически неизвестных широкой публике, все-таки появлялся на экране, они давали такие невнятные и бессвязные реплики, что было ясно: из их объяснений режиссеры телевидения вырезали и дали в эфир именно невнятные и вырванные из контекста фразы.

Ввод в действие крупной экспериментальной установки — важное событие в науки, но в нем нет ничего эпохального. Однако из него сделали сенсацию и более того, его постарались использовать для внушения массе людей параноидального страха и фобий по отношению к науке. Если это и удалось в России, то именно в среде пользователей Интернета, которая рассматривается как социальная база информационного общества. В прессе даже появилась статья: «Пуск БАК: в „черную дыру“ затянуло только Рунет».

В ней говорится: «Исчезновение планеты и разрушение Вселенной, перелет в средневековье по тоннелю времени и поглощение людей „черными дырами“ — главные темы обсуждения блоггеров российского интернет-пространства. Накануне мысли об апокалипсисе посетили многих жителей Рунета в связи с сегодняшним пробным запуском Большого адронного коллайдера (БАК)... При этом чаще всего упоминается возможность появления микроскопических „черных дыр“ с последующим захватом ими окружающей материи.

Предполагается, что „черная дыра“ сначала поглотит ускоритель, затем Женеvu, а после — и всю планету... Ученым, работающим над большим адронным коллайдером, приходит огромное количество электронных писем с угрозами. Большинство авторов посланий выражают свой протест против запуска ускорителя элементарных частиц...

Пока ученые убеждают весь мир, что для наступления „конца света“ нет оснований, в гипотетическую „черную дыру“ уже „засосало“ практически весь Рунет. Так, в „Живом журнале“ сегодня новость о БАКе занимает первые три места в „самых популярных записях“. Основная тема обсуждения обитателей жж-пространства — эксперимент века может плохо кончиться для всего человечества...

Чтобы убедить общество в безвредности эксперимента, ученые-разработчики коллайдера собрали пресс-конференцию. Нобелевский лауреат Робер Аймар, являющийся генеральным директором CERN, Европейской организации ядерных исследований, официально заявил: „Любые предположения, что он может представлять риск, — чистая фантазия“» [140].

Все эти изменения послужили существенной причиной культурного кризиса научного сообщества России. С самого начала наука в СССР была не просто «непосредственной производительной силой», а частью священного образа страны, элементом исторического самосознания народа. Здесь было ощущение исторической миссии и долга перед страной, подвижничество. Новые идеологические установки, лишившие этот гражданский подвиг смысла (часто с ненужным глумлением), вызвали душевный надлом. Эта ситуация породила качественно новое для советской науки явление — «утечку умов», отличную от предыдущих волн эмиграции.

Главная причина эмиграции ученых в 90-е годы — не в естественном стремлении найти благоприятные условия жизни и научной работы, которых не может обеспечить своя страна. Причина — в наложении двух культурных кризисов. Ломка старой идеологии и старой системы ценностей сразу перешла в «кризис будущего». Ибо

новая «идеология рынка» и предлагаемый ею идеальный образ будущего делали бессмысленным гражданский подвиг и устраняли чувство миссии ученого в родной стране. Неявно встал вопрос, который еще за пару лет до этого просто никому не мог бы придти в голову: может ли Россия, «вернувшаяся» в лоно мировой цивилизации, рассчитывать на обладание собственной наукой. Может ли иметь свою науку бедная и не защищенная «железным занавесом» страна? В 90-е годы большая часть интеллигенции считала, что *не может*.

Отдельно надо сказать о попытках ликвидации («реструктуризации») Российской Академии наук — ядра всей национальной научной системы и той матрицы, на которой наша наука создавалась и выращивалась. Они ведутся еще со времен перестройки. В 1992 г., во время первой большой атаки на Академию, д-р филологических наук В. Иванов пишет в «Независимой газете»: «У нас осталась тяжелая и нерешаемая проблема — Академия наук. Вот что мне, депутату от академии, абсолютно не удалось сделать — так это изменить ситуацию, которая здесь сложилась. Академия по-прежнему остается одним из наиболее реакционных заведений». Этот «депутат от Академии» считает себя вправе уничтожить, оправдываясь идеологическим фантомом «реакционности», ядро всей русской науки, которое вовсе не он создавал.

Академик В. Л. Гинзбург сказал в интервью: «Недавно мы все с ужасом смотрели по телевидению, как министр экономического развития Герман Греф излагал свое понимание роли науки, ученых в рыночном „хозяйстве“. Вернее — хроническое, неизлечимое непонимание. И вот в этом непонимании, демонстрируемом людьми, от которых зависит государственная политика, — в нем главная опасность и для академии, и для страны».

Оговорки о «непонимании» не кажутся убедительными. Министры — люди образованные, в советниках у них ученые, несколько аналитических служб давали свои заключения на всех этапах реформы. В этих заключениях было сказано, что принципиальные положения доктрины реформирования науки являются ложными, они

противоречат знанию. В таких случаях министр просит разъяснений у консультантов, но этого не было ни разу за все годы реформ. Более того, акция по «реформированию» РАН готовилась настолько скрытно, что население РФ о ней практически ничего не знало! В июне 2005 г. Фонд «Общественное мнение» провел в 44 регионах РФ опрос об отношении населения к плану реформирования науки, предложенному правительством. Был задан вопрос: «Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые о планах правительства провести реформу Российской Академии наук?» Только 5 % ответили на него: «Знаю». 67 % «слышали впервые», остальные «что-то слышали», но не знали сути дела.

Ведь реформа длится уже 17 лет. Разрушается наука, одна из несущих опор государства и страны. И за все эти годы не состоялось ни одного совещания или слушания с обсуждением причинно-следственных связей между действиями правительства и разрушительными результатами. На фоне приватизации и разрушения промышленности попытка устранения РАН многим кажется мелочью. Вице-президент РАН академик А. Д. Некипелов, выступая в МГУ, сказал, что в 2005 г. РАН получила 19 млрд рублей — меньше, чем в США выделяется одному университету. Вся Российская Академия наук, все ее 450 институтов, получила в год меньше денег, чем Абрамович истратил за два месяца на покупку «Челси» и яхт.

Осенью 2004 г. Министерство образования и науки представило «Концепцию» реформы РАН. К тому моменту в РАН было 454 научных института. Министерство предлагало государству прекратить финансирование большей их части, оставив к 2008 году «100-200 хорошо технически оснащенных, укомплектованных квалифицированными кадрами, достаточно крупных и финансово устойчивых научных организаций».

В октябре 2004 г. В. В. Путин подверг «Концепцию» критике и предложил руководству РАН самому составить план «модернизации фундаментальной науки». В Кремле он заявил ученым: «Ни у кого нет желания разрушить РАН — вопрос так не стоит, вопрос стоит по-

другому... Наша задача — сохранить РАН, чтобы она не растворилась в бурном море, в водовороте событий, участниками и свидетелями которых мы являемся... Вопрос в том, как адаптировать ее к реалиям дня».

27 июня 2005 г. состоялась встреча Министра образования и науки А. А. Фурсенко с профсоюзами РАН, и он специально подчеркнул, что «реформирование РАН — это дело, прежде всего, самой Академии наук». А чуть раньше, в мае 2005 г. Администрация президента объявила открытый конкурс проектов реформирования РАН! Наконец, в начале 2006 г. Минфин подал в Госдуму поправки в Бюджетный кодекс РФ, согласно которым РАН лишается права распоряжаться средствами, выделенными ей федеральным бюджетом. Эти средства перейдут в распоряжение Агентства по науке и технологиям, подчиненного Министерству Фурсенко. Как сказал 7 февраля вице-президент РАН А. Некипелов, «это означает, что фактически рассыпается вся структура академии». К тому же, согласно этим поправкам, средства, получаемые РАН из внебюджетных источников (это около 40 % бюджета РАН), должны будут перечисляться в федеральный бюджет. «Это означает, что ни РАН, ни другие академии, ни государственные вузы автоматически не будут участвовать в выполнении заказов», — добавил Некипелов.

Были мобилизованы СМИ, чтобы разогреть общественное мнение слухами о коррупции в науке. В качестве обличителя привлекли министра науки в правительстве Гайдара Б. Г. Салтыкова. По его словам, РАН «неэффективно размазывает свой бюджет равномерно по всем институтам» и к тому же остается «непрозрачной» структурой. Какой ужас — на фоне прозрачности всех российских структур! В бытность Б. Г. Салтыкова министром была практически ликвидирована отраслевая наука — НИИ и КБ. Это аргументировали тем, что отечественная прикладная наука никому не нужна, т. к. «западные товары лучше».

И образованные люди принимают эти доводы всерьез, кормясь от «трубы», качающей нефть с месторождений, найденных и

обустроенных с помощью примерно тысячи НИИ и КБ. А Салтыков выступает, сидя в теплом зале под электрическим светом — а вся система теплофикации и Единая энергетическая система созданы с помощью другой тысячи НИИ и КБ. Итак, уничтожили науку отраслевую, теперь взялись за Академию наук.

Что же такое Российская Академия наук? Это особая форма организации науки, изобретенная в России применительно к ее историческим условиям, с периодическими срывами в нестабильность. Академия была построена как ковчег, в котором при очередном потопе спасалась часть научного сообщества с «сохраняемым вечно» фондом знаний и навыков — так, чтобы после бедствия можно было возродить российскую науку в ее структурной полноте и целостности.

Беда, что обществоведение не объяснило современному поколению, какую ценность построили для них деды и прадеды. Академия позволила России создать науку не просто мирового класса, а и со своим неповторимым стилем. Здесь, в Академии наук, хранился «генетический аппарат», воспроизводящий секреты этого стиля в университетах, НИИ и КБ. От этого отводят сегодня разговорами про «эффективность»! Газета, взявшая интервью у экс-министра Салтыкова, поддакивает ему: «И впрямь: сколько средств ни направляется в последнее время на финансовые счета РАН, а отдача низкая». Какое убожество мысли!

По заказу Центра стратегических разработок (т. н. «центр Грефа») был составлен доклад социолога С. Белановского «Оценка состояния Российской Академии Наук». Вывод сводится к тому, что РАН надо немедленно реформировать. И замечательное добавление: «Начать следует с простого — с хорошего финансового аудита. Привлекать для этого нужно западные аудиторские компании... Западная экспертиза заслуживает доверия, а российская — не заслуживает... К экспертизе научных проектов, за исключением строго секретных, привлечь известных зарубежных ученых».

Видимо, заказчики считают, что в России не найдется

добровольцев на роль палача Академии наук, даже за хорошие деньги. Мы много слышаны о том как сервильные обществоведы времен тоталитаризма выполняли приказы начальства. Но им такая лихость и не снилась. Более невежественных суждений о науке, чем в докладе Белановского, читать на русском языке не приходилось. Вот его сентенции: «Для того чтобы планировать реформу науки, необходимо понять, какие цели эта реформа должна преследовать. Цель, лежащая на поверхности, состоит в том, чтобы ресурсы, поступающие в науку, доходили до эффективно работающих коллективов, а не размазывались».

Замысел ясен — ликвидировать 70 % институтов РАН, назвав их «неэффективными». За подрядами на оценку «эффективности» к бухгалтерии уже выстроилась очередь. Но какой позор для гуманитарной интеллигенции — внимать подобным суждениям! О какой эффективности речь, это понятие в науке вообще *неопределимое*, а в данный момент в РФ тем более!

И этот гуманитарий еще поучает ученых: «Отметим, что научные результаты не обязательно мыслить как чисто экономические, но роль экономического критерия по сравнению с сегодняшним днем, наверное, должна возрасти. Ученые должны понимать, что с иной постановкой вопроса сегодняшнее российское общество может не согласиться».

Какой регресс в культуре рассуждений. Да и кого интересует эффективность какого-то института РАН — Грефа с Кудриным? Они миллиарды долларов, прямо вынутых из российской земли, «стерилизуют», отправляя обратно в США. Разве из экономии стремятся уничтожить Академию наук! Это именно щепка при рубке леса.

Главная ценность Академии наук сегодня — это сохраняемые под ее крышей 50 тысяч российских ученых, представляющих собой всю структуру современной науки. Это колоссальный фонд знаний и навыков, хранящийся в седых головах этих людей. Их главная миссия сегодня, их священный долг перед Россией — *выжить*. Пережить

это смутное время — и передать сжатый сгусток сохраненных знаний и умений тем молодым, которые придут возрождать российскую науку.

Во время Смуты 1917-1921 гг. большевики, следуя урокам царей, собрали, сколько могли, ученых в Академии наук. Влиятельные «пролеткультовцы» пытались тогда разгромить Академию абсолютно под теми же лозунгами, что и сегодня. Ленин пошел на конфликт с ними, строго запретив «озорничать около Академии наук», хотя она была не просто консервативной, но и монархической. И уже в 1918 г. Академия стала матрицей, на которой начала расти будущая советская отраслевая наука. Если бы в тот момент Академию наук не уберегли, нить развития русской науки была бы оборвана, и ни о какой индустриализации 30-х годов и победе в Отечественной войне не было бы и речи. Эту нить собираются оборвать сегодня — без войны, когда казна лопается от нефтедолларов.

Если это случится, Россия останется без интеллектуального сообщества, которого не заменить никакими иностранными экспертами. Нынешние 50 тысяч ученых РАН не могут сегодня блистать на международных симпозиумах, быть конкурентоспособными и эффективно «производить знания». Они стары, их приборы поломаны, а нищие лаборатории остались без реактивов.

Требовать от них «эффективности» — это все равно, что гнать на старт тяжело больного спортсмена. Но эти люди образуют коллектив, обладающий знанием и способный понимать, собирать и объяснять новое знание из мировой науки. Этот коллектив жизненно необходим стране и народу в нынешний период, даже больше, чем в спокойные времена.

Этот коллектив будет еще более необходим России завтра, когда молодежь начнет нащупывать дорогу из ямы кризиса. Только отечественные ученые, обладающие опытом побед и бед России, владеющие русским научным стилем и, главное, любящие нашу землю и наш народ, смогут соединить здравый смысл с научным методом. Такой «зарубежной экспертизы» Россия не получит ни за

какие деньги.

Пока что ситуация продолжает находиться в неустойчивом равновесии. Однако принципиальные установки правительства не изменились, не изменился и понятийный аппарат, с которым подходят к науке. 20 августа 2008 г. состоялось совещание у премьер-министра РФ В. В. Путина, посвященное программе развития науки. «Были намечены главные направления модернизации этого сектора», — сказал А. Фурсенко, план действий «должен быть подготовлен к осени 2008 г.» (!)

В своем вступительном слове В. В. Путин сказал: «Эффективность деятельности государственного сектора науки пока остается низкой. Успехи фундаментальной науки не обеспечивают необходимую нам динамику и качество прикладных исследований, а они, в свою очередь, не в полной мере учитывают реальные потребности экономики. Сектор исследований и разработок по-прежнему держит ориентир лишь на ресурсы федерального бюджета, имеет слабый коммерческий потенциал и, что особенно важно, слабо интегрирован с образованием, а это серьезно усугубляет проблему его кадрового обеспечения. Очевидно, что наряду с реализацией уже утвержденных программ модернизации науки и образования следует подумать и о внедрении новых инструментов» [3].

Министр А. А. Фурсенко так определил основные принципы модернизации: «Во-первых, это повышение эффективности деятельности существующих научных организаций, которые составляют государственный сектор науки... За счет повышения их эффективности, введения системы оценок их деятельности может и должен быть реструктурирован этот сектор. Наиболее эффективные организации должны получать большее финансирование, а неэффективные должны быть реорганизованы, а часть их — закрыта... Мы должны точно определить, какие организации не работают, живут за счет сдачи в аренду своих помещений, передать их собственность в распоряжение действующих организаций, чтобы дать возможность специалистам заниматься наукой» [5].

Зная, какими индикаторами, измерительными инструментами и критериями для определения полезности науки пользуется руководимое А. А. Фурсенко министерство, приходится ожидать нового тяжелого удара по остаткам российской науки. В данном случае он прямо направлен на «государственный сектор», прежде всего, на Академию наук.

К несчастью, само научное сообщество России настолько утратило способность к рефлексии, что не может выделить группу авторитетных ученых, которые смогли бы без надрыва объяснить власти, в чем стратегическая необходимость для страны сохранить и восстановить отечественную науку, несмотря на ее нынешнюю неэффективность в терминах тупого рынка. В течение целого столетия российское научное сообщество могло эту свою обязательную функцию выполнять. Академики — монархисты и кадеты — могли объяснить это Ленину в обстоятельных личных беседах и докладах. Академики Иоффе, Капица и Курчатов могли в личных беседах и записках объяснить это Сталину. Академик Келдыш мог объяснить это Хрущеву, академик А. П. Александров — Черненко. Почему сегодня В. В. Путин говорит языком Фурсенко, совершенно неадекватным ни состоянию России, ни состоянию науки?

Скорее всего, потому, что и сама наука говорит о себе на этом неадекватном языке. По поводу упомянутого выше совещания в Правительстве 20 августа 2008 г. вице-президент РАН академик Г. А. Месяц сказал: «В последние годы попытки проверять и направлять фундаментальные исследования были, в основном, плохо проработанными... Дело в том, что критерии оценки НИИ сырые и непродуманные» [50]. Но ведь это не так! Критерии, применяемые министерством, принципиально неверны. Они вредны не своей «непродуманностью», а вектором воздействия на науку. Не будь они «сырыми и непродуманными», они были бы несравненно опаснее. Вот что требуется объяснить власти.

Глава 14 Социальные функции науки в переходный период

Достоверное структурно-функциональное представление об объекте — одна из главных предпосылок для рационального управления. Главные ошибки в оценке полезности науки, особенно в период кризиса, порождены не отсутствием хороших методик «измерения эффективности», а *структурными* причинами — тем, что из поля зрения выпадают многие важные функции науки, которых просто не замечают, когда наука функционирует. Мы обычно не думаем о счастье дышать, а утопленники нам уже не могут растолковать.

Среди тех «продуктов науки», которые невозможно купить или позаимствовать за рубежом ни за какие деньги, есть и такие, что необходимы для обеспечения политической, культурной и экономической независимости страны. Но даже если не считать независимость существенной ценностью, то надо сделать следующий шаг — Россия долгое время жить без своей науки не может даже просто как страна. Наука — не только одна из полезных отраслей хозяйства и духовной деятельности, но и системообразующий фактор России, один из ее корней. Через многие воздействия, которые нельзя получить извне, отечественная наука участвует в создании, скреплении и развитии России и ее современного народа (нации). Вот главное значение той части науки, которая не может быть заменена импортом знания, технологий и экспертов.

Перечислим те функции, через которые отечественная наука участвует в «воспроизводстве» России. На период кризиса, то есть когда под угрозу поставлено именно *воспроизводство страны*, эти функции и есть главный предмет оценки полезности науки.

Наука через систему образования, средства массовой информации и личные контакты значительной прослойки ученых формирует рационально мыслящего человека с современным

взглядам на мир, природу и общество.

Не располагая крупным научным сообществом, выросшим на почве национальной культуры, Россия не смогла бы произвести эту работу, т. к. для восприятия научного знания и метода и включения их в интеллектуальное оснащение народа необходимо, чтобы они были «переведены» на язык родной культуры. Искключительная устойчивость советского народа в войне 1941-1945 гг. и народа России в условиях тяжелого кризиса в 90-е годы — в большой степени результат длительного «воспитания наукой».

Воспитательная и просветительная функция науки выполнялась в советское время с опорой на исключительно широкую сеть каналов социодинамики знания. Выше мы говорили об обществе «Знание», лекционной работе и издании широкого круга научно-популярной литературы. Однако в общество поступал поток продуктов культуры, прямо не относящихся к категории научно-популярных, но созданных учеными. Для его «производства» требовалось многочисленное научное сообщество. Вот пример — «Книга о вкусной и здоровой пище». Она издавалась с 1952 г. почти ежегодно, каждое издание по 500-600 тыс. экземпляров, причем тираж расходился в кратчайшие сроки. В этой книге кулинарные рецепты сопровождаются комментариями ученых на тему рационального питания, состава и свойств продовольственных продуктов, процессов консервирования, лечебного питания и пр. Эти тексты написаны ведущими учеными и врачами, в сочетании с чисто практическими «бытовыми» рекомендациями они оказывали большое влияние на сознание массы людей.

Это воспитание обладает инерцией. Можно показать, что до настоящего времени существующая в России наука в достаточной для кризисных условий мере выполняет эту функцию, и срыва пока что не произошло. Но уже есть нарастающие признаки срыва (например, принципиально новый для нашего общества характер погромов и беспорядков, пусть редких). При сохранении нынешних тенденций культурный срыв в следующем поколении весьма вероятен.

При этом не произойдет «возвращения» людей к нормам доиндустриальной, крестьянской культуры. Дерационализация мышления урбанизированного населения в условиях социального стресса порождает «цивилизацию трущоб» с массовым антиобщественным поведением, наркоманией и инфекционными заболеваниями. Экономический и социальный ущерб от «одичания» значительной части населения не идет ни в какое сравнение ни с затратами на науку, ни с выгодами от нескольких технологий, которые хотели бы из нее «выжать» реформаторы.

Выполнение научным сообществом функции рационализации массового сознания сегодня затруднено следующими факторами. Во-первых, власть в России, имитируя западные порядки, использует в качестве главного средства господства не убеждение и принуждение, а внушение и соблазн (манипуляцию сознанием). Для успешной манипуляции необходима достаточно глубокая *дерационализация* мышления, снижение способности граждан к логическим умозаключениям и внедрение в массовое сознание упрощенных стереотипов. Именно этим, а не низким культурным уровнем руководства телевидением объясняется заполнение его программ низкопробной продукцией масс-культуры, фальшивой мистикой и «лабораторно созданными» суевериями — при почти полном устранении просветительского научного дискурса. Просветительская и рационализирующая деятельность науки оказалась в оппозиции политике государства.

Трудность этого положения не только в том, что наука России, будучи по своему социальному генотипу наукой *государственной*, не готова к роли оппозиции. Более важен тот факт, что в идеологическом отношении научное сообщество в массе своей поддержало перестройку и «либеральную» реформу и стало их движущей культурной силой. В результате возник конфликт ролей — в качестве идеологических работников ученые стали высказывать утверждения, противоречащие тому, что они знают как специалисты и должны были бы высказывать как просветители.[83](#)

При этом авторитет, завоеванный учеными благодаря их профессиональной деятельности на предыдущем историческом этапе, усугубил негативное воздействие ученых уже как идеологов на общественное сознание: одно дело, когда иррациональное, алогичное или антидемократическое утверждение делает прорицательница или астролог, другое дело — известный академик-физик или нейробиолог.

Во-вторых, на восприятие просветительских сообщений ученых влияет их статус в обществе. Этот статус в последние десять лет демонстративно понижался. Например, в обществе целенаправленно создавалось мнение, что именно «имперская» наука, это наследие идеократического государства, стала никчемной и неподъемной нагрузкой на государственный бюджет РФ.

В научном же сообществе раздражение вызывает риторика реформаторов, противоречащая логике и фактам. Вся гласная научная политика строилась исходя из иррациональных утверждений о «неконкурентоспособности» нашей науки, что якобы оправдывало демонтаж всей системы отраслевых научно-технологических организаций.

— *Наука, охватывая своими наблюдениями, экспедициями и лабораторными исследованиями все пространство страны, дает достоверное знание о той реальной (и изменяющейся) природной среде, в которую вписывается вся жизнь народа.*

Этого знания не может заменить ни изучение иностранной литературы, ни приглашение иностранных экспертов. Слишком велик в исследовании био- и геосферы России вес *неявного знания*, хранящегося в памяти, навыках и личных архивах национального научного сообщества. Еще более сложной и широкой задачей является «объяснение» этого знания политикам и хозяйственникам, широким слоям народа. Это может сделать только авторитетное и достаточно крупное отечественное сообщество ученых и околонаучные культурные круги.

Этот тип знания также обладает значительной инерцией. Оно «работает» какое-то время даже после свертывания

(«замораживания») экспедиций и наблюдений — если в стране остались производившие это знание ученые, которые ведут обработку материалов и сообщают знание через множество каналов информации. Эта функция до сих пор выполняется российской наукой, и, с учетом ничтожности предоставленных ресурсов, выполняется весьма эффективно. Но по мере ухода из жизни носителей неявного знания и, одновременно, размывания научных оснований массового сознания, этот потенциал угасает.

Исчезло державное государство как главный субъект, заинтересованный в исследовании природной среды России просто ради получения достоверного знания, независимо от рыночных критериев. Рыночные же критерии мотивировать такие исследования не могут, поскольку добыча большинства видов сырья в России с точки зрения мирового рынка рентабельной не будет.

Еще менее способны рыночные силы поддерживать исследования, результат которых вообще не выражается в терминах экономической эффективности, а подчиняются иным критериям, например, безопасности. Примером служит катастрофа в Кармадонском ущелье (Северная Осетия) в сентябре 2002 г. Там при сходе пульсирующего ледника погибло более 130 человек. Гляциолог из Института географии РАН рассказывает: «После схода ледника в 1969 г. по заказу Совмина, Северной Осетии на Колку отправили экспедицию из сотрудников Института географии РАН. Несколько лет в 70-х годах специалисты-гляциологи изучали ледник и его поведение. В частности, был вычислен объем ледника, его критическая масса... Как только масса превышает эту отметку, ледник не выдерживает своего веса и сходит вниз». Но затем, по его словам, научные работы из-за прекращения финансирования в начале реформы были свернуты, ледник был оставлен без присмотра. В дальнейшем в ходе реформы наблюдения за ледниками прекратились в РФ практически повсеместно.

— *В тесной связи с изменяющейся природной, техногенной и социальной средой изменяются люди, их коллективные общности*

(народы и этносы), все общество. Процессы этно- и социогенеза, ускоряющиеся в условиях природных и социальных кризисов, в принципе не могут быть удовлетворительно изучены и объяснены без собственной национальной науки. Этнографическое исследование «извне» всегда будет, по принципиальным методологическим причинам, «империалистическим», изложенным на чужом языке.

В конце XX века Россия втянулась в очередной пик бурного этногенеза и социальных преобразований. Оставить сегодня этот процесс без широкого научного сопровождения — значит заложить разрушительные заряды незнания и непонимания, которые взорвутся завтра.

Этно- и социогенез должны быть объектом комплексного изучения, а не только общественных наук, ибо речь идет о процессах, тесно связанных с изменениями в природной среде и техносфере. Активное участие в этих процессах (особенно если они приобретают форму конфликта) принимает сама национальная интеллигенция, что создает специфические методологические трудности для исследований. Поучительна история экологических движений, сыгравших важную роль в формировании «национального самосознания» на завершающей стадии перестройки или связь технологических решений с ростом межэтнической напряженности.

Советская наука обладала явно недостаточным запасом знания об этничности и, в основном, следовала представлениям *примордиализма*, согласно которым этнические свойства являются устойчивой сущностью (или даже наследуемыми признаками). Эта преодоленная в современной антропологии концепция помешала отечественной этнологии адекватно оценить угрозу, которую представляла для много национального СССР мобилизованная политизированная этничность, а также предложить эффективные методы разрешения искусственно раскрученных этнических конфликтов.

Пока что указанная функция науки в описании и анализе этнических

процессов в какой-то мере обеспечена усилиями старших поколений научных и практических работников, обладающих неявным знанием и практическим опытом, но налицо опасность разрыва поколений, так что в обозримой перспективе может возникнуть провал. Активное внедрение в исследования указанных проблем иностранных ученых и фондов (особенно в постановку задач, выбор методологии и трактовку эмпирических данных) чревато важными деформациями и искажениями — втягиванием этих исследований в «империалистическую» парадигму.

— *Создаваемая для хозяйства, обороны, всего жизнеобеспечения государства и общества **техносфера** гораздо сильнее, чем принято думать, связана с природной средой и культурой страны. Поэтому хотя многие ее элементы и целые блоки могут быть импортированы или созданы с помощью переноса знаний и технологий, техносфера страны в целом, как единая система, в большой степени зависит от усилий отечественной науки, причем усилий непрерывных.*

В России уже создана огромная и специфическая техносфера, которую должно «вести» (не говоря уж о ее развитии) адекватное по масштабам и структуре отечественное научное сообщество. Без него эта техносфера не может быть даже безопасно «остановлена» и демонтирована.

Для выполнения этой функции мощности нынешней российской науки явно недостаточны из-за ликвидации системы *отраслевой* науки.

В начале реформы было утверждено *приоритетное развитие фундаментальных исследований* (хотя, понятно, слово «развитие» в действительности есть продукт новояза реформы). Такое структурное разделение науки было предусмотрено в «Федеральном законе о науке и государственной научно-технической политике» (ст. 11 Закона декларирует «гарантию приоритетного развития фундаментальных исследований»). Этот принцип реализуется на практике — в структуре сети научно-технических организаций при незначительном общем сокращении их числа происходит выбытие КБ (сокращение только за

1992-1995 гг. на 40%), проектных и проектно-изыскательских организаций (сокращение на 65 %).

Оказалось, однако, что поддержка прикладных НИОКР через рыночные механизмы совершенно недостаточна, искусственно созданный «капитал» финансировать науку в достаточной мере не собирается, а в условиях кризиса приоритетными и срочными с точки зрения государства и общества становятся многие направления прикладных исследований (например, анализ причин и подходов к предотвращению техногенных аварий и катастроф).

Что же касается *эффективности* (то есть соотношения «эффект/затраты») остатков прикладной науки, то ее именно в выполнении указанной здесь функции следует считать аномально высокой. Эксперты уже к 1994-1995 гг. прогнозировали обвальное нарастание техногенных катастроф, которого пока что удается не допустить.

— *Мир в целом втягивается в глубокий глобальный кризис («кризис индустриализма», «третья волна цивилизации». Его симптомами служат частичные кризисы — экологический, энергетический, культурный и др. Россия — первая крупная цивилизация, которая испытала на себе воздействие этого кризиса в его радикальной форме. Наука России уже накопила большое, хотя еще недостаточно оформленное, знание о поведении технологических, социальных и культурных систем на изломе, при крупномасштабных переходах «порядок — хаос». Развитие и формализация этого знания, которое совершенно по-новому ставит многие фундаментальные вопросы, важно для самой России, но не в меньшей степени — и для мирового сообщества.*

Пока что функция систематизации, теоретической обработки и представления знаний о глубоком цивилизационном кризисе, который переживает Россия, выполняется, видимо, неудовлетворительно. Во-первых, имеются большие методологические трудности для ученых, которые наблюдают кризис «изнутри» и не могут в достаточной мере отвлечься от этических оценок. Во-вторых, вся общественная жизнь в

России пока еще слишком идеологизирована, что ограничивает свободу исследований и дискуссий. В результате общество и государство не получает тех знаний о кризисе, которые наука уже могла бы предоставить. А мировое сообщество (прежде всего научное) имеет весьма искаженное представление о происходящих в России процессах.

Россия живет в быстро изменяющемся мире, который к тому же создает огромный запас новых знаний о природе и человеке. Знания из этого мира и о нем, необходимые для развития и самого существования России, поступают в нее извне или в виде товаров, изготовленных иностранными фирмами исходя из их критериев, или в виде более широкого потока информации, перерабатываемой согласно «собственным» критериям. Только сильная и структурно полная отечественная наука может служить тем механизмом, который «втягивает» в страну нужное для нее знание из всей мировой цивилизации. Страны, не обладающие таким механизмом, получают отфильтрованное и ограниченное знание, утрачивают реальную независимость и вовлекаются главными мировыми державами в их орбиту в качестве «материала».

Пока что эта функция также выполняется недостаточно удовлетворительно — в основном по тем же причинам, что и предыдущая. Ученые России — социальная группа, проявившая исключительно высокую активность в перестройке и сама подпавшая под влияние созданных в это время идеологических мифов евроцентризма. В результате восприятие, осмысление и изложение знаний о процессах, происходящих в мире, носят сегодня заметную идеологическую окраску, искажающую информацию.

Указанные стороны бытия России отечественная наука обеспечивает в любые периоды — и стабильные, и переходные. В настоящее время Россия переживает период нестабильности, кризиса и переходных процессов. В это время на науку возлагаются *совершенно особые задачи*, которые в очень малой степени могут быть решены за счет зарубежной науки, а чаще всего в принципе не

могут быть решены никем, кроме как отечественными учеными.

Например, в условиях кризиса и в социальной, и в технической сфере возникают напряженности, аварии и катастрофы. Обнаружить ранние симптомы рисков и опасностей, изучить причины и найти лучшие методы их предотвращения может лишь та наука, которая участвовала в формировании этих техно- и социальной сфер и «вела» их на стабильном этапе. Если мощность науки во время кризиса недостаточна, число техногенных и социальных катастроф будет нарастать, а расходы на устранение последствий будут расти в непредсказуемых масштабах.

В условиях острого кризиса возникает необходимость в том, чтобы значительная доля отечественной науки перешла к совершенно иным, чем обычно, критериям принятия решений и организации — стала деятельностью не ради *«увеличения блага»*, а ради *«сокращения ущерба»*. Это задает особое направление в оценке эффективности. Оценки по необходимости должны носить сценарный характер и отвечать на вопрос: «Что было бы, если бы мы не имели знания о данной системе или процессе?» Заменять такие оценки подсчетом выгод от создания и внедрения той или иной технологии (которую к тому же в нынешних условиях чаще бывает выгоднее импортировать) — это уводит внимание от главного.

Трудность перехода к иным критериям заключается в том, что полезность исследований, направленных на предотвращение ущерба, в принципе не только не определяется, но даже и не осознается именно тогда, когда данная функция выполняется наукой эффективно. Пока нет пожара, содержание пожарной команды многие склонны были бы рассматривать как ненужную роскошь — если бы не коллективная память. Наука, которая имеет дело с изменяющейся структурой рисков и опасностей, опереться на такую коллективную память не может.

Казалось бы, после травмирующего опыта 90-х годов эту ценность науки можно было бы понять. Но этого не произошло, критерии не изменились. В августе 2008 г. был представлен подготовленный

Минобрнауки РФ проект постановления правительства «О проведении оценки результативности научных организаций государственного сектора». В качестве главной цели создаваемой системы оценки провозглашено «увеличение вклада науки в рост экономики и общественного благосостояния». Позиция Министерства не удивляет, это ведомство, похоже, необратимо погрузилось в структуры «мышления в духе страны Тлён». Однако и реакция ученых из РАН огорчает.

По словам вице-президента РАН Г. А. Месяца, в заключении ЦЭМИ РАН по поводу этого проекта постановления сказано: «Авторы проекта по старались упомянуть как можно большее количество основных понятий и факторов, связанных с решением поставленной задачи, но не сумели связать их в единую картину. В результате документ оказался нерабочим» [50].

Это заключение неверно. Авторы проекта именно связали основные понятия и факторы «в единую картину». Эта картина изображает не науку, а безобразного уродя, почти антипода науки. Таково представление о науке у Министерства образования и науки РФ. Это представление целостное, и выработанный на его основе документ именно *рабочий*. Несчастье в том, что ученые из РАН, стремясь замаскировать принципиальный конфликт, утрачивают возможность объясниться с обществом и властью по сути противоречия. А значит, вынуждены шаг за шагом отступать перед давлением Министерства.

С точки зрения перечисленных выше функций отечественной науки имеющаяся сегодня в наличии система является недостаточной как по масштабам, так и по структуре. Тенденции изменения этой системы при продолжении происходящих в ней процессов являются в целом неблагоприятными.

Выполнение чрезвычайных функций науки в условиях кризиса (шире — переходного периода) резко затруднено отсутствием целеполагания со стороны государственной власти. Произошел разрыв между властью и наукой как двумя ключевыми элементами

российского «общества знания». Как показал опыт, через самоорганизацию научных коллективов в кризисном состоянии не происходит их гармонизации с изменившейся структурой социальных проблем. Острый дефицит ресурсов ориентирует исследователей продолжать работу в старом направлении — для этого уже имеется минимум средств и запас знания, создан задел в виде сырых результатов.

Можно назвать несколько проблем, по которым требуется срочное получение эмпирического знания в реальных условиях России, а также анализ и систематизация знания из мировой науки соответственно специфическим задачам российского общества.

Массовая наркомания и изменения общественных институтов

Наркомания — сложное социальное явление. В советское время она находилась в латентном и допороговом состоянии и не являлась предметом крупных научных программ. В 90-е годы положение резко изменилось, но отклика в науке это не получило. Между тем освоение большого запаса знаний, накопленных по данной проблеме в зарубежной науке, при всей его необходимости, было бы недостаточно — даже если бы оно произошло. Само явление наркомании тесно связано с социальными и культурными условиями, и простой перенос подходов других стран в конкретные условия постсоветской России не годится. Кроме того, наркомания Запада — явление сравнительно стабильного общества, а в России она становится важной социальной проблемой в условиях кризиса и нестабильности.

Во многом из-за отсутствия достаточного объема научного знания в целом общество России не готово к удару массовой наркомании. Нет, например, никаких признаков того, что руководство системы

народного образования имеет обоснованную концепцию перестройки школы в связи с появлением этого нового фактора. Также нет видимых свидетельств подготовки к кардинальной перестройке пенитенциарной системы. Появление в местах заключения трех групп риска (наркоманов, гомосексуалистов и больных СПИДом), по численности превышающих некоторый критический предел, принципиально изменяет положение, создавая массовую угрозу не только здоровью, но и самой жизни заключенных. Если государство при этом продолжает использовать старый тип мест заключения, оно становится фундаментально неправовым (заключение превращается во внесудебную расправу, совершаемую при попустительстве государства).

Пока что комплексной проблеме наркомании посвящаются частные программы (в основном в сфере здравоохранения и права). Нужна хотя бы единая программа по выяснению реальной структуры проблемы (построение ее «карты») и переводу накопленного в мировой науке знания на язык российской действительности в рамках *анализа информации* как особого жанра исследований.

Массовое недоедание и его последствия в условиях России

В 1996 г. состояние с питанием населения России перешло критический рубеж: городское население в среднем стало получать менее 55 г. белка на душу населения в день. При этом за 90-е годы произошло такое социальное расслоение, что острая белковая недостаточность сосредоточилась в бедной половине общества. Так, в 2001 г. в группе 20 % с самыми низкими доходами в среднем потребляли 23 кг мяса на душу, а в квинтили с самыми высокими доходами — 82 кг (рыбы 7 и 21 кг, хлеба 85 и 143 кг соответственно) [6]. Половина обследованных женщин уже в 1992 г. имела

потребление белка ниже установленного ВОЗ безопасного уровня.

Все это — новые явления для России, после 1933 г. не знавшей голода (голод 1933 г. был острым и кратковременным и не оставил никакого полезного опыта). В отличие от России начала века и от современных стран «третьего мира», ни общество, ни семья, ни государство России сегодня не имеют ни личных навыков, ни общественных и государственных институтов, чтобы нейтрализовать самые разрушительные последствия недоедания и несбалансированности питания. Россия не имеет «культуры голода». Такую культуру имела крестьянская Россия начала XX века. Но сегодня все это забыто, к тому же, несбалансированность питания сосредоточена сейчас не в деревне, а в городе. То, что за последние годы масштабы проблемы сократились, не снижает ее актуальности. В России возникла устойчивая и обширная зона застойной бедности, которая воспроизводится независимо от колебаний общей экономической конъюнктуры. Эту систему надо демонтировать, т. к. она «вбирает» в себя население «придонья».

Насущно необходимые навыки и институты не возникнут сами собой (вернее, они возникают слишком медленно, с излишними жертвами и потерями). Здесь должна была бы оказать помощь наука, способная снабдить общество и государство целостным знанием об огромной культурной, социальной и политической проблеме — так, как она встает именно в России в данный момент. Пока что от этой функции наука уклоняется.

Глава 15 «Общество знания» постсоветской России: кризис школы

В настоящий момент состояние российской школы определяется двумя массивными процессами — деградацией оставшейся в наследство от СССР советской школьной системы и строительством

новой системы по проекту «школьной реформы».

Деградация советской системы идет как «стихийно» — вследствие создания новых социальных, экономических и культурных условий постсоветской России, неадекватных (или враждебных) социокультурному типу советской школы, так и целенаправленно, посредством административных и экономических мер, направленных на демонтаж старой школы как одного из важнейших устоев советского общественного строя.

В строительстве новой системы с самого начала был принят *имитационный* проект, ставящий целью скопировать и трансплантировать в России западную модель школьного образования, как в социальном, так и в философско-методологическом плане.

В связи с реформой школы в России возникло пусть не ярко выраженное, но глубокое социальное противостояние. Его надо рационально изложить и сделать, наконец, предметом общественного диалога, иначе не выйти из того тупика, в котором находится школьная реформа уже более 15 лет. Замалчивание сути противоречия и отказ от рефлексии относительно концепции и хода реформы делают весь дискурс интеллектуальных авторов и исполнителей ее доктрины иррациональным.

Объясняя установку на имитацию, министр образования РФ В. М. Филиппов сказал: «Кто-то очень метко заметил: „В США есть цивилизация, но нет истинной, древней культуры. В России — богатая культура, но нет цивилизации“. Наша задача — сохранить российскую культуру и создать цивилизованное общество». Утверждение, будто в России «есть культура, но нет цивилизации», совершенно некогерентно, такое прискорбно слышать от министра образования. О том, чтобы сохранить культуру России, «создавая цивилизованное общество» по образцу США, не может быть и речи, это просто нелепость.

Вот первое, фундаментальное основание для раскола общества: разве его согласия спрашивали на создание какого-то «цивилизованного общества»? Разве был достигнут компромисс

относительно его социального и культурного профиля? С такими умолчаниями и хитростями можно разрушить общество, но построить что-то обманом или насилием — не выйдет.

Оказывается, перестройка школы прямо рассматривается как средство переделать сознание народа, это предусмотрено и в документах министерства. Вот «Проект федерального компонента государственного стандарта общего образования. Часть первая. Начальная школа. Основная школа» (М., 2002). Редактором его является бывший министр Э. Д. Днепров. В документе прямо и без обиняков ставится задача «эволюционной смены менталитета общества через школы».

А вот что внушает учителям глава департамента образования Самарской области Е. Я. Коган, удостоенный в 2000 г. официального звания «Человек года в образовании»: «Постулат о развитии личности замените приматом „карьеры и технологий“. Срочно перенацельте учащихся на другие приоритеты. Забудьте о высшем образовании. Важнее, чтобы каждый смог выполнить простейшие операции: заполнить бланк, составить договор, подсчитать доход».

Если цель «реформы школы» — произвести замену культурного ядра России и тем самым изменить человека и общество, то это не могло не вызвать кризиса и сопротивления той части общества, которая не желает, чтобы некая политическая группировка меняла «ее менталитет». Такого мандата ни Днепрову, ни Филиппову, ни Фурсенко никто не давал.

Школа занята *образованием народа*. Ее главная задача — не обучение, а образование. Как следует из самого смысла этого слова, образование есть создание из ребенка частицы народа, причем народа именно данной, вполне конкретной страны. Российская школа из детей образует людей, соединяющихся в народ России, а не США или Люксембурга. Система образования имеет целью воссоздать, воспроизвести в новом поколении общество и культуру. Школа выполняет эту задачу методами обучения и воспитания, и эти методы связаны неразрывно. Учитель и соученики-одноклассники передают

ребенку те знания, умения и образ мыслей, которые считаются необходимыми в данном обществе, а также те понятия о добре и зле, нормы поведения и запреты, которые соединяют людей в одно общежитие, определяют жизнеустройство в этом обществе. Все это и составляет то «культурное ядро» общества, которое школа сохраняет и передает из поколения в поколение. Можно сказать, что школа — это «генетическая матрица» культуры, на которой воспроизводятся последующие поколения.

Поэтому школа всегда является одним из самых устойчивых, консервативных общественных институтов. Для народа и его культуры, как и для любого организма, защита его «генетического аппарата» — одно из главных условий продолжения рода. Конечно, условия изменяются, мы развиваемся, развивается и ядро нашей культуры, но резкие мутации школы прерывают цепь времен, производят разрыв поколений, который может стать фатальным для судьбы народа.

Реформаторы поставили целью сломать прежнюю школу как носитель «генетического кода» культуры. Сломать — и создать новую, которая бы фабриковала человека иной цивилизации. Поскольку за образец в реформе взят Запад, разрушение старой школы ведется под лозунгами перехода к западной модели. Чем же не угодила наша школа? Министр В. М. Филиппов сказал, что реформа необходима потому, что наша школа отстала от школ «цивилизованных стран». Что это значит? Если следовать здравому смыслу, «отсталая» школа — это когда подросток выходит необразованным и не умеющим думать. Но ведь по этим показателям советская школа была намного лучше западной.

По официальным данным, в 1982 году на всех международных конкурсах советские школьники заняли первые места. В 1995 году РФ сошла на 8-9-е места. Теперь, по данным экспертизы ЮНЕСКО, проводившейся в 65 странах мира, РФ скатилась на 50-55-е места и оказалась по качеству образования в середине третьей — худшей — группы обследованных стран [196].

Но даже сегодня российская школа, хотя ее почти задушили, для основной массы школьников лучше западной — это подтверждают международные сравнения и те наши люди, которым пришлось преподавать в западных университетах. Пока что выпускник нашей средней школы гораздо более развит, широко образован и сообразителен, чем средний первокурсник западных вузов. Зачем же переделывать нашу школу на манер американской? В. М. Филиппов это объяснил так: «Изменяющееся российское общество требует адекватных изменений и от системы образования — нельзя консервировать то, что когда-то было лучшим в мире».

Это — замечательное по своей откровенности заявление. Мы имели школу действительно лучшую в мире, но нам нельзя ее сохранять! Иными словами, изменения российского общества таковы, что ему такая школа не нужна. Она *слишком хорошо* учит детей, а это не нужно «рынку». Реформа школы необходима, чтобы привести российских детей в соответствие с западными стандартами «человека массы». Народ России не превратить в «массу», если резко не понизить уровень образования.

При таком подходе уровень образования действительно быстро снижается, и это приветствуется. В 2001 г. в фонде Горбачева прошел круглый стол с разработчиками программы школьной реформы. Их главный лозунг сводился к тому, что школа должна отвечать требованиям постиндустриального общества. Как они это понимают? Один «реформатор» объяснил, что в таком обществе производства почти не будет, а в сфере обслуживания не нужно знать про «амфотерные гидроксиды» и т. п. Его спрашивают, как же при таком образовании восстановить промышленность? А зачем, — ответил этот чиновник, — все равно промышленность России не будут конкурентоспособна, нечего и стараться. Это уже не аутистическое мышления, а настоящий аутизм.

Вообще, рефрен «Зачем это нужно знать нашим детям?» звучал на том круглом столе постоянно. Представитель министерства образования даже допытывался у математика — академика РАН Д. В.

Аносова — зачем знать, чему равен $\sin(2x)$. Это принципиальная установка. Под грифом Министерства образования выпущены «Рекомендации по организации и проведению эксперимента по совершенствованию структуры и содержания общего образования» (М., 2001). В них провозглашается «исключение из содержания таких компонентов, которые оказываются невостребованными в жизни учащихся после окончания школы».

Напомним высказывание Гейзенберга: «Образование — это то, что остается, когда забыли все, чему учились». Конечно, люди забывают формулы. Но остается тот интеллектуальный опыт, который подросток получил, разбирая вместе с учителем вывод формулы $\sin(2x)$. Тот, кто этого опыта не имеет, исключен из культуры, включающей в себя такие интеллектуальные навыки — они имеют фундаментальный характер.

Что же главное надо выделить в школьной реформе? Политики и СМИ старательно сводят проблемы школы к нехватке денег, невыплате зарплаты учителям, доступу в Интернет и т. д. Однако главное — это не обеднение школы. Во время войны школа питалась скудно. Но именно в этой школе выросли поколения, сделавшие СССР великой культурной державой. Важно изменение типа школы, типа той культуры, которую она должна передать новому поколению.

Разделим суть реформы на три больших взаимосвязанных темы: 1) разделение школы на «два коридора — школу для элиты и школу для „массы“», отказ от советского принципа *единой* школы; 2) отказ от методологического принципа *общеобразовательной* школы, переход к «плюрализму программ и методик»; 3) вытеснение из школы новой социальной общности — *детей-изгоев*.

За годы реформы в России уже сложилась трехслойная система — элитные гимназии, лицеи, спецшколы; школы с частично оплачиваемыми услугами или отдельными привилегиями в образовании; массовые общеобразовательные школы, обязанные обеспечить «образовательный стандарт». Деление школ и их расходящихся образовательных траекторий отражает и углубляет

социальное расслоение, поскольку разные типы школ определяют впоследствии и разный доступ к ведущим социальным позициям. Людей загоняют в порочный круг: нет денег — нет хорошего образования, нет образования — не будет денег. В каждом поколении — по нисходящей.

Год за годом наблюдается относительное снижение финансовой ответственности государства и увеличение доли платного образования. Передача финансирования общеобразовательных школ и специализированных профессиональных учебных заведений в регионы обеспечивает неравенство в получении образования еще и по региональному признаку. Различия в расходах на образование между отдельными территориями — более чем в 13 раз! Это значит, что люди, проживающие в разных частях страны, будут получать услуги образования совершенно разного качества, население большей части России столкнется с резким ухудшением качества образования, а значит, и с прогрессирующим снижением уровня жизни.

При сегрегации населения по качеству образования предъявлять одинаковые требования (как это заложено в доктрине ЕГЭ) к выпускнику платного московского лицея, где преподают профессора, и к выпускнику сельской школы, где один учитель преподает и физику, и химию, и математику — значит создавать резкое неравенство в доступе к высшему образованию. Так отсекают от него талантливую молодежь из глубинки. Ректор МГУ, академик В. А. Садовничий — кстати, сам поступивший в университет после сельской школы — говорил, что и сейчас еще самое лучшее пополнение ведущих вузов России получает из глубинки. Теперь именно этот источник будет загублен в первую очередь.

Отказ от принципа единой школы автоматически снимает с государства ответственность за программы — учебные планы перейдут под контроль *попечительских советов*, так что и спросить будет не с кого. В этих советах главную скрипку будут играть денежные мешки, «спонсоры», российский «частный капитал». Его социальные установки и культурные стереотипы противоречат самому

духу «общества знания», как это проявилось уже в отношении к науке. Уж что-что, а школу в руки «новых русских» никак нельзя было отдавать.

Здесь реформаторы были обязаны сообщить, как обстоят дела в той стране, которую они берут за образец. Что происходит в США, где учебные планы разрабатывают частные компании, а принимают местные попечительские советы? Недавний пример — письмо 200 ученых: физиков, химиков, математиков, в том числе Нобелевских лауреатов, в газету «Вашингтон Таймс». Они собрали 70 тыс. долларов и на правах рекламы напечатали на целой странице письмо, где анализируют школьные программы по математике, рекомендованные Министерством образования США. Учебники, составленные по этим программ, полны ошибок, а до 4-го класса рекомендуется совсем не использовать учебников, объясняя материал на пальцах, кубиках, карточках. Многие программы не включают деления дробей и умножения многозначных чисел.

В этих программах ни одной теме не посвящено более двух уроков подряд. Один день изучают сложение, на следующий день — симметрию, затем координаты, потом свойства трехмерных фигур, потом дроби, на следующий день деньги, потом вычитание, шкалу термометра, потом таблицы. Потом снова сложение. Стройной системы в головах учеников не создается. Нет времени остановиться, подумать, понять. Потому-то обучение сложению продолжается с первого до шестого класса. По мере продвижения в этот калейдоскоп добавляют умножение и деление. В своем письме ученые заявили, что невозможно было разработать ничего хуже. Но министр не отозвал учебники. Он ответил, что рекомендации государства не обязательны и школьные округа сами вольны следовать им или нет. Ученых, написавших письмо, обвинили в непонимании школьной специфики и пренебрежении нуждами бедных и расовых меньшинств. И даже в элитарном эгоизме — мол, хотят заставить общую школу обучать тому, что надо знать только элите.

Как известно, советская школа следовала важнейшему

педагогическому принципу — давать знание как систему, строго соблюдая последовательность тематики согласно ходу развития детского мышления.⁸⁴ Мозаичная культура, которую внедряют в массовую школу США и Западной Европы, подавляет становление личности с целостным мировоззрением. Это их выбор, который имеет определенный смысл. Но какой смысл принимать этот принцип России? Она может преодолеть накопленное за двадцать лет отставание только за счет *расширения* социальной базы «общества знания». Мы же видим действия, направленные на резкое сужение этой базы.

Советские педагоги не просто доказали, что принцип *единой* школы может быть реализован на практике. Нормальные дети, при всем различии индивидуальных способностей, вполне могут освоить общую, единую для данной культуры школьную программу весьма высокого уровня. Советские психологи и педагоги создали для этого мощные методологические и методические средства и принципы организации учебного процесса. С помощью этих средств было, например, сделано то, что казалось теоретически невозможным — единую школьную программу смогли осваивать (и затем даже учиться в университете!) *слепоглухонемые* дети.

Единая программа, вопреки представлениям нынешних «западников», мечтающих о «дифференцированном» школьном образовании для России (о школе «двух коридоров»), нисколько не мешала ни проявлению личных особенностей, ни удовлетворению каких-то особых интересов. Главное, что она позволяла всем детям в достаточной степени освоить *культурное ядро* своего общества и влиться в народ как его органичные частицы. Угроза лишиться этой социальной и национальной ценности и порождает противостояние в обществе.

Реализация целей реформы школы означала бы целенаправленное разделение народа на два несовместимых, в перспективе антагонистических класса, увековечение бедности большинства. Важным результатом реформы уже стало в бедной части населения

снижение квалификации работников и быстрое нарастание малограмотности и неграмотности. Вот что было сказано в 2002 г. на совещании работников образования: «У нас сейчас достигли совершеннолетия 10 млн совершенно неграмотных и 2 млн ребят школьного возраста по разным причинам не учатся» [127].

По данным Минобороны, до 25 % призывников из сельской местности оказываются фактически неграмотными, а в 1997 году полностью неграмотным был каждый десятый призывник в Сибири. О том же говорит и уголовная статистика. По данным Отдела по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних МВД РФ, каждый третий правонарушитель школьного возраста в 1999 году не имел даже начального образования!

Вот шаги реформы. По совокупному «индексу человеческого развития», принятому ООН, СССР в 1970 г. занимал 20-е место в мире. На начало 1995 г. Россия (уже без республик Азии) находилась во второй сотне государств — в бедной части стран «третьего мира». Микроперепись 1994 г. показала: лиц «с начальным образованием и не имеющих такового» в возрасте 20-24 года было в России 0,8 %, а в возрасте 15-19 лет — уже 9 % [147]. В жизнь входит постсоветское поколение.

При этом власть стремится поставить себя вне этого конфликта. Она ограничивается констатацией фактов. В Послании Федеральному собранию 2004 года Президент В. В. Путин сказал: «Одна из самых серьезных проблем — это недоступность качественного образования для малоимущих. Обучение сопровождается дополнительными платежами, которые не каждый может себе позволить. Сокращение общежитий, маленькие стипендии не позволяют детям из малообеспеченных семей — особенно из отдаленных городов и сел — получить качественное образование».

Таким образом, Президент подтверждает недоступность нормального образования для большей части населения, которую превратили в бедняков. Это — результат реформы, главных принципов которой власть менять не собирается. В чем же тогда заключается

«борьба с бедностью»? В. В. Путин высказал в том же послании такое суждение: «Доступность услуг образования и здравоохранения, возможность приобрести жилье помогут нам смягчить проблему бедности». Так ведь реформа школы *сокращает* эту доступность!

Ликвидация права на не зависящий от доходов доступ к образованию на первом же этапе реформы создала порочный круг, не дающий молодежи вырваться из бедности. Социолог В. Н. Шубкин говорил на международном симпозиуме в докладе «Молодое поколение в кризисном обществе»: «Все более усиливается беспросветность в оценках молодежи. Этому в немалой степени способствует и дифференциация в системе образования, ибо плюрализм образования ведет к тому, что в наших условиях лишь богатые получают право на качественное образование. ***Бедные сегодня уже такого права не имеют***» (выделено нами — Авт.) [203].

Вот первая угроза стране и народу, к которой мы не готовы — вырастают уже миллионы детей, выброшенных из школы. Возникновение в начале 21 века значительного контингента подростков и юношей, лишенных школы, означает появление в России совершенно нового, неведомого нам социально-культурного типа. В первую очередь из школы выбывают дети из той части народа, что впала в крайнюю бедность — дети беженцев, безработных. Семьи распадаются, родители спиваются или попадают в тюрьму, дети вынуждены идти на заработки или прибиваться к бандам.

Затруднено школьное образование и тем подросткам, которые пошли работать. За время с начала 80-х годов число вечерних школ в РФ сократилось почти в 4 раза, а число учащихся в 5 раз. Это значит, что не везде у подростка или молодого человека есть возможность доучиться просто потому, что школа вне досягаемости территориально. Теперь в РФ Конституцией разрешен детский труд — с 14 лет. Сейчас в вечерних школах 30 % учеников — дети до 15 лет (таких раньше вообще не разрешалось принимать), 75 % — до 17 лет. Ученикам вечерних школ в РФ не полагается ни дополнительного

выходного дня, ни отпуска на время экзаменов.⁸⁵ В новом Трудовом кодексе уже нет льгот для тех, кто работает и учится. *Образование в РФ перестало быть всеобщим и обязательным!*

Вот выдержка из доклада Комитета РФ по делам молодежи 1993 г. (при правительстве Ельцина): «Более трех четвертей молодых людей испытывают чувство неудовлетворенности жизнью. Фиксируется быстрое нарастание (за год в два раза) страха перед будущим. В структуре конкретных страхов на первом месте страх перед войной на национальной почве, далее идут одиночество, бедность, болезнь, бандитизм, возможность потерять работу, голод. Страхи такого рода для российской молодежи являются во многом новыми и потому парализуют волю ее значительной части... На шкале ценностей значительно снизилось значение ценности человеческой жизни. Существовавшая тенденция на снижение числа самоубийств прервана. Количество самоубийств резко возросло и будет увеличиваться».

Как сказано в том докладе, при опросах среди молодежи, составлявшей 32 млн человек, 6 % заявили, что согласны убить человека, если им хорошо заплатят. Конечно, они бравовировали, но ведь речь идет о 2 миллионах молодых людей, допускающих саму мысль, что они могут это сделать!

В упомянутом выше докладе В. Н. Шубкин рассказал об исследовании взглядов молодой *элиты*. Вот что он подчеркнул: «... резкое снижение ценности человеческой жизни с точки зрения студентов МГУ. Тезис, что „можно лишить жизни новорожденного, если у него есть физические или умственные отклонения“, поддерживают от 17 до 25 % студентов и 8 % обычных граждан. 16% студентов считают, что заповедь „Не убий“ для современного человека становится все менее важной. Среди обычных граждан так думают только 2,6 %.

Судя по результатам указанных мною исследований, молодежь расходится с основной массой граждан почти по всем существенным пунктам. Этот разрыв как бы характеризует тот социальный и моральный климат, с которым придется иметь дело нашей стране,

когда нынешние студенты станут элитой общества. Общество будет более прагматичным, более жестоким и циничным, более лживым и беспощадным к слабым» [203].

Реформа школы ослабила защитные функции, которые она должна выполнять в ситуации кризиса, оберегая детей и подростков своим укладом и участием взрослых.⁸⁶ Очень важно изменение образа учителя. В советской школе это был наставник и защитник детей, в рыночном обществе, которое пытаются построить в России, учитель — всего лишь служащий корпорации, которая предоставляет образовательные услуги. Это два совершенно разных символа.

Упомянутый выше У. Бронфенбреннер видел чуть ли не первое отличие советской школы от западной именно в типе отношений между взрослыми и детьми. Он пишет о ритуале 1 сентября, когда дети преподносят учителям цветы: «Традиция эта в высшей степени знаменательна: она выражает хорошее отношение как детей, так и взрослых к наставникам молодого поколения. Хорошее отношение к педагогу не меняется у детей на протяжении всех лет обучения в школе. К учителю обычно обращаются не только как к руководителю, но и как к другу. Нередко мы видели преподавателя, окруженного весело болтающими учениками и в театре, и на концерте, и в цирке, и даже просто на прогулке — внеклассная работа в Советском Союзе постепенно превратилась в явление социальное. За редким исключением отношение школьников к учителю определяется двумя словами: любовь и уважение» [39, с. 27].

Важнейшее условие душевного здоровья ребенка — чувство надежности. Сегодня оно подорвано во множестве семей. Что означает в ситуации кризиса отказ от принципа единой школы? Жестокое указание детям их места в социальной лестнице. Это указание преувеличивается в уме ребенка, что бьет по душе всех — и тех, кто вдруг ощущает себя богатым (ходит в дорогой колледж), и тех, кто узнает, что такой роскоши его семья позволить себе не может (он должен учиться в «школе для бедных»).

В стране возникла безработица. Знает ли учитель, как уберечь

ребенка от этого стресса? Знает ли он, что главный удар безработица наносит не по взрослому человеку — он уже защищен опытом и разумом — а по его детям? Когда человек теряет работу, первой жертвой становится его сын-подросток. Он пополняет ряды наркоманов и преступников, даже если *материальных* лишений семья еще не ощущает. Это — один из важнейших выводов многолетних исследований безработицы в США. Готова ли наша школа к тому, чтобы морально помочь детям безработных? Похоже, что не только не готова, а и сама становится инструментом раскола и страданий в среде детей и подростков.

Нечувствительность была проявлена даже, казалось бы, в мелочах. В элитарной школе — гимназии в царской России, в советской школе, в закрытом колледже в Англии — уклад воспитывает дисциплину и строгость, корпоративное равенство и братство. Для этого школа выработала важный символ — *форму*. В СССР она сохранилась для девочек, а в 1955 г. ее восстановили и для мальчиков. В массовой же школе на Западе давно стали побуждать детей к расхлябанности и мещанской конкуренции в одежде. В России первым шагом реформы школы стала отмена формы. Об этом даже не было разговора, хотя удар по всему укладу школы был нанесен сильный.

С точки зрения строительства «общества знания» важнейшим препятствием стало резкое снижение качества образования детей из *благополучной* части общества. Это — неизбежное следствие отказа от программных принципов российской школы. То, что на Первом съезде работников просвещения в 1918 г. учителя приняли выстраданное русской культурой решение о создании в России единой общеобразовательной школы и обязательном обучении, на целый исторический период укрепило нашу страну и материально, и духовно. Школа университетского типа — для всех детей!

Это благо мы утратили — и возвращается к нам неграмотность подростков, лишенных школы, и полуграмотность тех, кому судьба определила учиться в «школе для массы», школе «второго коридора». Академик В. И. Арнольд в статье «О состоянии образования в

различных странах мира» писал: «Американские исследователи-образованиеведы выяснили, что разделить $1\frac{1}{4}$ на $\frac{1}{2}$ могут лишь лучшие из учителей арифметики в их средних школах (число этих „лучших“ учителей составляет всего 1 % от числа всех). Представители фирмы „Боинг“ из Сиетла, приезжавшие недавно в Москву, рассказывали, что не могли бы поддерживать высокий технический уровень своих разработок без помощи иностранцев, подготовленных лучше, чем американские школьники, — японцев, китайцев и русских, которых в школах до сих пор продолжают учить как основам фундаментальных наук, так и умению думать и решать нетривиальные задачи. Но фирма опасается, что американизация обучения вскоре ликвидирует и этот источник кадров, и хотела бы помочь сохранить в России высокий уровень школьного образования» [25].

Как было сказано выше, на всех международных конкурсах советские школьники заняли первые места. Однако важнее, чем олимпиады, уровень образования, получаемый в общей массе учеников.

В последние годы регулярно проводятся массовые оценки знаний и умений школьников разных стран по единой методике. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ведет программу PISA (Programme for International Student Assessment). Она считается самой авторитетной международной программой оценки уровня знаний учащихся средних школ из разных стран мира. Это тестирование ОЭСР проводят раз в три года среди 15-летних школьников в десятках стран мира, в совокупности отвечающих за 90 % мирового ВВП. В разные годы у школьников проверяются разные навыки. Например, в 2000 году главное внимание уделялось проверке навыков чтения, в 2003 году — знаний по математике.

В 2006 году вопросы касались, в основном, естественнонаучных дисциплин, интереса к науке в целом и способности подростков использовать научные знания в повседневной жизни. Россия, с учетом погрешности, заняла 33-38 место из 57 стран. По шкале оценок PISA

означает уровень знаний «ниже среднего».[87](#) Средний балл по естественнонаучной грамотности у российских подростков составляет 479 (из 1000 возможных). В этом рейтинге Россия занимает место наравне с Азербайджаном, уступая практически всем европейским странам. А по уровню понимания текста показатели России (476 баллов) сравнимы с Турцией.

Вторая важная программа — TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study), международное исследование качества математического и естественнонаучного образования. Его организует Международная ассоциация по оценке образовательных достижений (IEA) в 49 странах. Главная цель исследования — выяснить, насколько ученики усваивают знания школьной программы. Мониторинг проводится раз в 4 года (в 1995 г., затем в 1999, 2003, 2007 гг.). В апреле 2008 года в рамках TIMSS проводилось международное тестирование выпускников российских школ, дававших углубленные курсы математики и физики. В нем должны были принять участие около 6000 учащихся из 292 образовательных учреждений 43 регионов РФ, в том числе ученики одиннадцатого класса из 12 школ Москвы (результаты исследования TIMSS выкладываются на сайте Центра оценки качества образования).

Важно подчеркнуть, что степень усвоения школьной программы еще не позволяет сравнивать качество знаний школьников разных стран, поскольку программы национальных школ различаются очень сильно. Данные мониторинга PISA и TIMSS дают важную информацию эффективности обучения в каждой школьной системе согласно ее собственным содержательным требованиям. Эта эффективность в России снижается — при одновременном снижении строгости и содержательности программ.[88](#)

Установка на переход от дисциплинарного («университетского») типа школьных программ к модульному («мозаичному») типу, от воспитания личности с целостным мировоззрением к обучению индивида, конкурентоспособного на конкретном рынке труда, является принципиальной. Так, программа партии «Яблоко» в области

образования выдвигает как основное требование «автономии (самостоятельность) образовательных учреждений». Главный смысл его — снять все препоны для разделения единой школы на «два коридора».

Еще важнее самый первый пункт, где проблема школы увязана с общим вектором развития России, предлагаемым партией. Он звучит так: «Сделать Россию открытой страной, все более эффективно и полно интегрирующейся в мировое сообщество. Для этого каждый выпускник школы, ПТУ, техникума и вуза должен обладать высокой конкурентоспособностью на отечественном и мировых рынках труда». Таким образом, критерием качества школьного образования становится не адекватность полученных в школе знаний, умений и нравственных установок тем вызовам, которые стоят перед страной во всех сферах общественного бытия, а *конкурентоспособность* на рынке труда (прежде всего, мировом, поскольку отечественный еще и не сложился). Это — совершенно иной критерий, чем те, которые прилагались к школе в России за все предыдущие исторические периоды.

Общность этих установок на понижение создает угрозу утраты Россией даже небольшой элиты хорошо образованных молодых людей, *хотя бы из богатого меньшинства*. Попытка создать в России анклавы элитарного образования, доступного только для обеспеченных слоев населения, при такой философии обречена на неудачу даже в сегрегированном обществе. К тому же в социальном плане российская система образования так и осталась единым целым, несмотря на усилия по разделению ее на «два коридора». Эта часть реформы не удалась, как и весь замысел перестроить российское общество в *классовое*. Этот замысел натолкнулся на неосознанное сопротивление учителей, родителей, средней и низовой частей госаппарата — все выступают против реформы школы, начатой в 1992 г.

Некоторые социологи связывают это с тем, что и в постсоветском обществе сохранился механизм передачи жизненных планов и

установок «через поколение», от дедов к внукам.⁸⁹ Поэтому в массовом сознании продолжает действовать установка на образование, которая, казалось бы, противоречит реальности нынешней социальной ситуации. Более того, спрос на высшее образование при его разгосударствлении привел к его аномальному разбуханию с соответствующим снижением качества.

Что же касается школьной системы, то она сегодня подвергается разрушению *тотально*, поскольку вся остается носителем советского социокультурного «генотипа». Как ни парадоксально, катастрофу оглушения молодежи мы будем переживать солидарно, как народ, без разделения на богатых и бедных.

«Разгосударствление» школы проявилось не только в отказе от государственного программирования социального уклада и содержания обучения, но и в резком снижении воздействия на процесс оценки и аттестации «продукта» системы образования. Это реализация общей установки реформы на ликвидацию Госстандарта. Данная установка, как и вся тенденция к сокращению обязанностей государства в контроле за качеством продуктов общественной деятельности, прикрывается постулатом о благодатном влиянии «экономической свободы», верой в «невидимую руку рынка». Этот постулат настолько не соответствует реальности, что в искренность деклараций верится с трудом.

В сфере образования этот сдвиг выражается в кардинальном изменении метода проверки знаний и аттестации выпускников школы (введение Единого государственного экзамена, проводимого по методу тестов), а также, извращенной форме, в возникновении рынка фальшивых документов об образовании. Этот рынок, являясь черным, де факто узаконен и никаким расследованиям правоохранительных органов не подвергается.

По телевидению идут репортажи о том, что в Министерстве образования всего за 1000-1200 долларов можно купить диплом кандидата каких угодно наук (а заодно и звание доцента)! В газетах (например, в «Московском комсомольце» или «Из рук в руки») можно

прочсть объявления такого типа: «Кандидатские и докторские диссертации для занятых. Недорого. Быстро».

На Интернет-сайте Первого рефератного агентства <http://www.supersova.ru/> открыто рекламируются такие услуги:

Сова — курсовые, рефераты, дипломы на заказ в Санкт-Петербурге

Компания СОВА — это команда профессионалов, работающих в Петербурге и готовых Вам помочь написать реферат, курсовую, диплом и другие работы.

Первое рефератное агентство СОВА предлагает заказ рефератов в Санкт-Петербурге, заказ курсовой в Петербурге, заказ диплома в Санкт-Петербурге и многое другое. Заказав работу у нас, вы можете рассчитывать на высокое качество работы, хорошую оценку при проверке преподавателем или защите.

Мы гарантируем, что все рефераты, курсовые и дипломы выполняются в Санкт-Петербурге профессиональными авторами, являются индивидуальными работами, и пишутся под конкретного заказчика с учетом его пожеланий и требований. Все без исключения работы проходят проверку на содержание плагиата и в случае обнаружения отправляются автору на доработку. Все исправления, если возникнет такая необходимость, вносятся нами оперативно и совершенно бесплатно.

Обратившись к нам, чтобы заказать реферат в Санкт-Петербурге, заказать диплом в Санкт-Петербурге или заказать курсовую в Санкт-Петербурге, Вы можете рассчитывать на квалифицированную помощь опытных менеджеров, преподавателей и специалистов своего дела. Прежде, чем забрать у нас готовый реферат, курсовую или диплом, вы можете оценить качество выполненной работы.

У нас Вы можете воспользоваться следующими услугами: • Диплом на заказ • Курсовая на заказ • Рефераты на заказ • Диссертация на заказ • Отчет по практике на заказ • Задачи и контрольные на заказ • Чертежи на заказ • Рецензия на заказ

Указаны и стандартные оценки: дипломная работа (срок 30 дней,

объем 60-80 стр.) — от 10 000 руб.; курсовая работа (срок 14 дней, объем 25-35 стр.) — от 2000 руб. и т. д.

Подобной рекламой обклеены и двери в вагонах метро. Никакой реакции у Министерства образования и науки, как и у МВД, эта деятельность не вызывает.

Следующий принципиальный сдвиг российской системы образования происходит в результате перехода к новому методологическому принципу школьных экзаменов. О нем надо сказать особо, поскольку за этой большой программой, которая сильно углубила противостояние в обществе относительно реформы школы, видны принципиальные установки государственной власти и господствующего меньшинства.

Идея формализованной (с помощью тестов) проверки знания на выпускных экзаменах средней школы вынашивается в Министерстве образования много лет. Первый эксперимент прошел летом 2001 года в пяти субъектах РФ, охватив 30 тысяч выпускников. В последующие годы он охватывал все большие территории: в 2004 г. — 65 регионов и уже три четверти выпускников школ.[90](#)

Госдума приняла закон о введении ЕГЭ в январе 2007 года, Совет федерации его утвердил (как сообщила «Российская газета», «уже после завершения голосования по этому вопросу Сергей Миронов назвал введение ЕГЭ системной ошибкой и признался, что голосовал против его принятия»). Результаты экзамена должны приниматься вузами в качестве вступительного испытания, а воспользоваться ими школьники смогут в течение двух лет после выпуска. Исключение сделано для тех вузов, при поступлении в которые, помимо стандартных знаний, требуются определенные творческие наклонности. Список учебных заведений, обладающих правом проводить вступительные экзамены, будет утвержден отдельно решением правительства. Полномасштабное введение в России ЕГЭ состоится в 2009 году.

По всем аспектам ЕГЭ имеется обширная литература с критикой как его концепции, так и ее исполнения — в виде статей, аналитических

материалов, заявлений организаций и групп граждан. Здесь не будем давать ее обзора, а лишь выделим смысл этого нововведения, как его представляет Минобрнауки, и те последствия, к которым оно может привести, если действительно будет реализовано в полной мере.

Какие задачи должен решить ЕГЭ, по замыслу его инициаторов?

В справке коллегии Минобразования (2001 г.) сказано: «Введение ЕГЭ позволит решить следующие проблемы:

1. Обеспечить реальную эквивалентность государственных документов о полученном среднем (полном) общем образовании.

2. Восстановить преемственность между высшим и общим образованием на этапе перехода с одной ступени на другую. Реально превратить конкурс в высшие учебные заведения в конкурс знаний.

3. Зачислять в вуз на основе конкурса документов. Эта мера... повысит доступность качественного высшего образования для талантливой молодежи из малообеспеченных семей и отдаленных от вузовских центров местностей.

4. Обеспечить государственный контроль качества общего образования путем создания независимой, более объективной системы оценки подготовленности выпускников общеобразовательных учреждений.

5. Создать технологию объективной оценки подготовленности выпускников».

К чему сводится предлагаемая «технология объективной оценки»? Ее принципиальная схема такова. Это набор тестов по учебным предметам представляющие собой вопросы (их называют «контрольно-измерительные материалы» — КИМ). Они отличаются по уровню сложности и оцениваются числом баллов за правильный ответ. В части «А» ученик должен выбрать один из четырех вариантов ответа, в части «В» — вписать недостающее слово или цифру, в части «С» — дать развернутый ответ на вопросы. Общее число вопросов по каждому предмету колеблется от 30 (математика) до 80 (география). Закодированные экзаменационные листы категории «А» и «В»

обрабатывает компьютер... Ответы на вопросы из части, «С» оцениваются анонимно экспертами. Каждый ученик получает общий результат своего экзамена по 100-балльной шкале. Для получения балла, эквивалентного «тройке», нужно было правильно ответить на 60 % вопросов категории «А» — и не выполнять вовсе остальные части задания.

Будучи переведенными в «тройки», «четверки» и «пятерки», результаты ЕГЭ проставляются в школьных аттестатах. Но в приемные комиссии вузов абитуриент представляет не аттестат, а свидетельство о сдаче ЕГЭ с результатами по 100-балльной шкале. Вуз обязан принять абитуриентов с более высоким баллом. Бывший министр образования, один из идеологов ЕГЭ, В. М. Филиппов утверждает: «Две главные задачи, которые решает ЕГЭ: сделать высшее образование доступным для детей из глубинки, а также сделать экзаменационную оценку максимально объективной, не зависимой от конкретного учителя, пусть даже наичестнейшего».

Это утверждение нельзя признать обоснованным. Проблема оценки трудно формализуемых результатов познавательной деятельности — одна из главных и сложных проблем методологии. Накопленное здесь знание противоречит доктрине ЕГЭ.

Когда в конце 60-х годов на Западе началась волна разработки и применения формализованных количественных методов оценки сложных видов деятельности, вопрос о методологической обоснованности этих подходов какое-то время был в центре внимания ученых и философов.

Лауреат Нобелевской премии О. Н. Хиншельвуд писал: «В настоящее время существует опасность, что может возникнуть серьезная путаница в том, каким образом общество, находящееся под влиянием силы научного метода, но имеющее мало интуитивного чувства практики настоящего ученого, сможет установить критерии меры и количества для качественных вещей, к которым они неприменимы. Если количественные измерения действительно применимы — очень хорошо. Однако все еще имеется искушение

там, где это не может быть сделано, произвольно заменять хорошие, но субъективные критерии явно худшими только потому, что эти последние могут быть представлены в данных числовых измерений и рассматриваемы механически.

Стремление поступать подобным образом еще более возросло в связи с модой вводить информацию в вычислительные машины... В самом деле, если вы введете в машину разумное, то и получите разумный результат. Однако, к несчастью, если вы введете неразумное, то получите не имеющее смысла решение, которое будет еще менее разумным, так как не будет сразу распознано в качестве чепухи, каковой оно в действительности является...

Защитой ложного количественного подхода не будет также и то, что мы часто не знаем лучшего выбора. Если не известно, каким путем достичь правильного суждения, то лучше уж принять факт как таковой и не делать положение хуже, чем оно есть, путем СИМУЛЯЦИИ. Я считаю, что замена трудных качественных суждений неадекватными механическими данными не является рационализацией или эффективностью или же беспристрастностью и объективностью, а просто представляют собой весьма печальное отсутствие ответственности» [181].[91](#)

Экзамены — важнейшая часть школьного образования, в каком то смысле венец учебы, наполненный множеством смыслов. Принятый в нашей школе экзамен в форме *диалога* — и в письменной форме, и в разговоре школьника с комиссией — был нашим национальным достоянием. Он позволял оценить и запас усвоенных школьником знаний и, что более важно, владение навыками познавательной деятельности. При этом диалог позволял отсеять «шум» несущественных недочетов или слабостей ученика, которые могут быть легко устранены в ходе интеллектуальной тренировки. Такой экзамен активно *выискивал* в общей массе подростков, способных и устремленных к знанию и творчеству. Именно это открыло доступ к высшему образованию в лучших вузах страны способной молодежи из глубинки. Их знания и умения не подвергались той шлифовке, которую

дают столичные школы и репетиторы, но экзамен в режиме диалога нейтрализовал этот фактор. ЕГЭ эту возможность устраняет.[92](#)

Замена старого типа экзаменов на ЕГЭ, скопированную по американским образцам методику ответа на формальные тесты, кардинально изменит сам тип программ обучения и тип мышления школьников. Оно отучит их рассуждать. На обсуждении экспериментов педагоги подчеркивали, что ЕГЭ сводит всю многоцелевую программу образования к минимуму, «выталкивая» из школы анализ, развитие способности рассуждать, логически мыслить и аргументировать свою позицию. Тех, кто мог в 90-е годы, как преподаватель, сравнивать нашу школу с западными, где давно перешли на такой экзамен, потрясала невероятная эффективность этого метода в *оглуплении* детей.

В статье «Антинаучная революция и математика» академик В. И. Арнольд пишет: «Особенно опасна тенденция изгнания всех доказательств из школьного обучения... Тот, кто в школе не научился искусству доказательства, не способен отличить правильное рассуждение от неправильного. Такими людьми легко манипулировать безответственным политикам. Результатом могут стать массовый гипноз и социальные потрясения» [24].

Ориентация на знание массы разрозненных фактов, провоцируемая ЕГЭ, лишит школу установки на систематизированные знания, устранив из программ обучение логическому обоснованию изучаемых понятий и представлений, сделает ненужным формирование целостной картины мира. Именно целостное представление о предмете, умение анализировать и находить внутреннюю логику процессов отличало выпускников советской школы от их западных сверстников. Именно поэтому так были востребованы на Западе советские и прошедшие еще советскую школу российские специалисты и ученые. И именно эти содержательные стороны российской школы будет подавлять тестирование.

Вот суждение авторитетного западного эксперта. 7 апреля 2008 года состоялась встреча преподавателей и учащихся Московского

центра непрерывного математического образования с Ричардом Стивенсом, старшим вице-президентом по управлению персоналом корпорации «Боинг». Речь пошла о разнице в математическом образовании в России и США, в особенности, об уровне строгости преподавания математики. В России начинают учить классической математике с 12-летнего возраста, а в США — только с 18-го. Р. Стивенс ответил, что это очень важный вопрос. Сам он начал заниматься математикой в 12 лет и считает, что наука является важной составной частью образовательной системы, но все меньше и меньше американских родителей понимает и разделяет ценности преподавания фундаментальной науки.

Затем его спросили, как он относится к тестовым методам обучения и экзаменов (типа ЕГЭ). Он также оценил эту проблему как очень важную (сам он даже написал ряд книг по этому поводу). По его словам, есть большая разница между знанием, которое поддается быстрому и легкому переносу (*knowledge transfer*) и усвоение которого может быть проверено тестами типа ЕГЭ, и освоением фундаментальных понятий и концепций (*learning concepts*), навыком их применения к решению новых задач.

Вице-президент «Боинга» рассказал, что его компания попыталась оценить, насколько эффективностью ее сотрудников с дипломами магистров и бакалавров зависит от типа образования, которое они получили. Вывод его таков: «Мы установили, что те студенты, которые изучали *learning concepts* и их применение к решению реальных проблем, работают гораздо лучше в промышленности, чем те, которые учились по тестовой системе» [70].

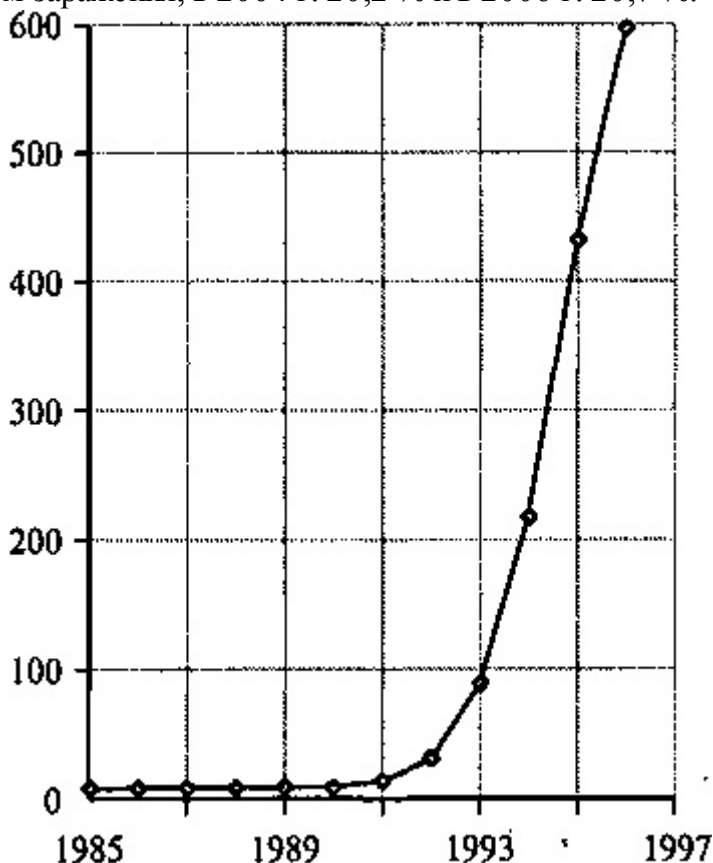
Плохим признаком является тот факт, что внедрение ЕГЭ, которое должно было бы стать вопросом национальной повестки дня, происходят при явно недостаточной информированности общества и при полном отсутствии общественного диалога. Критические замечания педагогической и научной общественности и даже влиятельных политиков просто игнорируются Министерством, на них не дается никаких содержательных ответов по существу.[93](#)

Фонд «Общественное мнение» трижды проводил опросы об отношении к ЕГЭ (в 2005, 2007 и 2008 гг.). Последний опрос проведен в 46 регионах России 12-13 июля 2008 г. Он показал, что лишь 39% россиян знают о введении в школах новой системы аттестации выпускников. Динамика отношения к ЕГЭ неблагоприятна, сегодня его одобрительно воспринимают 18 %, неодобрительно — 36 % опрошенных (остальные затруднились ответить либо не отвечали на данный вопрос в силу полной неосведомленности о ЕГЭ). Закон, по которому с 2009 года по ряду предметов ЕГЭ будет обязательным для выпускников всех российских школ, граждане воспринимают скорее неодобрительно. Однозначно его поддержали 11 %, а 54 % считают, что у выпускников должно быть право выбора: сдавать экзамены в форме ЕГЭ или по прежней системе.

Важнейшей частью школьной реформы как части общей трансформации российского общества, стала смена установок в *воспитании* детей и подростков. Одним из направлений в программе «смены менталитета общества через школы» заняла *сексуальная революция*. Разрушая отрицательное отношение к демонстративной половой распушенности и проституции, бывшее в советском обществе важным нравственным стереотипом, пресса расшатывала «культурное ядро» общества. Отвержение признанных ранее в обществе запретов — важное изменение всего жизнеустройства. Юристы и психологи пишут в 1991 г.: «Подростки потеряли интерес к привычным общественным ценностям и институтам, традиционным формам проведения досуга. Они больше не доверяют миру взрослых. Не случайно стремительно растет армия ничем не занятых подростков (с 1984 г. она увеличилась в шесть раз). В пресловутых молодежных „тусовках“ неминуемо наступает сексуальная деморализация несовершеннолетних девушек» [21].

Это изменение в жизни подростков школьного возраста отражается в динамике заболевания девочек 15-17 лет сифилисом. Она представлена на рис. 13. Данные после 1996 г. неинформативны, поскольку с появлением частной врачебной практики лечения

венерических болезней перестала действовать существовавшая в СССР система государственной регистрации заболеваний.⁹⁴ Ухудшилось и положение с выявлением источников заражения. В 1990 г. по 60,2 % случаев впервые установленного заболевания сифилисом были выявлены и привлечены к лечению лица, ставшие источником заражения, в 2004 г. 20,2 % и в 2006 г. 20,7 %.

Рис. 13. Заболеваемость подростков (девочек) в возрасте 15-17 лет сифилисом в РСФСР и РФ (выявлено больных на 100 000 населения)

Социологи из Академии МВД в 1992 г. констатировали: «Росту проституции, наряду с социально-экономическими, по нашему глубокому убеждению, способствовали и другие факторы, в частности

воздействие средств массовой информации. Отдельные авторы захлеб, с определенной долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проституток, живописали их доходы, наряды, косметику и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и пр... Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек. Примечательны в этом отношении результаты опросов школьников в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных» [85].

В 2003 г. в Петербурге возникла напряженность в связи с выпуском в продажу видеофильма «Школьница-2». В анонсе на обложке кассеты говорилось: «Старшекласница приходит в новую школу... У нее все при всем в смысле внешности. В новой школе своеобразные педагогические приемы, в чем новенькая убеждается в первый же день на переменках.

Для получения достойных отметок нужно для начала сексуально удовлетворить педсостав. А потом был день рождения одноклассника, где она уже по-настоящему вливается в коллектив».

Шок вызвал тот факт, что съемки фильма проводились в конкретной школе № 193 в Гродненском переулке Центрального района Петербурга. Ученики и их родители увидели на экране знакомые кабинеты и классы, стенгазету на стене, выставку детских рисунков. Увидели парты и столы, на которых разыгрывались порнографические сцены. Когда возмущенные родители пришли в школу и пригласили педагогов тоже посмотреть фильм, то многие из учителей плакали, а с некоторыми был сердечный приступ. Плакали не только от оскорбления, но и от *бессилия* [87].

К юбилею Санкт-Петербурга там был выпущен цикл порнофильмов, в которых половые акты совершались на фоне исторических памятников — Медного всадника, Казанского собора и т. д. Съемки проходили открыто, на глазах прохожих, детей,

милиционеров. Милиция присутствовала там не для того, чтобы пресечь демонстративное нарушение норм морали и права, а чтобы охранять съемочную группу от публики.

Протесты общественных организаций ни к чему не привели. Фильмы отправили на экспертизу главному специалисту РФ — заведующему кафедрой сексологии и сексопатологии Государственной еврейской академии им. Маймонида профессору Льву Щеглову. Он заявил, что «сцены половых актов с детальной демонстрацией физических деталей» считаются жесткой эротикой, а она в Российской Федерации не запрещена. В Министерстве культуры РФ эксперты сделали лишь одно замечание — съемки на фоне православного храма Спаса на Крови могут оскорбить чувства верующих.

Этим тенденциям ни Министерство образования, ни Министерство культуры не оказали никакого противодействия, что говорит об определенных установках в отношении воспитания детей и подростков. Это — радикальная трансформация российской школы.

Угрозой для будущего российской школы становится *играизация* — новое культурное явление, которым отмечен кризис проекта Просвещения и наступление постмодерна. Этим понятием определяют особое состояние сознания и поведения, ярче всего проявляющееся в молодежной и подростковой среде.

В большом обзоре С. А. Кравченко так определяет сущность этого состояния: 1) внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии; 2) новую, формирующуюся парадигму рациональности, характерную для современных условий неопределенности, распространения институциональных рисков; 3) фактор конструирования и поддержания виртуальной реальности неравновесного типа; 4) социологическую парадигму с теоретико-методологическим инструментарием, позволяющим анализировать постмодернистское общество [98]. Это определение во многом смыкается с понятием «общества спектакля», предложенного Ги Дебором [67].

Играизация, в отличие от игры, лишенной прямой практической целесообразности, означает придание игрового характера реальной жизни. В норме решения и действия человека в реальной жизни сопряжены с этическим выбором и налагают на человека ответственность. Играизация устраняет проблему «добра и зла» и представляет жизнь как череду виртуальных ситуаций, которые как будто можно многократно «переиграть». Это реакция на возникшую в условиях кризиса нелинейность, нестабильность и иррациональность развития мира, резкое снижение предсказуемости будущего.

Включение принципов игры в жизненную реальность позволяет людям адаптироваться к хаосу постмодернистского общества, но это адаптация с понижением статуса, с сокращением возможности активно овладевать реальностью, с переходом к упрощенно-примитивным социальным действиям. Играизация — разновидность конструирования виртуальной реальности аутистическим сознанием.

В отличие от игры, которая ведет к созданию замкнутых сообществ (хотя бы временных), играизация охватывает все слои общества и не признает строгих правил, она постоянно создает новые модели деятельности. Происходит стирание принципиальных различий между объективной и субъективной реальностью, размывание идентичностей, культурных целей и, соответственно, устоявшихся средств их достижения. Возникает мир *симулякров и симуляций*, в котором исчезает соотнесенность слов с истинным положением дел. Общественная жизнь приобретает *хаотическое* содержание, размывается само представление о культурных и нравственных нормах и запретах.

Такие изменения наблюдаются во всех сферах общественной жизни — экономике, политике, обучении, искусстве. Как замечает С. А. Кравченко, «искусная играизация становится востребованной в современных социальных институтах, структуры и функции которых все более виртуализируются».

Важнейшая роль в играизации жизни отводится телевидению, где устранение норм и устойчивых ценностей стало принципом построения

почти всех программ. Телевидение времен кризиса стало механизмом, производящим *играизированные массы*. Молодежь и подростки — целевой контингент такого воспитания. Диапазон играизации их жизни очень широк — от показа через «замочную скважину» телекамеры «как бы интимной жизни» реальных пар до игры в «молодежное правительство» или в «умников и умниц».

В целом играизация есть явление регресса и способствует *деструктивности*. Это проявляется в раннем потреблении алкоголя и курении, в тяжелых случаях и наркотиков. Ощущение жизни как виртуальной подавляет чувство опасности и усиливает тягу к действиям, связанным с повышенным риском, к иным видам действий с иррациональным компонентом. Люди утрачивают те системы координат, в которых различается допустимое и недозволенное — традиции, авторитет, любовь и дружбу. Дезориентированность порождает неуверенность и тревогу, душевные кризисы и деструктивные поступки входят в норму. Формируется особый тип *игразированной ментальности* как формы *ложного сознания*. В нем стирается связь между символами и реальностью, между реальностью и вымыслом. Результатом становится небывалый индивидуализм и моральный релятивизм. Доводится до тотального расширения формула Достоевского: «Если Бога нет, все дозволено». Здесь нет уже ни разума, ни памяти, ни предвидения, ни любви.

Большой вклад в воспитание *игразированной молодежи* вносят Интернет с доступностью его виртуального мира, и *компьютерные игры* — порождение информационного общества. Они стали одним из важных носителей определенных мировоззренческих и нравственных установок.

В сферу их влияния уже втянута большая доля молодежи России. По данным исследования компании Gameland аудитория компьютерных игр составляет 25 % от жителей городов с населением свыше 100 тыс. человек в возрасте 14-35 лет. Сейчас контент практически всех игр задается фирмами-производителями США и несет жесткие ценностные установки. Использование этого продукта

вызывает у российской аудитории некоторый душевный разлад, но рынок не дает им альтернативного продукта.

Этот большой культурный сдвиг наложился в России на длительный социальный и духовный кризис, который задел практически каждую семью и особенно болезненно сказался на подростках. В главных своих проявлениях играизация воздействует на детей и подростков как сила, *враждебная* школе и семье. Школа и семья в России действуют в координатах мировоззрения модерна и следуют ориентирам Просвещения и культуры, уходящей корнями в православие (а также другие великие религии). Несмотря на давление постмодерна, школа и семья сохраняют устойчивость и в своей воспитательной и рационализирующей работе оказывают сопротивление той аномии, которую несет с собой играизация. Перед нами — одно из крупных столкновений в социодинамике культуры. Подросток — действующее лицо и очень часто жертва этого столкновения. Рационально освоить этот конфликт и сдвинуть его в рамки приемлемого порядка — задача того «общества знания», которое строится в России, получившей ценный опыт кризиса.

Все сказанное выше несколько не означает, что унаследованная от советского строя школа не нуждается в реформировании. Напротив, активная и глубокая реформа насущно необходима.

Первой очевидной причиной такой необходимости является кардинальное отличие состояния общества в условиях длительного переходного периода от стабильного (и даже в ряде аспектов застойного) состояния советского общества, которое сохранялось до середины 80-х годов. Россия переживает глубокий трансформационный кризис, который привел к резкому изменению необходимого профиля знаний, навыков и установок, которыми школа должна снабдить молодого человека. В противном случае его способности, познания и поведения будут неадекватным реальности. Он окажется лишен достоверной «карты» того пространства, котором ему приходится двигаться.

В настоящий момент молодежи предлагается две фундаментально

разных «карты». Одна составлена исходя из представлений, положенных в основание школьной реформы. Она рисует Россию как пространство равновесной рыночной экономики и гражданского общества, существующее в мире «общечеловеческих ценностей» и дрейфующее в «лоно мировой цивилизации». Это — карта страны Тлён.

Другая карта составлена из образов утраченного прошлого. На ней «нанесены» объекты и ориентиры, которые остались в советской системе. Как бы они не были нам дороги и ценны для изучения, двигаться по такой карте тоже нельзя. Советская система образования давала знания и установки, адекватные условиям СССР (при определенной степени неточности, которая присуща любой системе образования). Эти условия резко изменились, и гипотетический школьник, обученный по канонам советской школы, выйдя в мир, оказался бы дезориентирован и не имел бы социальных перспектив в реальном обществе. Речь идет не о том, чтобы принять ценности и нормы кризисного общества, а о том, чтобы иметь верные представления о реальности.

Реформа школы, кладущая в основу программы обучения и воспитания достоверную «карту реальности» в ее динамике — важнейшее дело в строительстве нового «общества знания» России.

Вторая причина более долговременная. Советская школа была в высшей степени эффективной в обществе, которое переживало быструю модернизацию и отвечало мироощущению и структуре мотиваций индустриального общества на подъеме его развития в обстановке антропологического оптимизма. Общий кризис индустриализма означал и кризис адекватного индустриальному обществу образования. Он раньше проявился в школе западного общества, но его признаки обнаружились и в советской школе в виде снижения познавательной активности и особенно снижения интенсивности самообразования с конца 70-х годов.

Как пишет С. Б. Переслегин, «окончательное закрепление жизненной схемы ,школа с отличием — ВУЗ с красным дипломом —

хорошая работа — карьера“ произошло в 1950-х — начале 1960-х годов, когда осуществлялся глобальный ракетно-ядерный проект». Культурный кризис 70-80-х годов проявился в том, что в продолжении образования после школы заметную роль стали играть негативные мотивы «если не будешь учиться, пойдешь в армию». По словам Переслегина, «деградация школьного образования уверенно диагностируется как общемировой тренд с середины 1980-х годов. Проявляется этот тренд прежде всего в неэффективности капиталовложений в систему образования, затем — в росте функциональной неграмотности и, наконец, в непрерывном увеличении информационного „зазора“ между минимальными требованиями ВУЗа и максимальными возможностями школы. Как следствие, в наиболее развитых странах мира все более острой проблемой становится нехватка высококвалифицированных кадров — притом практически во всей деятельности сфере... Разумеется, речь идет о „передовых странах“, вступивших в стадию общего кризиса индустриализма. Система образования в странах „третьего мира“ отстает на одну-две исторические эпохи и, поэтому, пока развивается по восходящей линии» [133].[95](#)

Очевидно, для России было бы очень желательно не проходить этап этого болезненного кризиса школы вслед за западными странами, а вовремя учесть структурные изменения в постиндустриальном обществе и адаптировать к ним школьное обучение и воспитания. Для этого в принципе была возможность в годы перестройки и начального этапа реформы, однако выбор имитационного проекта реформ, напротив, загнал российскую школу в наихудший коридор воспроизведения худших проявления болезней Запада. Кризис советской школы, который мог стать кризисом развития, стал просто деградацией школы и высшего образования.

В результате в настоящее время в России кризис образования наложился на деформацию производственной системы, и произошло вымывание квалифицированных кадров. Профессиональная ориентация школьников искривлена настолько, что контингент

квалифицированных рабочих промышленности почти не пополняется молодежью, подготовка рабочих в системе профессионального обучения резко сократилась (см. рис. 14), а в составе выпускников ПТУ преобладают работники сферы обслуживания. Однако в то же время ощущается дефицит кадров и неквалифицированных работников, и специалистов высокого уровня. Дефицит первых восполняется миграцией, в том числе нелегальной, а лучшие молодые специалисты, напротив, эмигрируют на Запад.

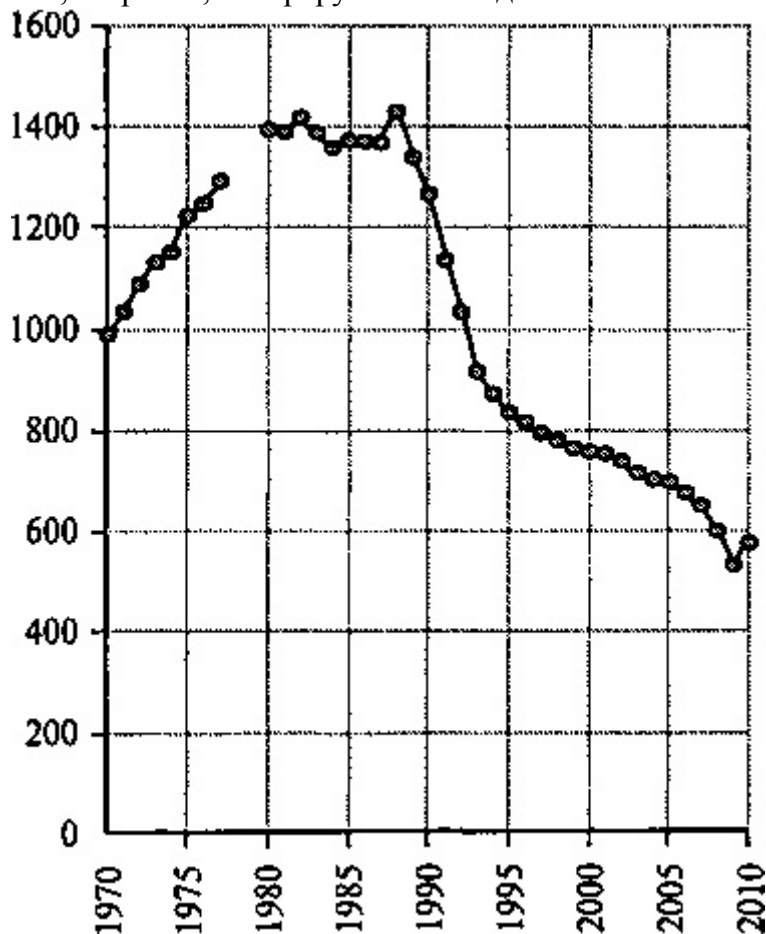

Рис. 14. Выпуск квалифицированных рабочих в системе начального профессионального обучения в РСФСР и РФ, тыс.

чел.

Строительство в России «общества знания» означает одновременное решение двух задач — восстановления структур индустриального общества и продолжения, в новых условиях, создания тех структур постиндустриального общества, которые уже складывались в СССР в виде ряда наукоемких производств и массовой научно-технической деятельности. Решение этих взаимосвязанных, но существенно разных задач требует выработки оригинального проекта, который не может копировать подходы Запада, «вывозящего» структуры индустриального общества в зоны с дешевой рабочей силой. Не может Россия копировать и подходы новых индустриальных стран Азии, которые еще целый период могут использовать свои конкурентные преимущества в виде массового промышленного производства с дешевой рабочей силой.

Что касается создания новой школы, соединяющей достижения единой общеобразовательной советской школы с системой гибкого непрерывного образования, необходимого для удовлетворения динамичных потребностей постиндустриального хозяйства, то «техническое задание» на разработку ее проекта есть предмет широкого диалога с вовлечением всех наличных сил нашего «общества знания». Уже сейчас ведущие такой диалог сетевые интеллектуальные структуры имеют в своем «портфеле» целый ряд серьезных творческих предложений.

Глава 16 Представления об этничности: инерция ошибочной парадигмы

Как говорилось в гл. 6 настоящей книги, на завершающем этапе существования СССР советское обществоведение оказалось несостоятельным. В своих рассуждениях, обобщениях и выводах накануне и во время перестройки гуманитарная элита допустила целый

ряд фундаментальных ошибок. В результате этих ошибок были приняты неверные практические решения или замаскированы антинародные установки и намерения.

Причиной этих ошибок были низкий методологический уровень и нарушение важнейших норм рациональности. Однако вместо рефлексии, анализа этих ошибок и «починки» методических инструментов произошел срыв и возник порочный круг; эти ошибки побудили к дальнейшему отходу от норм рациональности и изоляции от современного знания.

Таково положение с интеллектуальным «сопровождением» всей переживаемой нами национальной катастрофы, но едва ли не хуже дело с *осмыслением* того, что происходит в сфере этничности. Ограниченная рамками истмата советская этнология «шла своим путем». Она оторвалась от мирового сообщества, которое в послевоенный период быстро набирало эмпирический материал и наращивало знание и методологическое оснащение. Эта изоляция в малой степени была преодолена и во время перестройки. О. Г. Буховец замечает: «Весьма показательно в этом плане, что в вышедшей уже в разгар перестройки солидной и фундированной монографии „Этнические процессы в современном мире“, аккумулировавшей наиболее значимые теоретические и эмпирические достижения советской этнографической школы, не было ни одной ссылки на ведущих западных специалистов по теории и истории наций и национализма» [45].

Можно сказать, что *когнитивная структура* обществоведения позднего советского периода (то есть система понятий, фактов, теорий и методов) в приложении к проблемам этничности и национальности кардинально разошлась с когнитивной структурой мирового сообщества. Российская этнология *выпала из науки*. Когнитивная структура бытующих в среде нашей гуманитарной интеллигенции представлений об этничности законсервировала догмы примордиализма XIX века, подкрепленные истматом с его верой в незыблемые «объективные законы». [96](#) Это приучило обществоведов

сводить любую реальность к простым, но «всемогущим» моделям, что создавало иллюзию простоты и прозрачности происходящих в реальности процессов. Это как если бы наши астрономы сегодня утверждали, что Земля прикрыта хрустальным куполом и стоит на трех слонах.

В советском обществоведении, как и в дореволюционном марксистском, этническим общностям как субъектам и объектам политики и экономики придавалось гораздо меньшее значение, нежели классам. В программной книге 1983 г. глава советской этнологической школы Ю. В. Бромлей пишет, ссылаясь на общие замечания Ленина: «С момента возникновения классов они выдвигаются в жизни общества на передний план. Поэтому деление на классы приобретает в ней гораздо большее значение, чем принадлежность людей к иным социальным общностям» [38, с. 30].

Этот сдвиг к господству в общественной мысли формационного подхода, приглушающего значение этнических и национальных факторов, в дальнейшем имел тяжелые последствия для советского обществоведения, сильно ограничил его познавательные возможности.

В советской системе образования и в СМИ с приемлемой полнотой передавалось знание о том, как возникают и чем скрепляются *социальные* общности — классы, сословия. Образованный человек имел представление о том, как и когда сложился класс буржуазии или пролетариата, какую роль сыграли в этом экономические, социальные и культурные факторы, что такое классовое сознание и какое значение для его развития и поддержания имеет такой специфический тип знания, как идеология. Но если этого же человека спросить, как возникают *этнические* общности (племя, народ, нация), то сам вопрос вызывает недоумение. Над этим не задумывались. Одни неосознанно усвоили постулат о *естественном* (природном, самопроизвольном) возникновении народов, другие так же неосознанно видели в этом Провидение *сверхъестественных* сил.

Задумаемся над таким странным фактом: в школьных курсах

истории мы получали множество знаний о царях и королях, о государствах и войнах, о «переселении народов» и нашествиях. Всегда при этом подразумевались *народы* как главные субъекты истории. Это они переселялись, вели войны, терпели иноземное иго. Но когда и откуда они взялись и куда делись? Об этом не говорилось. Когда и как возник русский народ? Разве это не один из главных вопросов отечественной истории? Но невозможно вспомнить тот раздел учебника, общеизвестную книгу или хотя бы статью в популярном журнале, где бы давался ответ на этот вопрос. В итоговом труде Ю. В. Бромлея (1983) вскользь, в двух словах, упоминается этот вопрос — и никакого ответа. Как будто русский народ существовал вечно как духовная субстанция, а затем, между XIV и XVI веками, «материализовался» из этого духа.

Проблема этничности не стояла в повестке дня советского «общества знания» — при том, что Российская империя была многонациональной, полиэтнической страной, в которой и власть, и общество, и почти каждая личность постоянно находились в состоянии межэтнических контактов и решали проблемы, связанные с этничностью. А Советский Союз принял от Российской империи, произвел пересборку и модернизировал сложнейшую, единственную в своем роде систему межэтнического общежития, которая эффективно работала почти весь XX век. Эту систему содержали, ремонтировали и обновляли на основе неявного знания и здравого смысла. Как только произошла смена поколений и сбой в передаче неявного знания новому, урбанизированному обществу, возник и стал нарастать кризис, во многом обусловленный ущербностью формализованного, научного знания. Проблем этничности советское «общество знания» «не проходило».

Но главное даже не в статусе проблемы, а в том, что принятая в марксизме и унаследованная советским обществоведением теория этничности и нации была ошибочной в принципе и негодной для проектирования и строительства народа и межэтнического именно в Советском Союзе.

Когда в конце XIX века правящие круги Польши и Австро-Венгрии начали «конструировать» на основе русофобии национальное самосознание части нынешних украинцев (в Галиции), к этой кампании присоединились и влиятельные круги либерально-демократической интеллигенции в столице России. Предводитель украинского масонства историк М. С. Грушевский печатал в Петербурге свои политические этнические мифы, нередко совершенно фантастические, но виднейшие историки из Императорской Академии наук делали вид, что не замечают их.

Представления Маркса и Энгельса также были сформированы немецкой классической философией и проникнуты примордиализмом. В целостном виде теорию нации основоположники марксизма не изложили. Это сделал австрийский марксист О. Бауэр, его книга «Национальный вопрос и социал-демократия» была издана в 1909 г. на русском языке в Петербурге. Из ее положений и исходили российские марксисты. Бауэр продолжает традицию немецкого романтизма и представляет нацию как общность, связанную кровным родством — «общей кровью» [38, с. 209]. Формулу Бауэра принял Сталин, хотя и выбросив из нее «кровь».

Но суть теории не меняется от того, что из нее выбрасываются кое-какие одиозные термины. Главное, что в СССР была принята *парадигма* примордиализма. Сознательное *созидание* советского народа официально отвергалось, хотя на практике советский народ именно созидался — целеустремленно, упорно и творчески. Было установлено, что становление народов идет только *естественным* путем. Это — кардинальное отличие от сознательного целенаправленного *нациестроительства*, которое осуществляли страны Запада с XVI века, а в XX веке Китай, Индия и постколониальные страны. Великолепный проект создания и крепкой сборки новой нации представили миру США.

В советской системе формального знания вся жизнь общества была загнана за узкие рамки интересов социальных групп, и мы не видели, что происходит со *всей* системой связей, объединяющих

людей в общности, а их — в общество. Есть веские основания считать, что фундаментальная причина нынешнего состояния России заключается в том, что за двадцать лет был демонтирован, «разобран» главный субъект нашей истории, создатель и хозяин страны — *народ*. Все остальное — следствия. И пока народ не будет вновь собран, пока не вернутся его надличностные память, разум и воля, не может быть выхода из этого кризиса.

Да можно ли разобрать народ, как машину? Если сравнивать с машиной, то это метафора. А если считать машину всего лишь наглядным и не слишком сложным примером системы, то термин *демонтаж народа* придется принять как нормальный технический термин. Потому что народ — именно система, в которой множество элементов (личностей, семей, общностей разного рода) соединены множеством типов связей так, что целое обретает новые качества, несводимые к качествам его частей.

Связи эти поддаются изучению и целенаправленному воздействию, технологии такого воздействия совершенствуются. Значит, народ можно «разобрать», демонтировать — так же, как на наших глазах произошел демонтаж рабочего класса или научно-технической интеллигенции РФ. И если какая-то влиятельная сила производит демонтаж народа нашей страны, то теряет силу и государство — *государство остается без народа*. При этом ни образованный слой, мыслящий в понятиях классового подхода, ни политические партии, «нарезанные» по принципу социальных интересов, этого даже не замечают.

Бывало ли такое, чтобы народы «разбирали»? Не просто бывало, а это и было причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран, империй, народов. В большинстве случаев нам неизвестен механизм таких катастроф, историки лишь строят их версии. Сами же современники бывают слишком потрясены и подавлены бедствиями момента, чтобы вникнуть в суть происходящего.

Почему римляне равнодушно отдали свою империю варварам,

которые в техническом и организационном плане стояли гораздо ниже римских инженеров, военных и администраторов? О производительных силах и говорить нечего. Куда делась империя скифов, соединившая земли от Алтая до Дуная? Как собрались монголы в огромный народ с огромным творческим потенциалом и почему он был «разобран» всего через триста лет? Почему русские, за короткий срок построившие державное Московское царство и присоединившие Сибирь, в начале XVII века пережили приступ *самоотречения*, посадили себе на престол молоденького авантюриста, а царь прятался от польских патрулей где-то в костромских болотах?

Как любая большая система, народ может или развиваться и обновляться, или деградировать. *Стоять* на месте он не может, застой означает распад соединяющих его связей. Если это болезненное состояние возникает в момент противостояния с внешними силами (горячей или холодной войны), то оно непременно будет использовано противником, и всегда у него найдутся союзники внутри народа. И едва ли не главный удар будет направлен как раз на тот механизм, что скрепляет народ. Повреждение этого механизма, по возможности глубокая разборка народа — одно из важных средств войны во все времена.

Во второй половине XX века народ России существовал как *советский народ*. Когда с середины 60-х годов была начата большая программа, определенно направленная на демонтаж советского народа, наше общество в целом, включая все его защитные системы, восприняли это как обычную буржуазную пропаганду, с которой, конечно же, без труда справится ведомство Суслова.

В момент смены поколений была предпринята форсированная операция. Эта операция велась в двух планах — как ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, *русского народа*, и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и Российской Федерации. Демонтаж народа в годы перестройки проводился сознательно, целенаправленно и с применением сильных и даже преступных технологий. В результате экономической и

информационно-психологической войн против советского народа была размонтирована «центральная матрица» его мировоззрения, население утратило связную систему ценностных координат. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были инструментами демонтажа того *народа*, который и составлял общество и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

Это наглядно показали «оранжевые» революции. В них ослабленному кризисом, полуразобранному народу противопоставлялся организованный и сплоченный *квазинарод* («оранжевый народ»), создаваемый на время революции, а потом легко демонтируемый. Не имея ни своего мировоззрения, ни своей программы, он, тем не менее, представляет собой большую и управляемую политическую силу. Опыт таких революций в Грузии и на Украине многое прояснил в причинах политического бессилия постсоветского населения и в той опасности, которую представляют для страны и государства технологии демонтажа народов и искусственного создания общностей, обладающих свойствами «короткоживущего» народа.

За вторую половину XX века процесс разборки и строительства народов стал предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Антрополог К. Вердери пишет: «В период 80-х и 90-х годов научная индустрия, созданная вокруг понятий нации и национализма, приобрела настолько обширный и междисциплинарный характер, что ей стало впору соперничать со всеми другими предметами современного интеллектуального производства» [47]. Свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания *этносов*. Бесполезно пытаться защититься от этих новых

типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями. Выработка «проекта будущего» и выход из нашего нынешнего кризиса будут происходить по мере новой «сборки» народа из большинства населения на основе восстановления его культурного и мировоззренческого ядра с преемственностью исторического цивилизационного пути России. Для этого надо срочно освоить, хотя бы в самом кратком виде, современные представления об этносах, народах и нациях, о связях этнической и национальной солидарности, о национализме и технологиях его политического применения.

В начале 90-х годов предполагалось, что в ходе реформ удастся создать новый народ, с иными качествами («новые русские», «средний класс»). Это и был бы *демос*, который должен был получить всю власть и собственность (*демократия* — это власть *демоса*, а гражданское общество — «республика собственников»). «Старые русские» («совки»), утратив статус народа, были бы переведены в разряд «населения», лишенного собственности и прав (строго говоря, в разряд «этнического меньшинства», независимо от их номинальной численности).⁹⁷

Эту мысль «онаучивал» глава официальной российской этнологии В. А. Тишков в статье «О российском народе»: «Общество, прежде всего в лице интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть только *согражданство*, территориальное сообщество, то есть *демос*, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом *этнос*, имея под этим в виду некое коллективное тело и даже социально-биологический организм. Из советской идеологии и науки пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями» [164].⁹⁸

Перевод бывших советских граждан, в подавляющем своем большинстве русских, на положение этнического меньшинства даже не противоречит нормам права. Специалист по правам человека К.

Нагенгаст разъясняет смысл понятия «меньшинство»: «В некоторых обстоятельствах и с определенной целью в качестве меньшинств рассматриваются... и люди, составляющие численное большинство в государстве, но лишенные при этом на уровне законодательства или на практике возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами» [121, с. 179]. Другой антрополог, Дж. Комарофф, специально отмечает: «Я заключаю слово „меньшинства“ в кавычки, поскольку во многих случаях подобные группы обладают фактическим численным большинством, но при этом относительно безвластны» [93, с. 68].

Эта программа потерпела крах — старый народ как система поврежден, а новый народ собрать не удалось. Это и есть «историческая ловушка». Найти из нее выход — задача нового российского «общества знания», к строительству которого сейчас приступает государство.

Вернемся к когнитивной структуре советского «общества знания». Ее слабость заключалась даже не в приверженности примордиализму, а в том, что это была приверженность бессознательная, «стихийная», не позволяющая не то что сделать четкие умозаключения, но и сформулировать саму проблему.

Вот частный пример. Даже вроде бы признавая этничность продуктом культуры, рассуждения гуманитариев скатывались, чаще всего незаметно для них самих, к признанию наличия в явлениях этничности какой-то объективной *сущности*, которая и предопределяет ход этнических процессов. Когда речь заходила о том, где же таится эта сущность этничности, то рассуждения становились очень туманными. Ю. В. Бромлей писал об *этническом характере*: «Хотя черты характера не только проявляются через культуру, но и прежде всего ею детерминируются, все же в „интериорном“ состоянии они находятся за пределами объективируемой культуры, отличаясь у каждой этнической общности своей спецификой» [38, с. 152].

Слово «интериорный» (внутренний) ничего не объясняет. Вопрос

остается: что находится там, «за пределами объективируемой культуры», где скрывается специфика этнического характера? Разве за пределами культуры находится не *природа* (для человека — биология)?

И в среде части этнологов, и в широких кругах интеллигенции широко бытовало и продолжает использоваться понятие *национальный характер*, которое не имеет ни эмпирических, ни логических оснований и является метафорой, не обладающей познавательной силой. В. Малахов характеризует широко распространенное использование этого понятия как «операционализацию понятий и концептуальных схем, которые именно по причине их неоперационализируемости оставлены международной наукой в прошлом. К таким понятиям принадлежит „национальный характер“. Это понятие сначала подвергалось жесткой критике, а потом его просто перестали использовать как социологически бессмысленное» [114].

Но этим «социологически бессмысленным» понятием были полны выступления ученых, политиков, публицистов. Ряд советских обществоведов возражали против введения в науку понятия *национальный характер*. На это Ю. В. Бромлей отвечал, ссылаясь на авторитет Маркса: «Представляется важным сразу же обратить внимание на то, что основоположники марксизма рассматривали национальный (этнический) характер как реальность. Например, Ф. Энгельс... К. Маркс в одном из своих писем (1870 г.) отметил более страстный и более революционный характер ирландцев в сравнении с англичанами. Число подобных примеров можно легко умножить» [38, с. 148].

Пояснения Ю. В. Бромлея лишь ослабляют его позицию. Он пишет: «На тезис о неуловимости этнического характера несомненно наложила свою печать и склонность обыденного сознания к искажению его черт... Но особенно существенна в рассматриваемой связи тенденция обыденного сознания к абсолютизации отдельных черт характера этнических общностей... Дискредитации представления

о существовании психического склада у этнических общностей (национального характера) немало способствовала и гиперболизация этих свойств» [38, с. 160-161].

Из всех этих оговорок видно, что эмпирической базы и надежных методов для того, чтобы использовать понятие *национальный характер* как научный инструмент, не существует. Этот термин годится лишь как художественный образ, обретающий в разных контекстах самые разные смыслы. Тем не менее, Ю. В. Бромлей заключает: «Разумеется, указанные трудности в выявлении отличительных особенностей психического склада отдельных этнических общностей не могут служить основанием для отрицания таких особенностей. Необходимо лишь усовершенствовать методы научного изучения данного компонента психики этнических общностей».

Этот вывод представляется нелогичным. Практика показывает, что уверенность будто мы обладаем реальным *образом* национального характера какого-то народа, приводит к ошибкам, когда мы выбираем способ нашего поведения исходя из этого образа. Ошибки эти могут быть вполне поправимыми или даже курьезными (например, когда мы планируем наши действия исходя из «присущего национальному характеру кавказских народов гостеприимства»), но могут иметь фатальное значение, если кладутся в основу государственной политики.

В программных советских трудах по проблемам этничности бросается в глаза схоластическое отношение к понятиям, которое блокирует содержательное рассмотрение проблем реальности.[99](#)

До сих пор трудно понять, почему «единый многонациональный народ» — советский — нельзя было считать *нацией*. Из этого упорного отказа признать советский народ нацией следовало множество важных практических установок. С. В. Чешко пишет: «Благодаря своему упорному стремлению сохранить „самобытность“, уберечь свои теории и профессиональный язык от внешних влияний, отечественное обществоведение попало в концептуальный тупик.

Наши ученые не отваживались отрицать существование американской, бразильской или индийской наций, признавали принадлежность СССР к Организации Объединенных Наций, но даже не допускали мысли о возможности понятия „советская нация“. А в период развала СССР эта несуславица активно использовалась теми, кто пытался доказать, что СССР — это „не страна и не государство“, без своей нации, народа и поэтому без права на существование» [193, с. 141-142].

Сознательные меры по контролю за этническими процессами были прекращены с демонтажем «тоталитаризма» во второй половине 50-х годов. Было официально объявлено, что национального вопроса в СССР «не существует». С. В. Чешко пишет: «Покойный Ю. В. Бромлей любил рассказывать, в каком логическом тупике оказывались его иностранные собеседники, когда узнавали, что в СССР есть кое-какие национальные проблемы, но нет национального вопроса. Буквально такой подход сохранялся и в первые годы перестройки» [193, с. 65].

И уже в 60-е годы идеологи «холодной войны» против СССР пришли к выводу, что именно *национальные* проблемы, а вовсе не экономика и не социальные отношения являются слабым местом всей советской конструкции. Здесь и сосредоточили главные силы. Теоретики КПСС, для которых национального вопроса «не существовало», относились к этому со смехом. С искренним недоумением цитирует Э. А. Баграмов [26] такие предупреждения «буржуазных идеологов»: «Самым заразным из всех экспортных товаров Запада (либерализм, демократия, религия) является идея национализма» (А. Барнетт, 1962) или «Национализм, и только национализм является эффективным барьером на пути коммунизма» (Дж. Дэвис, 1970).

Когда с 1987 г. антисоветские силы внутри и вне СССР стали применять в борьбе с союзным государством жесткие технологии мобилизации политизированной этничности, государство, его научные эксперты и общество оказались к этому совершенно не готовы. Уже разгорались искусственно созданные этнические войны, но

продолжала использоваться старая риторика «братства народов», неадекватная и шокирующая. В рассуждениях политиков и экспертов не было и признаков знакомства с огромным корпусом знания, накопленного при исследовании этнических конфликтов, прокатившихся по миру в 50-80-е годы.[100](#)

В Российской империи, а еще более в СССР была создана многослойная и даже *изошренная* система прогнозирования и выявления зародышей этнических конфликтов в их допороговой стадии, а также разрешения или подавления таких конфликтов на ранних стадиях их развития. Эта система действовала автоматически — так, что конфликты сразу входили в режим торможения и самогашения. До применения силовых средств подавления дело почти никогда не доходило. Эта система и стала одним из первых объектов разрушения во время перестройки. Так были утрачены остатки неявного знания и накопленный практический опыт.

Глава 17 Когнитивная структура понимания этничности в постсоветском обществоведении

И сегодня, через 17 лет после начала реформ и ликвидации СССР, система взглядов на этничность в массе российских обществоведов (а за ними и политиков) сохраняет свою инерцию. Почти ничего не изменилось — вопреки всему тому, что происходит за окнами кабинетов и аудиторий.

За 90-е годы в РФ возникло небольшое сообщество ученых, которое работает в новой парадигме этнологии, в когнитивной структуре конструктивизма. Независимо от их политических установок, они дают ценные в познавательном смысле объяснения тех процессов, которые идут в нынешней России в сфере этнических отношений. Но это сообщество практически не имеет доступа к тем

средствам, которые могли бы оказать заметное влияние на массовое сознание и мышление политиков. Книги серии «Бунтующая этничность», которые готовит Центр цивилизационных и региональных исследований Российской Академии наук, издаются тиражом 250 (!) экземпляров. На телеэкране этих ученых не приходилось видеть ни разу.

Разумеется, и конструктивизм, эффективная в познавательном смысле научная концепция, под давлением политического интереса может вести к разрушительным практическим выводам. «Знание — сила»... и ничего больше. В одних руках конструктивизм — инструмент укрепления страны и народа, в других — инструмент их демонтажа. Здесь мы говорим о знании, а не о мотивах его использования. Владеть когнитивными средствами конструктивизма необходимо, чтобы нейтрализовать и ошибки искренних патриотов-примордиалистов, и диверсии антироссийских конструктивистов. «Знание — сила», а сила сейчас необходима России.

Однако большинство российских социологов и политиков, видимо, до сих пор трактует понятие этничности в рамках биологического примордиализма. Так, видный общественник, до осени 1993 г. председатель Палаты национальностей Верховного Совета РСФСР Р. Абдулатипов утверждал: «Человека без национальности нет. И если какой-то умник-ученый утверждает, что национальность не врожденное человеческое свойство, это вовсе не означает, что у этого умника нет национальности. Иное дело, что биологическая принадлежность к нации как бы обрамляется элементами национальной культуры, традиций, воспитания» [13, с. 32]. В этом же ключе представляет этничность советник президента Татарстана Р. Хакимов, считающий, что «этнос несет в себе *биологическую энергию* и подчиняется иным законам, нежели социальные процессы», что «этнический признак — не благое пожелание и, тем более, не злокозненный умысел каких-то „сепаратистов“, *он дается по рождению*» [180].

Из того, что говорят эти умные, образованные и уважаемые люди,

можно судить, в какую глубокую методологическую ловушку попала российская культура, а с нею идеология и политика. «Национальность — врожденное человеческое свойство...», «биологическая принадлежность к нации...», «дается по рождению...»! Хотя оба этих умудренных человека наверняка в своей жизни видели множество случаев, говорящих прямо противоположное.

Сын аварца и русской в Махачкале обычно становится аварцем, а в Москве до перестройки он обычно становился русским. Это выбор, который делается исходя из *социальных*, а не *биологических* обстоятельств. Новорожденный ребенок-подкидыш не имеет никакой «биологической принадлежности к нации», эта принадлежность определяется тем, в какую семью он попадет, кто его воспитает. Национальность как атрибут человека была изобретена очень недавно, в XIX веке, и даже в середине XX века во многих областях даже Европы люди и не задумывались о том, кто они по национальности, их записывали в состав той или иной «нации» по произволу властей. Разве при этом происходила биологическая мутация организма этих людей?

Да, в современном обществе национальность стала важным для человека ярлыком, как и множество других ярлыков. В какое-то время в СССР ярлык «члена ВКП(б)» был важнее национальности (а ярлык «исключенного из ВКП(б)» еще важнее). Это — реальность. Но зачем облекать ее в мифологию «крови»? Зачем подпиливать сук, на котором сидит и так уже потрепанное «общество знания» постсоветской России!

П. И. Смирнов в книге «Социология личности» (СПб., 2001) пишет, что «основу национального характера составляют психофизиологические особенности нации... обусловленные ее генофондом... Национальный характер есть комбинация природного и социального начал». Выражая согласие с этой трактовкой, авторы журнала СОЦИС в своих рассуждениях о русском национальном характере опираются на «пеленочную» гипотезу, которую выдвинул английский антрополог Д. Горер.

Они пишут, что русские — сильные и сдержанные потому, что на

Руси туго пеленают младенцев, а значит, «русская душа — спеленутая душа». О русских детях они говорят: «На короткое время их освобождают от пеленок, моют и активно с ними играют. Д. Горер связал альтернативу между длительным периодом неподвижности и коротким периодом мускульной активности и интенсивного социального взаимодействия с определенными аспектами русского национального характера и внешней политики России. Многие русские, по его мнению, испытывают сильные душевные порывы и короткие всплески социальной активности в промежутках долгих периодов депрессии». От этого, по мнению современных российских ученых, русские очень любят устраивать «яркие периоды интенсивной революционной деятельности» [119]. Это пишут в главном журнале РАН по социологии! Какие еще нужны симптомы, чтобы оценить состояние российского «общества знания»?

Эксперты-обществоведы, которые снабжают государственную власть РФ идеологическими метафорами, афоризмами и формулами, не могут встроить их в реальный контекст и как будто просто не могут *додумать* их. Вот, некоторое время на всех уровнях власти делалось ставшее почти официальным утверждение, будто «*террористы не имеют национальности*». Оно вызвало замешательство — куда же у них делась национальность, их «врожденное человеческое свойство»? Каким образом они от нее избавились? Это заявление было тем более странным, что вся российская и мировая пресса была полна выражениями типа «палестинские террористы» (ирландские, баскские, чеченские, тамильские и пр.).

Какой эксперт предложил эту формулу, какие доводы при этом приводились, почему образованные люди на высоких постах ее приняли и стали повторять? Вот с такой научной базой мы и наблюдаем, в состоянии интеллектуального паралича, как владеющие знанием и технологиями службы демонтируют наш народ. Это наша национальная беда, она поразила и правых, и левых.

Вот, философ-либерал пишет в духе биологического примордиализма: «Национальность дана человеку от рождения и

останется неизменной всю его жизнь. Она так же прочна в нем, как, например, пол» [420]. А вот левый патриот, один из руководителей НПСР А. Уваров беспредельно удревает русский народ: «Целое тысячелетие после крещения Руси, сожжения волхвов и ведунов скрывали от нашего народа, что Русь была не языческой, а арийской, т. е. ведической... Наши арийские корни легко прослеживаются в словаре, если сравнивать с санскритом (язык йогов — ариев) даже не древний, а современный русский язык» [170].

Такие представления очень легко переводили рассуждения об этничности в сферу мифотворчества, что во многом и определяло развитие кризиса сознания 90-х годов. В. А. Шнирельман писал об этом периоде: «Опросы общественного мнения, проведенные ВЦИОМом в 1990-х годах, показали, что в этот период коллективные представления о прошлом занимали все более значимое место в идентичности россиян. При этом такой их компонент, как „древность, старина“, имел наибольшее значение, во-первых, для людей моложе 40 лет с высоким уровнем образования, а во-вторых, для тех, кто был ориентирован на демократию и реформы... Это сопровождалось необычайно интенсивным процессом мифотворчества. В 1990-х годах романтизированные представления о предках и далеком прошлом активно создавались как в русских, так и в нерусских регионах» [202].

В условиях кризиса и нестабильности общества и государства этничность становится самым эффективным и быстрым способом политической мобилизации. Обращение к «крови», к солидарности «родства» легко воспринимается сознанием, сильно действует на чувства и будит коллективную память. Поэтому политик, вынужденный решать срочные задачи, почти всегда говорит на *языке примордиализма*. Иначе он не найдет общего языка с «простым человеком», который является *прирожденным примордиалистом* — потому что застает социальную реальность в ее уже готовой этнической форме. Политик, даже зная, что это обыденное понимание этничности неверно, не имеет в момент кризиса времени и возможности вести теоретические дискуссии и пытаться перестроить

язык понятий, на котором мыслят противоборствующие группы. Он приспособляется к этому языку. Это противоречие между знанием и политической практикой становится опасным, когда политики начинают сами верить в мифы, которые они внушают своей аудитории.

Представления примордиализма приобрели в среде российской гуманитарной интеллигенции жесткий характер и непосредственную прикладную направленность в последние 18 лет как инструмент политической мобилизации этничности. Это — важное общемировое изменение в общественном сознании, которое мы до сих пор не осмыслили. А. Г. Здравомыслов и А. А. Цуциев считают его *историческим* событием: «Этнический ренессанс связан с изменением специфики доминирующих определений этничности: культурная принадлежность начинает восприниматься в политически звучных категориях. Происходит один из исторических „сдвигов“ в определениях этничности» [76].

«Общество знания» оказывается перед выбором — способствовать этому сдвигу, пропагандируя примордиалистские представления об этничности с помощью авторитета науки, или рационализировать наш кризис и порожденные им национальные проблемы, снимать с этнического чувства его магическую оболочку.

В. А. Шнирельман пишет об процессах на Северном Кавказе: «Акцент на самобытности в постсоветский период перерос в представление о „био-этногенетическом основании“ отдельных народов, об их „этнопсихологической совместимости“ или „несовместимости“, т. е. создал благодатную почву для культурного расизма. Социологические опросы показали, что если в последние советские десятилетия источник национальных обид и националистических настроений общественное сознание объясняло политическими факторами, то к середине 1990-х гг. люди начали видеть в агрессивности едва ли не генетическое свойство отдельных этнических групп... Эта тенденция, импульс которой задали ученые из федерального центра, получила на Северном Кавказе широкое распространение, хотя некоторые местные авторы выступали против

нее и подчеркивали, что она оправдывает национальную вражду, делая ее едва ли не естественным законом» [201].

За последние 15 лет эти процессы набрали такую интенсивность и инерцию, что сегодня надо говорить о совершенно новом «срезе» кризиса России. Она оказалась перед лицом тяжелого исторического выбора, к которому плохо подготовлена. Уже пройдены те критические точки, до которых можно было поставить эти процессы под контроль с помощью культурных, экономических и социальных средств, воздействующих на эти процессы как на «черный ящик». Теперь требуется понимание и мобилизация больших ресурсов. Постсоветская политическая система упустила время, чтобы влиять на «раскручивание» этничности в инкубационной фазе.

Более того, те выступления представителей этнических элит, которые были катализатором этого процесса и на которые можно воздействовать в рамках общественного диалога, уже в большой мере перестали влиять на ход событий — как стартер, запустивший большой мотор. В этих условиях знание утратило связь с политической практикой — «политик опирается не на академический примордиализм, а на примордиализм обывателя». Преодолеть «примордиализм обывателя» можно лишь путем «молекулярного» изменения культуры и массового сознания, что достигается посредством улучшения социально-экономических условий и устранения тех факторов, которые мобилизуют этническое сознание в конфронтации с соседними народами или «центром». Это долгий и кропотливый процесс государственного, экономического и культурного строительства. Без привлечения современного знания, опирающегося на целостное «общество знания», успеха в этом процессе достичь невозможно.

С тяжелым чувством приходится признать, что в последние годы наблюдается сдвиг даже самой просвещенной части российской интеллигенции к установке на примордиализм, на то, чтобы подталкивать массовое сознание к национализму не гражданскому, а этническому.

Выступая в дискуссии по проблеме этноцентризма, В. Малахов сказал: «Между академической литературой и популярными изданиями существует явная связь. Этноцентричность академического дискурса не может не сказаться на публикациях, предназначенных для широкой аудитории. Когда в учебниках и популярных брошюрах уже в виде формул, в виде окончательных дефиниций преподносятся весьма сомнительные допущения (да еще набираются жирным шрифтом), мы имеем дело с некоей индоктринирующей процедурой...

Знания, продуцируемые академической наукой, оказываются востребованными действующими политическими деятелями или людьми, ответственными за принятие решений. Кроме того, производимое наукой знание транслируется через масс-медиа в самые широкие слои населения. Телекомментаторы и журналисты, работающие в массовой печати, может быть, высоколобых текстов в руки не берут, но они просматривают словари и энциклопедии, они читают популярные брошюры, которые учеными мужами и учеными женами пишутся.

Приходится констатировать, что этот язык, а значит, и язык чиновников, и язык низовых политических активистов в конечном итоге определен тем языком, который вырабатывает академическая наука» [114].

Хороший учебный материал дает книга В. Д. Соловья «Русская история: новое прочтение» (2005) [158], на которой мы остановимся подробнее. В ней содержатся радикальные и далеко ведущие утверждения о природе этничности и о русском народе.¹⁰¹ Представления об этничности как механизме, соединяющем людей в народы, излагаются в связи со свойствами русского народа, но носят общий характер. Автор так характеризует свой труд: «Книга, которую держит в руках читатель, предлагает новую парадигму в понимании отечественной истории. Как свойственно парадигмам, она основывается на небольшом числе утверждений теоретического характера — считающихся самоочевидными аксиом, научная истинность которых не может быть доказана» [158, с. 303].¹⁰²

К чему же сводится главная аксиома книги? К тому, что этничность есть *биологическое* свойство человека, зафиксированное в материальных структурах его генетического аппарата. Но что же тут нового? Эта проблема обсуждается давным-давно. В обзоре начала 90-х годов XX века читаем: «В основе представлений о нации может лежать *расовый* или *генетический* принцип. В своей пророческой лекции 1882 г. о национализме Эрнест Ренан предупреждал европейцев об опасности расовых и генетических иллюзий по этому поводу, указывая на факт генетической смешанности всех народов континента» (см. [90, с. 145]).

В приложении к русскому народу эта парадигма, по словам автора, означает следующее: «Новое понимание этничности дает недвусмысленный и шокирующий ответ на сакраментальный вопрос русского национального дискурса: что значит быть русским, что такое русскость. Русскость — не культура, не религия, не язык, не самосознание. Русскость — это кровь, кровь как носитель социальных инстинктов восприятия и действия. Кровь (или биологическая русскость) составляет стержень, к которому тяготеют внешние проявления русскости» [158, с. 306].

И это утверждение («*Русскость — это кровь!*») автор называет самоочевидной аксиомой!

Начнем с *определения* предмета. У каждого этноса есть некоторый набор характерных признаков, которые проявляются в сравнении одного этноса с *другими*. Без появления фигуры другого, хотя бы мысленного, вопрос об этнической принадлежности вообще не встает. Таким образом, этничность — это продукт *отношений* между людьми.¹⁰³ Сравнивая представителей разных этносов (точнее, их сложившиеся в нашем сознании образы), мы можем перечислять их характерные в данный исторический момент признаки, постепенно создавая обобщенный «портрет» того или иного этноса. Иными словами, мы создаем этот портрет из довольно большого числа внешних признаков (этнических маркеров), которые обнаруживаются в общественном поведении и деятельности людей.

Они известны нам из опыта, и в их описании можно прийти к соглашению, несмотря на споры и размытость образов.

Соловей утверждает, что все эти внешние признаки не связаны с этничностью, она кроется в «биологии». В том, чего мы *не видим*. Действительно, за множеством видимых признаков может скрываться нечто невидимое, кроющееся в крови. Но может и не скрываться! В отношении этничности утверждение Соловья есть экстравагантная гипотеза, которую он и должен обосновать. Но он стремится склонить читателя на свою сторону с помощью негативных утверждений. Он пишет: «Никакая комбинация неэтнических признаков не способна привести к возникновению этнической оппозиции: почему, каким образом половая, демографическая, социальная или культурная группа вдруг превращается в этническую?» [158, с. 31].

Это странная мысль. Почему же «никакая комбинация не может»? Мы же видим, что может — потому и отличается киргиз от француза, без анализа крови. Почему же в случае такого явления, как жизнь, «комбинация неживых по отдельности признаков» может привести к явлению жизни, а к этничности ничто не может привести, кроме как сама этничность, вдруг возникшая в крови? На каком этапе эволюции в кровь закладывается этничность? В крови кого она впервые появляется — динозавра, каракатицы, обезьяны? Из русской обезьяны возникли русские, а из чукотской — чукчи?

Итак, Соловей дает такое определение этносу: «*Этнос (этническая группа) — это группа людей, отличающаяся от других групп людей совокупностью антропологических и биогенетических параметров и присущих только этой группе архетипов, члены которой разделяют интуитивное чувство родства и сходства*. Этнос отличается от социальных групп именно биологической передачей своих отличительных (пусть даже это социальные инстинкты) признаков, а этничность — такая же данность, как раса и пол. Короче говоря, *этнос — сущностно биологическая группа социальных существ*» 158, с. 52].

Антропологические параметры (форма скул и носа, цвет кожи,

глаз и волос) в разных комбинациях сходны для больших групп этносов. Раса и этнос — явления разных порядков. Раз казах, значит, скуластый. Но если скуластый, это еще не значит, что казах. *Биогенетические параметры* — термин из лексикона Глобы, вроде биополя и телекинеза. *Архетипы* дела не спасают, т. к. еще предстоит доказывать биологичность их самих.

Известно, что этнические различия очень ярко проявляются в запретах на употребление различных видов пищи. Это можно назвать социальными *инстинктами*. Русские не едят конину, арабы-мусульмане свинину, а индусы говядину. Есть ли у этих проявлений этничности биологическая основа? Нет. Если русский не знает, что он съел конину, его организм на это не реагирует. *Физиологическая* реакция на конину, свинину и говядину у всех этих народов одна и та же. Перед нами чисто *культурное* явление.

Определение «*этнос — сущностно биологическая группа социальных существ*», кажется насмешкой над здравым смыслом. Всякая группа живых существ является *сущностно биологической*, но при чем здесь этнос? Очевидно, что младенец, родившись, сразу попадает в лоно культуры, насыщенной этническими символами и знаками, и становится человеком именно под воздействием этой культуры. Поэтому этническое самоосознание *кажется* ему естественным, сущностным и присущим ему изначально. Для Пушкина естественным, сущностным и присущим ему изначально казалось русское самоосознание, а не эфиопское. А если верить Соловью, то именно эфиопские инстинкты и архетипы должны были быть у Пушкина такой же данностью, как его мужской пол.

Книге Соловья присуща наивная *натурализация* культуры. Дважды повторяется, в начале и в конце книги такая аксиома: «Народ реализует свое этническое тождество в истории спонтанно, стихийно, естественноисторическим образом» [158, с. 19, 304].

Что это такое? Была ли Куликовская битва спонтанным, стихийным, естественным явлением? Что стихийного и спонтанного нашел автор в обороне Брестской крепости или в методе работы Алексея Стаханова?

Почему так по-разному проявлял свое этническое тождество (!) русский народ в I Мировой и в Великой Отечественной войнах?

Соловей пишет: «Народ как целостность изначально существует в этническом качестве, и это внутреннее единство сохраняется под социальными, политическими, религиозно-культурными, идеологическими и иными барьерами и размежеваниями. Этничность не только онтологична, она более фундаментальный фактор истории, чем экономика, культура и политика» [158, с. 19].

Тут два ключевых положения: *целостность* и *неизменность* внутреннего единства народа; *изначальность* его этнического качества. Опыт говорит совершенно противоположное. Народ как целостность *не существует* в этническом качестве изначально, он *складывается* как целостность. Складывается под влиянием экономики, культуры и политики. Меняются эти условия — и народ «раскладывается», размонтируется. В нем все время идет процесс *этногенеза*. Этничность — *результат* действия всех этих условий, а значит, как раз они фундаментальны.

Когда, например, возник немецкий народ? В каком году произошло это «изначальное» событие? Очень недавно. Ведь вплоть до объединения Германии жители разных «земель» и множества небольших германских государств считали себя самостоятельными народами. Как известно, для образования народа требуется «национализация масс» — возникновение представлений об общей исторической судьбе, составление, в устной или письменной форме, *истории народа*. Первая попытка создания общей германской истории была предпринята Г. фон Трейчке только после государственного объединения Германии при Бисмарке — когда немцы как народ обрели свои единые границы.

Этничность вовсе не сохраняет свое внутреннее единство «под социальными, политическими, религиозно-культурными и иными барьерами». Вот, был один почти зрелый и целостный народ — союз южно-славянских племен (сербов). Часть его, в Боснии, исламизировали турки, в другой части, Хорватии, утвердилось

католичество. Разве под этими барьерами сохранилась изначальная этническая целостность?

Он пишет, например, что у крестьян и дворянства возникали разные этнические качества, происходило этническое размежевание: «Социополитическое и культурное отчуждение между верхами и низами наложилось на этническое размежевание, придав вызревавшему конфликту дополнительный драматизм и, главное, характер *национально-освободительной борьбы русского народа* против чуждого ему (в социальном, культурном и этническом смыслах) правящего слоя» [158, с. 127]. Тут ясно сказано, что происходит этническое размежевание людей изначально одного этноса — вследствие социальной и культурной дифференциации. Из дружины князя возникли дворяне («правлящий слой»), из смердов — крепостные крестьяне.

Переходя к нынешней ситуации и стремясь доказать, что разбогатевшие во время реформы люди отличаются от остального населения *биологически*, Соловей усиливает степень размежевания, сравнивая две расходящиеся группы уже не с разными этносами, а с разными *видами*: «Непредвзятый наблюдатель нравов и этоса правящего сословия России без труда обнаружит, что в отношении отечественного общества оно осуществляет (осознанную или бессознательную) операцию антропологической минимизации и релятивизации. Проще говоря, не добившиеся успеха — а таких в России подавляющее большинство — для элиты не вполне люди, а возможно, даже и совсем не люди. Отношения между богатыми и остальными в России не могут быть описаны и поняты в категориях социального и культурного отчуждения и вражды, речь идет о большем — отношениях имеющих общий антропоморфный облик, но фактически двух различных видов живых существ наподобие уэллсовских элоев и морлоков. Это различие глубоко и экзистенциально укоренено. В смягченном варианте речь идет об отношениях „цивилизованных“ людей (элиты) и „варваров“ (остальных)» [158, с. 295].

Это неверно. Откуда видно, что «отношения между богатыми и остальными в России не могут быть описаны и поняты в категориях социального и культурного отчуждения и вражды»? Как раз могут быть и описаны, и поняты. Это обычное дело социолога. А вот сказать, что «речь идет об отношениях имеющих общий антропоморфный облик, но фактически (!) двух различных видов живых существ», можно только в качестве гротеска. Как говорится, приехали! Начнем охоту на морлоков?

Теперь о втором ключевом положении, согласно которому этническое качество присуще каждому народу *изначально*. Соловей признает, что он исходит из *примордиалистской* концепции этничности. Но нельзя же было в этом вопросе ограничиться этим сказанным вскользь словом! Надо было предупредить читателя, как трактуют эту концепцию сегодня.

Соловей пишет, отрицая сам *процесс* этногенеза: «Этнические архетипы не тождественны ценностным ориентациям, культурным и социальным моделям и не могут быть усвоены в процессе социализации... Архетипы неизменны и неуничтожимы, пока существует человеческий род» [158, с. 53]. Эту парадигму невозможно себе представить, даже перескочив из науки в религиозный тип сознания. Если этнические архетипы неизменны и неуничтожимы, то как от Адама и Евы смогло произойти множество *разных* народов? Что значит, что русскому народу в кровь были *изначально* заложены его неизменные и неуничтожимые этнические качества (архетипы)? Когда и в какой точке Земли пробил этот изначальный для русских час? Азербайджанский этнос стал формироваться сравнительно поздно — уже в составе России. Каков *изначальный* момент появления его архетипов — в понятных временных координатах? Научное сознание отличается от религиозного тем, что оно прилагает к любой изучаемой сущности *меру*. Причем мера эта выражается в однозначно трактуемых уговоренных единицах (соответственно, с приемлемой и тоже вполне определенной точностью). Соловей от этой нормы отказывается

категорически и принципиально. Если речь идет о времени, то он оперирует эсхатологическими понятиями — *изначально, пока существует человеческий род*.

То же самое в приложении к материи. Вот главный тезис его книги: «С научной точки зрения, русские — это те, в чьих венах течет русская кровь» [158, с. 64]. Если «с научной точки зрения», то встает вопрос о мере — *сколько* нужно русской крови, чтобы считаться «русским»? Этот простой и вполне разумный вопрос автор отвергает: «Предвижу возмущенный вопрос: какой процент русской крови должен течь в венах, чтобы считать человека русским? Честно признаюсь, меня это не занимало, да и сам вопрос в контексте отечественной истории довольно бессмысленен» [158, с. 306].

Его это не занимает... А ведь вопрос этот неизбежен. Человек слышит необычное утверждение, которое, превратясь в парадигму, угрожает перевернуть всю его жизнь, прилагает это утверждение к реальности — и у него тут же возникает этот вопрос. И как тогда вообще понимать эту книгу, если как раз вопрос о том, как определяется принадлежность человека к русскому народу, автор в заключении называет «бессмысленным в контексте отечественной истории»? Ведь книга называется «Русская история: новое прочтение»! Читаешь про кровь, архетипы и русскую «самость», а под конец тебе под нос суют кукиш.

Если продолжить мысль Соловья, то выходит, что *народов не существует*. Наличие в венах каждого человека капелек разной крови, которые несут в себе разные «неизменные и неуничтожимые» этнические архетипы — при том, что число капелек каждого типа несущественно, — означает, что всякие этнические различия *стираются*. Каждый человек биологически представляет собой помесь множества народов, он *ничей*. А его религия, культура, идеалы и ценности — это все якобы наносное, к этничности отношения не имеет.

Соловей пишет: «В новой парадигме философской антропологии „тело“, „телесность“ оказываются основой экзистенции. Тело — та

предельная точка, вокруг которой выстраивается система познания... Тело творит и выращивает язык и систему понятий, проектирует вокруг себя мир культуры и социальности» [158, с. 41].

Тело выращивает язык — вот еще одна самоочевидная аксиома новой парадигмы философской антропологии! Обычная наука пришла к выводу, что этничность *создается* под влиянием всей совокупности факторов окружающей среды и культуры, и в этом смысле «русскость» — плод трудовых, военных, духовных усилий многих поколений русских людей.

Какие странные вещи приходится читать «в контексте отечественной истории»: «Исследование геногеографии Восточной Европы выяснило, что в ходе исторического развития российский природный ландшафт был включен в русский генофонд: из фактора внешней среды он превратился в фактор внутренней, генотипической среды организма человека» [158, с. 42-43]. Каким образом «российский природный ландшафт был включен в русский генофонд»? Где находится этот ландшафт? На Валдае, в Сибири, на Курилах?

Биологическую основу этничности Соловей описывает в понятиях, которые не имеют определенного смысла и являются метафорами, передающими лишь настрой мысли. Кровь... почва... русский жизнеродный потенциал... русский витальный инстинкт... русская биологическая сила. И с этим понятийным аппаратом нам предлагается строить рациональную отечественную историю и вылезать из культурного кризиса?

Соловей вводит метафору *этнического инстинкта*, это «модели, составляющие самоочевидное, то есть не осознаваемое и не рефлектируемое, изначальное основание восприятия и поведения». Что это за новые сущности, зачем они плодятся? Большинство продуктов культуры, ставших стереотипами нашего восприятия и поведения, не требуют их осознания и рефлексии. Вот, вы пожимаете знакомому руку. Это культурная норма, ставшая самоочевидным, не осознаваемым и не рефлектируемым основанием поведения. Ничего изначального и инстинктивного в ней нет. Это изобретенный рыцарями

жест, обозначающий, что рука не держит оружия.

К чему тут инстинкты и архетипы? Чтобы подвести к такой идеологической формуле: «Русское общество так и не стало христианским... Христианско-языческий синкретизм так называемого „народного православия“ представлял не более чем тонкую ментальную амальгаму христианства на мощном, преобладающем языческом пласте народной психологии... Погром православной церкви стал отсроченной мстью русского народа за насильственную христианизацию, за государственное принуждение к православию... Насильственная и форсированная социокультурная инженерия со стороны государства привела к мощной антихристианской, в своей основе языческой, реакции» [158, с. 15-17].

Вот оно что! Христианство у русских — всего лишь «тонкая ментальная амальгама», которую государство насильственно нацепило на русские этнические архетипы и инстинкты и которая отвергалась «языческим пластом народной психологии»! Примерно так же трактуется отношение русских к государству: «Поскольку государство представляет собой довольно позднее историческое образование, то говорить о государстве как русском этническом архетипе было бы по меньшей мере странно» [158, с. 76].[104](#)

Первую часть книги Соловей завершает жуткой картиной нынешнего сдвига в этнических инстинктах русского народа после учиненного им погрома империи и православия, СССР и коммунизма: «Происходит без преувеличения исторический переход русского народа к новой для него парадигме понимания и освоения мира — этнической. Кардинально меняется устройство русского взгляда на самое себя и на окружающий мир. Дополнительный драматизм этой революции придает то обстоятельство, что в структуре самой этнической идентичности биологической принцип (кровь) начинает играть все более весомую роль и конкурирует с культурной компонентой (почвой)...

В молодежной среде отчетливо наметилась тенденция перехода от традиционной для России этнокультурной к биологической, расовой

матрице. И это значит, что внутри радикальной революции — этнизации русского сознания — таится еще более радикальное начало. В общем — традиционная русская матрешка, образы которой, правда, зловещи, а не жизнерадостны...

Радикализм и расизм — лишь элементы происходящих в России фундаментальных, поистине тектонических социокультурных и ценностных сдвигов. Радикально меняется смысл самого национального бытия, происходит рождение новой русской традиции. Ее вектор и содержание не внушают гуманитарного оптимизма, поскольку эта традиция — неоварварская, связанная с архаизацией ментальности и общества, опусканием их вглубь самих себя и человеческой истории. В контексте архаизации неизбежно происходит актуализация принципа крови, заменяющего более сложные и рафинированные, но неэффективные в деградирующей стране, социальные связи и идентичности» [158, с. 288].

Эти рассуждения противоречат нормам научной рациональности. Соловей утверждает, что в России якобы происходит мировоззренческая революция — кардинально меняется русский взгляд на мир. Революция эта драматична — присущий русской культуре взгляд на этничность якобы замещается на расовый, биологический принцип (кровь). Возникает зловещий образ мировоззрения русских — радикальный и расистский. Происходит архаизация ментальности и общества. Иными словами, налицо глубокий духовный регресс, *реакционный* поворот в сознании.

Но ведь вся книга как раз и посвящена утверждению биологического принципа этничности! Русскость — это кровь! Именно это Соловей и считает истиной, а представление об этничности как продукте *культуры* он считает заблуждением. Но истина не может быть реакционной, это с точки зрения научного метода нонсенс. Познанная истина, будучи сама по себе нейтральной относительно моральных оценок, в то же время расширяет возможности общества для разрешения противоречий. Поэтому истина — положительная ценность. Выходит, у русских даже истина, открытая Соловьем,

превращается в орудие реакции и мракобесия. Ну и ну!

Заключение книги не только противоречит логике. Оно попросту провокационно: сначала читателей убеждают в том, что их русскость определяются кровью, а в конце пугают мировое сообщество тем, что у русских «происходит актуализация принципа крови».

Глава 18 Конструктивизм в национальной политике: неудачное начало

В начале 90-х годов некоторые советские этнологи-конструктивисты, принявшие во время перестройки участие в разрушении «империи зла», были привлечены в практическую политику. В. А. Тишков был назначен председателем Государственного комитета по национальной политике Российской Федерации. В 1992 г. этот Госкомитет представил в Верховный Совет проект Концепции национальной политики России. Этот проект не был одобрен, а вскоре и В. А. Тишков был отправлен в отставку вместе с кабинетом Е. Гайдара. Однако основные идеи Концепции продолжают бытовать в значительной части российских этнологов, отвергающих примордиализм.

Эти идеи, вызывающие резкое неприятие со стороны, условно говоря, «лево-патриотической» части общества, затрудняют восприятие конструктивизма как важной и эффективной познавательной системы. Это блокирует столь необходимую для России модернизацию представлений об этничности. Поэтому имеет смысл кратко остановиться на проекте отвергнутой, но актуальной Концепции, в ней выражены важные установки реформаторов 90-х годов.

Отметим прежде всего удивительный факт — обсуждение этой концепции в Верховном Совете не вызвало резонанса. А ведь

очевидно, что в такой многонациональной стране как Россия сама жизнь людей в буквальном смысле этого слова зависит от стабильного мира при совместном проживании. Если этот мир нарушить — теряют смысл все понятия демократии, экономической эффективности, рыночной или плановой экономики. Как держава (и даже как страна) Россия и затем СССР существовали лишь постольку, поскольку выработали механизмы поддержания стабильного национального мира. Тот, кто допускал разрушение этих механизмов, замахивался не на коммунизм, а на страну, для которой и Ленин, и Брежнев — лишь эпизоды истории.

При изучении Концепции бросается в глаза общий для концептуальных документов времен реформы момент: они отталкиваются не от фундаментальных, «жестких» понятий, а от идеологием, причем вторичных — тех, которые отвергают «проклятое прошлое» (СССР, плановое хозяйство, уравниловку и т. д.). Так и здесь, концепция устройства совместной жизни народов России — объекта фундаментального — представляет собой совокупность декларативных высказываний, насыщенных идеологическими положениями полемического характера. Вместо того, чтобы дать краткий теоретический анализ понятий, проблем и противоречий, предложить альтернативы национальной политики при разных сценариях развития событий и установить критерии выбора альтернатив, авторы непрерывно спорят с незримо присутствующим политическим противником — призраком «тоталитарного режима СССР» — и доказывают превосходство «демократического режима». Документ весь обращен назад.

Как и в других текстах 90-х годов, СССР квалифицируется в выражениях, недопустимых для государственного документа. Но как можно строить обновленную национальную политику не на преемственности с СССР, не через компромисс мнений и интересов, а через столкновение с большинством населения? В то же время, несмотря на «антитоталитарный» и антисоветский пафос документа, в основных своих положениях он следует ранним идеологическим

клише ленинской национальной политики в отношении России, ее истории и роли русского народа. Когда же речь идет о действиях государства, оно представлено в документе обычным централизованным СССР, только уменьшенным в масштабах. Вплоть до того, что почему-то Российская Федерация должна устраивать переселение на историческую родину крымских татар (из Казахстана на Украину!) или турок-месхетинцев (из Узбекистана в Грузию!).

В целом, структура мышления авторов концепции и поддерживавших ее выступлений в прессе совершенно не изменилась по сравнению с брежневскими временами — эти выступления лишь припудрены антикоммунистической косметикой. А по сути, в Концепции отрицается не национальное устройство СССР, а именно тот тип межэтнического взаимодействия, который сложился в России за много веков. Это, пожалуй, главная идея Концепции — сменить тип межэтнического общежития, как стали менять тип школы, армии, сельского хозяйства и всех других систем хозяйства и жизнеобеспечения.

И политики, и их эксперты ушли от какой бы то ни было теоретической разработки или хотя бы систематизации проблемы. В концепции, поданной в парламент, не дано определения основным понятиям (даже таким, как нация, народ, национальность), они даже трактуются по-разному в разных местах одного документа. После его прочтения оказывается невозможным ответить, исходя из изложенных положений, на самые элементарные вопросы национальной политики. Особенно это касается причин резкого обострения межнациональных противоречий в ходе перестройки. Констатация в преамбуле того факта, что «в последние годы имели место серьезные теоретические просчеты в проведении государственной политики» вызывает лишь недоумение, ибо эти просчеты даже не названы. Да и по сей день внятно не сказано, что же либеральные этнологи считают «серьезными теоретическими просчетами» последних лет.

Тут мы подходим к главной проблеме национальной политики будущей России, от которой авторы уходят с помощью

идеологических штампов. А проблема, весьма хорошо разработанная и в западной, и в отечественной социальной философии, состоит в следующем: Российская империя и СССР эволюционировали как традиционное, не «атомизированное» общество, в котором права индивиду не имеют приоритета над правами солидарных образований — в том числе этнических. Поэтому здесь не возникало «этнического тигля», и этносы не растворялись, а сохранялись (при всех трениях, обидах и даже преступлениях режима). Контраст — гражданское общество западноевропейского типа в США, Германии или Франции, создавших мощные «этнические тигли» или механизмы ассимиляции.

Отказываясь признать этот факт и извлечь из него урок, политики делают себя заложниками развитого в ходе перестройки цепного процесса распада и конфликтов, который Россия вполне могла бы остановить. Из сугубо конъюнктурных (и уже устаревших) соображений документ одобряет выбор революционного разрушения вместо эволюционного реформирования государства. В документе говорится: «Национальные движения сыграли позитивную роль в разрушении тоталитарных структур и в демократических преобразованиях».

Что позитивного нашли авторы Концепции в этнонационалистических движениях, не говорится. О каких «тоталитарных структурах», которые разрушили радикальные националисты (в 1990 году!) идет речь? Они разрушили жизнеустройство множества народов и стравили население множества регионов, разожгли кровавые конфликты — что же здесь позитивного? Этнонационализм, который начал свое наступление в СССР в годы перестройки, смог произвести важное изменение во всей конструкции межнационального общежития СССР и России — сдвинуть массовое сознание нерусских народов от русоцентричного к этноцентричному. В некоторых республиках (как в Прибалтике и на Украине) тогда же был начат проект мобилизации этничности на базе русофобии, то есть агрессивного этнонационализма. Бедствие для десятков миллионов человек названо «позитивной ролью».

Никакого стремления дистанцироваться от разрушительных сил и перейти к *собираанию* народов Концепция не обнаруживает. И весь текст документа показывает, что никакого «наведения мостов» и восстановления традиций межнационального общежития не предполагается. Это видно хотя бы из того, что в качестве механизма предотвращения конфликтов предлагается *гласность* и использование «журналистского корпуса» — именно тех механизмов и субъектов, которые сознательно использовали межэтнические конфликты как средство борьбы с «советским тоталитаризмом».

Концепция национальной политики провозглашает создание современного демократического общества с рыночной экономикой, и в ней прямо предусмотрено возникновение «этнического тигля». Поскольку в Концепции ничего не говорится о том, как предполагается компенсировать «растворяющее» действие демократии и рынка на этносы, приходится прийти к выводу, что это — доктрина ликвидации этнического разнообразия России. Это — сугубо техноморфная, антиэкологичная концепция, по своим философским основаниям соответствующая среднему этапу развития европейского капитализма (вторая половина XIX в.). Появление такой концепции в конце XX в. и тем более в России с ее колоссальной культурой межэтнических отношений вызывает недоумение.

Главная «конструктивная» мысль документа — снятие национальной окраски субъектов федерации. Для этого предлагается использовать два механизма: растворение автономных республик в большом числе территориальных субъектов равноценного статуса; приоритет демократических прав личности, независимо от национальности, на каждой территории. Помимо того, что весь пафос этого предложения состоит в атомизации и униформизации российского общества, на нынешнем этапе кризиса и «детской болезни» национализма само это предложение (даже не его реализация, а всего лишь декларация) ведет к обострению межнациональных противоречий и к центробежным тенденциям. Услышав о таких планах, самое разумное для национально-

территориальных образований — заключать горизонтальные объединения и альянсы для максимальной автономизации от Центра. Реализация этой концепции силой означала бы превращение всей России в арену тлеющих или открытых войн.

Совершенно неприемлема в Концепции аргументация путем отсылок к зарубежному опыту. В качестве «наиболее оптимальной формулы» России предлагается использовать «опыт развития схожих по типу стран — Индии и Нигерии». Иначе как издевательством над Россией, нашедшей уникальный тип стабильного совместного проживания народов, не назовешь предложение взять пример с Нигерии, только что пережившей одну из самых истребительных в истории гражданских войн на этнической почве, или опыт Индии с ее спиралью межэтнического насилия.

Приведенная ссылка на Испанию также неприемлема. О каком «снижении статуса национальной государственности» в федеративном устройстве можно говорить, если самые развитые автономные области Испании называются Каталония (с государственным каталонским языком) и Страна басков (с восстановленным забытым языком басков)? Или авторы считают, что баски — не национальность? А ведь баски имеют свой парламент, свое правительство, свой флаг и даже свою полицию. И при этом в Стране басков действует этническое террористическое движение, держащее в страхе всю Испанию.

Совершенно неудовлетворителен раздел Концепции о межнациональных конфликтах — здесь практически все существенные утверждения неверны и противоречат самым элементарным представлениям конфликтологии и тому опыту, который уже накоплен в России с 1987 года. Из идеологических соображений приватизация представлена механизмом разрешения конфликтов, хотя именно приватизация стала важнейшим дестабилизирующим фактором, ибо она порождала расслоение по национальному признаку при дележе собственности. Концепция должна была бы признать эту очевидность и предложить нейтрализующие механизмы, но она лишь славословит

приватизацию и наивно призывает к «инвестициям в конфликтогенные районы» (хотя все возможности инвестиций в начале 90-х годов были ограничены отправкой в такие районы вагона с наличными деньгами).

Национальная политика России не может строиться без ясного отношения к *русскому народу*. Однако и смысл, и фразеология всех утверждений Концепции, касающихся русского народа, воспроизводят едва прикрытые штампы, свойственные западническому крылу большевизма 20-х годов. Это и тезис о «насильственной русификации», и квалификация русских не как нации, а как этнической группы, и повторение формулы о «новой исторической общности» — теперь уже «российский народ». Поразительно, но в разделе «Проблемы русского народа» не названо других конкретных проблем, кроме как проблем «потомков казаческого населения» и «шовинизма и антисемитизма части русского населения».

Непонятно, на какую реакцию рассчитано упоминание антисемитизма русских как единственного названного в документе проявления национализма? И почему это говорится именно в отношении русских — разве они являются монопольным носителем этого зла? И почему ничего не сказано об очевидном, надежно демонстрируемом разжигании русофобии? Такая «асимметрия» государственного документа никак не может способствовать не только гражданскому согласию, но даже и миру.

Концепция, как и очень многие другие декларации демократических идеологов, игнорирует очевидную неоднородность трех предстоящих десятилетий. В 1992 г. было ясно, что России еще предстоит пройти через тяжелый кризис, а затем постепенно выйти в режим стабильного существования. Эти два этапа кардинально различны и представляют собой две системы совершенно разных процессов. И цели, и ограничения, и механизмы национальной политики на этих этапах также различны. Документ же предлагает набор абстрактных пожеланий. В нем постоянно подчеркивается, что Россия переживает «политическую либерализацию и утверждение общедемократических норм». Но это — явное искажение реальности,

которое в национальной политике просто недопустимо. Многие вещи, полезные или нейтральные на стабильном этапе, оказывают разрушительный эффект в фазе кризиса.

Можно ли совместить глубокую демократизацию с сохранением полиэтнической российской цивилизации? Да, можно — но Концепция от самой этой мысли отказывается. Да и не только в политиках дело. Болезненное преодоление евроцентризма и противопоставления демократии национальному чувству — задача всей интеллектуальной элиты России.

В мышлении российских этнологов, ставших активными политическими деятелями реформы, современная концепция этничности (конструктивизм) удивительным образом сопряжена с универсалистской утопией Просвещения. Казалось, эта утопия сдана в архив после того, как мир во второй половине XX века пережил взрыв «бунтующей этничности». Но нет, ее пытаются внедрить в политическую практику и где — в РФ, осколке страны, разорванной в ходе операции, в которой тараном служила как раз бунтующая этничность.

В. А. Тишков, будучи министром по национальным отношениям, предлагал политическими средствами «отменить этничность». При этом сам он прекрасно знал слова, что высказал в руководимом Тишковым институте его американский коллега Дж. Комарофф: «Практически нет сомнений, что история нашего времени в полном смысле слова переписывается под воздействием этнических и националистических форм борьбы». К каким же последствиям могло привести в РФ 90-х годов предлагаемое Тишковым лобовое столкновение с политизированной этничностью, которую политический режим сам же мобилизовал для разрушения СССР? Только к дальнейшему разрушению уже и РФ. Политизация этничности идет бок о бок с политизацией этнологии.

В 1990 г. Тишков восклицал: «Есть надежда, что раздавшийся недавно призыв: „Дело политиков и экспертов — освобождение грядущего правового государства от великой лжи национальной идеи“

— получит заинтересованную и глубокую оценку философов, этнологов и историков» [165]. В той же статье Тишков пишет: «Думаю, было бы разумным отказаться от определения этноса как некоей эпохальной социальной формы». И это в тот момент, когда этнос становится ведущей формой социальной мобилизации!

Можно ли представить себе, чтобы министром по делам национальностей был человек, который называет национальную идею *великой ложью*! Уже этот факт указывает на то, что власть в 90-е годы способствовала демонтажу национально-государственной системы России.

Изменились ли взгляды Тишкова за последующее десятилетие под влиянием российской реальности? Нет, ни в коей мере. В 2003 г. в издательстве «Наука» он выпустил книгу, которая называется «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». В книге проводится мысль, что в результате глобализации исчезают нации и вообще этносы. А значит, исчезает и объект этнологии — она превращается в изучение остающихся на месте этносов социально-культурных групп. Соответственно, из функции государства устраняется национальная политика.

В. А. Тишков принял активное участие в полемике, вызванной введением новой формы гражданского паспорта РФ. В ней отсутствует графа «национальность». Отмена «национальности» в новых российских паспортах вызвала споры в обществе. Мы здесь не вдаемся в политическую дискуссию, нам важна логика аргументов обеих сторон.

Тишков обосновывает отмену графы «национальность» следующим образом: «Такой практики в Европе не существует, нет ее и нигде в мире... Заполняя бланки на визу в зарубежных посольствах, также пишут в графе „национальность“ слово „Россия“, а не „татарин“ или „башкир“ [179]. Этот аргумент нелогичен. В Европе нет гражданских *паспортов*, не с чем и сравнивать. Сказать, что этого „нет нигде в мире“ — художественная метафора, ибо речь явно идет о Западе. Но главное, что состояние России в данный исторический

момент имеет мало подобия состоянию Бельгии или Танзании, и ссылаться надо именно на обстоятельства России. В других странах у людей нет отчеств, должны и мы от них избавиться? Никакого отношения гражданский паспорт РФ не имеет и к „бланкам на визу в зарубежных посольствах». Там башкир записывает „Россия», а у себя в сельсовете, возможно, ему важна была бы запись „башкир“».

Столь же нелогичен и другой довод Тишкова: «Во-вторых, запись в паспорте этнической (национальной) принадлежности не может быть реализована практически. Это только советских граждан, начиная с 1934 г., приучили послушно выбирать национальность одного из родителей».

Много лет запись в паспорте именно «была реализована практически», это бесспорный факт. Но Тишков пытается нас убедить, что этого не может быть. И что неразумного видит он в том, что советских граждан «приучили послушно (!) выбирать национальность одного из родителей»? А чью национальность надо было выбирать? Тишкову не нравится, что люди себя идентифицируют в терминах национальности — ну так объясните внятно, что в этом плохого.

Тишков приводит другой довод: «На самом деле этническое самосознание от рождения никому не дается. Оно приобретается в процессе социализации, включая образование... Оно не всегда четко выражено и может меняться на протяжении жизни человека». Допустим, так. Но ведь и паспорт дается не от рождения, а в 16 лет, когда человек достаточно социализировался. У подавляющего большинства этническое самосознание выражено достаточно четко и не меняется на протяжении жизни. Да, это бывает «не всегда», существуют этнические маргиналы, кое-кто желает сменить национальность. Ну так и надо говорить о маргинальных явлениях и о том, какую лазейку надо для них оставить в бюрократических нормах (такие лазейки были и в царское, и в советское время). Но ведь разумно сначала определиться в отношении большинства!

Эта радикальная позиция либеральных конструктивистов сыграла немаловажную роль в том, что необходимое нам методологическое

знание конструктивизма отторгается патриотическим сознанием. Тишков декларирует необходимость становления в нынешней России гражданской нации как надэтнической общности, но его доктрина загоняет этот процесс в тупик. Любая нация формируется вокруг какого-то этнического ядра — народа, культура которого служит матрицей для собирания нации. Это ядро может даже стать меньшинством в населении страны (как, например, потомки португальцев в Бразилии и, возможно, даже потомки англичан в США), но заложенная им матрица остается механизмом воспроизводства нации. Но если народ, ставший ядром нации, не был в свое время сплочен этническими связями и не обладал национальным самосознанием, он этой матрицы создать бы не смог.

Тишков же предлагает доктрину, которая едва ли не в первую очередь разрушает этническое и национальное самосознание именно русского народа. Именно в нем либерально-демократическая часть политической элиты РФ видит средоточие «патологических националистов», очаг ксенофобии и «русского фашизма». Эта концепция стала миной, заложенной под собираемую в России гражданскую нацию.

Глава 19 «Общество знания» и строительство российской нации

Постсоветской России предстоит выстраивать свою нацию, вырабатывать и осуществлять большой проект *нациестроительства*. Во все времена в собирании общности людей (начиная с *рода*) ключевую роль в этом процессе играли носители и хранители знания (старейшины, жрецы, ученые). Изучение проблемы и ее представление обществу — едва ли не основной вызов тому «обществу знания», к строительству которого приступает Россия.

Проект будущего национально-государственного устройства

России и тип межэтнического общежития зависит от выбора той мировоззренческой матрицы, на которой будет происходить «сборка» русского народа и российской нации. Представления о нации неразрывно связаны с понятием *национализма*. Это — две стороны одного и того же явления.

Очевидно, что национализм как идеология — сравнительно недавнее явление, он возник именно в связи со становлением нации во Франции конца XVIII в. Б. Андерсон считает, что условием для распространения национализма стало появление *печати*, в результате чего возникла возможность синхронизации мыслей и чувств большого числа людей. Это создало условия для появления общности людей, которые, не зная друг друга, тем не менее воспринимали происходящие события сходным образом.

Как и всякая идеология, национализм с самого начала выполнял *политические* задачи, возникавшие в процессе строительства нации и обретения ее суверенитета. Понятие национализма нередко толкуют расширительно, даже как синоним *патриотизма*. Но патриотизм не сводится к национализму, он даже перекрывается с ним лишь в малой степени.

Как государственная идеология, патриотизм утверждает «*вертикальную*» солидарность — приверженность личности к стране. В нем нет акцента на многие ценности «низшего уровня», скрепляющие этническую общность. Напротив, национализм активизирует чувство «*горизонтального товарищества*», ощущения национального братства. Поэтому нередкие попытки противопоставить предосудительный национализм уважаемому патриотизму не могут иметь успеха — речь идет о явлениях, лежащих в разных плоскостях. Национализм настолько необходим для существования нации, что утверждение о его предосудительности и попытка заменить патриотизмом не имеют смысла. Можно осуждать лишь какие-то выверты национализма, как и любой другой формы сознания.

Развитие национализма как мировоззренческой и идеологической конструкции изначально было расщеплено на два течения, которые,

переплетаясь, и конфликтовали между собой, и поддерживали друг друга. Если считать человеческие общности системами, то эти два течения в национализме можно различить по отношению данной общности к ее среде (более крупной системе) и к ее элементам — более мелким общностям. В этом смысле национализм одновременно был идеологией *разделения* и идеологией *объединения*.

Например, в отношении наднациональных европейских структур нарождавшийся национализм был *разделяющим*. Он одержал победу и над имперской светской властью, и над единой централизованной церковью, и над классическими культурными традициями. Однако внутри образовавшихся национальных государств эта идеология была объединяющей — по отношению к региональным этническим общностям.

В современной западной этнологии различают два крайних вида национализма, которые условно называют *евронационализмом* (гражданским национализмом), который возник в Новое время в ходе образования национальных государств в Западной Европе, и *этнонационализмом*, тип которого сформировался в XX веке в ходе национально-освободительной борьбы колоний.

Названия эти условны, ибо характерные черты еврационализма присущи националистическим идеологиям многих незападных народов (назовем проект китайского национализма, созданный Сунь Ятсеном или, в своих основных чертах, советский национализм начиная со второй половины 30-х годов XX века, за вычетом особого военного периода). С другой стороны, к жесткому типу этнонационализма относятся идеологии многих политических движений европейских народов конца 80-х годов XX века (например, в Югославии, в Прибалтике или в последние годы на Украине). Для нас самое главное заключается в том, что эти две идеологии, обозначаемые одним и тем же именем *национализма*, являются принципиально несовместимыми. В пределе это — враждебные друг другу идеологии, но при этом в реальной общественной практике они, как правило, переплетены, что и делает сферу этнических отношений исключительно сложной и

чреватой конфликтами.

Дж. Комарофф пишет: «Евронационализм не замкнут одной Европой; вполне очевидно, что Ботсвана представляет собой случай, наиболее близкий к его идеальному типу, в то время как некоторые европейские или другие нации, стремящиеся выглядеть европейскими (такие, как Израиль), отличаются ярко выраженным этнонациональным характером.

Дело, однако, в том, что евронационализм и этнонационализм онтологически противопоставлены друг другу: отсюда то грубое непризнание и непонимание, которые возникают при их столкновении и при попытках взаимодействия, когда переговоры проводятся через разделяющую их пропасть в понимании политики самоосознания. Полная противоположность исходных посылок относительно самой природы своего пребывания в этом мире заставляет их воспринимать друг друга в качестве принадлежащих к какому-то иному времени и пространству» [93, с. 59-60].

Этнонационализм исходит из представления этнических оснований нации в понятиях *примордиализма*, как изначально данной сущности. В политической практике националисты, использующие эту идеологию, обращаются к обыденному сознанию, мобилизуя присущий ему примордиализм — при том, что сами эти идеологи в настоящее время чаще всего являются *конструктивистами*. Они конструируют политизированную этничность, манипулируя массовым сознанием в партийных целях.

В этнонационализме и вообще в национализме периферии делается очень сильный акцент на *прошлом*, которое мифологизируется в соответствии с политической задачей, а также на создании *образа врага*, который якобы виновен в тех бедствиях, которые перенес народ в прошлом. Нация в этом случае объединяется на негативной основе — общим бедствием и общим врагом в прошлом. Это бедствие и образ этого врага нередко переносятся в настоящее (и даже становятся неустранимой частью будущего) с нарушением норм рациональности и здравого смысла.

Использование национализма как политического оружия — искусство чрезвычайно сложное, это оружие легко выходит из-под контроля. За последние двадцать лет мы были свидетелями множества трагедий целых народов, в массовом сознании которых этнонационализм вышел из-под контроля. Так, он в короткий срок разрушил Югославию. В Грузии, где вооруженные столкновения на национальной почве (в Абхазии и Южной Осетии) были прекращены при участии российских миротворческих сил, этнонационализм тоже загнал страну в порочный круг тлеющего противостояния. За период 1996-2002 гг. социальная дистанция между грузинами и другими народами возросла, при этом меньшинства относятся к грузинам лучше, чем грузины к меньшинствам. Отношения ухудшились даже в среде студентов, которые в середине 90-х годов были группой с самым высоким уровнем толерантности [71].

Дилемма, перед которой стоит российское общество, более или менее четко оформилась как выбор между гражданским и этническим национализмом.

Вспомним предпосылки к нынешнему состоянию. При построении Российской империи церковь и государство целенаправленно усиливали в мировоззренческой матрице русских специфический *гражданский* национализм — и в этом преуспели. Благодаря этому удалось создать сложную конструкцию полиэтнического государства с русским ядром. Эта конструкция имела большие достоинства, но и была очень хрупкой — этничность сохранных (а не ассимилированных) народов могла «взбунтоваться» и выйти из-под контроля, разрушая империю и государство. Поэтому новые народы и земли включались в империю всегда после долгих колебаний, под давлением всего комплекса обстоятельств. Каждый раз правители России понимали, что в систему включается новый источник риска и на русское ядро ложилась дополнительная нагрузка.

Советская власть приняла эту конструкцию и положила ее в основу новой государственности — при полном понимании рисков. Изменить ее в 20-е годы уже было невозможно. Этничность многих народов

России за полвека капитализма (пусть и периферийного) уже созрела до этнического национализма, и его можно было погасить только предложением строить СССР как «семью народов», причем даже с огосударствлением этничности.

Это компенсировалось достоинствами социального устройства, высоко оцененными массой нерусского населения (но не «элитой»), а также интенсивным укреплением гражданского советского национализма. С опорой на массовую социальную и культурную лояльность власть могла жестко подавлять все проявления этнического национализма, вплоть до репрессий против элиты и даже целых народов, тип этничности которых заставлял их подчиняться элите (как, например, у чеченцев во время войны). Кроме того, плановая система хозяйства и тип администрации позволяли не допускать стихийной миграции и внедрения больших иноэтнических масс в стабильную среду.

При этом жизнеустройстве этнический национализм русских продолжал атрофироваться в том же темпе и в том же порядке, что и в течение предыдущих двух веков. Русский народ как «старший брат» ощущал себя держателем всей империи (СССР). Это, как и раньше, накладывало на русских дополнительные тяготы, но давало огромное преимущество в «большом времени». Только при этом своем статусе русские смогли стать одним из десятка больших народов мира и создать большую культуру (литературу, музыку, науку и пр.). Этнический национализм ограничил бы развитие во всех этих направлениях.

Советский Союз, собранный на иных основаниях, нежели западные нации, действительно был очень прочен в течение целого исторического периода, но начиная с 60-х годов XX в. его механизм соединения множества этносов в многонациональный народ начал давать сбои и требовал модернизации, которая не была проведена. Возник кризис.[105](#)

После краха СССР были ликвидированы социальные и культурные механизмы, которые раньше дезактивировали этнические «бомбы

замедленного действия». Началась их сознательная активация — в идеологии, праве, экономике. Создавались условия для этнических конфликтов в русских областях. Большой операцией в этой кампании стала организация режимом Горбачева и Ельцина войны в Чечне.

Политическая задача разрушения советской государственной и социальной системы потребовала подрыва всех типов связей, скреплявших «империю зла» и ее общественный строй. С этой целью с конца 80-х годов велась интенсивная пропаганда с целью возбудить этнонационализм всех народов, включая русский. В результате был подавлен тот державный, объединяющий национализм, который был характерен для официальной советской идеологии. Вместо него была создана множественная система агрессивных этнонационализмов, которые стали разделять как народы между собой, так и родственные этнические группы отдельных народов (иногда с откатом их к племенной и родо-племенной структуре).

Пассивное сопротивление этому давлению, в общем, в той или иной степени оказывали практически все народы. Наиболее устойчивым был русский народ, в котором сохранялось самосознание государствообразующего народа. Здесь наблюдаются сдвиги от советского имперского национализма к национализму гражданскому, который и должен послужить идеологической основой для продолжения сборки большой полиэтнической нации в новых условиях, как политической нации.

Эта тенденция, однако, наталкивается на жесткое сопротивление тех политических сил, которые во время перестройки и в 90-е годы проводили программу демонтажа советской национально-государственной системы. С их точки зрения, объединение народов РФ (а в большой степени и народов СНГ) вокруг русского народа, даже на иной идеологической и социальной основе, нежели в СССР, чревато возрождением имперского российского самосознания, а затем и государственности.

В результате, параллельно со стимулированием разделяющего нацию этнонационализма в РФ ведется кампания по дискредитации и

подавлению национализма гражданского (условно говоря, российского «евронационализма»). Подрыв гражданского национализма русских должен быть проведен в «кипящем слое» — среди молодежи и в среде интеллигенции. При слабости государства этого достаточно, чтобы подавить волю массы граждан, не способной к самоорганизации. Господствовать на улице и в прессе будут при этом силы, действующие по командам «конструктивистов из ЦРУ». «Оранжевые» революции и раскручивание этнонационализма в Грузии и на Украине показали, насколько эффективны эти технологии.

Госаппарат, в общем, пытается этому противодействовать, но очень слабо и боязливо. Сдвига в мировоззрении большинства русских к этнонационализму пока не произошло, но к этому перелому их подталкивают непрерывно. В этой кампании антисоветские («антиимперские») идеологи работают на три фронта.

Прежде всего, они эксплуатируют сохранившиеся в массовом сознании стереотипы советского интернационализма, в котором ради упрощения само понятие национализма было выхолощено и приравнено к *национальному эгоизму*.¹⁰⁶ Второй фронт нынешней кампании против национализма в РФ — противопоставление национализма демократии и идее прав человека. Представление национализма как антипода демократии и прав человека есть злонамеренная идеологическая диверсия. Противопоставление демократии и национализма загоняет общество в порочный круг, из которого бывает очень трудно вырваться. Это известно и из истории, и из современной этнологии. Третье направление — провоцирование этнических конфликтов и проявлений ксенофобии (для которых кризис создал питательную среду) с последующей гипертрофией этих событий с помощью СМИ. При этом проявления этнонационализма (или даже просто бытовой ксенофобии) выдаются за порождение гражданского национализма.

На основании этих кампаний в массовое сознание нагнетается представление об аномально высоком уровне нетерпимости и ксенофобии в России, об агрессивности русского национализма и даже

о «русском фашизме». Эта пропаганда ведется чрезвычайно жестко, с мобилизацией всех наличных ресурсов, без тонкостей и прикрытия.

В наиболее радикальной форме проект этнонационализма «от Горбачева» предполагает отказ от всякой имперской русской идеи — как царской самодержавной, так и советской. Он в новой форме и обращаясь к новой аудитории воспроизводит ключевые установки перестройки в дискредитации «империи зла». Главный их смысл в 80-е годы состоял в том, что русским невмоготу нести имперскую ношу, и эту ношу с них должен снять политический союз демократов и националистов — ликвидировать Советский Союз.

В. Соловей снова развивает эту мысль, опираясь концепцию этничности как «крови»: «Державная ноша сломала русских... Отказ от детей и массовое детоубийство (аборт, говоря без обиняков, есть узаконенное детоубийство) в России свидетельствовали о капитальном и всеобъемлющем морально-психологическом и экзистенциальном кризисе народа... Другими словами, кризис русской биологической силы был взаимоувязан с морально-психологическим кризисом... Вероятно, то были различные аспекты ослабления русского витального инстинкта — воли к экспансии и воли к доминированию» [158, с. 174-175].

Насилуя совсем недавнюю историю и весь корпус документальных свидетельств, В. Соловей утверждает, что именно основная масса русских людей и стала движущей силой горбачевской перестройки, целенаправленно разрушая государство и следуя своим якобы либеральным архетипам: «Русские люди поддержали демократическое движение... Либеральная утопия была созвучна русскому этническому архетипу» [158, с. 184, 187].

Как говорят, русский этнонационализм еще не стал институциональным, не возникло националистических русских партий. Но он набирает популярность в массах и, вероятно, по мере этого будет происходить и его формальная организация. Скорее всего, однако, тяготение к этническому и гражданскому национализму находится в неустойчивом равновесии. В ближайшие годы, вероятно,

произойдет сдвиг в ту или иную сторону.

Структура этнонационализма народов разных регионов России обладает своими особенностями, но схожа в том, что везде господствуют идеи примордиализма и вырабатываются этноисторические мифы, повествующие о золотом веке и удревняющие происхождение народа.[107](#)

Понятно, что и этнонационализм нерусского населения («снизу»), и этнонационализм элиты «титульной нации» («сверху») не мог не породить ответной этнической мобилизации русских. Этнологи довольно единодушно признают сугубо компенсаторную природу всплеска русского этнонационализма в 90-е годы. Сдвиг к этноцентризму нерусских сограждан соответственным образом «этнизировал» русских.

Но еще важнее влияние общего кризиса и нарастания социального хаоса, для противостояния которому люди обращались к простому («естественному») и почти единственному в рамках доктрины рыночной реформы способу сплочения — на основе этнической солидарности. Быстрее всего она мобилизуется через образ враждебного *иного*. По данным ВЦИОМ, с 1989 по 1993 г. уровень «этнонационального негативизма» у русских вырос в 2-3 раза (с 27 до 56-75 %). Это объясняют стремлением гарантировать минимум социальной стабильности и защищенности [45].

Исключительно благоприятные возможности для мобилизации этнонационализма создает трудовая этническая миграция, потому что связанные с нею социальные проблемы легко, почти самопроизвольно, представляются и воспринимаются как этнические. Хорошо известно, что любой конфликт, которому удастся придать форму этнического, по достижении некоторых критических точек (особенно гибели людей или актов насилия) входит в режим самовоспроизводства и автокатализа (самоускорения). Создание таких конфликтов требует очень небольших ресурсов, и эта технология отработана на огромном числе экспериментов в десятках стран.

Ключевую роль в доведении таких конфликтов до критического

уровня с возникновением самовоспроизводящейся системы играют СМИ. Они моментально делают соучастниками конфликта огромные массы людей. В РФ мониторинг десяти главных изданий показал, что не выполняются ни Федеральный Закон «О средствах массовой информации», ни законы, запрещающие пропаганду межнациональной розни, ни «Кодекс профессиональной этики российского журналиста». Объяснения, которые дают руководители СМИ, или откровенно циничны, или имитируют наивность. Когда Ш. Муладжанова, главного редактора «Московской правды», занявшей первое место по интенсивности разжигания межэтнических конфликтов, спросили, несут ли, на его взгляд, журналисты ответственность за то, что они публикуют, он ответил, что журналисты «вообще немного безбашенные. Это нормальное качество, которое необходимо журналисту, иначе от него толку мало будет» [179, с. 131].

Муладжанов сформулировал критерий отбора кадров для нынешних СМИ — они должны быть «безбашенными», то есть людьми, не имеющими ни знаний, ни совести, ни убеждений. «Иначе от них толку мало будет»! Сегодня такой журналист подстрекает подростков к убийству «кавказцев», завтра с таким же пылом требует казни этих подростков как «русских фашистов», а послезавтра обвиняет чуть ли не в фашизме и саму власть, которая приговаривает этих подростков к «слишком мягкому наказанию».

В качестве оправдания говорится о невежестве журналистов в вопросах этнических отношений. В. Р. Филиппов пишет: «Очень часто интолерантные интерпретации проистекают не из желания возмутить этноконтактную ситуацию или выплеснуть на печатные страницы собственные фобии, а из элементарного этнологического невежества, из имплицитной приверженности примордиалистской доктрине. Чаще всего журналисты и сами не ведают о том, что они примордиалисты, как известный мольеровский герой не догадывался о том, что он говорит прозой» [175, с. 119].

Казалось бы, невежество в таких вопросах, особенно в момент острого кризиса межнациональных отношений в стране, должно было

бы считаться признаком полного служебного несоответствия журналистов. Ведь они работают с опасными материалами. Этот факт должен был бы стать предметом политических дебатов и общественного диалога. Но — никакой реакции! Ни власти, ни профессионального сообщества, ни руководства самих СМИ.

Этнологи пишут: «Общество должно искать эффективные рычаги воздействия на те средства массовой информации, которые, руководствуясь желанием расширить читательскую аудиторию и увеличить тиражи, объективно выполняют роль катализатора межэтнической розни и этнического экстремизма» [46, с. 18]. Без помощи государства создать такие «рычаги» очень трудно, но это надо делать, учитывая опыт перестройки, когда такие попытки захлебнулись.

Конечно, СМИ — лишь один винтик в машине, которая блокирует процесс собирания гражданской нации в России. Но винтик важный — когда людям непрерывно «капают на мозги», это незаметно действует на сознание практически каждого человека. В целом, некоторые социологи оценивают ситуацию так: «На основании анализа результатов различных исследований можно было бы заключить, что общественное мнение в России отдает приоритет ассимиляционной модели, закладывая таким образом своеобразную мину замедленного действия» [204].

Примордиализм как культурная предпосылка этнонационализма запускает автокаталитический, самоускоряющийся процесс, создающий порочный круг. Возникает взаимная этнизация всех групп населения, ведущая к нарастанию напряженности. Этнологи признают, что русский народ действительно находится перед историческим выбором — ход развития России будет в большой мере зависеть от того, возобладает ли в сознании и политической практике русский *гражданский* национализм или *этнонационализм*.

Таким образом, суть выбора видится или как продолжение строительства, в новых условиях, гражданской нации с государственно-национальным устройством по типу Российской

империи или СССР (то есть без ассимиляции и апартеида) — или построение национального русского государства («Россия для русских»), легитимированного идеологией русского этнонационализма.[108](#)

Вероятность успешного создания национально-русского государства невелика, даже если будет достигнут высокий уровень русского этнонационализма. Уже трудно отказаться от идеи России как державы и попытаться «закрыться в своем русском доме», удалив из него всех «иных». Начав с 15 века строить именно державу (империю), русские уже не могут «закрыться» даже в одном княжестве. За пять веков в России возникла этническая *чересполосица*, так что попытки в 20-30-е годы XX в. выделить моноэтнические даже не области, а районы, провалились. Если этнонационализм возьмет верх и этот радикальный проект будет воплощаться в жизнь, он окажется *антирусским* проектом.

Мы имеем перед глазами программу этнонационализма, разработанную при участии специалистов высшего класса — на Украине. Внешне она успешна и сплачивает украинцев вокруг их национального государства русофобией и памятью «голодомора». Но за этим успехом проглядывает тупик, в который втягиваются украинцы как народ. Так же в прошлом не смогли устоять против соблазна применить простое консолидирующее средство этнонационализма многие народы Африки, которые боролись против колонизаторов — и до сих пор остаются в тупике, разрываемые трайбализмом. Там успех технологов-конструктивистов из колониальной администрации налицо. Знание о таких проектах, накопленное в мировой этнологии, должно быть срочно систематизировано и введено в оборот в России.

Судьба России зависит от выявления, собирания и организации всех ресурсов, которые могут направлять ход событий в тот или иной коридор. Предоставлять событиям следовать в русле «объективных законов развития» или неких «общечеловеческих ценностей» — значит заведомо провалить программу.

На что же могут опереться государство и общество в этой работе?

Судя по результатам исследований, в массовом сознании первый план устойчиво занимают *общегражданские*, социальные проблемы. Большинство мыслит достаточно рационально, и им не требуется прибегать к понятиям этнонационализма — трактовка социальных проблем *может* вестись на языке гражданского национализма. Исследователи пишут о месте этнических проблем в «повестке дня» населения России: «Практически во всех мировоззренческих и конфессиональных группах они уступают место общегражданским, связанным с укреплением государства, защитой обездоленных слоев населения, отстаиванием гражданских прав и свобод. Данная ориентация отчетливо проявляется и в ответах на вопрос о том, кто виноват в бедах и неурядицах, постигших как страну в целом, так и лично респондентов.

Во всех мировоззренческих и конфессиональных группах опрошенные склонны связывать свое тяжелое положение, прежде всего, с конкретными политическими деятелями, находившимися у власти в течение двух последних десятилетий — М. С. Горбачевым (37 %) и Б. Н. Ельциным (39 %), либо обвиняют самих себя (28 %). Это вполне согласуется с результатами предыдущих социологических опросов, в частности, проведенных нашим Институтом в 1995 г., в которых Горбачев и Ельцин получили самые низкие оценки своей общественно-политической деятельности среди отечественных политиков XX века у представителей всех мировоззренческих и конфессиональных групп» [120].

Иными словами, массовое сознание является более *гражданским*, нежели сознание элиты 90-х годов. Но за последние 8-10 лет установки и существенной части элиты сдвинулись от этнонационализма в сторону гражданской лояльности.

На что опирается гражданская компонента массового сознания? Прежде всего, на ту часть *советской* мировоззренческой матрицы, которая сохранилась после краха СССР. Именно она пока еще «держит» страну и народ, как и сохранившиеся социально-технические системы. Под устойчивыми ядрами всех этих матриц лежат структуры,

заложенные еще при формировании российской имперской нации. Но это не означает незыблемости матриц — в советское время они целенаправленно укреплялись и обновлялись, а сейчас держатся благодаря инерции и слабо организованным «молекулярным» усилиям.

Главной опорой гражданского национализма в России служат большие, массивные группы образованного («модернизированного») населения, укрепленные блоками профессиональной интеллигенции. Несмотря на тот урон, который нанесла этому большинству нашего населения реформа, оно в целом следует еще нормам и идеалам Просвещения и сохраняет навыки рационального мышления. Все это ослабляет воздействие на население России культурных инструментов этнонационализма и делает это воздействие поверхностным, компенсаторным. А значит, недолговременным.

Чем более развитым и адекватным станет представление переживаемых в России социальных противоречий в рациональных понятиях, тем более сузится интеллектуальное пространство для этнонационалистического дискурса. Обретение гражданского национального самосознания является сегодня задачей общей, надклассовой. Она не конфликтует, а идет рука об руку с рационализацией социальных интересов всех частей расколотого российского общества.

Таким образом, «массовый тип» грамотного советского человека (контингент «общества знания») является носителем гражданского национализма. Укрепление этого типа есть залог развития событий в России без срыва в этнонационализм.[109](#)

Однако силы, отвергающие выработанный в России «имперский» тип государственно-национального устройства, влиятельны и обладают значительными культурными ресурсами, что и продемонстрировала перестройка. Они радикально отрицают проект восстановления главных матриц России, что хорошо видно из рассуждений В. Д. Соловья, который считает *закономерной* ликвидацию в России «развитых социальных институтов Модерна» и видит в архаизации общества признак возрождения *жизнестойкой*

этнической общности.

Он пишет: «Если нам не удалось сберечь и сохранить великую страну под названием СССР, если мы пребываем на ее пепелище и на обочине мировой истории, это значит, что наши ценностные устои, старые социальные институты и культурные формы оказались нежизнеспособными и неэффективными, что они не смогли ответить на вызовы, брошенные историей. Поэтому на смену сложной и цветущей культуре закономерно пришли простые и примитивные развлечения, развитые социальные институты эпохи Модерна заменяются отношениями господства/подчинения, происходит возвращение к категориям власти и крови, взятым в их предельных, обнаженных смыслах. Слой за слоем снимается огромный пласт культуры и социальности, накопившийся со времен Просвещения. Пришедшие варвары примитивны, но и лучше приспособлены для жизни на развалинах великого Третьего Рима, они более жизнестойки» [158, с. 300-301].

Вся эта идеологическая конструкция — пародия на утопию «возврата к истокам», она не согласуется ни с эмпирической реальностью, ни с логикой. Сброшенные в варварство люди, живущие на развалинах — не только не жизнестойки, но просто *нежизнеспособны*. Об этом прямо говорит статистика смертности и заболеваний. Сложная и цветущая культура вовсе не стала источником слабости СССР и признаком неэффективности его ценностных устоев. Да, отказали важные защитные системы советского строя, но в сложном дифференцированном обществе из этого никак нельзя сделать вывода о качестве всех остальных систем и институтов.

Антиимперский пафос В. Д. Соловья логично вытекает из всей горбачевской доктрины перестройки как проекта уничтожения советского «государства-монстра». Новым в его конструкции является лишь гибридизация либерально-демократической риторики с радикальным этнонационализмом.

В целом, между гражданским и этническим массовым самосознанием в РФ установилось неустойчивое равновесие.

Согласно большому опросу в 11 регионах (июль 2003 г.), в целом 62 % идентифицировали себя как граждан России, а 11 % как граждан СССР. Среди последователей ислама гражданами России считали себя 39 %, а гражданами СССР 19 % (8 % назвали себя гражданами мира и 33 % не смогли определиться) [120].

Советское государство оставило нам ценный опыт формирования гражданской национальной идентичности, сила которой была проверена Великой Отечественной войной. Чем дольше нынешнее государство будет игнорировать этот опыт, тем дольше продолжится нынешний разрушающий страну и народ кризис. И речь здесь идет вовсе не только о формировании лояльности к общему государству. Советский строй за сравнительно короткий срок выработал во всех народах СССР (и даже у всех народов социалистического лагеря) устойчивую и фундаментально сходную систему ценностей — независимо от наличия других, конфликтующих ценностей, которые в момент перестройки взяли верх. Долговременная политика должна строиться на чаяниях людей, то есть на фундаментальных ценностях. Идеологическая работа по дальнейшему разрушению советской системы ценностей — стратегическая ошибка нынешней российской власти. На этом пути власть подрывает возможность построения гражданской нации.

Стоит заметить, что антисоветская пропаганда последних двадцати лет служит важным препятствием укрепления российской гражданской идентичности, травмируя державное чувство советского человека. Е. Н. Данилова пишет, что важный аспект «сложного процесса формирования общегражданской идентичности — идентичность с „Великой державой“... Драматизм утраты великого государства и не соответствующий ему образ нынешней России также объясняют трудности становления новой гражданской идентификации и причины живучести (особенно среди старшего поколения) идентификации с советским народом» [66].

Антисоветский дискурс власти представляется тем более ошибочным, что надежды реформаторов произвести «сборку»

российской нации на либеральных основаниях, определенно рухнули. Согласно опросам ВЦИОМ, антилиберальные установки большинства населения после 2000 года усилились. Вот данные опроса 9-13 января 2004 г., а в скобках — данные января 2000 г. Из списка вариантов ответа на вопрос «Что, в первую очередь, Вы ждете от Президента, за которого Вы могли бы проголосовать?» люди на первые места поставили такие: «Вернуть России статус великой державы» — 58 % (55 %); «Обеспечить справедливое распределение доходов в интересах простых людей» — 48 % (43 %); «Вернуть простым людям средства, которые были ими утеряны в ходе реформ» — 41 % (38 %); «Усилить роль государства в экономике» — 39 % (37 %).

В заключение надо лишь сказать, что любая из альтернатив построения независимой и сильной России — и на платформе этнонационализма как Русского государства, и на основе гражданского национализма как новой имперской «семьи народов» — требует в качестве первого критического этапа достичь решающего интеллектуального и культурного перевеса над политическими силами, продолжающими демонтаж русского народа и системы межнационального общежития России. Одновременно с этим произойдет и усиление конструктивной работы по сборке русского народа на обновленной мировоззренческой матрице.

Приходится с тяжелым чувством признать, что провал постсоветского «общества знания» в сфере этничности и межнациональных отношений является чрезвычайно глубоким. Здесь возник порочный круг: мифологизирующая проблему парадигма доминирует в интеллектуальном сообществе, которое официально считается экспертным в данной сфере, и одновременно в обыденном знании большинства населения. Академическое и массовое сознание вошли в кооперативное взаимодействие и образовали устойчивую систему с тенденцией к ее расширенному воспроизводству. Мощным ресурсом этой системы стали СМИ, тиражирующие и радикализующие ложные установки. СМИ включают в фатальную социодинамику этих установок практически весь «политический класс» с его

административными и финансовыми средствами.

В той социальной структуре, которая за годы реформы оформилась и укрепилась в сфере науки, образования и политики, появление жизнеспособных научных сообществ, работающих в не зависящей от мейнстрима когнитивной структуре, практически исключено. Здесь строительство нового «общества знания» столкнется с необходимостью не просто когнитивной, но и социальной революции. Без глубокой трансформации социальной структуры «общества знания», которой должен предшествовать когнитивный переворот в сознании верховной власти, новые ячейки знания и новые сгустки интеллектуальной активности и информации будут моментально пожираться старыми структурами.

Глава 20 «Общество знания» России и переход к инновационному развитию

Постановка проблемы строительства нового «общества знания» в России тесно связана с вопросом о переходе РФ к **инновационному** типу развития. Этот вопрос был поднят в 2001 г., над ним работало по указанию самого В. В. Путина много специалистов. Уже тогда было видно, что эта программа потребует тотального преобразования и хозяйства, и культуры страны. Вопрос был отложен, когда нефть стала давать сверхприбыли и о России заговорили как об «энергетической державе», что означало выбор **экспортно-сырьевого** пути развития.

Различия между «двумя путями развития» России — **сырьевым** и **инновационным** — принципиальны. Включения вопроса в национальную повестку дня на среднесрочную перспективу означает, что страна вновь оказалась в ситуации исторического выбора. Надо понять его суть и те угрозы, которые возникают при том или ином выборе, а также те препятствия, которые необходимо преодолеть в каждом случае. При выборе такого уровня дело решает не только

логика, но и совесть. Логика и знание, однако, позволяют упорядочить объективные данные и не дают увлечь нас эмоциями.

Что означает «выбор пути развития» России? От чего зависит выбор? Прежде всего, он зависит от того, понимается ли Россия как *страна* со своим народом и хозяйством, или она становится *пространством*, на котором действуют «операторы» глобальной экономики исходя из критериев их эффективности. Это и предопределяет стратегические цели и те средства, которые можно использовать в достижении той или иной цели.

Прежде чем говорить о стратегических альтернативах, надо определить исходное состояние на нынешнем распутье. Россия переживает длительный системный кризис. Все большие системы общества и государства находятся в состоянии деградации, перестройки или неустойчивого равновесия. «Переходный период» отличается неопределенностью образа будущего, плохой изученностью исходной системы и природы ее кризиса, острым недостатком знания об угрозах и рисках в их динамике. В таком состоянии находится и «общество знания» России — система, на которую кризис накладывает новые большие нагрузки и резко меняет структуру функций.

Кризис 90-х годов в России является принципиально новым и до сих пор малоизученным явлением. Поведение многих систем общества в ответ на изменения было неожиданным, возникающие в ходе трансформации структуры не похожи ни на прежние советские, ни на свои аналоги за рубежом. Это требует обновления методологии анализа систем в переходном состоянии, в нашем случае — анализа российского «общества знания» в его связи с хозяйством и обществом. Для рационального выбора стратегических альтернатив надо изложить особенности того типа национального бытия, каким является кризис и переходный период, составить «карту» тех функций, которые может выполнять в такой период только подсистемы отечественного «общества знания» (наука, образование, управление и др.), создать систему параметров и индикаторов, которыми уместно

пользоваться в этот период для изучения российских систем и процессов их развития.

До недавнего времени все необходимые «карты» для выработки решений составлялись (как в органах власти, так и в обыденном сознании) по инерции советской системы или путем имитации успешных зарубежных систем (США, ЕС, ОЭСР). Это приводило и приводит к серьезным структурным несоответствиям принимаемых решений. Накопленный опыт позволяет сегодня составить эти «карты» исходя из реальности России, прогнозируемой на ближайшее десятилетие. Это — работа, которая должна была бы делаться срочно, но условия для этого еще не созданы.

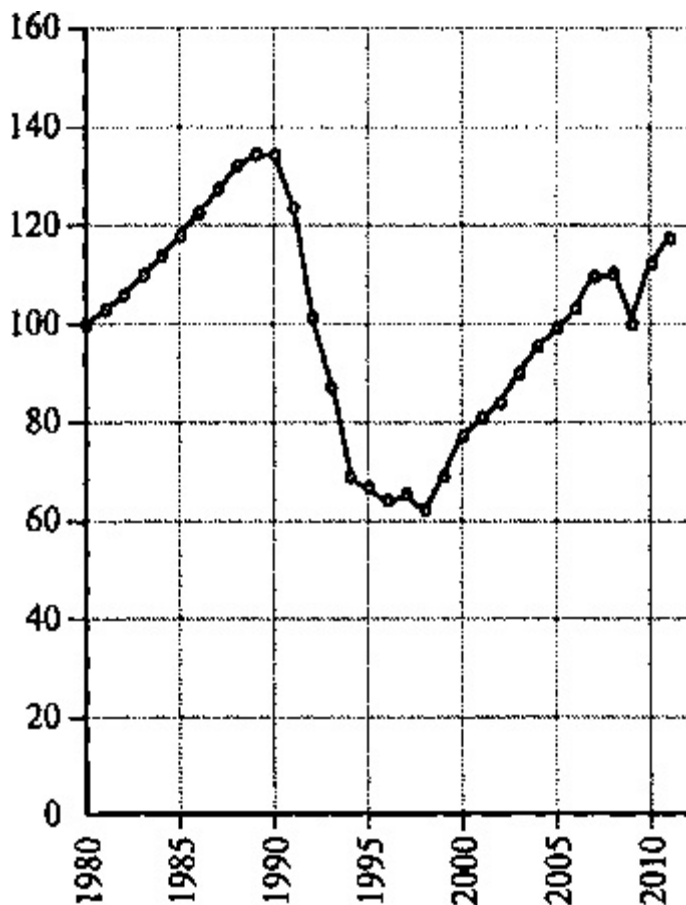
Суть выбора и главное противоречие

При сырьевом варианте развития Россия становится *пространством*, почти полностью раскрытым для действий «операторов» мирового сообщества — экономических, культурных, информационных. Восстановление систем хозяйственной и культурной жизни *народа*, а не только тонкого слоя элиты, возможно лишь на базе целостного жизнеустройства России. Изучение опыта России 90-х годов и развития тех противоречий, которые возникли при перестройке мироустройства после краха СССР, позволяет сделать определенный вывод: сохранение России как целостности, обладающей чертами самобытной цивилизации, возможно только на инновационном пути развития. На этом пути Россия — *страна* со своим народным хозяйством и своей культурой. Именно этот выбор имеет смысл рассматривать, так как в ином случае принятие решений о строительстве новых форм общественного бытия «в этой стране» будет выведено из сферы нашего влияния практически полностью. Если Россия станет зоной периферийного капитализма, сам этот вопрос будет снят с повестки дня. Приспособление к этому

состоянию, если оно возникнет, будет совершенно новой и особой задачей, обсуждать ее будут другие люди.

В 90-е годы Россия рассматривалась реформаторами не как страна, а как пространство, что и привело к глубокому кризису. Глобальные операторы были заинтересованы в том, чтобы это пространство было очищено от российской промышленности и лишнего населения, потребляющих драгоценную нефть. В последние 50 лет прорывов в науке, которые позволяли бы надеяться на появление принципиально новых источников энергии, не произошло. Даже если такое открытие будет сделано завтра, массовое производство энергии наладят не скоро. Вывод очевиден: в обозримом будущем придется использовать традиционные источники. Главные из них — невозобновимые. Главные потребители энергоносителей лихорадочно ставят под свой контроль или захватывают их месторождения. Ирак перед глазами, Иран тоже под угрозой.

В 90-е годы Россия была жестко привязана к Западу. Ни о каком «инновационном пути» не могло быть и речи, от России требовали произвести *деиндустриализацию*, и правительство Ельцина по мере сил это требование выполняло (рис. 15).

Рис. 15. Объем производства промышленной продукции в РСФСР и РФ (в сопоставимых ценах, 1980 = 100)

Развитие России как страны, с сохранением ее территории и народа, теперь возможно лишь через программу «новой индустриализации». При этом вариант, основанный на массированном экспорте природных ресурсов, будет невозможен. Это порождает неизбежный конфликт интересов. Если Россия — открытое пространство, то Запад не допустит здесь перехода на инновационный путь развития, нефть ему и самому нужна. А если Россия предпримет «новую индустриализацию», то экспорт нефти и газа придется сокращать. Возможен ли компромиссный вариант совмещения двух типов развития?

Да, в 2001 г. еще рассматривался вариант *постепенного* перераспределения энергоресурсов в пользу отечественного производства. Это позволило бы мобилизовать дремлющие экономические ресурсы населения, а государству сделать инвестиции в энергосбережение и создание «анклавов высоких технологий». Они стали бы «локомотивами» для развития других отраслей.

Но уже тогда условиями такой программы было оживление *хозяйства в целом*, стабилизация социальной системы и восстановление источников накопления средств государством. Уже тогда была большая неопределенность — хватит ли времени на то, чтобы обновить старые системы производства и жизнеобеспечения до полного истощения их возможностей. Но с тех пор прошло еще 7 лет, и оставшийся запас прочности уменьшился. Время для мягкого проекта *анклавного* развития, то есть создания отдельных очагов «высоких технологий», упущено. За 18 лет произошел технологический провал, и новые мощности надо ставить на технической и кадровой базе уже другого поколения. Многие отрасли уже не могут ждать, пока «очаги высоких технологий» возьмут их на буксир. Восстановление производства с модернизацией срочно требуется *во всех* отраслях и прежде всего в сельском хозяйстве и ЖКХ — иначе средства развития будут «проедены» и уйдут на ликвидацию аварий.

Значит, программа инновационного развития сегодня уже не может быть половинчатой, а должна стать тотальной, по всему фронту, как в 30-е годы — при одновременном выполнении чрезвычайных проектов по созданию «центров высоких технологий». После 2000 г. государство попыталось совместить несовместимое — бесперебойно снабжать Запад нефтью и газом, но в то же время начать попытки поднять отечественную промышленность. Поэтому и возникла напряженность в отношениях с Западом, а затем и конфликт. Пока возрождаемая часть российской промышленности ограничивалась производством металла и удобрений на экспорт и отверточным производством, которое почти не требует топлива, это было

приемлемо. Другое дело — новая программа индустриализации, причем с энергоемким производством *для себя*. Это значило бы перенаправить поток нефти и газа от нью-йоркской биржи на российские заводы и сельскохозяйственные предприятия.

Перспективы развития конфликта

В 2007 г. было объявлено о курсе на «диверсификацию экономики за счет подъема перерабатывающих отраслей». Но перейти на этот курс невозможно, если не прикрыть задвижки нефтепроводов на Запад. На каком горючем распахать и засеять 42,3 млн га выведенных из оборота посевных площадей, чтобы дать сырье «перерабатывающим отраслям»? Откуда взять электроэнергию для сельского хозяйства, где ее производственное потребление сократилось за годы реформы в 4,2 раза?

Вот жестокий факт: в 1990 г. из СССР на экспорт ушло (в виде сырой нефти и нефтепродуктов) 27,8 % добытой нефти, а в 2005 г. из РФ ушло 77,3%. Для внутреннего потребления в 1985 г. в РСФСР осталось по 2,51 т нефти на душу населения, в 1992 г. по 2,08 т. [110](#) А в 2005 г. осталось по 0,72 т на душу — в 3,5 раза меньше того, чем располагал житель РСФСР в 1985 г. Не на 10, не на 20 %, а в три с половиной раза меньше! Надо вникнуть в эту разницу. Одновременно на этом фоне начата широкая автомобилизация — из оставшихся в РФ 720 кг нефти на душу уже около трети сгорает на шоссе и в автомобильных пробках. Газа для удовлетворения внутренних потребностей России уже сейчас не хватает — но начали строить новые газопроводы за рубеж.

Вот сообщение прессы: «Как сообщил вчера в Госдуме замминистра промышленности и энергетики Иван Матеров, с 2001 по 2005 год Россия увеличила экспорт сырой нефти в Европу более чем в полтора раза — со 144 до 256 млн тонн. Одновременно экспорт угля в Европу увеличился с 44 до 72 млн тонн, а поставки нефтепродуктов

выросли с 63 до 78 млн тонн» («Газета». № 29 от 21.02.2006). А Министр промышленности и энергетики РФ В. Б. Христенко заявил в 2006 г.: «Россия — страна с рыночной экономикой, и российский рынок — составная часть глобального рынка. Интеграция России в новую мировую экономическую систему практически состоялась. К этому можно относиться различным образом, главное — не забывать, что интеграция стала реальностью... Согласно имеющимся прогнозам, мировое энергопотребление может возрасти в ближайшие 15 лет на треть. Россия занимает особое место среди поставщиков энергии с точки зрения объемов, запасов, географии и надежности поставок... В целом прогнозируется увеличение доли стран Азии в российском экспорте нефти с сегодняшних 3 % до 30 % в 2020 г. (рост объемов до 100 млн т) и природного газа с 5 % до 25 % (рост объемов до 65 млрд куб. м)» [185].

Возникла ситуация неустойчивого равновесия. РФ гарантирует надежность *поставок* нефти в Европу и Азию, и *уже объявленные обязательства* превышают объемы *добычи* нефти в стране. Что же останется для отечественного потребления? Возможности роста добычи нефти малы, т. к. сверхприбыли заставляют частные компании вести хищническую добычу, навсегда оставляя в земле 2/3 нефти. [111](#) Месторождения добывают, а новых не предвидится — с конца 80-х годов глубокое разведочное бурение на нефть и газ сократилось более чем в 5 раз и не увеличивается (рис. 16). Это обстоятельства неумолимые, порочный круг, в который нас загнала реформа 90-х годов.

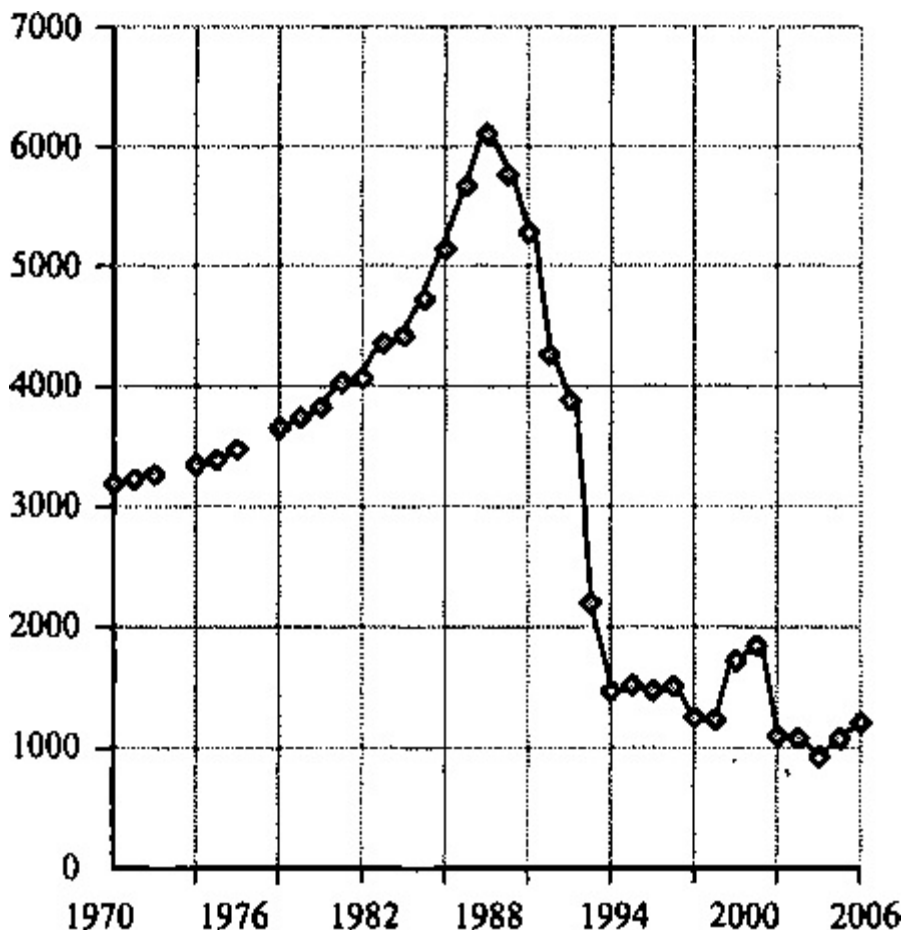

Рис. 16. Глубокое разведочное бурение на нефть и газ в РСФСР и РФ, тыс. м

Таким образом, намерение восстановить отечественное промышленное производство в России обоснованно рассматривается Западом как угроза поставкам российской нефти на внешний рынок. В риторике ряда западных политиков сегодня это приравнивается к акту войны против США и ЕС. В апреле 2007 г. сенатский комитет США по юридическим вопросам единогласно проголосовал за законопроект, запрещающий зарубежным государствам создавать нефтяные и газовые «картельные» организации по типу ОПЕК. Закон разрешит

администрации США преследовать правительства таких государств в судебном порядке.

В законопроекте сказано: «Незаконными и нарушающим требования настоящего акта будут коллективные или иные совместные действия в форме картеля или иной ассоциации... со стороны любого зарубежного государства, инструмента или агента любого зарубежного правительства по ограничению добычи или распределения нефти, природного газа или другого нефтепродукта, по установлению или сохранению цен на нефть, природный газ или иной нефтепродукт, а также по любым ограничениям на торговлю нефтью, природным газом или другим нефтепродуктом».

Итак, речь идет о принятии в США закона, запрещающего России: **ограничение добычи или распределения нефти и газа, установление или сохранение цен на нефть и газ, любые ограничения на торговлю нефтью и газом.** Это претензия на полное выведение нефти и газа из-под национального суверенитета России. Очевидно, что всякое увеличение потребления нефти и газа в отечественном производстве России приведет к нарушению этого закона.

Может ли Россия избежать перехода на инновационный путь развития? Ответить можно так: оставаясь «*страной Россия*», не может. Добычей природного сырья, как и собиранием кореньев, большой народ даже прокормиться не может, не говоря уж о том, чтобы содержать страну. Ему требуется свое **производство**, чтобы с помощью нефти и машин обрабатывать землю, выращивать культурные растения и их зеленым листом улавливать солнечную энергию, превращая ее в пищу и сырье. С. Подолинский подсчитал (1880), что устойчивым является такое хозяйственное развитие, при котором затраты одной калории вовлекают в оборот 20 калорий солнечной энергии (см. О.З.: История... разд. I, гл. 4). Растения Земли, поглощая бесплатную энергию Солнца, за **один год** превращают в глюкозу около 100 миллиардов тонн углерода из атмосферы. А нефти человечество добывает в 30 раз меньше — и то она стала дефицитной.

Иллюзия, что все население РФ сможет прокормиться в «энергетической империи», теплится потому, что мы живем еще на старых советских системах. Но они дышат на ладан. По мере истощения ресурса советских технических и социальных систем доля населения, которая сможет кормиться от продажи сырья, будет уменьшаться, остальные будут перебираться в «цивилизацию трущоб». Это будет означать окончательный распад нации, и проблема выбора отпадет сама собой.

Выжить в «глобальной рыночной экономике» даже в положении аутсайдера можно лишь в том случае, если хозяйство обеспечивает прибыль, превышающую определенный уровень. Население регионов, где этот уровень не достигается, называют *«общность, которую не имеет смысла эксплуатировать»*. В России в силу географических и климатических условий капиталистическая рента была всегда низкой. Это — фактор неустранимый, и «рынок» сократит население бывшей России до экономически оптимального размера (называются разные величины, но не более 50 млн человек).

Каков типичный результат «сырьевой» экономики за 90-е годы? В РФ сократились посевные площади на 42,3 млн га. Более чем на треть! Нет солянки для наших крестьян, нет для них и удобрений. Это катастрофическое сокращение использования двух главных бесплатных ресурсов — земли и солнечной энергии. Россия откатилась от земледелия к выковыриванию из земли того, что природа накопила для всех будущих поколений нашего народа. Сегодня население России напоминает коллективного алкоголика, который при голодных детях тащит из дома последнее имущество. Соответственно идет и сокращение населения.

Но переход к инновационному «пути развития» при нынешнем социальном и экономическом порядке в принципе невозможен. Он требует столь глубокой трансформации общества, что по сути означает *революцию*. Индустриализация, широкомасштабная научно-техническая деятельность и новаторство возможны лишь на фоне общего улучшения жизни населения и оптимистических ожиданий —

при отсутствии «социальных страхов».

Нам знакомы две больших программы инновационного развития — западная и советская. Пружины подобных программ Японии и Китая нам известны хуже. На Западе мотором программы был индивидуализм предпринимателя, который видел в новаторской организации производства и в накоплении денег выполнение *Призвания*, способ служения Богу. Успех в этом деле измерялся на рынке в денежной форме, но это была именно *внешняя* форма. Предпринимателем двигала протестантская этика. В России и СССР мотивы были иными, но столь же высокого накала. Об этих мотивах — особый разговор. Но опыт показал, что стабильного инновационного процесса как *большой системы* в условиях нынешней РФ не складывается. Значит, надо менять условия! Порочные круги надо разрывать, как это ни трудно.

Рассмотрим внутренние препятствия к такому переходу, отвлекаясь от прямого давления внешних сил. В аналитических целях можно применить абстракцию и на первой стадии не включать этот важный фактор в рассмотрение.

Культурный кризис

Как могло российское общество принять саму доктрину реформы 90-х годов, которая перевела страну на «сырьевой» путь развития? Ведь для этого требовались культурные предпосылки. Это — большая тема, тут корни нашего нынешнего кризиса, еще плохо исследованные. Здесь отметим одну вещь — утрату того представления об источнике материальных благ, которое до 70-х годов неявно господствовало в массовом сознании. Это было представление, типичное для традиционных обществ, в нем природа (Космос) была *домом*, а человек — ответственным *хозяином*. Здесь экономический взгляд был переплетен с экологическим.

Но это было именно неявным знанием, и оно постепенно сдавало

позиции другому взгляду — *политэкономическому*. В нем экономика и экология разведены, Природа в политэкономии не «субъект» хозяйства, а лишь инертное тело, из которого можно выкачивать сырье. Когда в СССР сошло со сцены старшее поколение, политэкономия вычистила остатки старого мышления. Единственным критерием для экономики стала прибыль. Из чего она извлекалась, было неважно. Как только удалось ликвидировать государственное планирование, которое исходило из необходимости вести целостное народное хозяйство, новые собственники бросили производство и кинулись за *добычей*. Они стали тратить достояние потомков — выкачивать из земли нефть и газ для «мирового рынка».

Поворот в сознании выразился в языке. Раньше в русском языке четко разделялись понятия *производство* и *добыча*. В производстве человек создает новое, частицу мира культуры. При добыче человек изымает из природы то, что она создала без усилий его рук и ума. Поэтому говорилось «производство стали», но «добыча нефти». Когда старое мышление было отброшено, стали говорить «*производство нефти*». Важнейшее мировоззренческое различие было стерто. Инновационный и сырьевой тип экономики стали почти неразличимы. Это был важный сдвиг в общественном сознании.

На первый взгляд может показаться, что мировоззрение и экономические теории не играют особой роли в судьбе страны, но это неверно. «Путь развития» должен быть легитимирован культурой. Если мы не видим разницы между получением денег от производства и от добычи, если одобряем «прибыль сегодня» как высший критерий политики, то призыв к восстановлению производства не будет принят обществом. Инерция в мировоззрении укрепляет инерцию «сырьевого пути».

Приравнивание добычи к производству уже глубоко вошло в сознание. Даже экономисты оппозиции приняли этот язык и говорят о том, что надо изъять в пользу общества у олигархов «*природную ренту*». Но прибыль от месторождений нефти нельзя считать *рентой*, ибо рента — это регулярный доход от *возобновляемого* источника.

Земельная рента создается трудом земледельца, который своими усилиями соединяет плодородие земли с солнечной энергией. По человеческим меркам это источник неисчерпаемый.

С натяжкой, природной рентой можно считать доход от рыболовства — если от жадности не подрывать воспроизводство популяции рыбы. Но доход от добычи нефти — не рента, ибо это добыча из *невозобновляемого* запаса.

Английский экономист А. Маршалл в начале XX в. писал, что рента — доход от *потока*, который истекает из *неисчерпаемого источника*. А шахта или нефтяная скважина — вход в *склад* Природы. Доход от них подобен плате, которую берет страж сокровищницы за то, что впускает туда для изъятия накопленных Природой ценностей. В 90-е годы этот страж впустил в сокровищницу России расхитителей. И проблема вовсе не в том, как разделить доход. Нефть для народного хозяйства — это жизнь для народа России, ибо при замене лошади трактором нефть многократно окупается фиксацией энергии Солнца. Изъятие нефти для мирового рынка — это, после некоторого предела, угасание России.

Как мы видели в последние три года, изъятие «нефтяной ренты» в виде налогов и платы за лицензии мало что изменило в положении России. Да, государство получило очень много денег — но где они? Деньги за нефть приходится оставлять на Западе и тратить на потребление, а не вкладывать в отечественное хозяйство. Дело в том, что каждый вложенный в России доллар оживит какое-то производство, а оно потребует расходов энергии. Это ставит под угрозу способность России гарантировать бесперебойные поставки нефти и газа, что для Запада недопустимо. Вот и приходилось Грефу изобретать фантастические оправдания того, что экономику страны правительство держит на голодном нефтяном пайке, а нефтедоллары «стерилизует» в Стабилизационном фонде.

Но этого ни власть, ни общество как будто не замечают. Аутизм общественного сознания в РФ — фундаментальное препятствие для перехода к инновационному пути развития. Поскольку строительство

«общества знания» есть, прежде всего, строительство ядра когнитивной системы общества, здесь — важнейшее исходное условие при проектировании этого строительства.

Вторая сторона нашего кризиса — тяжелая *культурная травма*, которую пережило все население при разрушении советского жизнеустройства и расчленении страны. Следствием стала демографическая катастрофа (рис. 17).

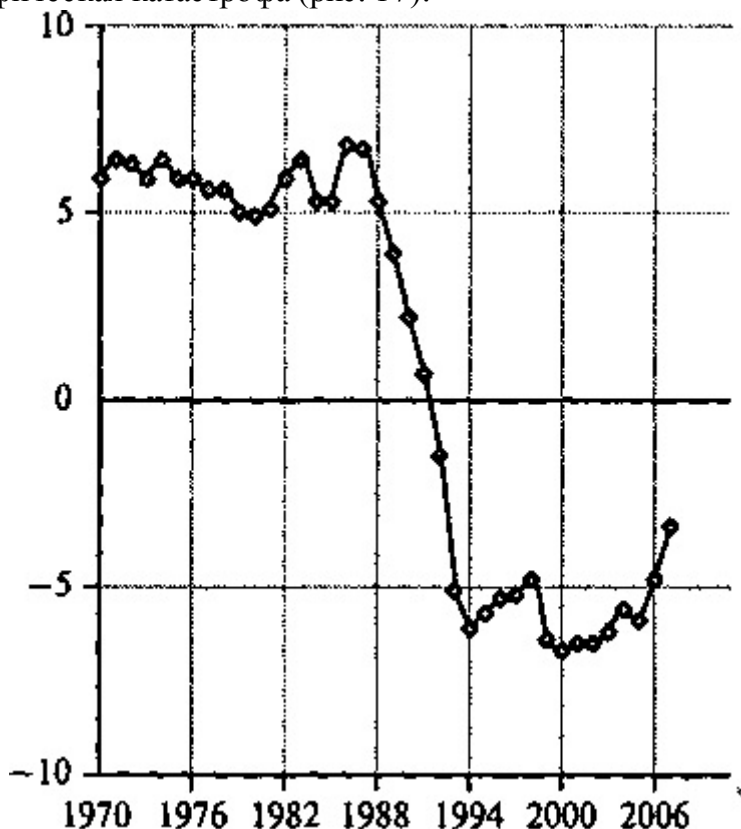

Рис. 17. Естественный прирост (убыль) населения РСФСР и РФ с 1970 г. (на 1000 человек)

Переход от стабильного прироста к стабильному вымиранию — результат изменения *пути развития России*. Изменить это при помощи косметической коррекции невозможно, требуется принципиальная смена *вектора*. Инновационный тип хозяйства

возможен только при спокойной уверенности людей, соединенных в сложной совместной работе — в «обществе знания», границы которого совпадают с национальными границами. Ученый, инженер, рабочий и множество других работников должны иметь высокую мотивацию, ее не заменить ни рублем, ни страхом. Создать условия для этого — трудное дело, и пока нет признаков поворота к нему.

Почему так высока смертность мужчин трудоспособного возраста? Почему такой уровень пьянства, такой всплеск числа разбоев и грабежей, такая аномально высокая доля детей, родившихся вне брака? В 2005 г. на конференции «Медико-социальные приоритеты сохранения здоровья населения России в 2004-2010 гг.» директор ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, бывший министр здравоохранения РФ Т. Дмитриева сообщила, что уровень психических расстройств с начала 1990-х годов увеличился в 11,5 раз. Растет и смертность, и тяжелая заболеваемость, связанная с психическими расстройствами. В частности, 80 % инсультов в стране происходит на фоне депрессий. Все это — признаки тяжелой духовной болезни.

Чтобы совершить переход к инновационному развитию, надо сначала произвести *реабилитацию* всего общества, устранить источники стрессов, успокоить людей. Происходит же обратное, нам все время пророчат экономические и социальные потрясения, от которых обывателю некуда спрятаться. То надо устраивать ТСЖ и отдавать дом в руки каких-то неведомых компаний, о которых тут же говорят, что это жулики. То сообщают о планах ввести обязательное страхование жилья в размере 3 % его рыночной стоимости, то намекают, что в Пенсионном фонде нет денег, что стариков в России переизбыток и молодые не желают их «кормить». Телевидение, в том числе государственное, целенаправленно задает в обществе очень высокий уровень нервозности. На инновационном развитии это ставит крест.

Культурный кризис подавляет творческие импульсы. Признаком этого служат снижение квалификации работников, ориентация на

«легкие» деньги, низкий престиж тяжелого непрерывного труда, увлечение дешевой мистикой. А со стороны государства и «собственников» — низкий уровень инвестиций в науку и техническое творчество. Даже, можно сказать, общая неприязнь к *производству*. Правящий слой всей душой тянется к торговле, финансам и праву.

За 90-е годы разрушена большая система, в которой и существует инновационный процесс. Не деньгами он жив, а людьми. Взглянем снизу: очень большая доля фундаментальных открытий, порождающих инновации, берет начало от *рабочих*, замечающих аномалии в поведении материала или в ходе технологического процесса. В советской системе рабочие сообщали о своих наблюдениях инженеру, в БРИЗ (бюро рационализации и изобретательства), работникам отраслевого НИИ, посещающим завод. Через них импульс шел в НИИ АН СССР, отсюда приезжали посмотреть на аномалию — и по той же ткани человеческих и институциональных отношений шел обратный поток инновации. Сейчас вся эта ткань изорвана в клочья, многих ее кусков вообще нет. Так, разрушена система подготовки квалифицированных промышленных рабочих — для всей химической промышленности РФ в 2005 г. система профессионально-технического обучения подготовила 600 рабочих.

Более того, общество вообще потеряло интерес ко всему этому. Скажите «Стаханов» — и в ответ равнодушие или смех. Неинтересен сам факт, что этот шахтер сделал важное открытие, выразил его в простых словах и произвел инновационный проект, позволивший ему выполнить в забое 14 норм (см. О.З.: История... разд. II, гл. 1). Освоение принципов этого проекта, даже его философии, стало основой стахановского движения. Спросите сегодня молодого рабочего, близко ли ему это?

Инновационный тип хозяйства возможен только при коллективном духовном подъеме людей, соединенных в сложной, высокоорганизованной совместной работе. Вызвать такой подъем — исторический вызов для нынешнего поколения, и надо ему

соответствовать уровню мысли, способностью верно оценить структуру и масштаб вызова.

Главным двигателем развития инновационная деятельность может быть лишь в том случае, если научное сообщество и инженерный корпус становятся частью национальной *элиты* — как в системе статусов, так и по материальным стандартам жизни. При этом важен не столько абсолютный уровень потребления, сколько ранг в шкале статусов. Именно так происходило ускоренное научно-техническое развитие в СССР до 70-х годов. Как только статус научно-технической интеллигенции относительно понизился, произошло ее «отщепление» от государства, что во многом предопределило поражение СССР в холодной войне. Пока что такого явного раскола между интеллигенцией и государством в России нет потому, что велика инерция овладевшей умами интеллигенции либеральной утопии. Этот ресурс близок к исчерпанию.

В действительности положение в этом плане является критическим, поскольку снижение статуса интеллигенции в России приобрело абсолютный характер — большая ее часть живет за чертой бедности или *прошла через бедность* в 90-е годы, сохранив шрамы культурной травмы. В этих условиях побудить людей к творческому труду и инновациям на принципах рыночной экономики невозможно. Могут быть лишь точечные акции купли-продажи ресурсов (изобретений, технологий и т. д.), добытых из старых советских запасов. Стабильного инновационного процесса как *большой системы* обеспечить нельзя, не «сведя счеты» с 90-ми годами. Следовательно, при «инновационном» варианте развития в условиях рыночной экономики в число необходимых мер надо включить программу психологической реабилитации работников.

Более того, для России, в отличие от стран с протестантской культурой, важно не только благополучие (пусть и весьма скромное) непосредственных участников инновационного процесса, но и бедной части населения. «Жизнь ближнего» в гораздо большей степени влияет на восприятие качества *собственной* жизни, нежели на Западе.

Поэтому возникает сложная социальная проблема быстрого сокращения разрыва в доходах крайних групп населения. Но даже в СССР, при гораздо более уравнительном укладе, приходилось «экранировать» научно-технических работников от общих социальных проблем — созданием наукоградов и введением особой сетки обеспечения в столицах. Однако в нынешней ситуации этих мер будет недостаточно, поскольку разрыв в доходах и уровне потребления слишком велик. Создание анклавов высоких технологий с искусственно высоким уровнем потребления должно быть морально оправдано, но это возможно только в общем мобилизационном проекте, сама идея которого настолько противоречит либеральным политическим установкам, что даже не обсуждается.

Решение этой проблемы в среднесрочной перспективе (на этапе выхода из кризиса) требует серьезных корректив в общей социальной и экономической политике.

Инерция регресса больших систем

В 90-е годы Россия пережила революцию регресса. Подверглись демонтажу, расхищению и деградации без надлежащего ухода все большие, массивные системы, на которых стоит и воспроизводится страна — материальные и духовные. К ним можно отнести такие разнородные системы, как кадровый потенциал, основные фонды, техническая база производства, каналы коммуникаций, тип рациональности.

Расчленение СССР и приватизация парализовали хозяйство. Самое тяжелое последствие этого паралича — не столько спад текущего производства, сколько подрыв цикла *воспроизводства*. В 1996 г. рынок всех «инвестиционных продуктов» (материалов для капитального строительства и оборудования) сузился до 10 % от уровня 1991 года. А ведь в 1991 году уже состоялся спад инвестиций, после того, как план капитального строительства 1990 года был

выполнен на 30%. Капиталовложения в АПК в последние годы примерно на два порядка меньше, чем были в 1988 г., а ведь то, что вкладывалось тогда, лишь поддерживало стабильное производство с небольшим ростом.

Глубина кризиса выражается тем фактом, что за первые 10 лет реформы на поддержание очень скудного жизнеобеспечения страны (и потребления новых собственников) были истрачены беспрецедентные в мировой истории средства: экономия от прекращения гонки вооружений и войны в Афганистане; экономия от прекращения крупных инвестиционных проектов; почти все капиталовложения в промышленность, АПК и транспорт, которые составляли до 1988 г. огромные суммы; экономия от свернутых социальных программ; изъятые у населения сбережения в сумме 450 млрд долл.; экономия от резкого снижения уровня потребления 90 % населения. Кроме того, был истрачен весь золотой запас страны, а также сделаны внешние долги на 150 млрд долларов. Сумма этих средств является мерой тех потерь, которые понесло народное хозяйство и которые должны быть восполнены в ходе *восстановительной программы*.

Следует предвидеть, что восстановление производства в рамках *рыночного* хозяйства будет намного дороже, чем в рамках *планового*. Так, при добыче нефти в государственном концерне в 1988 г. на одного работника приходилось 4,3 тыс. *т* добытой нефти, а в частных компаниях в 1998 г. — 1,05 тыс. *т*. Издержки производства в России даже при очень низких расходах на зарплату возросли настолько, что надежды на большой рост инвестиций в нынешней хозяйственной системе несостоятельны. Переток капитала в сферы более выгодного вложения, в том числе за рубежом, — фундаментальный закон рынка. *Контролируемый* изоляционизм России и государственная защита внутреннего рынка — неизбежная мера в среднесрочной перспективе. Осуществить даже восстановительную программу невозможно как при полной открытости России, так и при ее полной изоляции.

Видимо, быстрого изменения этой ситуации не произойдет даже в

том случае, если будут внесены коррективы в экономическую политику России и страна будет в оптимальной степени «закрыта» от внешней конкуренции за рынок товаров и капиталов. Слишком много образовалось дыр, которые предприятия должны залатать в первую очередь.

Поэтому можно предвидеть, что расходы на первую серию крупных инновационных программ будет нести в основном государство, которое затем сможет передавать созданные в этих программах технологии для использования предприятиям с разной формой собственности. Привлечение частного капитала к финансированию программ на их все более ранних стадиях будет происходить постепенно, по мере «обучения». Чтобы разорвать порочный круг отсутствия платежеспособного спроса, государству придется сделать первый шаг (как говорил Рузвельт, «заполнить насос водой»).

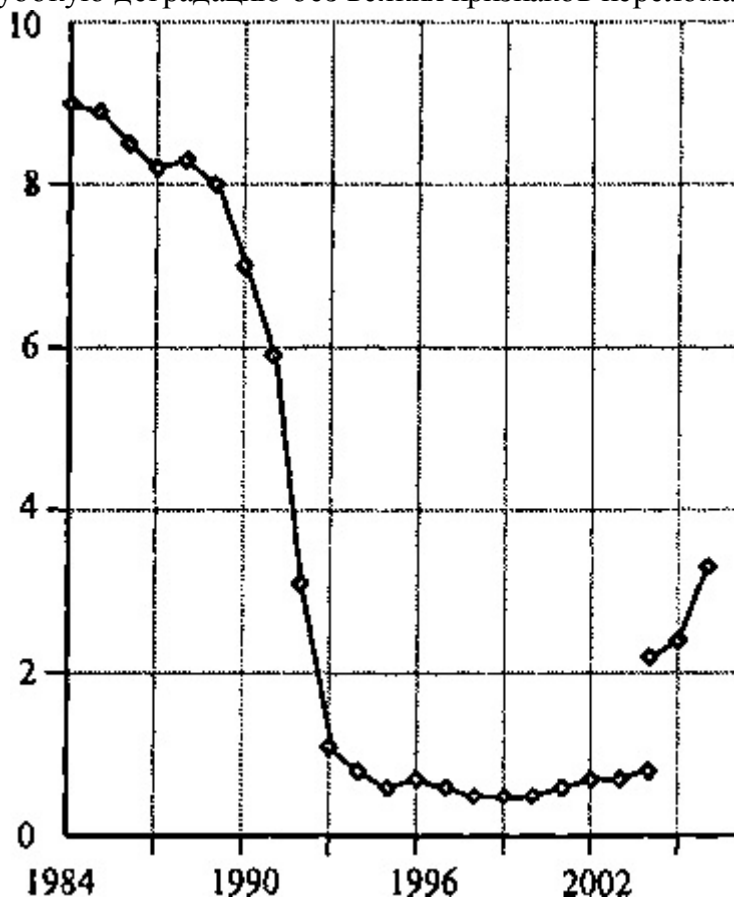
К середине 90-х годов маховик разрушения набрал большую инерцию, и хотя после 2000 г. предпринимаются меры к его торможению, он отнюдь не остановлен — не были блокированы движущие его силы. Их действие и продолжает быть фундаментальным препятствием для перехода к инновационному развитию. Вот простой пример — модернизация животноводства. Согласно национальному проекту, крестьянам выделяются льготные кредиты на покупку племенного скота. Величина их ничтожна, за 2004 г. поголовье крупного рогатого скота убавилось на 1,95 млн голов, а национальный проект выделяет кредиты для покупки «50 тысяч голов за год».

Но ведь именно племенной скот и был вырезан в России за последние 15 лет, остались неприхотливые буренки на подворьях. Как сказано в докладе Минсельхоза РФ, «доля племенного скота в общем поголовье молочного и мясного скота в 2006 г. составила 6,1 %». А в 1962 г. она составляла 8 % и к 1985 г. была доведена в колхозах и совхозах (где пребывало более 80 % всего стада) до 49 %. Половина стада была *чистопородной*, а породный скот в колхозах и совхозах

составлял в 1985 г. 99,8 %!

Реформа создала условия, при которых содержание высокопродуктивного чистопородного скота неприемлемо убыточно. Разве причины этого устранены? Разве сокращение поголовья скота прекратилось в 2005-2007 гг.? В том-то и дело, что нет (см. рис. 4). Устранение этих причин и стало бы национальным проектом, необходимым к переходу животноводства в России на инновационный путь.

Положение с обновлением других основных фондов сельского хозяйства столь же неадекватно требованиям модернизации. Мы видим глубокую деградацию без всяких признаков перелома (рис. 18).

Рис. 18. Коэффициенты обновления основных фондов в сельском хозяйстве РСФСР и РФ — ввод в действие основных фондов (без скота) в процентах от наличия основных фондов на конец года, в сопоставимых ценах[112](#)

Деградация технической базы в земледелии выражается в быстром сокращении парка основных машин и увеличении нагрузки на трактор (притом предельно изношенный). Это — одна из причин выведения из хозяйственного применения и ухудшения качества земли, главной части основных фондов. Нагрузка на трактор достигла в 2006 г. 187 га пашни (5,3 тракторов на 1000 га пашни), а если бы землю не выводили из оборота, то она составила бы уже более 200 га. В норме при «рыночном» сельском хозяйстве, которое предполагается создать в России после ликвидации колхозно-совхозной системы, в европейских условиях требуется около 120 тракторов на 1000 га пашни. Например, в ФРГ в 90-е годы реально имелось 180-190 тракторов на 1000 га пашни — **в 33 раза** больше, чем в России. Можно ли преодолеть такой разрыв на «рыночных» основаниях? Нет, имитация убивает инновации. Именно развитие колхозно-совхозной системы было *инновационным* путем, а проект «*фермеризации*» — регресс.

Надо трезво признать, что создать современное сельское хозяйство в рамках «рыночной» доктрины Россия не сможет. Для этого сейчас пришлось бы купить 16 млн тракторов (на те 134 млн га пашни, которой располагала РСФСР в 1986 г.). Это стоило бы около 600 млрд долларов. И ведь тракторы — лишь часть всей материально-технической базы фермы! При этом фермеры потребуют бюджетных дотаций, как на Западе — около 100 млрд долларов в год. Здесь опять мы имеем неумолимую дилемму: или восстановление и модернизация колхозно-совхозной системы с фермерской надстройкой — или архаизация российского сельского хозяйства.

Но это — только пример. Со всеми большими системами дело обстоит примерно так же: деградация продолжается, и существенных изменений ее динамики нет. В России практически полностью свернуто производство металлорежущих станков, а закупает их за

рубежом она в 70 раз меньше, чем Китай. На рис. 19 показана динамика старения промышленного оборудования. Это — процесс массивный, небольшие вложения средств, как, например, предусмотрено в национальных проектах, переломить его не могут. Они *несоизмеримы* с масштабом провалов.

Так же обстоит дело и с главными системами жизнеобеспечения. Так, в 1999 г. была перейдена пороговая точка в динамике ветшания жилищного фонда РФ (см. гл. 12 настоящей книги). С городской инфраструктурой (теплосети, водопровод и канализация) положение не лучше. Большая часть их мощности выработала свой ресурс, но ни капитального ремонта, ни прокладки новых сетей практически не ведется. Проблема настолько запущена, что никто не желает за нее браться, расходы на то, чтобы закрыть пятнадцатилетний провал, просто неподъемны.

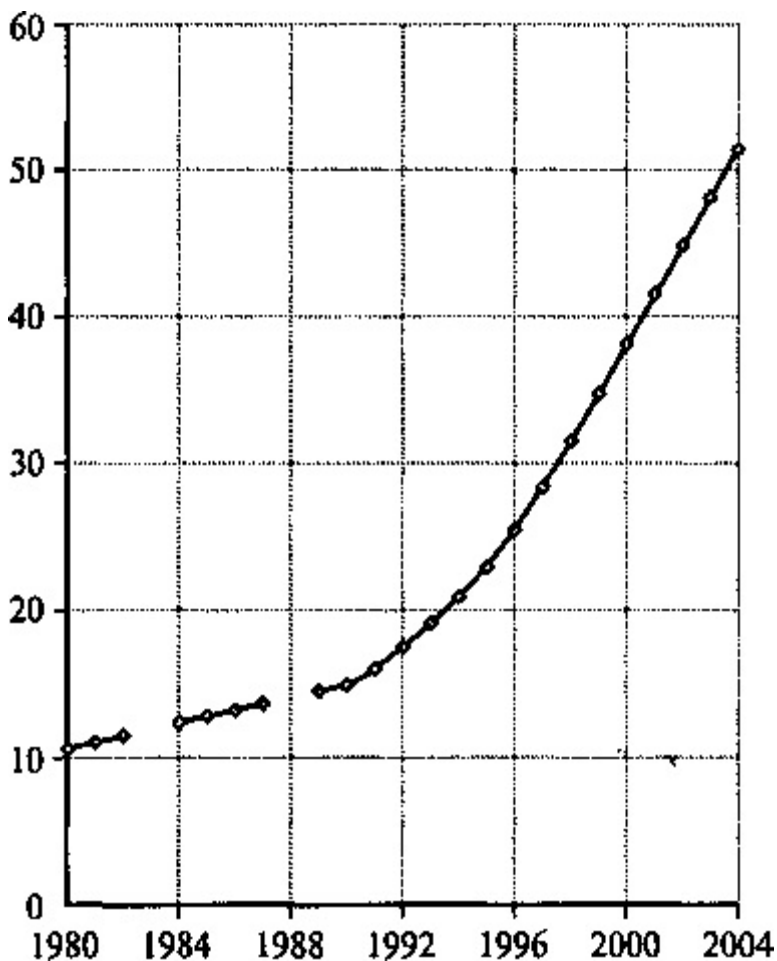

Рис. 19. Доля производственного оборудования в промышленности РФ, имеющего возраст более 20 лет, % (после 2004 г. этот показатель не публикуется)

В этих условиях для перехода к инновационному пути развития необходимо кардинальное изменение всех сторон общественного бытия. А это и есть *революция* в широком смысле слова. В России еще есть достаточно материальных и культурных ресурсов, чтобы осуществить ее как национальный проект, а не столкновение антагонистических социальных сил.

Заключение

Тенденции для перестройки хозяйства РФ на инновационных принципах в целом *неблагоприятны*. «Тяжелые», инерционные процессы изменений основных ресурсов, необходимых для такой перестройки, пока что направлены в сторону ухудшения, деградации этих ресурсов. Положение осложняется тем, что органы управления лишились индикаторов, позволяющих оценивать ситуацию и тенденции ее изменения. Используемые по инерции индикаторы, унаследованные от советской системы, неадекватны.

Пока что нет и явной потребности власти в достоверных индикаторах. Любые индикаторы, описывающие состояние и развитие сложной системы, выбираются целенаправленно. Разработка индикаторов и сбор информации (измерение тех параметров системы, которые служат индикаторами) — дорогой процесс. Реально эту работу ведут только в том случае, если известна доктрина политики государства. Если же не поставлена цель и нет доктрины, нет «алгоритма принятия решений», то реально индикаторы не нужны. Если больного не собираются лечить, то ему не будут делать дорогих анализов. Для целей имитации управления и принятия решений существующие индикаторы служат вполне удовлетворительно, к ним можно еще набрать целую кучу из методик ОЭСР, ННФ США и т. д.

Возможен ли рывок из этого состояния? Да, возможен — его наш народ совершил в 30-е годы, потому и победили в войне. Это была особая культурная и хозяйственная революция. Запад совершил подобный переход за два века, Япония и Китай за 2-3 десятилетия. Теперь мы пережили «революцию регресса», и надо наверстывать.

При оценке перспектив и сравнении альтернатив развития надо исходить из неоспоримого факта, который состоит в том, что в рамках того же природного ландшафта и с теми же базовыми ресурсами всего двадцать лет назад Россия в облике СССР была экономически мощной мировой державой. Следовательно, Россия обладает

«невидимыми» ресурсами, которые были активизированы при инновационном развитии в условиях СССР, но «омертвлены» в результате реформы. Задача — выявить их и «оживить» в новых условиях, при необходимости преодолевая наложенные этими «новыми условиями» ограничения.

Глава 21 Наука в проекте строительства «общества знания»

Данная книга — не пособие по разработке конкретной политики в строительстве нового «общества знания», такая разработка — дело большого коллектива «социальных инженеров». Мы говорим о *векторе* и о *контурах* такой политики, как они видятся с высоты опыта Запада, тяжелых уроков реформы 90-х годов и нового анализа советского «общества знания», на руинах которого предстоит вести строительство.

Наука — ядро современного «общества знания», она обеспечивает образование обновляющимся запасом знаний, она задает новый тип и новую технологию коммуникаций, распространяющих знания, она и сохраняет испытанные временем инструменты рационального мышления и познания от ударов периодических кризисов мировоззрения (типа волны постмодернизма или суеверий). Разработка проекта нового «общества знания» сразу же столкнется с необходимостью подвести итог реформам российской научной системы, сформулировать принципы научной политики государства на предстоящий период и предложить альтернативные стратегии, отвечающие высшим целям государства и возможные в рамках непреодолимых ограничений. Выскажем ряд общих суждений, сложившихся в ходе данного исследования.

Выбор доктрины второго этапа реформы российской науки — после 2000 года — настоятельно требовал *диалога* власти с научным

сообществом. Варианты проведения реформы в науке, во всей их сложности и противоречивости, следовало открыто предъявить научному сообществу как ответственной и рациональной аудитории. Надежды на то, что реформу можно успешно провести без согласия и даже без диалога с учеными, несбыточны. Такого диалога не состоялось до настоящего времени. Для него не было ни площадки, ни формата, ни реальной повестки дня, ни наделенных полномочиями и авторитетом «делегаций» с обеих сторон. Дело ограничивалось протокольными встречами, короткими репликами и подготовленными анонимно решениями правительства, которые не только не выносились на обсуждение, но и не предполагали вопросов.

Отказ от диалога на первом этапе привел к тому, что научная политика правительства воспринималась научным сообществом как направленная на *демонтаж* национальной системы науки с ориентацией на импорт технологий. Это создало разрыв между научной средой и органами управления наукой, а также вызвало дезориентацию значительной части ученых, особенно молодых.

На основании опыта последних 20 лет следует сделать общеполитический вывод в отношении науки: успешное проведение следующего этапа реформы настоятельно требует принципиального изменения характера отношений правительства и Президента с научным сообществом. Надо определенно выявить главные несоответствия между декларациями и политической практикой прошлых лет и отказаться от многих прежних установок.

Уклоняться от дальнейшей реформы, пытаясь «сохранить» остатки советской системы, и нежелательно, и невозможно. Главная причина — не в нехватке финансовых средств для содержания старой системы, а в том, что она не соответствует ни характеру реально вставших перед наукой новых задач, ни типу складывающегося в ходе реформы общества и государства. «Точка возврата» пройдена в середине 90-х годов. Остатки старой системы могут быть *на какое-то время* «законсервированы» в недееспособном, реликтовом состоянии, но затягивать это состояние значит обречь отечественную науку на

гибель через застой и угасание. Это было бы безответственно.

Положение научной системы является *критическим*, самопроизвольных тенденций к его улучшению не возникает. Инерция угасания и распада велика, самоорганизации осколков прежней системы в способные к выживанию и развитию структуры не происходит. Таким образом, научная политика государства должна стать *активной*. Вывод из полученного в ходе реформы опыта таков: от ориентации на стихийные механизмы самоорганизации и конкуренции необходимо переходить к активной государственной политике реформирования всей научной системы, ее экономической, кадровой, технологической и структурной составляющих.

Доктрина первого этапа реформы в науке была задана общими целями социально-экономического переустройства России. Лес рубят — щепки летят, и наука была одной из щепок. Поэтому теоретическое обоснование той доктрины никого не волновало и смысла не имело. Переходить к новому этапу, если всерьез ставится цель спасения научной системы и вывода ее из кризиса, невозможно без пересмотра исходных фундаментальных положений прежней доктрины.

В последние годы по ряду показателей намечилось улучшение состояния экономики России. Но эти показатели отражают подвижные, даже во многом внешние процессы. В отношении же глубинных и наиболее инерционных процессов можно утверждать, что даже страна по инерции будет еще значительное время находиться на траектории регресса и сокращения возможностей. На этой траектории вся научно-техническая политика должна быть кардинально отлична от той, которая уместна на ветви развития и роста.

Вообще, процесс регресса и демонтажа большой научной системы (СССР был великой научной державой) не имеет исторических precedентов и является неизученным (как и многие другие процессы в ходе деиндустриализации). Научные коллективы, которые могли бы «сопровождать» реформу, изучая порожденные ей процессы в науке, после 1991 г. распались, были ликвидированы или ушли в тень. Сегодня деидеологизированное изучение того, что произошло с

наукой России — необходимая работа, имеющая общее значение. Был проведен огромный, небывалый в истории эксперимент, он на время приоткрыл важнейшие пласты знания о науке и ее месте в обществе. Нельзя допустить, чтобы это знание было потеряно — оно представляет большую ценность для мировой науки, а для России чрезвычайную практическую ценность.

Уже в конце 1991 года можно было видеть, что вся концепция реформы науки исходила из ложных абстрактных представлений о социальных функциях науки даже вообще, вне времени и пространства. Между тем, переходные состояния, а тем более системный кризис являются в истории любого общества *чрезвычайными* периодами. В это время решения в государственной политике принимаются исходя из конкретных критериев, совершенно отличных от тех, которым следуют в периоды стабильности или процветания.

Но и сейчас положение в концептуальном плане неудовлетворительно. Большинство документов, относящихся к доктрине реформирования науки в нынешней России, отражает огромную инерцию «советского мышления», сложившегося в условиях исключительно стабильной, «бескризисной» системы. Так, наука, как правило, и сегодня рассматривается в основном как фактор *экономического роста и процветания*.

На деле в любой ситуации всегда действует два *типа* научных программ (и два типа научной политики — включая ее институты, язык, критерии и т. д.):

- 1) наука как фактор роста и процветания;
- 2) наука как фактор предотвращения ущерба и условие выживания (страны, общества, государства, граждан и т. д.).

В условиях стабильного развития второй тип науки менее заметен и часто недооценивается (так и было в СССР с конца 70-х годов). Сегодня этот второй тип должен был бы занять *главенствующее* положение, но этого не произошло. В ходе разработки проекта «общества знания» отдельной задачей будет исправить это положение — сначала в сознании политиков, а затем и в реальной политике. Чтобы

объяснить суть «второй» науки (*науки ради безопасности*), в проекте надо будет изложить ту новую систему *рисков* и *опасностей*, которая сложилась в России.

В отличие от «науки как фактора процветания», которая в большой степени может быть заменена импортом технологий, «вторая» наука может быть только *отечественной*. При всей ценности международного сотрудничества, заимствования технологий и экспертного знания, все эти ресурсы не могут заменить деятельности достаточно большого и структурно полного сообщества отечественных ученых, так как система опасностей у нас *своя*, в целом уникальная.

Приоритеты научно-технической политики

Поскольку надежды на быстрое преодоление кризиса и включение России в «клуб развитых стран» не сбылись, необходимо готовить все системы жизнеобеспечения страны к довольно затяжному и трудному переходному периоду. Таким образом, возникает необходимость пересмотра приоритетов научно-технической политики. В «Концепции реформирования российской науки на период 1998-2000 гг.» было сказано: «Основная задача ближайших лет — обеспечение необходимых условий для сохранения и развития *наиболее продуктивной* части российской науки». Такая постановка основной задачи предполагала, что Россия, перейдя к селективной стратегии развития, усилит те научно-технические направления, в которых отечественные организации могут достичь мировых стандартов и создать конкурентоспособный на мировом рынке инновационный продукт. За счет доходов от продажи отечественных технологий и наукоемких товаров можно будет импортировать те технологии и товары, которые ранее производились на базе отечественных технологий более низкого качества.

Видимо, обеспечить такой тип интеграции в среднесрочной

перспективе не удастся и, таким образом, Россия как в восстановительной программе, так и в развитии должна опираться в основном на отечественные технологии — оригинальные или адаптированные зарубежные. Следовательно, отбор научно-технических направлений и, соответственно, организаций, которым будут обеспечены условия для сохранения и развития, должен делаться не по критерию «продуктивности» или «конкурентоспособности», а по критерию *необходимости* создаваемой ими технологии для решения критически важных политических и социальных задач государства и общества.

Поскольку речь идет об использовании технологий и продуктов внутри России, критерий *конкурентоспособности* на мировом рынке, в общем, следует снять. В настоящее время имеет смысл экспортировать сложную продукцию только в том случае, если достигается большая экономия на масштабе (как, например, в случае оружия). Научная система России в состоянии создать некоторое число эффективных технологий с высокими главными функциональными качествами, но она неспособна предложить на мировой рынок такие технологии со *все*м набором качеств и быть конкурентоспособной. Надо расширять возможности международной кооперации в доведении российских разработок до конкурентоспособного на мировом рынке уровня, но пока они невелики.

Главный критерий оценки состояния науки сегодня — возможность ее *воспроизводства* (восстановления) после выхода из кризиса, а вовсе не ее способность «создавать конкурентоспособные технологии» уже сегодня.¹¹³ Сложность ситуации состоит в том, что в выборе решений приходится следовать двум разным группам критериев. С одной стороны, необходимо гарантировать сохранение «генетического механизма» науки России с тем, чтобы после преодоления кризиса она могла быть возрождена в необходимом объеме и с необходимой структурой. С другой стороны, как раз в течение критического переходного периода резко возрастает

необходимость в научном знании, добытом именно отечественными учеными — то есть, потребность в активно действующей, *актуальной* науке.

Между этими двумя задачами существует противоречие. Оно заключается в том, что эти задачи решаются по-разному и обе требуют значительных средств. Они конкурируют за ресурсы. Сохранение «генофонда», матрицы большой научной системы — задача *консервации*. Это требует снижения активных процессов, сокращения продуктивной деятельности, что можно уподобить анабиозу — эта часть науки должна впасть в спячку и «сосать лапу». Подлежат сохранению не обязательно наиболее продуктивные *сегодня* структуры, а те, которые легче переносят экстремальные трудности, сохраняя при этом культурный тип российской науки. Напротив, активно производить в нынешних условиях конкретные знания лучше могут менее живучие, временные группы и лаборатории, способные срочно мобилизовать весь свой ресурс, как в спринте.

Таким образом, на новом этапе реформы должны быть разработаны и реализованы две принципиально разные и конкурирующие за ресурсы программы (хотя некоторые блоки их будут совпадать и, в общем случае, таким «двоедышащим» программам при прочих равных условиях должен отдаваться приоритет):

- программа *консервации* большинства направлений и организаций с тем, чтобы они смогли при низком уровне обеспечения ресурсами пережить кризис и затем быть «оживлены» и быстро доведены до дееспособного состояния по мере накопления средств;
- программа *активизации* небольшого числа направлений и организаций, способных в ближайшее время создать целостные инновационные циклы с высоким экономическим или социальным эффектом.

Первая программа стихийно выполнялась и на предыдущих этапах реформы, однако ее эффективность может быть существенно повышена благодаря сознательной политике государства. Программы

создания Государственных научных центров (ГНЦ), Федеральных центров высоких технологий и пр. помогли сохранить целостность этих крупных организаций, которая сама по себе является большой ценностью. Однако в массе «организаций второго эшелона», не получивших статус ГНЦ, рассеяны лаборатории, представляющие совершенно необходимые для будущего оживления науки направления. Они программой поддержки небольшого числа организаций не спасаются.

К разработке образа «сохраняемой науки» надо идти «снизу» — от цели, функций и средств, а не от существующей системы. Все НИИ и все научные направления дороги, но в нынешнем виде сохранить их все невозможно. Получаемых наукой ресурсов для этого недостаточно, а резкого увеличения ожидать не приходится. Необходима структурная перестройка, в которой должна быть создана «спасательная шлюпка» (ковчег), на которой кризис переживут «зародыши» всех ключевых направлений, покрывающих фронт современной науки. Селекция научных направлений на «нужные и ненужные» неприемлема, наука действует как единый организм. Для любой крупной научно-технической программы (типа космической) требуется поддержка практически всего научного фронта.

Функциональная задача научных ячеек, которым «приказано выжить», — не экспансия в своей научной области, не получение выдающихся результатов за счет мощной коллективной работы. Задача — обеспечить присутствие малой группы российских ученых в мировом сообществе, разрабатывающем данную научную область. Они должны быть включенными в систему коммуникаций этой области, знать, что в ней делается, как эта область взаимодействует с остальной наукой, какую систему средств познания (факты, теории, методы) использует и какие новые идеи и концепции порождает. Чтобы добиться этого, группа (в пределе — *один* исследователь) должна работать на хорошем уровне и «быть вхожа» в передовые лаборатории мира.

Это трудно, прежде всего потому, что внутри России у такой группы не будет опоры на «критическую массу» понимающих коллег. Это будет искусственная, вырожденная система, которая сможет сохранить жизнеспособность только если наладит устойчивые рабочие контакты с зарубежными коллегами, причем контакты «у лабораторного стола», а не в зале конференций.

Совершенно другой облик будет иметь и научный центр, составленный из таких ячеек. Это будет лишь «крыша» для малых коллективов, не поддающихся иерархическому упорядочению и управлению, подчиняющихся научному авторитету зарубежных ученых советов скорее, чем своему собственному. Здесь желательно присутствие переменного контингента зарубежных ученых (пусть невысокого ранга), создающих ощущение включенности наших малых групп в мировую науку. Часть такого центра может быть «исследовательским парком», сдающим помещения и услуги в аренду малым коллективам, существующим на гранты и субсидии «выживания». В этой системе не будет ни возможности, ни необходимости расчленять целостные приборные системы и раздавать скудные запасы приборов и материалов по институтам.[114](#)

Создавать этот сравнительно новый для России тип научных учреждений надо было уже в начале 90-х годов, однако и сегодня эта задача актуальна. То же можно сказать и о создании системы наукоемких *малых предприятий*. Этого очень важного в науке структурного элемента не было в советской науке. Наиболее пригодным типом организации для таких предприятий являются частные фирмы, однако роль государства в их деятельности не просто велика — она целиком определяет успех. Именно действующие на базе государственных НИИ «инкубаторы» малых наукоемких фирм должны генерировать сеть этих предприятий, обучать предпринимателей и выполнять некоторые важные для них функции, которые сами они выполнять не могут. С этим опытом можно было ознакомиться и на Западе, и на Востоке.

В целом, наука России пока смогла пережить кризис. Она сильно

сократилась в масштабах, но сохранила структурные ячейки на большинстве направлений — в виде пусть непродуктивных, но способных к выживанию «спор». При выходе из кризиса «споры» должны быть оживлены. Но это произойдет лишь в том случае, если к этому государство будет сознательно готовиться.

Вторая программа — активизация ряда избранных научных направлений и проведения на их базе целостных целевых инновационных проектов с циклом «исследования — разработка — производство». Это должны быть проекты, способные быстро дать большой экономический и социальный эффект. Организация «потока идей» для таких проектов, создание адекватных критериев их оценки и процедуры отбора проектов — отдельная задача проектирования «общества знания».

При правильной организации дела главный смысл этой программы будет в том, что компактные вложения ресурсов позволят привлечь значительные количества ресурсов рассеянных и «дремлющих». Государственные средства здесь будут лишь системообразующим фактором для создания более широкой системы поддержки науки. Без успешных проектов уже невозможна мобилизация «разгосударствленных» средств в целях развития и даже сохранения науки.

Вызванные кризисом ограничения в количестве и качестве предоставляемых науке ресурсов, деформация структуры их потока, а также нанесенные реформой удары по науке как социальной системы привели к «омертвлению» значительной части научного потенциала страны, в том числе кадрового состава. Люди продолжают пребывать в науке, но в летаргическом состоянии. В действительности существуют латентные, структурно не оформленные социальные функции науки кризисного периода, для выполнения которых при активной политике могут быть использованы эти «дремлющие мощности». Требуется представление в явном виде и этих скрытых функций, и «дремлющих мощностей». Это смягчит противоречие между резким ростом в период кризиса потребности общества в

научном знании, ориентированном на изучение аномалий и деградации, и столь же резким сокращением научного потенциала.

Часть средств, отпускаемых на «вторую» программу, следует использовать для расширения фундаментальных исследований на тех направлениях, где советские ученые имеют ценный задел и могут обеспечить хорошие позиции СССР на мировом «научном рынке». Надо восстанавливать утраченные позиции и связи, а науке автаркия невозможна.

Однако в целом программа развития хозяйства на этапе выхода из кризиса будет, видимо, в основном опираться на оживление производства базовых продуктов массового производства с использованием существующих или почти готовых технологий (прежде всего в сельском хозяйстве как критическом факторе стабилизации и накопления средств). Основная масса технологий на среднесрочную перспективу должна заимствоваться и дорабатываться применительно к условиям России и быть предназначена не для получения новых «прорывных» продуктов, а для снижения издержек в массовом производстве средств жизнеобеспечения. Нанотехнологии расцветают, только когда под ними есть надежная индустриальная база и сельское хозяйство, достаточное для обеспечения продовольственной безопасности. При этом надо учитывать, что когда в полной мере начнет восстанавливаться хозяйство, Россия столкнется с дефицитом энергоресурсов. Программы их сбережения очень наукоемки, к ним надо начинать готовиться заранее.

На этом этапе повышение *наукоемкости* готовой продукции отечественного производства не может служить приоритетом. Напротив, в среднесрочной перспективе она будет относительно снижаться именно из-за расширения традиционного производства. Таким образом, главными критериями определения приоритетов при выборе инновационных программ должны быть в этой перспективе *внутренние* критерии: степень готовности продукта НИОКР и критичность решаемой с его помощью задачи, а не *внешние* критерии типа конкурентоспособности или соответствия мировому уровню.

Здесь надо снова сказать, что именно такой принцип был положен в основу критериев организации советских научных программ, и пришли к нему еще до революции (в КЕПС). Не шлифовать разработку до уровня «конкурентоспособности» (или Нобелевской премии), а решать главную проблему и идти дальше! В этом советские ученые и власть были едины. И. В. Курчатов записал для себя главное из беседы со Сталиным 25 января 1946 г., когда принимались крупные организационные решения по атомной программе. Вот второй пункт в его записке: «Во взглядах на будущее развитие работ т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом, что в этом отношении будет оказана широкая всемерная помощь. Т. Сталин сказал, что не нужно искать более дешевых путей, что нужно вести работу быстро и в грубых основных формах» [108].

В значительной (возможно, большей) части усилий научной системы России вследствие пережитого кризиса требуется изменение приоритетов и даже *типа деятельности*. В 30-е годы в СССР сложилась и до конца 80-х годов существовала жесткая общественная система с высокой стабильностью и предсказуемостью основных параметров жизнеустройства. В соответствии с этой ее характеристикой сформировались критерии выбора приоритетов в науке и способ составления научных и научно-технических программ и проектов.

Однако уже два десятилетия Россия живет и одно-два десятилетия, видимо, будет жить в совершенно иной ситуации — в процессе череды сломов и быстрых изменений основных систем жизнеустройства. Очень вероятно, что нашему обществу придется пройти и через настоящую катастрофу. Возникает насущная потребность *срочного* получения от науки ответа на множество возникающих неожиданных, а порой беспрецедентных вопросов. Знанием для выбора *лучших* или *хороших* решений проблем, встающих перед Россией, общество на интуитивном уровне не располагает как в силу их принципиальной новизны, так и из-за утраты необходимой части исторической памяти в

ходе индустриализации и урбанизации, а затем и кампании по целенаправленному разрушению коллективной памяти в политических целях («перестройка»).

В науке различается два разных взгляда на мир: есть *наука бытия* такой тип видения мира и постановки научных проблем, при котором внимание сосредотачивается на стабильных процессах и отношениях, — и есть *наука становления*, когда главным объектом исследования становятся именно нестабильность, переходы *порядок — хаос*, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового.

Оба эти типа научного знания и научной деятельности необходимы и дополняют друг друга. Однако в различные периоды существования общества приоритеты меняются, в совокупности ведущихся научных работ доминирует тот или иной подход. Сейчас Россия переживает такой этап, когда должны быстро создаваться и поддерживаться исследовательские группы, лаборатории и даже центры, ведущие НИОКР в духе науки становления. Между тем, инерция мышления и власти, и самой системы науки такова, что существующие лаборатории переключиться на иной тип критериев (и даже на иной методологический подход — освоить *философию нестабильности*) не могут. Побуждать и стимулировать их должна была бы сознательная научная политика государства, но такой политики нет.

От советской науки наука нынешней России унаследовала замечательные, передовые в мире школы в области «науки становления». Отечественные ученые внесли огромный вклад в развитие фундаментальных математических и физических теорий перехода «порядок — хаос», учения о катастрофах, понятия критических явлений. Многие из этих современных фундаментальных теорий нашли практическое приложение в исследованиях и разработках в области процессов горения и взрыва, цепных химических реакций, в аэро- и гидродинамике, океанологии и т. д. Взгляд на мир через понятия порядка, хаоса и самоорганизации ученые России обращали не только на явления природы и техники, но и на общественные процессы.

Эти заделы и наличное знание сами собой, однако, не складываются в комплексные научные проекты и программы, отвечающие на вставшие перед обществом и грядущие проблемы. Эти проекты и программы составляются, в основном, в старом ключе. Для перехода на новый уровень нужна политическая воля «социального заказчика», выраженная или в деньгах, или в административных решениях.

Из общих соображений следует, что в ближайшие годы высокий приоритет должен быть отдан также технологиям, направленным на *предотвращение ущерба*. Это, прежде всего, информационные (диагностические) технологии, позволяющие контролировать состояние объектов в условиях нестабильности, и технологии «лечения» поврежденных объектов — включая людей. В условиях кризиса не так важны программы *улучшения* стабильной системы, как программы *предотвращения отказов* в нестабильных системах.

Каковы важнейшие элементы системы, на которые в первую очередь должны быть направлены внимание и воздействие государства? Здесь мы не можем вдаваться в более подробный структурный анализ научной политики, укажем лишь некоторые элементы в качестве примера.

Вот «Доктрина развития российской науки», утвержденная Указом Президента РФ в 1996 г. Она представлена правительством как «концептуальный документ, определивший цели, основные принципы и ключевые ориентиры научной политики». В ней сказано, что «ключевым элементом реформирования системы управления сферой науки становится совершенствование *механизмов* финансирования, организации научных исследований и налоговой политики». Но в политике механизмы не могут быть ключевым элементом, они — лишь техническое обеспечение деятельности, а главное — постановка целей и изыскание средств, необходимых и достаточных для их достижения. Совершенствование *механизмов* (финансирования, организации, налоговой политики и пр.) может дать экономию средств, но это никак не может служить «ключевым ориентиром научной

политики».

Для обеспечения инновационных циклов с *достижением цели* реформирование должно быть ориентировано не на *механизм* (то есть улучшение) использования выделенных средств, сколько на создание *источников средств*, выделяемых в объеме, превышающем необходимую для достижения цели «критическую массу». Иными словами, если на этапе роста научного потенциала всякая добавка средств за счет совершенствования механизмов имела смысл, то при переходе к инновационной стратегии, тем более при обострении дефицита ресурсов, имеет смысл реализация только тех проектов и программ, в которых инновационный цикл доводится до конца. Следовательно, теперь на величину выделенных средств накладываются жесткие ограничения. Обеспечить науку критической массой ресурсов, необходимых для решения поставленных перед ней задач — вот ключевой ориентир научной политики. Механизмы финансирования — вещь второстепенная по сравнению с объемом финансирования. Это очевидно даже для обыденного сознания.[115](#)

Аномалия нынешнего состояния, с точки зрения самого существования науки, заключается в том, что разорвана связь между общественными потребностями в новом *отечественном* научном знании и финансовыми возможностями тех общественных структур, которые в этом знании нуждаются. Потребность в научном знании в условиях острого кризиса резко возрастает (пример — подготовка к войне и война). В РФ же произошло обратное — государство резко *сократило* финансирование и даже провело разгосударствление большей части научного потенциала, при том, что платежеспособного спроса на знание со стороны частного капитала нет и не предвидится. Устранить эту аномалию — вот задача научной политики.

Принципиально ошибочной была установка научной политики РФ в 90-е годы на «сохранение и развитие *наиболее продуктивной* части российской науки» («Концепция реформирования российской науки на период 1998-2000 гг.»). Трудно представить себе ход мысли правительства, принявшего такую концепцию. Даже если видеть в

науке только полезную отрасль «производства и переноса знаний», то очевидно, что отбор ее «заводов, цехов и участков» для сохранения и развития следует вести исходя из структуры самых главных задач, стоящих перед страной, а не исходя из туманного понятия «продуктивности». Если человеку требуется вырвать зуб, то ему нужен стоматолог, и его не заменит «продуктивный» химик, даже лауреат Нобелевской премии.

Структурная политика в ходе реформы означала полный разрыв с великодержавной политикой СССР, который в условиях холодной войны был вынужден поддерживать «структурный паритет» в науке с Западом; однако сокращение научного фронта, отвечающее критериям безопасности, могло быть проведено только через активную государственную политику, но это было возложено на процессы самоорганизации. Возник хаос и равномерное «проседание» всей науки, никакой структурной перестройки не произошло (что, скорее, следует считать благом для России, потому что активное вмешательство правительства 90-х годов, скорее всего, искалечило бы науку безумными ампутациями «непродуктивных частей»).

Однако проблема остается. И решение «минимальной» задачи по сохранению науки, и успешная реализация остаточных средств для решения задач второй программы невозможны в рамках существующих структур науки. Эти структуры функционально не приспособлены для решения подобных задач. Неизбежной необходимостью стала глубокая структурная перестройка науки, и чем дольше она откладывается, тем более травмирующей будет.

Сокращение и «сжатие» оставшейся от СССР и сохранившейся в 90-е годы массы научных ресурсов, их преобразование в материал для строительства новой системы, адекватной задачам первой половины XXI века, требуют структурно-функционального анализа науки применительно к условиям России на предстоящий период. Необходимо не реформирование, а именно *строительство* научной системы с иной структурой и иной динамикой. Кризис трансформации, который переживает Россия, породил много болезненных проблем, но

в то же время он дает благоприятный момент для такого строительства, пока не укрепилась застойные «структуры выживания», возникшие в 90-е годы.

Система индикаторов науки

Большой проблемой для проектирования «общества знания» станет развал системы *индикаторов* науки.

Главные причины ухудшения этой системы лежат не в отсутствии или нехватке каких-то ее *элементов*, а в «отказах» системы в целом. Ошибки управления в этих условиях носят обычно принципиальный характер (неверное определение цели, худшее решение при выборе альтернатив и т. д.). Эти ошибки обусловлены не слабой компетентностью или нехваткой информации, а критериями и целями, заданными *системой высшего порядка*. Например, если ставится общая политическая задача провести глубокую, почти тотальную *приватизацию*, и в число отраслей, чьи объекты подвергаются этой процедуре, включается наука, то речь не идет о том, наилучшее ли это решение с точки зрения специфики науки. Это решение задано критериями высшего порядка.

Кризис 90-х годов в России является для современного российского общества принципиально новым и до сих пор малоизученным. Положение осложняется тем, что органы управления лишились индикаторов, позволяющих оценивать ситуацию и тенденции ее изменения. Используемые по инерции индикаторы, унаследованные от советской системы, неадекватны, смысл их изменился и, строго говоря, индикаторами они поэтому не являются.

Поведение многих систем в ответ на изменения было неожиданным, возникающие в ходе трансформации структуры не похожи на прежние и на свои аналоги за рубежом. Это требует обновления методологии анализа систем в переходном состоянии, в нашем случае — анализа российской науки в ее связи с обществом.

Частной проблемой является разработка индикаторов состояния науки и его изменения. Эти проблемы требуют исследования и не могут быть успешно решены только на основании здравого смысла и имитации чужого опыта.

Любые индикаторы, описывающие состояние и развитие сложной системы, выбираются целенаправленно. Это значит, что бесполезно вести разработку индикаторов, если в явном виде не сформулированы цели научной политики, исходя из которых будут приниматься решения. Разработка индикаторов и сбор информации (измерение тех параметров системы, которые служат индикаторами) — трудоемкий процесс. Реально эту работу ведут только в том случае, если известна доктрина научной политики государства.

Признаком того, что органу управления действительно понадобились индикаторы, служит возможность поставить мысленный эксперимент по принятию решения в зависимости от того или иного значения индикатора. Если индикатор А равен М, то какое решение будет принято? Если же не поставлена цель и нет доктрины, нет «алгоритма принятия решений», то реально индикаторы не нужны. Если больного не собираются лечить, то ему не будут делать дорогих анализов. Другое дело, что индикаторы часто служат для имитации принятия решений. Больного лечить не собираются, но врачи суетятся, засовывают его в томограф и пр. Для таких целей существующие индикаторы служат вполне удовлетворительно, в дополнение к ним можно набрать еще из методик ОЭСР, Национального научного фонда США и т. д.

С 1992 г. вплоть до недавнего времени хорошая система индикаторов науки ни Министерству науки, ни правительству в целом не требовалась. Доктрина была совершенно четкой — провести разгосударствление науки, приватизацию системы промышленных НИОКР, стимулировать иностранные инвестиции с переносом западных технологий, оставив на государственном финансировании небольшое число престижных научных центров. Объективных и даже декларативных признаков крупных изменений доктрины нет и по сей

день, поэтому нельзя определить, какого рода решения органы управления стали бы принимать с помощью требуемых индикаторов.

Помимо доктрины как комплекса стратегических установок в отношении науки, для разработки индикаторов требуется знать *критерии* принятия тактических решений. В настоящее время, как всегда в условиях глубоких кризисов, решения принимаются в обстановке острых разногласий. Управление в таких условиях может стать дееспособным лишь в том случае, если имеет верное представление о сути этих разногласий и вырабатывает *свою* позицию и *свои* предпочтения по конкретным вопросам. Тогда можно выработать индикаторы, на которые следует опираться при изложении позиции, убеждении высшего руководства или поиске компромисса.

Выработка *критериев* — вопрос политики, и определение политической линии должно предвдывать выработку инструментов. До настоящего времени связной системы критериев для оценки желательности или нежелательности тех или иных процессов в науке установлено не было. Нет смысла тщательно измерять значение параметра, если неизвестно, в какую сторону желательно его изменить.

При постановке задачи на разработку индикаторов нужна определенность в общих вопросах и вследствие того, что нынешний период состояния науки России следует считать *аномальным* (слово «переходный» просто маскирует чрезвычайность этого периода). В это время традиционные индикаторы стабильных систем не действуют, а иногда просто теряют смысл или искажают реальность.

Один из исходных, элементарных параметров науки — «число исследователей» — перестал в настоящее время быть индикатором чего бы то ни было. Что такое сегодня «исследователь»? Что он делает, какова его «продукция»? Кто ее ожидает и использует? Почему исследователи остались на своих местах, а не перешли на более выгодные социальные позиции? Соединены ли нынешние исследователи в дееспособные целостные системы (школы, лаборатории, направления) или образуют конгломерат людей,

переживающих в своих НИИ трудные времена? Происходит ли воспроизводство исследователей или это реликтовая категория, с постепенным исчезновением которой она будет заменена новым социальным типом, с иными характеристиками?

Без того, чтобы ответить на эти вопросы и уложить ответы в рамки доктрины научной политики, параметр «число исследователей» индикатором российской науки в традиционном смысле не является. Он, на деле, может даже мешать управлению, создавая ложное представление о состоянии системы. Например, в России 400 тыс. научных работников, а в США 700 тыс. О чем это говорит?

Разработка системы индикаторов основана на представлениях о существенных для анализа и управления наукой *латентных переменных*. Информацию о них должны дать видимые и измеримые параметры, связанные с латентными переменными достаточно устойчивыми отношениями, которые поддаются рациональной интерпретации. Лишь в этом случае параметр обретает статус индикатора. При поиске хорошего индикатора нужно также знать смысл критерия, по которому будет оцениваться состояние индикатора. Критерии привязаны к функциям науки и подчиняются целям и ограничениям общества в целом. На практике в условиях кризиса все эти понятия смешиваются, что резко расширяет зону неопределенности. Это более важный источник ошибок, чем нехватка эмпирических данных.

В стабильных условиях, при медленных структурных изменениях в системе науки и ее социальных функций основное внимание уделяется индикаторам научного потенциала страны и его «отдачи» — показателям основных фондов разных подсистем науки, потока ресурсов, характеристике кадров. В периоды кризиса и трансформации системы резко возрастает значение *структурных* индикаторов и их динамики. Быстрые изменения системы угроз и чрезвычайных потребностей общества в научном знании приводят к острым несоответствиям структуры научной системы, она становится неадекватной структуре социальных функций. Для смягчения этих

противоречий требуется реформа организационной системы, что тоже вызывает необходимость в новых индикаторах. Их разработка, став отдельным разделом проектирования «общества знания», решит важную прикладную задачу научной политики.

Проблема социальных функций науки и проблема индикаторов для «измерения» науки и слежения за ее состоянием — постоянная тема исследований в науке как развитых стран, так и развивающихся стран, формирующих свою отечественную научную систему. И те, и другие исследования поучительны и полезны для РФ. Были, однако, периоды, когда обе эти проблемы вызвали особое внимание и наблюдался всплеск публикаций. В 30-е годы он был связан с кризисом западного капитализма и пересмотром взглядов на научно-технический прогресс и роль в нем государства, а также с новыми подходами к научной политике в СССР (его опыт научного строительства внимательно изучался в западной методологии науки).

Второй подъем наблюдался в 50-60-е годы в связи с большой программой научного развития в США, а также обобщением опыта научной политики стран Западной Европы в условиях межвоенного кризиса. Третий подъем — в 70-80-е годы — был вызван интеграционными процессами и необходимостью выработки единой системы индикаторов науки для международных организаций. Начиная с конца 60-х годов советские специалисты принимали активное участие в этих исследованиях и в обсуждениях результатов на международных форумах всех уровней.

Накопленный опыт позволяет сегодня составить «карты» социальных функций науки и предложить необходимые для наблюдения индикаторы, исходя из реальности России, прогнозируемой на ближайшее десятилетие — без имитации советской системы и успешных зарубежных систем (США, ЕС, ОЭСР).

Можно предположить, что в этой работе будет полезно привлечь опыт научной политики в условиях нестабильности и кризисов: становления и создания национальных научных систем; их реформирования с целью адаптации к условиям кризиса или

социального бедствия (война, революция, поражение в войне и т. п.); прохождения российской наукой кризиса 90-х годов. Сейчас довольно хорошо систематизированы статистические данные, характеризующие как ход экономического кризиса 90-х годов (внешней среды науки как изучаемой системы), так и динамику основных элементов научной системы РФ. Полезна будет и реконструкция, на основании анализа текстов и устных выступлений политиков и ученых, доктрины реформирования научной системы РФ и реально принятых мер. Ценную информацию даст изучение *рефлексии* политиков и ученых на ход реформирования научной системы — времени прошло достаточно, мелочи отсеялись.

Научно-техническое прогнозирование

На заседании президиума Государственного совета РФ в Волгограде 19 февраля 2007 г. президент В. В. Путин сообщил, он дал поручение Правительству подготовить федеральный закон «О государственном прогнозировании и социально-экономическом развитии Российской Федерации».

Это означало официальный отказ от доктрины неолиберальных реформ 90-х годов, от представления России как «пространства», лишенного своего вектора развития и полностью подчиненного воле «экономических операторов мирового рынка». Теперь Россия будет рассматриваться как целостность (страна), и государство возвращает себе функцию *целеполагания* в ее социально-экономическом развитии. Прогноз — это, конечно, не план, но он носит нормативный характер и должен «сбываться». Во всяком случае, предотвращение прогнозируемых угроз, раз уж они будут теперь *названы*, потребует резкого увеличения мощности государства и его активного участия в экономике и социальной сфере — зона влияния либеральных институтов сузится. Таким образом, проект строительства «общества

знания» должен включать в себя особый блок — создание системы комплексного прогнозирования, адекватного тенденциям и динамике их развития в первой половине XXI века.

Научно-техническое прогнозирование усиленно развивалось на Западе и в СССР в 70-80-е годы, в ходе т. н. «научно-технической революции». Это был также период наиболее интенсивного противостояния двух политических систем, элементом которого была гонка в ряде областей технического прогресса. В 70-80-е годы в прогнозировании был накоплен методический опыт, систематизирован большой эмпирический материал с длинными временными рядами, сделан ряд методологических выводов общего характера. А главное, рассеялись многие иллюзии и определились возможности и ограничения методов прогнозирования. Работа над конкретными задачами показала, что надежды, возлагаемые на формальные методы, были преувеличенными. Гораздо более важными факторами стабильной успешной работы является содержательное знание привлекаемых экспертов и творческая атмосфера в их коллективах.

Научно-техническое прогнозирование — вид *научно-исследовательской* деятельности в соответствующих областях науки. С философско-гуманитарными футурологическими изысканиями оно связано гораздо меньше, чем предполагалось вначале. Попытки институционализировать прогнозирование как особой области знания, со своим сообществом и сетью организаций, большого успеха не имели, хотя и были полезны для развития общих методологических принципов, расширения контактов и издания литературы.

В области методологии наибольшую пользу для прогнозирования принесло развитие принципов системного анализа с его мировоззренческим зарядом, утверждающим установки «университетской» культуры в момент сдвига в мышлении образованного слоя к постмодернизму. В свою очередь, расширение деятельности по прогнозированию и ее популяризация способствовали распространению идей системного подхода, которые на время существенно укрепили позиции научной рациональности в среде

интеллигенции (в СССР этот процесс был прерван в конце 80-х годов).

Другим важным вкладом в методологию прогнозирования стал успех социодинамики культуры в приложении к научной деятельности. Совместно с информатикой социодинамика позволила составлять «карты науки» — выявлять и представлять в виде графических образов научные и технические области и направления в их взаимодействии и динамике. Появление на «карте» сгустка новых взаимосвязанных направлений, их быстрый рост и ответвления в прикладные и технические области говорят о появлении «точки роста». Наблюдение за первыми фазами ее развития дает для прогнозирования хорошую эмпирическую основу.

Научно-техническое прогнозирование надо отнести к типу деятельности, в котором *процесс важнее, чем результат*. Работа по составлению прогноза заставляет собрать группу наиболее квалифицированных специалистов, обладающую большим разнообразием дисциплин, специальностей и стилей мышления. Эти специалисты собираются в такой группе в новой конфигурации, которая не возникает при других работах. Временный характер таких групп при наличии сильных неформальных («горизонтальных») связей стимулирует обмен информацией и нередко порождает кооперативный творческий эффект. Проекты по разработке прогнозов стали сгустками интеллектуальной и творческой активности, в которой преодолевались формальные барьеры между ведомствами, организациями и научными школами. При работе над этими проектами обнаруживались и вырастали кадры «генералистов» — ученых и инженеров, обладавших редким даром соединять идеи, подходы и людей разных областей. Формальные структуры этот дар подавляют.

Всплеск деятельности по прогнозированию привлек внимание к проблеме индикаторов науки, признаков «беременности» области научно-техническим прорывом, симптомов успеха конкретных исследовательских программ. В США это реализовалось в появлении целой литературы в жанре свободных рассуждений ведущих администраторов в сфере науки и техники (как государственных, так и

больших частных корпораций). Эта литература очень обогатила представления об «анатомии и физиологии» научно-технической деятельности, стала важным источником «знания о знании». К сожалению, столь же интенсивных выступлений советских организаторов науки и техники со специальными методологическими суждениями не было (о причинах стоило бы подумать особо, поскольку, судя по всему, эти причины не изжиты). Результаты наблюдений советских администраторов передавались через личные контакты, и материалы эти сохранились в малой степени.

Из опыта, однако, видно, что во многих отношениях наблюдения американских и советских администраторов перекликались, так что при прогнозировании не было большого методологического разрыва между двумя сообществами (во всяком случае, он был гораздо меньше, чем в организационном и ресурсном плане).

Как американский, так и советский опыт прогнозирования показали важную роль целостной структуры фронта фундаментальных исследований как *рецепторов* национальной научной системы, непрерывно распознающих признаки сдвигов в познании, имеющих шанс привести к научно-техническому прорыву. Как гласит американский управленческий фольклор, «вести фундаментальные исследования надо не ради открытий, а ради того, чтобы распознавать их». Способность покрыть такими рецепторами все пространство науки и техники — залог эффективной системы прогнозирования. В 70-80-е годы такую возможность имели только США и СССР.

Научно-техническое прогнозирование является частью большой познавательной системы, создание и поддержание которой является обязанностью государства и исторической миссией отечественного «общества знания». Эта система — *рефлексия* и *проектирование* в масштабах всего общественного бытия в средне- и долгосрочной перспективе и ретроспективе. Общий кризис индустриализма в конце XX века подорвал основания и рефлексии, и выработки нормативных представлений о будущем. Возникли разрывы непрерывности, развитые страны попали в череду переходных процессов. В СССР, а

затем и Российской Федерации этот кризис переживается особенно глубоко в результате краха прежней государственности и общественного строя. Пока что не удастся ни восстановить инфраструктуру и культуру рефлексии, ни создать площадку для общественного диалога о проекте будущего жизнеустройства. Надо надеяться, что работа над проектом строительства нового «общества знания» создаст условия и для этого большого дела.

В настоящее время правительство приняло программу организации в России комплексного социального и технологического прогнозирования по методологии «Форсайт». Эта методология разрабатывалась и испытывалась в стабильных странах с устойчивыми тенденциями изменений (или располагавших наличием сильных стабилизирующих факторов — как в восточноевропейских странах, получающих поддержку ЕС). РФ является страной в переходном состоянии и объектом действия множества противоборствующих внутренних и внешних сил. Создание прогностической службы в РФ должно базироваться на собственных методологических разработках и выработке моделей, учитывающих собственные, специфические виды неопределенностей — хотя при желании все это можно втиснуть и рамки «Форсайта».

За 90-е годы в РФ возник целый ряд новых, неизученных и плохо описанных *порочных кругов*, которые на некоторых направлениях успели сложиться в системы. В этих точках пространства мы находимся в ситуации *исторической ловушки*, для прогнозирования «поведения» которой обычные методы непригодны. Примеры: образование массивного «социального дна», реинтеграция которого в общество является *чрезвычайной* задачей; «бунт этничности» — распад больших этнических общностей (народов) с возрождением племенного сознания; архаизация хозяйственных укладов и быта; коррупция во власти и управлении.

Прогностическая деятельность включает в себя как неперемное условие *рефлексию* — регулярный анализ предыдущих состояний и собственного понимания их. Создание службы прогнозирования

означает переход к *рефлексивному управлению*. Это было бы очень полезным шагом, и в то же время это — сложный и болезненный переход, который таит в себе опасные подводные камни. Он означает снятие табу на анализ решений 90-х годов, инерция которых еще долго будет определять ход процессов в РФ.

И проект создания новой структуры, и разработка «технического задания» на продукт ее деятельности — типичный предмет системного анализа. Первые полтора-два года и будут заняты проведением этого анализа — в виде нескольких итераций, с принятием, после каждого приближения, организационных, финансовых и кадровых решений.

На первой стадии этого анализа важно будет определить смысл главных категорий и понятий, в которых будут формулироваться исходные положения прогноза, тезисы, аргументы и выводы. Именно здесь ожидаются наиболее интенсивные и трудные дискуссии и именно здесь будут закладываться источники главных ошибок. Очень важно как можно раньше выявить главные расхождения в исходных постулатах и мнениях экспертов и отбрасывать неприемлемые по тем или иным причинам мнения *сознательно*. Очень вероятно, что на последующих итерациях придется возвращаться и включать в модели отброшенные ранее постулаты, тезисы и выводы.

«Опытный образец» первого прогнозного доклада может быть создан до сбора детальных сведений по частным вопросам — исходя из доступных данных о главных, массивных факторах, влияющих на процессы в хозяйстве, социальной и научно-технической сфере РФ. Как правило, такая грубая, без деталей, прикидка в системном анализе и оказывается верной. При последующих итерациях она лишь уточняется и дополняется хорошими наглядными аргументами.

Сейчас уже в достаточной степени разработан вариант структурирования прогнозируемого объекта («будущее РФ») исходя из особенностей переживаемого РФ исторического периода. «Переходный период» — особый тип бытия, во время которого кардинально изменяется «карта опасностей». В этот период задачей прогнозирования является не только (и даже не столько)

распознавание и возможно более ранняя поддержка благотворных тенденций, сколько предвидение назревающих угроз и их предотвращение. Это тем более важно в настоящий момент, поскольку зародившиеся в 90-е годы угрозы только сейчас выходят из латентной фазы и вступают в фазу реализации.

Карта угроз

Все элементы общества, от отдельной личности до государства, всегда имеют более или менее явную доктрину безопасности. Ее выработка и обновление — одна из важнейших функций «общества знания». Эта доктрина всегда не вполне адекватна меняющейся обстановке, она дополняется в зависимости от ситуации актуальной информацией.

Под любой доктриной безопасности лежит «карта угроз» — пригодный для привычного восприятия образ, моделирующий всю осознанную систему опасностей и рисков. Обычно эта карта явно и формально не представлена, воспринимается расплывчато и интуитивно, испытывает на себе все слабости человеческого сознания, склонного «заметать под ковер» неприятные и непонятные вещи. Карта угроз весьма инерционна, но при сильных сигналах может перестраиваться скачкообразно, вовсе не обязательно приближаясь при этом к адекватности. В стабильные периоды неявность карты угроз терпима. В моменты кризиса (который следует рассматривать как цепь переходов «порядок — хаос — порядок») происходит быстрый, не фиксируемый в сознании разрыв между этой инерционной «картой угроз» и новой реальной конфигурацией рисков. «Карта перестает соответствовать местности» и становится не просто бесполезной — она заводит в болото. В отличие от плохой теории, неверная карта не помогает упорядочить эмпирическое знание, а резко затрудняет этот процесс. Лучше не иметь никакой карты и составлять ее из наблюдений на местности, чем иметь негодную.

Таким образом, актуальной задачей следует считать выявление и «визуализацию» (представление в доступных для целостного восприятия зрительных образах) системы реальных опасностей — регулярное составление «карты угроз» с ее периодическим обновлением. Составление такой «карты» есть непосредственное обеспечение процесса подготовки и принятия решений, программирования, проектирования и выполнения конкретных действий по блокированию и предотвращению угроз и устранению ущерба от реализовавшихся опасностей.

Наука — получение достоверного знания о сложных объектах особыми методами, имеющими в ряде отношений большие познавательные возможности, нежели здравый смысл и опыт. Особенно важна роль науки в изучении причин, условий и симптомов быстрых неблагоприятных изменений типа отказов систем, катастроф, конфликтов. Накопленные в науке знания, навыки и методы исследования нестабильных и катастрофических состояний объектов любой природы — важный ресурс в обеспечении безопасности.

Какова готовность науки России к выполнению этой функции? В гл. 11 настоящей книги говорилось о том провале, который произошел в «знании власти» в сфере функции предвидения угроз и опасностей. Здесь выскажем предварительные соображения о том месте, которое будет занимать восстановление этой функции в проекте строительства «общества знания».

Современная Российская Федерация резко отличается от СССР по главным признакам, определяющим безопасность. РФ живет в пространстве, имеющем иную, нежели СССР, «карту угроз» — в целом, как систему, в том числе и в ее динамическом аспекте. Однако инерция старого представления об опасностях велика, и освоение новой «карты» идет на уровне интуиции, проб и ошибок, а главное, не системно, а по отраслевому принципу. Из-за нелинейного характера переходных процессов и большой инерции советских систем (технических, социальных, культурных) наблюдается недооценка риска обвальных отказов. Необходима междисциплинарная работа

всей науки по составлению «карты» для России как системы.

Наука имеет язык и методы для описания и понимания двух принципиально разных состояний и процессов — равновесных, (стабильных) и резко неравновесных. По ряду причин политики, элита и общество в целом говорят и мыслят в понятиях равновесных состояний и процессов. Это резко сокращает возможности предвидения и понимания опасностей и уже реализовавшихся катастроф. Задача науки и органов безопасности государства — срочно дать обществу и политикам язык и навыки мышления, адекватные нынешней реальности.

Особенность науки — развитые методы и процедуры *рефлексии*, анализа предыдущих состояний объекта и достоверности познания этих состояний на каждом этапе. Это — условие научного *предвидения*. В системе управления РФ и в обществе в целом за 90-е годы произошла глубокая деградация «культуры рефлексии», включая навыки, нормативную базу и материально-техническое обеспечение.

Наука должна была бы срочно восполнить эти провалы хотя бы в критических областях, чреватых наибольшими и срочными опасностями. На втором этапе надо связать эти очаговые или отраслевые программы в целостную программу анализа системы объектов, являющихся источниками рисков и опасностей (контуры ее наметил академик В. А. Легасов при анализе причин Чернобыльской катастрофы).

В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется и возникают разрывы непрерывности, научный экспресс-анализ состояния дел и тенденций приобретает критическое значение. В связи с этим приоритетной задачей всей науки должна быть также разработка методов *диагностики* неблагоприятных процессов в их инкубационном периоде, а также создание технологий для всеохватной диагностической деятельности. Поскольку самые фундаментальные процессы стали резко нелинейными и протекают в виде череды сломов и переходов, эффективный диагноз требует применения нового понятийного аппарата и даже новой системы мер, перехода к

новым моделям описания систем и принятия решений.

И работники управления, и все общество склонны к *линейным* экстраполяциям нынешнего состояния на будущее. Значение критических, пороговых явлений и возникающей «за порогом» необратимости, в общем, недооценивается. Между тем, реализация рисков и опасностей развивается, как правило, по автокаталитическому, самоускоряющемуся механизму. Это развитие резко *нелинейно*, так что переход от спокойного и внешне стабильного состояния к катастрофе происходит неожиданно и очень быстро (биржевые кризисы — наглядный пример процессов этого типа).

Как правило, люди привыкли искать источники опасностей и рисков во внешней среде или в дефектах, поломках техники. В действительности многие сложные системы техносферы и социальной сферы содержат «взрывчатый материал» внутри себя, как необходимый собственный субстрат. Они обладают имманентным внутренним источником опасности. Она может реализоваться при процессах двух типов:

- сознательные *структурные изменения* системы, игнорирующие опасность или включающие ее в расчет как приемлемую (например, приватизация промышленности и земли, жилищно-коммунальная реформа, «монетизация льгот»);
- деградация системы в результате недостаточного поступления необходимых ресурсов (так разрушается двигатель при отсутствии масла в системе смазки).

Оба эти процесса в России идут с нарастанием их интенсивности. Другой тип опасности для сложных систем — нарушение их нормального воспроизводства, возникновение в новом поколении столь глубоких *мутаций*, что изменяется сам тип системы, так что можно говорить об уничтожении предыдущего типа («гибели вида»). Это происходит при сознательном или по незнанию внесении в систему сильных «мутагенов», разрушающих «генотип» системы. Подобное изменение мы наблюдали в системе СМИ (особенно телевидении) и в

системе образования (хотя в образовании процесс протекает более медленно из-за особого консерватизма школы, высокой устойчивости ее «генетического аппарата»). Глубокие и трудно предсказуемые изменения могут произойти в энергетической системе России после расчленения РАО ЕЭС и приватизации электростанций.

Механизмы возникновения, в условиях кризиса, потенциальных опасностей и пробуждения «дремлющих» источников риска пока не стали предметом научных исследований. Обобщая, можно сказать, что главной предпосылкой для катастроф является та зона неопределенности, где мы не знаем общества, в котором живем, мы не знаем техносферы, в которой живем и мы не знаем мира, в котором живем. Недостаток *знания* — важнейшая предпосылка к реализации потенциальных угроз.

В условиях кризиса эта зона неопределенности быстро расширяется, так как все системы начинают вести себя иначе, нежели в стабильном состоянии. Таким образом, в эти периоды резко повышается потребность в научном знании и соответствующей переориентации научной системы. С этой точки зрения имеющаяся сегодня в наличии система отечественной науки является недостаточной как по масштабам, так и по структуре. Тенденции изменения этой системы при продолжении происходящих в ней процессов являются в целом неблагоприятными. Это — фундаментальный источник нарастания опасностей и рисков.

Это задает особое направление в государственной научной политике, требует изменения системы приоритетов, организации работы и мотивации научных работников. Именно так был в кратчайшие сроки перестроен весь научно-технический потенциал СССР в преддверии Великой Отечественной войны. Сегодня адекватных изменений в отечественной науке в целом не произошло. Срочной, хотя и паллиативной мерой является создание ядра хотя бы небольшого научного сообщества, которое переключилось бы на деятельности по предвидению угроз.

Фундаментом для выявления «карты опасностей» служит

определение сути происходящих в России и мире главных процессов и возникающих при этом *противоречий*. Пока все политики от этого уклоняются: либералы и ортодоксальные коммунисты трактуют происходящее в понятиях истмата, «государственники» — в державной риторике, не опирающейся на социальную реальность.

Вся карта опасностей для России будет кардинальным образом меняться в зависимости от того, по какому из альтернативных сценариев будет выходить из кризиса индустриальная цивилизация в целом. В настоящий момент ситуация определяется метафорой «цивилизация на распутье». Это — ситуация нестабильного равновесия. Как только оно будет сдвинуто в один из коридоров, станет возможным прогнозирование последствий и уточнение карты опасностей для России. До этого должны быть созданы и методически подготовлены научные структуры.

В этой проблеме есть еще один важный срез. Поскольку действия людей, обеспечивающие их безопасность, планируются и совершаются не в соответствии с реальной опасностью, а в соответствии с ее *восприятием*, само выявление в четкой и наглядной форме этого восприятия опасностей как разными социальными группами, так и структурами государства — необходимая и актуальная задача. Эта задача особенно важна в периоды нестабильности, тем более в моменты изменения *фаз* кризиса. В эти периоды представление об опасностях и неявная доктрина безопасности особенно сильно отрываются от реальности. Страх — плохой советчик, но особенно плохо, когда органы управления даже не знают, какова система страхов и что они «советуют» населению и политикам.

В настоящее время осмысление системы страхов и стихийной «доктрины безопасности» осуществляется интуитивно и часто даже подсознательно — без фиксации, анализа и рефлексии. Отдельные разрозненные, наскоком, опросы социологов никакой систематической картины, тем более в динамике, не дают. Необходим регулярный мониторинг объекта, который можно назвать «восприятие опасностей и система страхов». Масштабы работы определяются

ресурсными возможностями, но уже систематический анализ опубликованных данных, проводимый одним человеком, был бы очень полезен.

Главная опасность часто заключается в том, что мышление и восприятие бывают резко неадекватны реальности. В первую очередь именно эту опасность должны были бы мягко устранять «бессильные» механизмы общества — интеллигенция, литература, Церковь. Эту работу они пока что делают неудовлетворительно (а во многом и способствуют искажению восприятия реальных опасностей, создавая «виртуальную реальность»). Здесь требуется привлечение научных сил и методов.

Относительно общего сдвига в «карте угроз» России можно предварительно сказать следующее. В самых общих чертах, на исходе «советского порядка» главные опасности выделялись как «риски развития» (противоречия экологические, культурные, этнические и ресурсные). Сейчас на обозримый период главные опасности для России видятся как продукт совершенно непривычных и научным мышлением не освоенных процессов «перестройки цивилизации». Этот процесс охватил и Россию, и все мироустройство. Риски усугубляются тем, что эта перестройка, часто весьма грубая, ведется при полном отсутствии амортизирующих механизмов. Примерами таких угроз служит архаизация сознания целых народов и культур, возникновение новых типов войн, утрата правового сознания в обществе и правящем слое даже великих держав, возникновение виртуальной финансовой экономики («финансомики»), манипулирующей суммами денег, на два порядка большими, чем реальная экономика.

Первая, самая срочная задача для «общества знания» России — выявить те риски, находящиеся в *пороговой* области, которые способны породить разветвленные *цепные* процессы (обладают мультипликационным эффектом). Большой методологический задел для выявления и прогнозирования таких системных опасностей был создан во время изучения причин и последствий аварии на

Чернобыльской АЭС, и в настоящее время следует вернуться к анализу методологии и выводов этой комиссии.

Заключение

Строительство «общества знания»: от исследования к проекту

В данной книге обобщена часть данных, полученных в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН. Конкретно, по программе «Экономика и социология знания». От фундаментального исследования до проекта строительства, конечно, большая дистанция. Речь идет о проектировании большой системы, условно называемой «общество знания». Сам жанр проектирования общественных систем принадлежит к особому типу знания, которое сравнительно недавно стало предметом методологических и технологических разработок. До этого проектировщики и строители новых социальных форм опирались на традиционное (часто неявное) знание, личный опыт и господствующие в данный исторический момент этические нормы.

В XIX веке этому комплексу знаний и умений был придан ореол научности, так что на целое столетие было создано оптимистическое ощущение, будто разработка социальных форм подчиняется объективным законам исторического развития, которые удастся открыть и истолковать некоторым мыслителям. В настоящий момент этот ореол померк, и проектирование общественных систем происходит как нормальная работа междисциплинарных коллективов специалистов, собирающих и изучающих большой объем эмпирической информации, моделирующих и сравнивающих разные альтернативы, оценивая их с помощью набора критериев. Эта работа в

70-80-е годы называлась *системным анализом*, сейчас в моду входит выражение *социальный дизайн*.

Разработан целый ряд полезных методических инструментов, которые позволяют избежать грубых ошибок и организовать интеллектуальное сотрудничество специалистов. При прочих равных условиях эти методы дают выигрыш во времени и в затратах, но они не могут заменить содержательного знания, доступа к информации и мотивированного интенсивного труда. Проекта строительства нового «общества знания» еще нет. Сегодня речь идет лишь о замысле, об очертаниях будущей системы.

Проектирование строительства российского «общества знания» — большая работа, относящаяся к категории *опытно-конструкторских разработок* и требующая соответствующих организационных и экономических условий. Надеемся, что данная книга будет полезна коллективу таких разработчиков как источник знания о предмете, общие представления о структуре возводимого объекта, об имеющихся в наличии ресурсах для строительства, о той площадке, на которой оно разворачивается, и о тех трудностях, на которые по всей вероятности натолкнется.

В этой заключительной главе, на наш взгляд, полезнее всего обратиться к воображаемому коллективу разработчиков с размышлениями именно о трудностях и о тех срочных задачах, которые надо решить, чтобы эти трудности устранить или частично компенсировать.

Прежде всего, первой и трудной задачей того коллектива, который соберется сделать первый рабочий набросок контуров нового «общества знания», станет выработка его собственной *когнитивной структуры*. Она неминуемо станет частью той матрицы, на которой будет собрано творение этого коллектива. Понятийный язык, на котором будет описан объект, отбор значимых фактов и методология их истолкования, категории, в которых будет очерчено пространство возможного и желаемого, инструменты и единицы измерения главных индикаторов, критерии, по которым оцениваются альтернативы

решений — все это будет задавать качества проектируемой системы. К этому надо подойти хладнокровно и ответственно. И это в наше время идейного разброда и шатаний потребует мужества и больших усилий.

Коллектив, проектирующий российское «общество знания», должен сам стать зародышем именно *общества знания* и именно *российского*. Это сочетание несет в себе противоречие, и лучше отдавать себе в нем отчет. Проектирование *общества*, то есть системы форм человеческой жизни, невозможно без соединения рационального анализа с этическим. Российское общество расколото противостоянием ценностей, этот раскол в той или иной степени прошел по сознанию каждой личности. Хаос в сознании, конечно, несет в себе творческий потенциал, но сильно затрудняет положительную работу, требующую порядка. Без обуздания этого хаоса каждый, даже небольшой шаг в закреплении какого-то выбора в устойчивых социальных формах превращается в борьбу идеалов или, чаще, их призраков. Это та экзистенциальная ловушка, из которой мы никак не можем выбраться. Она и определила необычно длительный характер нынешнего кризиса.

Чтобы преодолеть, в максимально возможной степени, это противоречие, надо разделять рациональный и этический срезы анализа на два этапа. Первым этапом должно быть описание *«того, что есть»* и *«того, чего не может быть»* — без нравственных оценок этим образам реальности. На втором этапе обсуждается *«то, что должно быть»* и *«то, чего мы категорически не желаем»*. По этим предпочтениям и нравственным запретам возникнут дискуссии, из которых будут выведены альтернативы. Но эти дискуссии после выработки рационально обоснованного и «измеренного» образа жесткой реальности будут продуктивны или, по крайней мере, возможны. Первый этап дает конструктивное знание и консолидирует сообщество самым ощущением возможности проекта и нахождения компромиссов — или выяснения антагонистических противоречий и их социальных носителей. Наличие достоверной карты такого «рельефа

социального ландшафта» тоже необходимо — и для поиска компромиссов, или для каких-то форм размежевания.

Эти проблемы возникают при проектировании социальных форм любой части российского жизнеустройства, и везде их осознание идет мучительно. Сфера генерации и социодинамики знания — не исключение. Нет для «общества знания» башни слоновой кости. Вот пример: в среде российской интеллигенции сформировалось сплоченное сообщество, которое снедает ненависть к Российской академии наук (ранее АН СССР). В этой ненависти есть страсть и глубокие мотивы, она *действenna*. Для большинства тех, кто знает историю Академии и ту роль, которую она сыграла в становлении и судьбе российской науки и образования, эта ненависть кажется иррациональной и даже параноидальной. Это блокирует возможность диалога и компромисса. Холодная война с обострениями идет уже двадцать лет. Разрешение конфликта возможно только через его рационализацию — явное изложение мотивов и аргументов сторон в формате *инженерного совещания*, а не политического митинга. Лишь после того, как противники и защитники Академии изложат свои проекты в явной форме, согласно нормам рационального мышления, с логикой и мерой, политическая власть и общество в целом могут принять разумное решение.

Точно так же была опорочена в глазах общества отраслевая наука — как часть ненавистной командной системы, как якобы никчемный нахлебник общества. А речь шла о миллионе ученых, работавших в режиме гражданского подвига. В расчете на ресурсы, которые предоставило им общество, эти ученые показали эффективность, немыслимую в других странах мира. По их проектам была создана техносфера, которая уже 17 лет работает почти без затрат на ее содержание и ремонт — и все еще дееспособна, вопреки всем техническим нормам. Да и оборона России держится пока что на ракетах, боеголовках и самолетах, созданных той отраслевой наукой.

Но это — лишь примеры. Если пройти по всем пунктам «технического задания» на проектирование «общества знания», то в

каждом пункте всплывет сходное по типу противоречие идеалов и интересов. Выработка методологии и процедур рационализации и «обработки» таких конфликтов — срочная и одна из первых задач в работе над проектом. На этапе жесткого анализа «того, что есть» должны подвергаться рациональному анализу и «взвешиванию» только функциональные достоинства тех или иных элементов и агрегатов системы. Внесение в этот анализ нравственных суждений должно отвергаться как привлечение «идолов площади».

Вспомним: в 1991 г. в академических кругах выдвигалось требование отставки всего Президиума АН СССР, а в Московском университете ректора по той причине, что они не выступили активно против августовского путча ГКЧП.¹¹⁶ Не потому, что они плохо ведут дела Академии и Университета или несостоятельны в научном плане — это были бы естественные для научной системы обвинения. Нет! Они были негодны, ибо недостаточно активны в сугубо политическом, конъюнктурном эпизоде! Для таких идолов в «обществе знания» надо отводить особую площадку, а еще лучше — черный ящик. Не зря кибернетика его изобрела.

Вторая важная задача — определить в общих чертах тип рациональности, которому будет следовать проектирование. Мы и здесь живем в «переходный период». На рациональность Просвещения, в нормах которой был воспитан и натренирован разум большинства российских граждан, ведет наступление *постмодерн*. На некоторых направлениях (например, в СМИ) он уже занял господствующие высоты, и перед любым интеллектуальным предприятием стоит дилемма — нормы какой рациональности взять за основу.

От проекта, выдержанного в нормах рациональности модерна, требуется определенность. Каждая предложенная альтернатива того или иного решения должна в нем сопровождаться максимально надежным прогнозом того, к какому образу будущего поведет ход событий при данном выборе. Для возможности такого предвидения выработаны методы выявления причинно-следственных связей и

«взвешивания» действующих факторов. Фундаментальной основой для таких интеллектуальных операций в каждой области знания служат «центральные тексты», которые формулируют *парадигму* — набор правил для рационального объяснения реальности. Это — те матрицы, на которых собираются сообщества, исследующие мир.

Постмодерн разрушил эти матрицы и главные центральные тексты, произвел, как говорят, их *деконструкцию*. Проблема истины или правильности понимания аксиом и формул исчезла, исчезли и сами аксиомы, они не складываются в системы. Цели и аргументы могут полностью игнорировать причинно-следственные связи и даже быть совершенно абсурдными.

«Общество знания» — активный социальный агент как изменений (инноваций), так и *сопротивления* тем изменениям, которые противоречат господствующим в данной культуре критериям благой жизни. В выполнении какой из этих двух функций более эффективны оба эти типа рациональности? Начнем с функции *изменений*.

Возьмем крайний тип радикальных изменений — через *революцию*. Это весьма общее понятие, по структуре приложимое к любым быстрым и глубоким изменениям больших систем (политических, научных, экономических и др.). В политическом, социальном и культурном плане революции эпохи модерна — как буржуазные, так и антибуржуазные — вызревали и предъявляли свои цели и свою доктрину на основе рациональности Просвещения. Язык и проблематика Просвещения задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов. Под доктринами революций был тот или иной *центральный текст*, корнями уходящий в ту или иную мировую религию. Революционные силы могли объединяться или раскалываться в связи с трактовкой этого текста (например, «Капитала» Маркса), но все это происходило в определенной системе координат, установки и вектор устремлений партий и фракций можно было соотнести с достаточно жесткими утверждениями почти

научного типа.

Напротив, произошедшие недавно на наших глазах «цветные» революции — продукт эпохи постмодерна — не могут быть истолкованы в привычной логике *разрешения социальных противоречий*. Политологи с удивлением пишут: «Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании ознаменованной этими революциями новой эпохи. После революций-то что? Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало» [117].

Иррациональные установки владели умами интеллигенции и рабочих во время «бархатных» революций в странах Восточной Европы. Они ломали структуры надежно развивавшегося общества и расчищали дорогу капитализму, вовсе того не желая. Широко известно изречение лидера польской «Солидарности» А. Михника: «Мы отлично знаем, чего не хотим, но чего мы хотим, никто из нас точно не знает». [117](#) Постмодерн стирает саму грань между *революцией и реакцией*.

Государства «переходного типа», возникшие в ходе революций постмодерна, имеют систему институтов и норм в крайне неравновесном состоянии. По структуре эта система напоминает постмодернистский текст, в котором смешаны архаика и современность с их несовместимыми стилями. [118](#) СМИ, которые «питаются» хаосом, обрушивают на людей потоки утверждений, которые на первый взгляд кажутся бессмысленной чередой глупостей. Но присмотревшись, мы начинаем видеть в этом потоке именно *систему*. Она направлена на подрыв рационального сознания и логического мышления. Недаром эмигрант Б. М. Парамонов сказал (в книге «Конец стиля») о состоянии нашего общественного сознания: «Россия — постмодернистская страна».

Постмодернизм — это стиль, в котором «все дозволено»,

«апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей. Это — культура разрушения (деконструкции), которая, в отличие от революций модерна, не несет в себе конструктивного начала и принципиально отвергает *проектирование* будущего. Класть принципы рациональности постмодернизма в основание матрицы, на которой будет собираться новое «общество знания» России, нам представляется неприемлемым.

Тот факт, что на Западе постмодернизм оказался переплетен с постиндустриализмом как идеологией «информационного общества», не должен нас обманывать. Там это возможно только потому, что в тени идеологической ширмы сохраняется жесткий и прагматический модерн буржуазного общества с его рациональностью и хладнокровным расчетом. Постиндустриализм — это архитектурное излишество над гипериндустриализмом.¹¹⁹ В России с ее синкретической культурой традиционного модернизированного общества, этой опоры нет и, похоже, построить ее не удастся — реформа загубила утопию буржуазного рационализма в России. Здесь соблазн постмодернизма опасен вообще, а в строительстве «общества знания» особо.

Таким образом, когнитивную структуру проектирования «общества знания» в России разумно собирать на основе рациональности модерна с использованием языка, логики и меры, разработанных в рамках системного анализа. Однако в то же время придется осваивать постулаты, язык и образ мысли постмодернизма, поскольку он уже стал важной частью общественного сознания в кризисной России и с ним придется постоянно иметь дело в ходе проектирования. Без этого знания нельзя рационально представить и учесть мотивы, ценности и фобии существенной части интеллигенции, которая будет ключевым социальным субъектом «общества знания». Ориентироваться в разработке проекта на тот культурно-исторический тип, который уже сходит с общественной сцены России, неразумно — проект должен быть адекватен антропологической и культурной действительности.

«Ремонт» мировоззренческой матрицы российского общества и восстановление навыков и норм рациональности требуют специальной программы, самопроизвольно трещины не зарастут. Смена властной верхушки в 2000 г. «подморозила» демонтаж мировоззренческой матрицы народа России, но не остановила его. Однако и замедление процесса оказало оздоравливающее воздействие — восстановление, регенерация мировоззренческих структур идет и на «молекулярном» уровне.

Д. Алексеев пишет: «При Путине предприняты усилия, чтобы выгнать из тела России постмодернистского червя. Это значит вернуть обществу привилегированную систему жизненных координат, ось исторического времени, ощущение непрерывности прошлого и настоящего. Опереться на присущие массовому человеку представления об одобряемых жизненных сценариях, о допустимых вариантах экономического успеха, соразмерных честной жизни, и так далее. По большому счету эти координаты массового сознания, если они воспринимаются людьми как твердые и справедливые, и есть лучшее средство против „пластилиновости“ этого сознания» [17].

Мы говорим здесь «ремонт мировоззренческой матрицы», но это частная проблема в большой философской теме, которую можно назвать *терапия кризиса*. Этой темой, именно в связи со становлением «общества знания», занимался Гуссерль. Он сформулировал вывод, к которому в конце 90-х годов интуитивно пришли и многие люди в России, разных профессий и уровня образования. Смысл его в том, что большой терапевтический эффект имеет просто спокойное *описание* кризиса. То, что мучает практически все общество, надо *вербализовать*, изложить. В этом смысл феноменологии Гуссерля.

Исследователь трудов Гуссерля Х. Блюменберг пишет: «Терапия кризиса, вызревшего в процессе технизации, не означала для Гуссерля, что развитие, от результатов которого все более и более зависела возможность экзистенции человека, могло стать обратимым или остановиться. Терапия для Гуссерля, несомненно, означала, что нечто

должно быть „восполнено“... Если анализ технизации показывает, что в ее ходе было упущено аутентичное обоснование всех шагов, или просто перепрыгнули через него, то феноменологическая установка уже сама по себе есть терапевтическое противодействие, благодаря которому можно воссоздать забытые и упущенные в ходе технизации вопросы об основаниях, об исходном смысле и вытекающих из него импликациях смысла. Феноменология хочет воссоздать историю, а именно в ее абсолютном смысле. Ее основное требование — „воспроизвести уже осуществленную историю субъективных действий“. Феноменологическое познание само по себе, по своему наличию и последующей реализации в истории европейского духа оказывается радикальным лекарством от радикального кризиса — таков взгляд Гуссерля. Оно действует подобно антибиотику и на имманентную структуру кризисного процесса и на его разрастание» [35].

Это, на наш взгляд, очень верное суждение. Но только сейчас в культуре России появились силы и условия, чтобы изготовить это «радикальное лекарство от радикального кризиса». В разных жанрах начинает воссоздаваться летопись российского кризиса — не как политический манифест, а следуя нормам феноменологии, как беспристрастное описание хода событий.¹²⁰ Коллектив, который займется разработкой проекта нового «общества знания», будет обязательно вынужден написать для себя «историю болезни» каждой подсистемы советского «общества знания», хотя бы в течение последнего десятилетия. Сама эта работа очистит когнитивную структуру коллектива от многих «идолов» и развеет идеологические иллюзии, что очень поможет работе. Но было бы очень полезно, кроме того, превратить эти рабочие материалы в текст для более широкой аудитории, в терапевтическое средство для существенной части российской интеллигенции.

Третий срез работы, в котором надо ожидать острых дискуссий, это *инвентаризация* того «строительного материала», который реально имеется в России. Разрушительный этап реформы, в целом,

завершен, хотя инерция его не преодолена. Какой должна быть доктрина следующего этапа в рамках нашей проблемы? Каким бы ни был избран главный курс развития, речь идет о том, чтобы строить новый потенциал, поскольку восстановление советского невозможно — как было сказано, изменился сам культурно-исторический тип человека нынешней России. Строить «общество знания» придется из обломков того, что осталось, но уже в соответствии с новой обстановкой.

Одним из важнейших ресурсов «общества знания» является *интеллектуальный потенциал*. Это не природное биологическое свойство (личности, организации, нации), а социальный продукт — актуализированная, «готовая к употреблению» способность сообщества понимать и рационально формулировать проблемы собственной и мировой жизни, собирать и организовывать творческие силы для «создания» знаний и умений, позволяющих эффективно решать эти проблемы. Этот потенциал в ходе реформы понес большие потери. Для работы над проектом новой системы эти потери следует трезво оценить. Каковы главные утраты «общества знания» от ликвидации советского строя и СССР? Оценка масштаба утрат нужна для того, чтобы найти способы их компенсации потерь.

Систематическая инвентаризация еще впереди, здесь укажем на главные классы потерь. Произошло резкое сокращение ресурсной базы и возможностей мобилизации и концентрации ресурсов, которую давала плановая система. На нынешней траектории социально-экономического развития Россия, видимо, не будет обладать ресурсами, сравнимыми с ресурсами «общества знания» СССР. Не будет столь широкой социальной базы «общества знания» и, следовательно, сократятся возможности для отбора кадров. Утрата единой общеобразовательной школы, следующей принципам университетской культуры, переход массовой школы к типу «мозаичной» культуры снизят уровень интеллектуальных притязаний и мотивацию основной части молодежи. Особенно важна мотивация на достижения *высшего класса* (из-за разрушения державного сознания и

устранения антропологического оптимизма солидарного общества). Снижается уровень аристократизма, который был характерен для советского «общества знания» — интеллигенция становится «средним классом». Ликвидация СССР уже сократила культурное разнообразие, которое было важным ресурсом «общества знания». Компенсировать эту утрату более интенсивными культурными контактами с Западом, видимо, полностью не удастся.

Способы компенсации всех этих потерь — задача *творческая*, ее удовлетворительного решения пока не предложено.

Продолжается, но может и должна быть остановлена деградация *научного* сообщества России, которая уже сегодня достигла опасного уровня. Произошла атомизация и фрагментация сообщества с утратой им системной целостности. Ликвидированы или бездействуют многие социальные механизмы, которые связывали людей и коллективы в единую ткань в масштабе страны. Восстановление этих механизмов и создание иных, адекватных новым условиям — длительный и дорогостоящий процесс. В какой-то, совершенно недостаточной, мере, он стихийно идет и сегодня, но не стал объектом государственных усилий. Предложить адекватные и приемлемые по стоимости механизмы — одна из задач проектирования.

Изменения обстановки за последние 17 лет диктуют принципиальные структурные отличия будущей системы «общества знания» от советской. Можно различать две «ветви» интеллектуального потенциала — потенциал *созидания* и потенциал *приспособления*. Первый ориентирован на создание технологий, изменяющих мир; второй — на создание технологий, адаптирующий нас к изменениям в мире, происходящим не по нашей воле.

СССР, став великой державой в условиях конфронтации, но платив за это дорогую цену автаркии, был вынужден переместить центр тяжести «общества знания» в сферу потенциала созидания. Он терпел все больший ущерб от нехватки потенциала приспособления. На нынешней траектории Россия оказывается гораздо более открытой для воздействия быстрых изменений внешней среды. Происходит

стихийный и во многом уродливый сдвиг системы к приоритету приспособления — коммерциализация старых заделов и наследства, переток кадров и средств в непроизводительные сферы и т. д.). Масштаб этого сдвига и неуправляемость процесса таковы, что возникла реальная угроза утратить структурную основу потенциала созидания. При исчерпании запасов его старых продуктов вся система генерации знания России утратит свое структурообразующее значение для страны.

Очень важной негативной тенденцией в «обществе знания» стала, в частности, утрата структурной целостности образования. Сдвиг к потенциалу приспособления и временный хаос в системе ценностей породил элитарный романтизм в представлении об инновационном процессе. Из него выпала ключевая фигура квалифицированного и мотивированного *рабочего* с надежным социальным статусом. Система воспроизводства такого персонала не менее сложна, чем подготовка инженера или менеджера, и утрата этой системы может уже в краткосрочной перспективе привести к обвальному спаду интеллектуального потенциала страны с точки зрения ее инновационных возможностей. Движение знания в инновационном процессе будет блокировано из-за отсутствия массового типа образованного промышленного рабочего.

Быстрые изменения в культуре негативным образом повлияли на трудовую этику и профессиональные ориентации молодежи с точки зрения структуры знания. Так, за 90-е годы произошла инверсия интересов при получении высшего образования и ученых степеней — вместо традиционной для советского периода ориентации на «жесткие» науки (математические, естественные и технические) на первый план вышли общественные и гуманитарные науки и право.

Искавление профессиональной ориентации усугубляется изменениями в системе школьного образования, ведущими к смене культурного профиля (типа знаний и умений) новых поколений молодежи. Реформа школы по сути предполагает демонтаж советской системы, главным принципом которой был *единый* и

общеобразовательный характер средней школы. В настоящее время происходит разделение школы на два «коридора» — элитарный (гимназии, лицеи и колледжи) и массовый, в котором образование исходит из канонов масс-культуры. Этот процесс еще больше сокращает будущую социальную базу для создания «общества знания», адекватного потребностям России.

Все эти процессы, однако, не достигли критического уровня, и Россия сохраняет возможность выйти из кризиса и развиваться не как аутсайдер глобальной экономики и не как пространство для иностранных операторов, а как независимая страна. Россия обладает довольно большими природными богатствами (хотя их размеры в массовом сознании преувеличены). Они труднодоступны, но за долгую историю России в ней сложилась культура и тип хозяйства, приспособленные к трудным природным условиям. За советский период создана инфраструктура, которая может служить базой для развития. За время кризиса она обнаружила высокую устойчивость. Имеются и пережившие потрясения анклавы высокотехнологичных производств. В среднесрочной перспективе Россия может мобилизовать достаточные ресурсы развития (хотя коридор возможностей уже очень узок — и по времени, и по средствам).

Главный ресурс России — высокообразованное *население*, связанное в общество с развитой культурой и принявшее нормы мышления научного типа. Это общество в тяжелых условиях кризиса обнаружило стойкость. Глубокое обеднение не привело к массовой маргинализации в той степени, какой можно было ожидать, не породило крупномасштабного насилия и экстремизма. Важным ресурсом остается высокая *непритязательность* большинства населения России, если она оправдана реальными трудностями страны. Это позволяет на срок выхода из кризиса снизить издержки на производство товаров для внутреннего рынка за счет экономии на дизайне, упаковке и других второстепенных параметрах. Кризис усилил единообразие потребностей. Это позволяет на этапе выхода из кризиса получить большую экономию на масштабе, наладив производство

продуктов большими сериями.

Россия обладает крупнейшим *инженерным корпусом*, который пока еще покрывает почти весь спектр специальностей и технологий. Значительная часть инженеров России за последние десять лет побывала за рубежом, освободилась от синдрома изоляции и многих психологических барьеров. Несмотря на вызванные разрухой потери, основа инженерной культуры России сохранилась и может быть быстро развита до нужных масштабов и стандартов качества.

Кризис смогла пережить *наука* России со своим особым типом научного мышления и стилем работы. Она сильно сократилась в масштабах, но сохранила структурную полноту — при выходе из кризиса «споры» будут оживлены, хозяйство будет обеспечено современным знанием. Система советской науки в основном разрушена, но ее ресурсы еще не разрушены и могут быть собраны в новые структуры — более компактные и мобильные.

При оценке ресурсов важно преодолеть инерцию советского мышления. В действительности ресурсы «работают» совершенно по-разному в разных хозяйственных системах. Большая часть ресурсов, которая приемлемо работала в советском хозяйстве, оказывается бесполезной и даже неликвидной в рыночной экономике и тем более в «открытой» рыночной экономике. Таким образом, оценка наших ресурсов, унаследованная от советского времени, должна быть пересмотрена исходя из критериев новой системы. Реальная ценность любого ресурса прямо зависит от тех ограничений, которые накладываются на выбор варианта развития.

При проектировании «общества знания» можно использовать заделы, созданные в 1985-1989 гг. и не востребованные в 90-е годы. Огромный и даже уникальный эмпирический материал был собран и систематизирован в ходе разработки «Комплексной программы научно-технического развития СССР на период до 2010 года» (КПНТП). Эта работа стала ценным крупномасштабным опытом системного прогнозирования. Она была организована как коллективная *рефлексия и проектирование* в масштабах всего общественного

бытия в средне- и долгосрочной перспективе и ретроспективе. Это был анализ по всему фронту структуры и развития отечественного «общества знания» и проект его модернизации.

По своему размаху эта работа не имеет аналогов, в ходе ее проведения был создан целостный корпус аналитических и прогностических материалов, который следовало бы считать нашим национальным достоянием. Примерно 150 экспертных групп, включавших в среднем по сотне активных и наиболее компетентных докторов наук в каждой из 150 областей науки и техники, подготовили по единой схеме свои доклады (каждый объемом 1-2 тыс. машинописных страниц). Они содержали анализ современного (на тот момент) состояния области в мировой науке и технике, описание имеющихся заделов и вероятные точки роста с прогнозом их развития на 25 лет. Во второй части доклада давалось описание отечественного научного и технического потенциала в данной области, обсуждались его дефекты и сильные стороны, а затем излагались рекомендации и альтернативные подходы по максимальному использованию возможностей научно-технического прогресса при заданных ресурсных ограничениях.

К сожалению, в ходе реформы возникли новые сложные проблемы и неразрешимые противоречия, породившие кризис, в условиях которого этот большой труд оказался невостребованным, огромный коллектив экспертов распался. Работа не была продолжена. Теперь имеет смысл вспомнить это предприятие и изучить его наследие в свете новых задач.

В ходе программы «Экономика и социология знания» пришлось взаимодействовать с большим числом ученых, политиков, хозяйственников и управленцев. Большинство из них выражали уверенность в том, что собирание и институционализация нового «общества знания», построенного на основе новых познавательных и информационных технологий, исходя из чрезвычайных задач и угроз, стоящих перед Россией, с учетом уроков полученных во время кризиса 90-х годов, является приоритетной и срочной задачей. Эта

задача стоит в национальной повестке дня России и она обдумывается и обсуждается на разных уровнях большим числом квалифицированных и ответственных людей. Это сообщество, пока еще рыхлое и не связанное общей методологией и социальной организацией, уже составляют кадровый костяк той системы, которую предстоит построить. Для успеха этого общего дела есть необходимые предпосылки.

Литература

1. *Aganbeguyan A.* La perestroika economica: una revolucion en marcha. Barcelona: Grijalbo. 1989. P. 77.
2. *Bialer S.* (Ed.) Politics, society and nationality inside Gorbachev's Russia. L.: Westview press. 1989.
3. <http://www.government.ru/content/rfgovernment/rfgovernmentchairman/chronicle/archive/2008/08/20/>
4. <http://www.minregion.ru/WorkItems/NewsItem.aspx?PageID-276&NewsID=159>
5. <http://www.mon.gov.ru/press/smi/4848/>
6. *Kropotkin P* La moral anarquista. Madrid: Alianza. 1977.
7. Notices of the Am. Mathemat. Soc. 1992. Vol. 39. № 6.
8. *Radnitzky G.* La tesis de que la ciencia es una empresa libre de valores // Estructura y desarrollo de la ciencia. Madrid. Alianza. 1984.
9. Representative George E. Brown, Jr., Chair of the House Committee on Science, Space, and Technology. 1992. February 8.
10. Science and engineering indicators. 2006. Vol. 1. Ch. 7. (Цит. по: Науковедение. М.: ИНИОН, 2007. № 3.)
11. *Todes D. P.* Darwin without Malthus: the struggle for existence in russian evolutionary thought. N. Y.; Oxford: Oxford University Press. 1989.
12. Toward a metric of science: the advent of science indicators. N.

У., 1978.

13. *Абдулатипов Р.* Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., 1995.

14. *Авалиани Т.* Из истории рабочего движения Кузбасса (к 15-летию шахтерской забастовки 1989 года). [Электронный ресурс] <http://vorkuta-rkrp.narod.ru/avaliani>

15. *Аганбегян А. Г.* [Электронный ресурс] http://econom.nsc.ru/eco/2004_01/

16. Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации // Красная звезда. 2003. 11 окт.

17. *Алексеев Д.* Государство и манипуляция // Главная тема. 2005. № 7.

18. *Алексеева Л. С.* Бездомные как объект социальной дискредитации // СОЦИС. 2003. № 9.

19. *Амоголонова Д. Д., Скрынникова Т. Д.* Пространство идеологического дискурса постсоветской Бурятии // ПОЛИС. 2005. № 2.

20. *Амосов Н. М.* Мое мировоззрение // Вопросы философии. 1992. № 6.

21. *Антонян Ю. М., Перцова Л. В., Саблина Л. С.* Опасные девицы (о несовершеннолетних преступниках) // СОЦИС. 1991. № 7.

22. *Апсите Л.* Предисловие к лекции Мераба Мамардашвили // Альманах «Русский мир и Латвия». № 6. Рига, 2006.

23. *Арбатов Г.* // Независимая газета. 1992. 13 марта.

24. *Арнольд В. И.* Антинаучная революция и математика // Вестник РАН. 1999. № 6.

25. *Арнольд В. И.* О состоянии образования в различных странах мира // Исторический вестник. 2000. № 7.

26. *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М.: Политиздат. 1982.

27. *Баткин Л.* // Куранты. 1991. 30 авг.

28. *Баткин Л.* Возобновление истории // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.

29. *Бауман З.* Возвышение и упадок труда // СОЦИС. 2004. № 5.
30. «Белая книга» России // Человек. 1993. № 4.
31. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 25.
32. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.
33. *Бердяев Н. А.* Душа России. М.: Сказ. 1990. С. 12.
34. *Бирман И.* (США). Взгляд на российскую экономику с Запада. — «Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития». М.: Интер-пракс. 1994. С. 44-46.
35. *Блюменберг Х.* Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии // Вопросы философии. 1993. № 10.
36. *Бовин А.* Правда социализма и судьба социализма // Иного не дано. М.: Прогресс. 1988.
37. *Бородкин Ф. М.* Социальная политика: власть и перестройка // Постигание. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989.
38. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/1Ж88, 2012.
39. *Бронфенбреннер У.* Два мира детства. Дети в США и СССР. М.: Прогресс. 1976.
40. *Брумберг А.* Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс. 1995.
41. *Бузгалин А. В.* Будущее коммунизма. М.: Олма-Пресс. 1996. С. 67.
42. *Буйлов М., Киселева Е., Плаксин И., Рушайло П.* Чем кризис успокоится // Коммерсант-Деньги. 1998. № 19.
43. *Бурдые П.* Оппозиции современной социологии // СОЦИС. 1996. № 5.
44. *Бутовская М. Л., Дьяконов И. Ю., Ванчатова М. А.* Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы, история и современность. М.: Научный мир. 2007.

45. *Буховец О. Г.* О временных ресурсах постсоветского этнонационализма // ПОЛИС. 2005. № 2.
46. Введение к кн. Этничность, толерантность и СМИ. М.: РАН. 2006.
47. *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? [Электронный ресурс] <http://www.praxis.su/text/16/>
48. *Визгунова Ю. И.* Безработица в Латинской Америке в условиях неолиберальных реформ // СОЦИС. 2004. № 8.
49. *Витков А., Рубченко М.* Реформа в ступоре // Эксперт. 2004. № 23.
50. *Волчкова Я.* РАН и Минобрнауки снова разошлись во взглядах // Поиск. 2008. 27 авг. [Электронный ресурс] http://www.poisknews.ru/2008/08/27/rabota_nad_ocenkami.html
51. *Воронцова Л. М., Филатов С. Б., Фурман Д. Е.* Религия в современном массовом сознании // СОЦИС. 1995. № 11.
52. *Гайдар Е.* Богатые и бедные. Становление и кризис системы социальной защиты в современном мире. Статья первая // Вестник Европы. № 10. 2004.
53. *Гайденок П. Я.* Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6.
54. *Глазычев В.* Культура бедности. 2004. 31 мая. [Электронный ресурс] www.russ.ru
55. *Глазычев В.* Шумелки и молчалки // Русский журнал. 2004. 5 июля.
56. *Горбачев М.* Декабрь-91. Моя позиция. М.: Новости. 1992.
57. *Горбачев М. С.* Демократизация — суть перестройки, суть социализма // Правда. 1988. 13 янв.
58. *Горелик Г. Е.* Ядерная история и злоба дня // ВИЕТ. 1993. № 2.
59. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2004 г. М.: Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости. 2005.
60. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году. М.: Министерство

здравоохранения РФ; Российская Академия медицинских наук; Главное управление санитарно-эпидемиологического надзора РФ. 1993.

61. *Грамиш А.* Искусство и политика. Т. 1. М.: Искусство. 1991.

62. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. М.: Практикс. 2003.

63. *Григорьев О., Хазин М.* Добьются ли США апокалипсиса // Эксперт. 2000. № 28.

64. *Дайзард У.* Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.

65. *Данилевич А.* // Проблемы прогнозирования. 1996. № 2.

66. *Данилова Е. Я.* Россияне и поляки в зеркале этнических и гражданских идентификаций // Восточноевропейские исследования. 2005. № 1.

67. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: ЛОГОС. 2000.

68. *Дежина И. Г.* Зарубежные фонды поддержки российской науки: стратегии и результаты // ВИЕТ. 1995. № 3,4.

69. *Деягин М.* Потребительский рынок в СССР // Свободная мысль. 1991. № 14.

70. *Демина Я.* Вице-президент «Боинга» за фундамент и командную работу. [Электронный ресурс] www.POLIT.ru/science/2008/05/04/boing.html

71. *Джавахишвили Я.* Этнорелигиозные стереотипы грузинских студентов // СОЦИС. 2005. № 3.

72. *Дятлов С. А.* Концепция инвестиционного развития России // Альманах Центра общественных наук МГУ М., 1997.

73. Есть мнение (ред. Ю. А. Левада). М.: Прогресс. 1990. С. 83.

74. *Заславская Т. И.* Перестройка и социализм // Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989. С. 217-240.

75. *Заславская Т. И.* Россия в поисках будущего // СОЦИС. 1996. № 3.

76. *Здравомыслов А. Г., Цуциев А.А.* Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм //

Социологический журнал. 2003. № 3.

77. *Зубова Л. Г.* Социальное расслоение в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1995. № 3.

78. *Зусман Л. Л.* Металлический фонд народного хозяйства СССР. М.: Металлургия. 1975.

79. *Иванов В. В.* Теория и реальность осуществляемых реформ // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс. 1994. С. 7-13.

80. *Иванов В. И.* Приватизация: итоги и перспективы // СОЦИС. 2007. № 6.

81. *Илларионов А.* Цена социализма 12 апреля 1999 г. [Электронный ресурс] <http://www.libertarium.ru/libertarium/illarionov>

82. *Ильин В. И.* Российские профсоюзы и аппарат управления: тенденции взаимоотношений // СОЦИС. 1995. № 10.

83. *Иноземцев В. Л.* Парадоксы постиндустриальной экономики // Финансист. 2000. № 4. [Электронный ресурс] <http://www.postindustrial.net/doc/magazines/article66.doc>

84. *Кара-Мурза С. Г., Александров А. А., Мурашкин М. А., Телегин С. А.* Революции на экспорт. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.

85. *Карпухин Ю. Л., Торбин Ю. Г.* Проституция: закон и реальность // СОЦИС. 1992. № 5.

86. *Карсон Р. Б.* Что знают экономисты. Основы экономической политики на 90-е годы и в перспективе // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 5.

87. *Кедрова И.* На фоне Пушкина — порнушка // Трибуна. 2003. 19 фев.

88. *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Исторический материализм. М.: Высшая школа. 1969.

89. *Киселева И. П.* Чего же все-таки хотят шахтеры? // СОЦИС. 1992. № 3.

90. *Кисс Э.* Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в

полиэтнических государствах. М.: Наука. 1994.

91. *Клипов В. Г.* Формула сильной экономики // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 6.

92. *Кобяков А. Б., Хазин М.Л.* Закат империи доллара и конец «Рах Americana» // М.: Вече. 2003.

93. *Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.

94. Коммерсант. 2004. № 62.

95. *Кордонский С.* Социальная реальность современной России // [Электронный ресурс] www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html

96. *Кордонский С. Г.* Обществоведение как государственный институт // Социология перестройки. М.: Наука. 1990.

97. *Коровицына Н.* С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм-ЭКМО. 2003.

98. *Кравченко С. А.* Играизация российского общества // Общественные науки. 2002. № 6.

99. *Красильщиков В. А.* Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7.

100. *Крахмальникова З.* Зачем еще раз убивать Бога? Он все равно воскреснет // Русская идея и евреи: роковой спор. М.: Наука. 1994. С. 174.

101. *Кузнецова А. П.* Из истории приватизации // СОЦИС. 1995. № 6.

102. *Кустарев (Донде) А. С.* Как заговорить призрак // Независимая газета. 1998. 24 сент.

103. *Кустарев А.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8.

104. *Лацис О.* Реформы должны идти быстрее и решительнее // Общественные науки и современность. 1994. № 6.

105. *Лебон Г.* Психология масс // «Психология масс». Самара: Бахрах. 1998.

106. *Левченко И. Е.* Цензура как социокультурный феномен //

СОЦИС. 1996. № 8.

107. *Лисичкин Г.* Зажиточный работник — процветающее государство // Известия. 1989. 8 авг.

108. Личная запись И. В. Курчатова. Архив Российского научного центра «Курчатовский институт». Ф. 2. Оп. 1/с. Д. 16/4 (Цит. по: *Смирнов Ю. Н.* Сталин и атомная бомба // ВИЕТ. 1994. № 2.)

109. *Лужков Ю. М.* Из выступления на педсовете г. Москвы // Московский комсомолец. 2003. 26 авг.

110. *Лэнгмюр И.* Современные концепции в физике и их отношение к химии // Философские проблемы современной химии. М.: Прогресс. 1971.

111. *Лэнгмюр И.* Химическое исследование // Философские проблемы современной химии. М.: Прогресс. 1971.

112. *Майминас Е.* // Независимая газета. 1992. 19 марта.

113. *Максимов Б. И.* Рабочий класс, социология и статистика // СОЦИС. 2003. № 1.

114. *Малахов В.* Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук. СПб: Алетейя. 2002.

115. *Мамут Л. С., Баталов Э. Я., Соловьев Э. Ю.* // Вопросы философии. 1990. № 6.

116. *Мамчур Е., Баженов Л., Лекторский В.* Статус естествознания в современной культуре // Независимая газета. 2000. 16 фев.

117. *Маслов О., Прудник А.* «Бархатная революция» как неизбежность // Независимая газета. 2005. 13 мая.

118. Меморандум в защиту природы (1988) // Перестройка: гласность, демократия, социализм. Экологическая альтернатива. М.: Прогресс. 1990. С. 5-13.

119. *Моисеева Н. А., Сорокикова В. К.* Менталитет и национальный характер // СОЦИС. 2003. № 2.

120. *Мчедлов М. П., Гаврилова Ю. А., Шевченко А. Г.* Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // СОЦИС. 2004. № 9.

1 2 1 . *Нагенгаст К.* Права человека и защита меньшинств. Этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука. 1994.

1 2 2 . *Найшуль В. А.* Откуда суть пошли реформаторы // [Электронный ресурс] bilingua.ogi.ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html

123. *Наша власть: дела и лица.* 2004. № 4. С. 27.

1 2 4 . *Немировский В. Л., Стариков П. А.* Тенденция «квазирелигиозности» в среде красноярского студенчества // СОЦИС. 2003. № 10.

125. *Николаев А. Б.* Инвестиционный процесс — национальные и интернациональные аспекты // Философия хозяйства. 2004. № 5.

126. *Николаев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1985. С. 129-130.

127. Образование как фактор государственной безопасности. Редакционная статья // Известия Академии педагогических и социальных наук. 2002. № 6.

128. *Осипов Г. В.* Мифы уходящего времени // СОЦИС. 1992. № 6.

129. Отчет о проверке эффективности и целевого использования государственных капитальных вложений за 2003-2004 годы, выделенных на реализацию подпрограммы «Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище». [Электронный ресурс] www.ach.gov.ru/bulletins/2005/arch12/04

130. *Паевский А.* Пипл хлебает // Газетами. 2006. 20 нояб.

131. *Панарин А. С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.

132. *Панарин А. С.* О Державнике-Отце и либеральных носителях «эдипова комплекса» // Философия хозяйства. 2003. № 1.

133. *Переслегин С. Б.* Стратегия для русского образования // [Электронный ресурс] http://www.igstab.ru/materials/black/Per_EduZanzibar.htm

1 3 4 . *Петраков И., Перламутров В.* Россия — зона экономической катастрофы // Вопросы экономики. 1996. № 3.

135. *Пияшева Л. И.* Контурь радикальной социальной реформы //

«Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм». М.: Прогресс. 1989. С. 264-278.

136. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград. 1917.

137. *Попов Г. Х.* Корень проблем. О концепции экономической перестройки. М.: Изд-во политической литературы. 1989. С. 53.

138. Предчувствие гражданской войны // Век XX и мир. 1991. № 9.

139. Проблемы борьбы с лженаукой // Вестник Российской Академии наук. 1999. Т. 69. № 10.

140. Пуск БАК: в «черную дыру» затянуло только Рунет // 1998. Юсент. 365 [Электронный ресурс] www.rian.ru

141. *Радаев В. В., Шкаратан О. К.* Власть и собственность // СОЦИС. 1991. № 1.

142. *Ракитов А. К.* Философская азбука бизнеса // Вопросы философии. 1991. № 2.

143. *Ракитов А. И.* Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5.

144. *Резников Л. Б.* Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе // Российский экономический журнал. 2001. № 4.

145. *Римашевская И. М.* Бедность и маргинализация населения // СОЦИС. 2004. № 4.

146. Российская Федерация в 1992 году. Статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 1993. С. 57.

147. *Руткевин М. Н.* Изменение социальной роли общеобразовательной школы в России // СОЦИС. 1996. № 12.

148. *Салицкий А. И.* Бизнес по-китайски // СОЦИС. № 5. 1989.

149. *Сахаров А. Д.* Воспоминания. М.: Права Человека. 1996. Т. 2.

150. *Сахаров А. Д.* Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л., 1990. С. 66.

151. *Сахаров А. Д.* Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Вопросы философии. 1990. № 2.

152. *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда. М.: Интер-Версо. 1991.

153. *Симонов В. В.* Зависимый тип хозяйства при переходе к капитализму: российский опыт (на материалах государственного долга в 80-90-е гг.) // Шансы российской экономики. Альманах Центра общественных наук (МГУ). 1997. № 2.

154. Слово о Сахарове. Научно-практическая конференция, посвященная 73-й годовщине со дня рождения А. Д. Сахарова. М.: Юридическая литература. 1994.

155. *Смирнов И.* «Бредущие среди нас». Попрошайничество как патология // [Электронный ресурс]
http://www.scepsis.ru/library/id_1566.html

156. *Смирнов И.* Либеральный факультет, отделение мракобесия // www.russ.ru/culture/education

157. *Соколовский Д.* «А если гайки одинаковые ввест...»// Двигатель. 2006. № 4. [Электронный ресурс]
<http://engine.aviaport.ru/issues/46/page28.htm>

158. *Соловей В. Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI. 2005.

159. *Соловьёв В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль. 1988 // [Электронный ресурс]
http://gallery.economicus.ru/solovyov/works/solovyov_wl.txt

160. Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества. М.: Наука. 1991.

161. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003.

162. *Судас Л. Г., Румянцев Я. А.* Регистрация прав на недвижимость как социальная проблема // СОЦИС. 2005. № 12.

163. *Тишков В. А.* Интервью 25 января 1994 г. М.: ИСИ РАН. 1994.

164. *Тишков В. А.* О российском народе // «Восточноевропейские исследования». 2006. № 3.

165. *Тишков В. А.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12.

166. *Тойнби А.* Постигание истории. М.: Прогресс. 1991.

167. *Токарев С. А.* Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // В кн.: Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука. 1973.
168. *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа. 1978.
169. *Тульчинский М. Р.* Наукометрический анализ «развития социологии» в начале 90-х годов // СОЦИС. 1994. № 6.
170. *Уваров А.* Русское национальное самосознание. М.: ИТРК, 2000. С. 26.
171. Урал. № 20. 2003. 2 июня.
172. *Фенелли М.* Побег из перестройки накануне 1937 года // Век XX и мир. 1991. № 6.
173. *Фергюсон Н.* Что могут делать деньги. Деньги и власть в современном мире. 1700-2000 *Ferguson N.* The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700-2000. N.Y., 2001) Цит. по: *Островский А. В.* «Квадрат власти» великих империй // Мир истории. 2001. № 9.
174. *Филатове. Б., Воронцова Л. М.* Мировоззрение населения России после перестройки: религиозность, политические, культурные и моральные установки. (Отчет). М.: Аналитический центр РАН. 1992.
175. *Филиппов В. Р.* Противодействие ксенофобии в средствах массовой информации // Этничность, толерантность и СМИ. М.: РАН. 2006.
176. *Филиппов П. С.* Элита России о настоящем и будущем страны. Кн. 1. М.: ИСИ РАН. 1994. 4 янв. Интервьюер — Г. П. Лапина.
177. *Фромм Э.* Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс. 1988.
178. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002.
179. *Хабенская Е. О.* Этнические стереотипы в СМИ: ксенофобия и толерантность // Этничность, толерантность и СМИ. М.: РАН. 2006.
180. *Хакимов Р.* Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993.
181. *Хиниельвуд О. Я.* Качественное и количественное //

Философские проблемы современной химии. М.: Прогресс. 1971. С. 21-32.

182. *Хомский И.* Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003.

183. *Хомский И.* Прибыль на людях. М.: Праксис. 2002.

184. *Хорос В. Г.* Интеллектуальная элита и реформы в России: некоторые обобщения // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс. 1995. С. 200-207.

185. *Христенко В. Б.* Прорыв на Восток // Ведомости. 2006. 6 фев.

186. *Ципко А.* // Московские новости. № 24. 1990.

187. *Ципко А. П.* Освобождение духа. М.: Политиздат. 1991. С. 345.

188. *Ципко А.* Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием // Независимая газета. 2000. 17 мая.

189. *Ципко А.* Можно ли изменить природу человека? // Освобождение 357 духа. М.: Политиздат. 1991. С. 80.

190. *Чеботаев А. А., Ушаков С. С.* Энергоемкость перевозок // Теплоэнергетика. 1993. № 4.

191. *Чернов Ю. К.* Производительность труда и экономика безработицы. М.: НИНУ. 1992.

192. *Чертков Б. А.* США: сельское хозяйство, химизация, экология. М.: Наука. 1991.

193. *Четко С. В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996.

194. *Шафаревич И. Р.* Россия наедине с собой // Наш современник. 1992. № 1.

195. *Шкаратан О. И.* Социальная структура: иллюзии и реальность // Социология перестройки. М.: Наука. 1990.

196. Школьное обозрение. 1999. № 4.

197. *Шмелев Я.* // Известия. 1989. 30 окт.

198. *Шмелев Я.* Новые тревоги и надежды // Новый мир. 1988. № 4.

199. *Шмелев Я. П.* Экономические перспективы России // СОЦИС.

1995. № 3.

200. *Шмелев Я., Попов В.* На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во Агентства печати «Новости». 1989.

201. *Шнырельман В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2005.

202. *Шнырельман В. А.* Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 5.

203. *Шубкин В. Я.* Молодое поколение в кризисном обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс. 1995. С. 56-59.

204. *Щедрина О. В.* Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России // СОЦИС. 2004. № 11.

205. Экоцид в СССР // Человек. 1993. № 4.

206. *Эмсен А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л.* Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996.

207. *Яковлев А.* О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003. 2 дек.

208. *Яковлев А. Я.* Советский строй можно было взорвать только изнутри // Литературная газета. № 41. 2001. 10-16 окт.

209. *Яковлев А. Я.* Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.

210. *Яковлев А. Я.* Перестройка и нравственность // Советская культура. 1987. 21 июля.

211. *Яковлев А. Я.* Предисловие // *Куртуа С. и др.* Черная книга коммунизма. М.: Три века истории. 2001.

212. *Яременко Ю. В.* Экономические беседы. М., 1998. С. 72.

Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г. Общество знания: История модернизации на Западе и в СССР. М.: URSS, 2012. (Далее — О.З.: История...)

2

В обеспечение этого проекта выполняется Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Социология и экономика знания».

3

История XX века показала это самым драматическим образом. Труднопостижимым случаем отказа рациональности стал соблазн фашизма, которому поддался очень разумный и рассудительный народ.

4

Конечно, трансцендентальные идеи можно высказывать и вопреки логике и ясным умозаключениям — так и поступают пророки. Но пророки не живут в своем отечестве.

5

Американская журналистка М. Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, пишет в журнале: «Побывавший в этой стране десять лет назад не узнает, в первую очередь, интеллектуалов — то,

что казалось духовной глубиной, таящейся под тоталитарным прессом, вышло на поверхность и превратилось в сумму общих мест, позаимствованных, надо полагать, их кумирами из прилежного слушания нашей пропаганды (я и не подозревала, что деятельность мистера Уика во главе ЮСИА была столь эффективна)» [172].

6

Здесь мы не обсуждаем тот факт, что пропаганда безработицы антинаучна и противоречит *знанию*. Для получения этого знания не надо было даже рыться в иностранной литературе, оно освещено и в отечественной. Ю. И. Чернов пишет в 1992 г., ссылаясь на изданную в США в 1984 г. книгу «Экономика безработицы»: «Л. Кейзерлинг (L. Keyserling) показал, что стремление побороть в США инфляцию в 1953-1980 гг. путем намеренного создания условий для роста безработицы было эквивалентно потерям в ценах 1979 года 8 триллионов долларов валового национального продукта» [191, с. 82.].

7

В приведенном рассуждении читателя подталкивают к мысли, будто 250 млн человек пали *жертвой* политического строя, для этого протягивается нить к ГУЛАГу. Но ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в отдельные годы превышало 1 млн человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3 % в год — как Отечество могло там «потерять 60 миллионов»? Доподлинно известно, например, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, и основное число смертей пришлось на годы войны, трудное время для всех.

8

Мы не обсуждаем здесь совершенно ложного утверждения о «нулевом приросте чистой продукции сельского хозяйства за десять лет». Чистая продукция сельского хозяйства СССР в 1985 г. составила 120 % от продукции 1975 г. (в ценах 1983 г.).

9

Заметим, что в обоих случаях образованные люди, не замечая несоизмеримости между убытками и доходом колхозной системы и промышленности, одновременно не замечали и подмены понятий. Ведь понятия *рентабельность* и *убытки* в советской экономике были условностью, ибо они *планировались*. И какая утрата логики — утверждать, что если предприятие убыточно, то его «работники сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других». Предприятие — не натуральное хозяйство, оно служит не для «кормления» работников, а для выполнения определенных задач, которые ставит перед ними его владелец.

10

Гипостазирование — серьезное нарушение норм рациональности, распространенное во всех областях науки. Физик И. Лэнгмюр писал: «Большая часть наших недоразумений в науке возникает в результате приписывания реальности тем понятиям, главный смысл существования которых заключается в том факте, что они выражаются словом» [110].

11

Кстати, Ципко не замечает, что его второе суждение (о том, что «производство в нашей стране держалось на практике «разгона», ругани, окрика, на страхе») начисто отрицает первое.

12

Культура России пережила потрясающий эксперимент: после отмены в конце 80-х годов радение художественного уровня текстов, фильмов и театральных постановок было «рым и катастрофическим, что в нем было что-то мистическое. Достаточно сравнить линейку фильмов Эльдара Рязанова — подцензурных и «свободных».

13

Далее — О.З.: История...

14

Горбачев сделал оговорку, отрицающую весь тезис: гласность у нас беспредельна, но только в пределах интересов социализма, а их определяет номенклатура КПСС.

15

Во всех этих примерах мы не касаемся политических целей авторов

учреждений и не даем оценок ценностной стороне умозаключений. Мы говорим лишь о состоянии когнитивной структуры заявлений, то есть об операциях в сфере рационального знания.

16

Стоит вспомнить М. Е. Салтыкова-Щедрина, который писал: «Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки безнужно скулят о том, что собственность священна! наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!»

17

Взглянем на Запад. В фундаментальной книге об истории финансовых систем [173] сказано, что в XIX веке подоходный налог стал основным рычагом финансовой политики. «В подавляющем большинстве стран с 1890 по 1980 гг. происходил неуклонный рост доли поступлений от подоходного налога в государственный бюджет. В конце XX века в Англии и США доля подоходного налога составляла около 25 % доходов бюджета, в Германии — 36 %, во Франции — 17 %. В целом, в XVIII-XIX вв. доля прямых налогов в бюджетных доходах государства постепенно возрастала и доходила к середине XX века до 50 %».

18

Рассуждения Найшуля замечательны тем, что своей сильной стороной он считает чисто математический, логический анализ экономики — без «химер совести».

19

В тот момент С. Кордонский работал референтом президента В. В. Путина.

20

Рейтинг следующих за патриархом авторитетных в сфере религии фигур таков: художник И. Глазунов — 6 %, певица А. Пугачева — 5 %, великий князь Владимир Кириллович — 4 %, герой афганской войны генерал Громов — 4 %, рок-певец Б. Гребенщиков — 3 %, архангельский мужик И. Сивков — 3%, писатель Ф. Искандер — 2 %, актер-культурист С. Сталлоне — 2 %, старец Троицко-Сергиевской лавры Наум — 2%, сексолог И. Кон — 2 %, по 1 % — академик-физик Е. Велихов, бизнесмен К. Боровой. Затруднились ответить или не нашли себе авторитета в данном списке — 33 % [174].

21

Н. П. Шмелев писал: «Своеобразным символом в этом смысле стала Воркута, которая рыночной ценой угля покрывает лишь 15 % своих издержек, остальные 85 % ей оплачивает госбюджет» [199].

22

В 2007 г. в Кемерово прошла встреча ветеранов труда. Разговор зашел и о 80-х годах. Один шахтер вспомнил, что нередко компании молодых приятелей собирались и летели на субботу в Москву —

погулять и «попить пивка». Утром туда, вечером обратно. Зарплата позволяла им такие маленькие удовольствия.

23

Даже А. Д. Сахаров писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном» [150].

24

Мы говорим о статистически значимых факторах и тенденциях, а не о конкретных личностях — в обществоведении, как и во всех других сферах, есть множество свободных и творческих умов, которые лишь имитируют конформизм.

25

Пьетро Инграо, один из руководителей итальянской компартии, писал в 1992 г.: «На Востоке насильственно возникла система социально-политических режимов, которые радикально отличаются от моделей, принятых на Западе. Я отвергаю идею, будто эти деспотические режимы, называемые «реальным социализмом», имели хоть какое-то сходство с гипотезой коммунистического общества... Все мы приветствовали мирное вторжение демократического начала, которое нанесло удар по диктаторским режимам. Символом этого было падение берлинской стены» [8].

26

Масштабы этого отката нельзя преуменьшать. На молодежных конференциях экономистов, победителей крупных конкурсов, проявляются общие признаки «нового мышления» — отсутствие логики и полная оторванность от реальной жизни, радикальный наивный идеализм.

27

Хорос дает такой психологический портрет обществоведов этой категории: «Это отсутствие политической ответственности и того, что можно назвать психологией государственного человека, сочетается у постсоциалистических реформаторов с поразительным, доходящим порой до наивности (или цинизма) нарциссизмом. Они охотно дают интервью, позируют фотографам. Они рекламируют свои идеи как последнее слово экономической науки и презрительно третируют любого, кто зайнется о каком-то государственном регулировании, как реставратора командно-административной системы».

28

Некоторые философы считают проблемой всемирного масштаба «фетишизм науки, идущий параллельно с фетишизмом потребления, вещиизмом».

29

Инвентаризация металлического фонда СССР до этого проводилась в 1926-1928, 1938-1940, 1954-1955 гг.

30

Речь идет только о металле, находящемся на территории США, хотя к нему следовало бы приплюсовать металлический фонд, которым располагают предприятия американских корпораций в других странах, прежде всего, в Латинской Америке.

31

Заметим, что при плановой системе за пятилетку 1986-1990 гг. в РСФСР было построено 59 тыс. км шоссейных дорог общего пользования (без внутрихозяйственных), а за пятилетку 2001-2005 гг. в РФ 15,4 тыс. км.

32

Такая возможность нас еще ожидает. По данным МЧС на 2003 г., износ промышленных трубопроводов достиг 80 %. Никакой программы замены изношенных труб нет и не предвидится из-за невозможности для добывающих компаний накопить достаточные ресурсы стали.

33

Предисловие к ней написал Н. П. Шмелев. Он высоко оценил труд автора, опытного специалиста, хорошо знающего сельское хозяйство

США: «Несомненной заслугой работы является фундаментальная экономическая проработка, особенно в разделах, где обосновывается эффективность химизации». При этом Н. П. Шмелев был одним из тех, кто активно проклинал и химизацию, и мелиорацию сельского хозяйства в СССР.

34

В общем, эта кампания, предпринятая с участием представителей научной элиты, привела к ситуации, которая в докладе Министерства сельского хозяйства РФ «Научно-техническое развитие агропромышленного комплекса России» (Москва, 2000 г.) изложена так: «В хозяйствах зачастую используются упрощенные технологии производства растениеводческой продукции, которые отличаются достаточно низким уровнем, что приводит к резкому падению урожайности и технологических качеств сырья. По этой причине резко сократилось производство сильного зерна, сахаристость отечественной свеклы в последние годы на 30-40 % уступает зарубежной, понизилось качество овощей, картофеля.

Причинами нарушения технологий возделывания сельскохозяйственных культур стали: отсутствие необходимой в хозяйствах сельскохозяйственной техники, сокращение внесения необходимых минеральных удобрений в почву более чем в 10 раз, усиление процессов закисления, засоления и эрозии почв из-за сокращения мелиоративных работ, резкого уменьшения вложений в известкование и фосфоритование».

35

Появление на собраниях элитарной интеллигенции такого человека, который не побоялся бы воззвать к здравому смыслу, особенно в

присутствии «американских коллег», — явление исключительное. Отказ от норм рациональности стал именно нормой, а следование им — оригинальным, экстравагантным явлением.

36

Данные МВД, по мнению социологов, не отражают масштабов явления, поскольку МВД учитывает только тех, кто попадает в сферу его прямых функций. Официальной статистики не публикуется.

37

В 1913 г. на 1,5 млн жителей Москвы было 150 богаделен и несколько десятков ночлежек.

38

Напомним, что для постиндустриального общества, согласно определению Д. Белла, характерно «доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов, которые... могут быть использованы для изучения самых разных сфер опыта» [31].

39

О вольности обращения с фактами и говорить нечего. «Мощный кризис» не поразил Китай, несмотря на его большие инвестиции, — китайская валюта сохранила стабильность как на внутреннем, так и на

мировом рынке. А вот «ипотечный кризис» США нанес удары даже по финансовой системе Западной Европы. Но это к рассуждениям В. Л. Иноземцева о постиндустриальной экономике не имеет никакого отношения.

40

Рассуждения об инвестициях в такой форме создают еще одну зону неопределенности — не различаются инвестиции из собственных накоплений и иностранные инвестиции. В начале нового тысячелетия иностранные инвестиции (все их формы) составляли 3775 млрд дол. или 58,3 % от общей суммы валовых национальных инвестиций в основной капитал [125].

41

При этом Шкаратан немислимым образом нарушает меру. Он считает «гигантской массой» 2,5 млн работников управления, получающих зарплату из государственного бюджета. Он должен был бы указать здесь систему координат и стандарты, сообщив, сколько таких работников в «правильных» государствах и сколько, по его расчетам, их будет в демократической России.

42

То же самое происходит в других частях постсоветского пространства. Например, в Грузии охват населения газетами сократился в 137 раз! После разрушения СССР грузинское общество переместилось в совершенно иную информационную среду. В 2000 г.

на 1 тыс. населения Грузии приходилось 5 экземпляров ежедневного тиража газет. В советское время плотность информационных связей грузин через *печатное слово* была как у развитой современной нации, а теперь приобрела тип, характерный для *племени*, обитающего в самых слаборазвитых районах мира. Грузинское общество разделяется на региональные и родоплеменные этнические общности.

43

Надо сказать, что введение в России регистрации недвижимости «западного типа» представляет собой удар вовсе не только по советским привычкам. Это — важное потрясение русской этнической культуры. Вестернизация этой части имущественных отношений не успела охватить существенной части населения и в дореволюционной России. Вот одна из последних повестей Н. С. Лескова, знатока русской национальной культуры центральных областей — «Несмертельный Голован» (1880).

44

Когда в сентябре 1993 г. ОМОН блокировал Дом Советов, люди обращались к офицерам: «Почему не даете нам пройти? Ведь это наше право, а вы — правоохранительные органы». А те искренне отвечали: «Мы теперь не правоохранительные органы, а силовые структуры».

45

Этот идеологический тезис, в котором натурализация общества доведена до гротеска, примечателен тем, что в *этнологии*,

специалистом в которой и является В. А. Тишков, он отвергает *примордиализм*, т. е. натурализацию этничности.

46

Заметим, что второй по значимости проблемой ЖКХ в 2003 г. называли «число людей, которые пользуются льготами и либо совсем не платят, либо платят только 50 процентов от требуемой суммы в систему ЖКХ. Их — 85 миллионов человек». Во что обходились государству эти льготы? Действительно ли 85 миллионов человек в РФ «либо **совсем не платят**, либо платят только **50 %** от требуемой суммы»? По данным Госстроя, в 2003 г. из бюджетов разных уровней *на оплату льгот* по жилищно-коммунальным услугам было выделено 13,8 миллиарда рублей. Если разделить эту величину действительно на 85 млн человек, то выйдет по 13 руб. 53 коп. в месяц. Достаточно это, чтобы «ничего не платить или платить половину»? Несоизмеримость налицо. Расходы на льготы — величина ничтожно малая по сравнению с затратами ЖКХ.

47

На Западе велики и льготы беднякам. В США, например, значительную часть этих льгот составляет выдача наборов продовольственных продуктов (точнее, талонов для их получения в магазинах). Это — типичная натуральная льгота, и никому в голову не придет заменить ее деньгами. Часть продовольствия (особенно из складских излишков) бесплатно распределяется по школам и приютам.

48

Если бы пенсионеров лишили бесплатного проезда, они стали бы ходить пешком или сидеть дома. Но автобус ходил бы, как и раньше. И никакой прибыли не получила бы автобусная компания от того, что не втиснется в автобус старик, не поблагодарит уступившего ему место мальчика и не проедет бесплатно — потому что он ветеран и заслужил такую льготу.

49

Здесь следовало бы взять пример с реформы Столыпина, в ходе которой двумя независимыми организациями велся непрерывный мониторинг рынка земли, социальных характеристик продавцов и покупателей, способ и эффективность использования купленных участков. Данные регулярно публиковались.

50

Вот частный, но типичный пример такой подмены. Экономист М. Делягин (одно время — помощник премьер-министра М. Касьянова) так характеризовал вектор социального развития советской системы: «Деньги на „великие стройки века“ и другие производства, не связанные с удовлетворением нужд населения, урывались из зарплаты тех, кто создавал реальные потребительские блага... Таким образом, административный механизм балансирования потребительского рынка оказывал на него давление в сторону обнищания, способствовал тому, чтобы в натуральном выражении равновесие каждого года достигалось на уровне ниже предыдущего» [69]. Взяв самые обычные статистические ежегодники, каждый мог бы убедиться, что вплоть до созданного бригадой Горбачева кризиса 1990 г. «в натуральном выражении равновесие каждого года достигалось на уровне *выше* предыдущего». Никакого «обнищания» в СССР не происходило, а

имел место постоянный прирост благосостояния, то есть вектор не изменялся на противоположный («в сторону обнищания»).

51

Вот ст. 20 «конституции» Сахарова: «Республика может иметь республиканские Вооруженные силы или отдельные рода войск, которые формируются из населения республики и дислоцируются на ее территории». А вот ст. 23: «Республика имеет собственную, независимую от Центрального Правительства систему правоохранительных органов (милиция, министерство внутренних дел, пенитенциарная система, прокуратура, судебная система)» [152, с. 271].

52

Надо заметить, что к 1995 г. стало очевидно уже и из практического опыта, что ни о какой «радикальной модернизации» промышленности речи не шло — происходила именно ликвидация «от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей», причем в первую очередь ликвидировались самые современные производства — авиационная промышленность и станкостроение.

53

Если Менделеев в российском «обществе знания» 90-х годов не обладал авторитетом, то можно сослаться на авторитет Японии. Как раз когда в Москве в 1991 г. обсуждался закон о приватизации, в журнале «Форчун» был опубликован большой обзор о японской

промышленной политике. Там сказано: «Японцы никогда не бросили бы нечто столь драгоценное, как их промышленная база, на произвол грубых рыночных сил. Чиновники и законодатели защищают промышленность, как наседка цыплят».

54

Надо заметить, что эти предвидения российских реформаторов выпадали из пространства знания. Уничтожая под знаменем постиндустриализма весь корпус знания, созданный в СССР при строительстве и применении плановой системы, они игнорировали тот факт, что постиндустриализм и есть движение к обузданию стихии рынка методами планирования. Д. Белл писал в программной статье об информационном обществе: «Национальное планирование возможно в следующих вариантах... Используя экономические матрицы входа-выхода — вроде тех, например, какие предложил В. Леонтьев — можно выверять различные альтернативы экономической политики с тем, чтобы в точности уяснить воздействие правительственных решений на те или иные секторы экономики. В еще более радикальном варианте, который предложил советский экономист Л. Канторович, речь идет о создании национальной компьютерной системы, которая, регистрируя различные цены и распределение товаров, помогала бы определять отклонения от запланированных экономических целей и выявлять моменты диспропорционального использования ресурсов в различных секторах экономики» [32, с. 339].

55

В социальной политике Н. П. Шмелев делает ставку на обман. Он требует приватизации — но с «какой-то действенной социальной анестезией при проведении столь болезненной хирургической

операции», призывает «приглушить какими-то компенсационными мерами понятную зависть все более и более нищающей толпы к удачливым предпринимателям». Этическая компонента исключалась им также из установок работника: «Рубль должен быть поставлен в центр всего. Он и только он должен быть наградой за усердный труд».

56

Данные МВД, по мнению социологов, не отражают масштабов явления, поскольку МВД учитывает только тех, кто попадает в сферу его прямых функций. Официальной статистики не публикуется.

57

В. Глазычев пишет: «Пора называть вещи своими именами. Задача сокращения зоны российской бедности в два раза, поставленная властями, означает не более, но и не менее, чем прочерчивание вектора: приближение к цивилизационной норме порядка 10 %. Совершенно понятно, что без трюков с подсчетами за несколько лет достичь этой цели невозможно, тем более что мучительно развертывающиеся реформы — здравоохранения, пенсионная, муниципальная, образования, — вопреки заверениям властей, неизбежно будут расширять зону бедности одновременно с попытками ее сжатия «сверху». Соответственно, перед нами стадия долговременного существования обширной зоны бедности, что предполагает, во-первых, признание особой культуры бедности, а во-вторых, ее развитие» [54].

58

В. Глазычев отмечает: «Сколько-нибудь серьезной статистики нищеты в стране нет, и едва ли реалистично выстроить ее силами казенных учреждений, что ставит негосударственные объединения и локальные общественные организации перед весьма серьезным вызовом. Картина различных «субкультур нищеты» не отстроена, хотя ее видовое богатство не является секретом ни для исследователей, ни для ответственных публицистов. Понятно, что без картирования явления нельзя выстроить сколько-нибудь действенную политику последовательного сжатия зоны нищеты до социально допустимого минимума» [54].

59

Категории параметра, индикатора и критерия интенсивно разрабатывались в 70-е годы именно для измерения и оценки развития «общества знания», прежде всего, науки [12].

60

Известны работы, удостоенные впоследствии Нобелевской премией, которые в течение десятка лет не получали во всей мировой литературе, просмотренной SCI, ни одной ссылки (например, работа А. Кормака о поглощении рентгеновских лучей тканями, на базе которой был создан сканирующий рентгеновский томограф — за 9 лет после публикации она получила всего 1 ссылку).

61

Классическим является миф о царе Мидасе, который в награду за

услугу попросил для себя у богов чудесного свойства — превращать в золото все то, к чему он прикоснется. Цель была сформулирована неверно, т. к. неверным был критерий достижения цели — превращение в золото *всего*, к чему прикоснешься. Мидасу пришлось умолять богов лишить его этой чудесной способности — в золото превращалась и вода, и пища.

62

В 1135 г. в Новгороде специальной грамотой забота о мерах и весах поручалась церкви святой Софии и епископу церкви святого Иоанна со ссылкой на грамоту царьградского патриарха Фотия, в которой утверждалось, что «искони от бога» было установлено «торговые весы, мерилы и чаши от весов блюсти епископу без пакости». Начало государственной стандартизации в России датируется 1555 г., когда указом Ивана Грозного были установлены постоянные размеры пушечных ядер и введены калибры для проверки этих размеров. В 1761 г. в секретной инструкции Тульскому оружейному заводу было предписано, чтобы «на каждую оружейную вещь порознь мастерам иметь меры или лекала с заводским клеймом или печатью оружейной канцелярии, по которым каждый с пропорцией каждую вещь проверить мог» [157].

63

В 1929 г. была введена уголовная ответственность за несоблюдение обязательных стандартов.

64

Курьезно, что это говорит психолог, член корпорации, которая обеспечивает власть современными средствами господства посредством манипуляции сознанием — «даже если этот конкретный Гозман в преступлениях не замешан».

65

Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 г., задолго до фашизма: «возрастает опасность того, что «белокурая бестия», мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями». В 1946 г. признал: «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему».

66

Бывший в 1991 г. премьер-министром СССР В. В. Павлов писал, что «ни в начале, ни в середине 80-х годов вопрос о политической нестабильности не стоял. Перелом произошел в 1987 г., когда Горбачев сделал резкий поворот от экономических реформ к политическим».

67

Графики всех рисунков построены по данным статистических ежегодников ЦСУ РСФСР, Госкомстата РФ и Росстата.

68

Видимо, в 2007 г. были изменены критерии отнесения ремонта к категории «капитального». Из-за этого с 2008 г. начался резкий рост показателя, а в 2010 г. Росстат задним числом даже пересчитал данные за 2008-2009 гг., что отражено на рисунке. В октябре 2007 г. Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 г. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по России должна была составить в 2008 г. 19,5 тыс. рублей за 1 м. На деле, как сообщает Росстат, средняя по РФ стоимость ремонта 1 м капитально отремонтированного жилья составила в 2008 г. 2,7 тыс. руб. Это косвенно свидетельствует о несоблюдении необходимого регламента ремонтных работ и, как следствие, о низком его качестве. Строго говоря, проводимый в последние годы ремонт нельзя считать *капитальным*.

69

Речной транспорт — один из множества структурно схожих примеров. Так, в РФ за годы реформы было закрыто 73 % аэропортов (в 1992 г. их было 1302, в 2007 г. 351). Пространство страны, связанное воздушным транспортом, рассыпано на изолированные клочки.

70

После 2004 г. временной ряд прерывается, поскольку в ежегодниках Росстата эта отрасль разделена на три: производство машин и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство

транспортных средств и оборудования. Рассчитать из публикуемых данных суммарный индекс производства всей отрасли невозможно.

71

Масштабы сноса ветхих домов очень невелики. Счетная палата отмечает в 2005 г.: «Ликвидировано за указанный период [2002-2004 гг.] ветхого и аварийного жилищного фонда 630,4 тыс. кв. м при плане 2406,0 тыс. кв. м, выполнение составило 26,2 %». За три года 0,63 млн кв. м, величина пренебрежимо малая.

72

В 2000 г. пресса писала: «5,5 % жилого фонда Москвы находится в аварийном и ветхом состоянии, еще 18 % — в неудовлетворительном. Такие данные были приведены на заседании правительства столицы» («Деловая Москва», 17.07.2000). Рост с 5,5 до 14 % за шесть лет — правдоподобная величина.

73

Счетная палата вскользь делает странное замечание: «Минюстом России письмом от 23 апреля 2004 года № 07/4174-ЮД отказано в государственной регистрации данного постановления».

74

Замминистра, видимо, ошибся. «Российский статистический

ежегодник. Официальное издание. 2006» на стр. 209, табл. 6.44, в строке «Капитально отремонтировано жилых домов за год, тыс. кв. м общей площади» указывает, что в 2005 г капитально отремонтировано не 30, а 5,5 млн м.

75

Хотя представительные данные об идеологических установках научной интеллигенции отсутствуют, есть основания считать, что значительная ее часть и большинство политически активных представителей были сторонниками рыночной реформы и поддерживали ее радикальный проект. Следуя в своей ценностной ориентации гибриду социал-демократических и неолиберальных идеалов, они в то же время отличались как от социал-демократов, так и от либералов своей приверженностью к революционному выбору (хотя речь и шла о «революции сверху»). В этом — глубокое внутреннее противоречие мировоззренческих установок советской научной интеллигенции в конце XX века и истоки культурного кризиса 90-х годов.

76

Ухудшилось обеспечение и другими необходимыми для научной работы ресурсами, например, литературой. Прекратилось поступление многих зарубежных журналов, что сильно обесценило накопленные ранее библиотечные фонды. В 1993 г. на одном совещании чл.-корр. РАН микробиолог Г. А. Заварзин сказал: «Моя научная «пища» в последние пять лет становилась все скуднее с каждым годом и даже месяцем. Если еще три года назад мой еженедельный «рацион» состоял примерно из 300 естественнонаучных журналов, то сегодня он сократился до 50, что, конечно, недостаточно».

77

Это разделение нарушает и сложившуюся в науке систему социодинамики знания. В реальной информационной структуре науки фундаментальное и прикладное знание переплетены, также неразделимы они институционально. И. Лэнгмюр писал: «Существенной пользой, которую промышленная лаборатория получает от того, что некоторые ее работники занимаются фундаментальными исследованиями, является стимулирующее действие данного факта на весь коллектив. Это привлекает в лабораторию людей различного склада из числа тех, кто обычно занимается инженерными исследованиями, и создает в ней условия для значительно большего стремления быть в курсе новейших взглядов в отношении новых научных разработок. Люди, занимающиеся фундаментальными исследованиями, часто являются неоценимыми советниками и консультантами для работающих над разрешением практических проблем» [111].

78

«Russia is faced with the imminent dissolution of its science and technology infrastructure within the Russian Academy of Sciences, its educational institutions, and its military-industrial complex».

79

В 90-е годы были, например, прекращены гидрологические разрезы на Черном море, начатые еще в XIX веке и проводившиеся во

время Великой отечественной войны даже при непосредственной опасности бомбежек и обстрелов гидрологических судов.

80

Так, во время Гражданской войны, при гораздо более глубоком экономическом спаде, чем сегодня, работы крупной комплексной экспедиции Российской Академии наук в районе Курской магнитной аномалии велись даже в зоне боевых действий.

81

Да и положение Академии наук в структуре государства не могло не стать неопределенным. При глубоком «разгосударствлении» России Академия наук просто лишилась той среды, в которой она была необходима и жизнеспособна.

82

«The political turmoil in Eastern Europe over the past several years has resulted in a near-catastrophic situation for scientific and mathematical research in the former Soviet Union... The former Soviet Union has a particularly strong tradition in the mathematical sciences, with a history of stellar research accomplishments, distinctive traditions, and important contributions to mathematics education. However, this community could all but disappear...».

83

Сегодня, когда потребность политического режима в идеологической поддержке ученых исчезла, это противоречие не так заметно — ученые исчезли с политической арены в обеих своих ипостасях. Но противоречие не исчезло, а лишь приняло латентную форму. Оно хорошо отражено в идеологических текстах видных ученых конца 80-х — начала 90-х годов.

84

По мере нарастания в нашем обществе подспудных и зачастую даже неосознанных «антисоветских» тенденций, портились учебные программы, школе навязывались нововведения, подрывающие это принцип. Так произошло, например, с программой по математике в конце 70-х годов. Но тогда эти уклоны выправлялись. Академик Л. С. Понтрягин даже написал четыре учебника по математике для учителей и заинтересованных старшеклассников. Сам он в 13 лет потерял зрение, и учеба далась ему с большим трудом. И он написал книги исходя из своего юношеского опыта и опыта педагогов, которые его учили. Изданные массовым тиражом (по 250 тыс. экземпляров), эти замечательные книги за несколько дней исчезли с прилавков, и найти их вскоре стало невозможно. Конечно, они очень помогли учителям.

85

Полезно вспомнить, что, согласно международной «Конвенции о правах ребенка», «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста».

86

В годы Гражданской войны российские школы (в основном, сельские) сыграли огромную роль в социальной и психологической защите многих миллионов детей от ужасов хаоса и разрухи. Значение этого труда учительства было столь очевидно, что школам часто помогали все воюющие стороны.

87

В России оценку знания школьников по методике PISA проводит российский Центр оценки качества образования. Подробные данные о результатах можно получить на его сайте: www.centeroko.ru

88

В «живом журнале» Интернета была такая запись преподавателя: «Один из приятелей, преподаватель в МАИ, рассказал, как у него на семинаре в отношении $\sin x/x$ сократили „х“. — Второй (преподает в частном платном институте), ответил, дескать, чему ты удивляешься. Говорит — приходит новый поток, он им про интегралы — непонимание. Он начинает по школьной программе возвращаться. Возвращаться приходится далеко. Вплоть до того, что при необходимости сложить $1/2$ и $1/3$ студенты начинают судорожно хвататься за калькулятор. Со слов этого второго, со сложением и перемножением $1/3$ и $1/2$ — это не нечто выдающееся, а регулярно встречающаяся ситуация».

89

Это особенно проявилось в общинной крестьянской деревне и

предопределило важную роль *поколений* в ритме русской революции. Но затем, в советское время эта особенность социализации детей и подростков укрепилась в результате почти всеобщей занятости обоих родителей и большого участия старших поколений в воспитании внуков.

90

Обсудив результаты экспериментов, 13 октября 2003 года Ученый совет МГУ сделал Заявление, в котором, в частности, говорится: «ЕГЭ представляет собой пока еще несовершенный способ контроля, который в конечном счете ведет к доминированию принципов стандартизации и переориентации средней школы от задач развивающего обучения, основанного на фундаментальном научном знании, к механическому заучиванию тестовых заданий с целью сдачи ЕГЭ... Это приведет к снижению качества школьного образования, которое и так подвергается в последние годы серьезному испытанию реформами».

91

Сам руководитель Центра тестирования, который разрабатывал КИМы, Владимир Хлебников, признает: «Я могу отвечать за наши тесты, мы выжали из существующих технологий максимум. Но даже при этом невозможно обеспечить объективность и надежность результатов».

92

Массовые эксперименты позволяют утверждать, что введение ЕГЭ завершит социальное расслоение внутри школы, разделит детей по двум «коридорам» вне зависимости от знаний и способностей. Хорошие ответы на тесты обеспечены тем, кто оплатит дорогого репетитора, даст достаточную взятку и купит ребенку хороший пейджер для получения подсказок.

93

Мэр Москвы Ю. М. Лужков выразился резко: «Вводя тестирование, мы заменяем принципом угадывания принцип проверки знаний. ЕГЭ напоминает наперстки на вокзале. Но если на вокзале мы теряем лишь деньги, то здесь — молодое поколение» [109].

94

В «Государственном докладе о состоянии здоровья населения РФ» за 1999 г. сказано: «Среди причин, приведших к увеличению заболеваемости инфекциями, передаваемыми половым путем, следует указать, прежде всего, на происшедшие изменения социально-экономических отношений, приведших к расслоению населения, повлиявших на поведенческие, в том числе сексуальные, реакции людей... Регистрируемый уровень инфекций, передаваемых половым путем, не отражает истинной заболеваемости населения страны, так как коммерческие структуры и организации, а также частнопрактикующие врачи не заинтересованы (в основном по финансовым соображениям) в полной регистрации и сообщении сведений в органы здравоохранения о числе принятых ими больных».

95

Согласно результатам исследования PISA 2006 года, в котором участвовали 400 тыс. школьников из 57 стран, наилучшие знания в математике продемонстрировали школьники Тайваня, Финляндии, Кореи и Гонконга. Переслегин разделяет оценки многих социологов: «Следует подчеркнуть, что комплексных социологических исследований на тему деградации образования не проводилось, и речь идет, конечно, об отдельных наблюдениях, которые могут быть интерпретированы различными способами. Не приходится, однако, сомневаться в медленном ухудшении качества школьного обучения (этот процесс зафиксирован всеми приемными комиссиями ВУЗов), а также в снижении его уровня *с востока на запад*».

96

Примордиалистская концепции представляет этничность как нечто изначально (примордиально) данное и естественное, порожденное «почвой и кровью». Этому взгляду противостоит «конструктивистский» (или «реалистический») подход, в котором этничность рассматривается не как данность и «фиксированная суть», а как исторически возникающее и изменяющееся явление, результат творческого созидания. Марксизм тяготел к примордиализму, но это было более 150 лет назад!

97

Политики, которые конструировали этничность «новых русских», определенно считали их нацией. В газете «Утро России» (февраль 1991 г.), органе партии Демократический союз (В. Новодворской), ее главный редактор В. Кушнир писал в статье «Война объявлена, претензий больше нет»: «Рано или поздно, осыпаемые оплеухами, мы перейдем наш Рубикон и тогда все изменится. Вот почему я за

войну... После взрыва, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми. Страна должна пройти через испытания... Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации».

98

Примечательно, что директор Института антропологии и этнологии РАН считает «интригующее слово *этнос*» не содержательным понятием, а «ложной конструкцией». Как же мы сможем разобраться в этнических проблемах с такими этнологами?

99

Так, в советской антропологии долго не включали племя в число *исторических* общностей, потому что когда-то Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос» сказал, что не следует смешивать «нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической». Но в 1950 г. Сталин, отвечая на вопросы по поводу языкознания, упомянул в одном ряду племя, народность и нацию — и племя было восстановлено в своих правах как историческая общность.

100

В базе данных «Dissertation Abstracts», где собрано полтора миллиона авторефератов диссертаций, защищенных в университетах США, аккумулирован огромный по масштабу исследовательский

материал, посвященный этническим конфликтам. Его ядро — работы очень высокого качества.

101

Автор — историк, доктор наук, сотрудник РАН и эксперт «Горбачев-фонда», известный в кругах современных политологов.

102

Мнение, будто свойство парадигм заключается в том, что «научная истинность их аксиом не может быть доказана», с опытом не согласуется. Для того Галилей и шлифовал линзы своего телескопа, чтобы *доказывать* основания парадигмы Коперника с помощью наблюдения. О Ньютоне и говорить нечего — его законы доказаны и математически, и опытным путем. При этом аксиомы ньютонианства как раз не были *самоочевидными* — очевидными казались аксиомы Аристотеля (вроде того, что камень падает быстрее перышка).

103

Дж. Комарофф пишет: «Этническое самосознание вовсе не есть „вещь“, но всегда — отношения, суть которых выражается через особенности (развивающегося в каждый данный момент времени) процесса их исторического формирования. Именно по этой причине я говорю о невозможности как какого-либо субстантивированного определения «этого», так и существования «теории» этничности как таковой, но только лишь о реальности теории истории и сознания, способных объяснить формирование различных форм самоосознания»

104

Впрочем, дальше читаем: «Государство для русских — не парадигма сознания, а бессознательная структура — русский этнический стереотип» [158, с. 124]. Чем «бессознательный русский этнический стереотип» отличается от «русского этнического архетипа»?

105

Кризис возник и в нациях Запада, которые уже казались «моноэтническими». В конце XX в. этничность «очнулась» и взбунтовалась. И дело не только в том, что практически все нации Запада уже стали многоэтническими в результате крупномасштабного завоза дешевой рабочей силы — проснулось этническое сознание уже, казалось бы, давно ассимилированных народностей. Рухнула универсалистская утопия Просвещения, согласно которой в современном гражданском обществе индустриальной цивилизации этничность должна была исчезнуть. Эта утопия и заложила фундаментальный конфликт между нацией и этносами (конфликт, которого на длительный исторический период избежали и Российская империя, и Советский Союз).

106

Это было одной из тяжелых деформаций советского обществоведения. Она не только лишила общество развитых

интеллектуальных инструментов для понимания этнических процессов, но и отгородила советскую интеллигенцию от важного для России опыта нациестроительства других стран (в советском идеологическом пространстве не было, например, места для рассуждений Сунь Ятсена о «сокровище национализма»).

107

Так, в Бурятии есть историки, считающие предками бурят шумеров и гуннов. В 2004 г. в статье «Потомки гуннов — объединяйтесь!» сообщалось: «Гуннский международный фонд — общественно-культурная организация, действующая в Бурятии, выступила с инициативой создания Союза гуннских родов Забайкалья. Члены фонда... считают, что только в Бурятии насчитывается 24 рода, которые ведут свою историю с эпохи гуннского царства» (см. [19]).

108

Некоторые этнологи рассматривают еще один вариант развития России как полиэтнической системы — *мультикультурализм*. Согласно этой доктрине общество строится как конгломерат разных этнических (этно-культурных) сообществ, не «сплавляемых» уже в единую нацию с помощью «плавильного тигля», но лояльных государству. В среде российских этнологов отношение к такой возможности, скорее, скептическое. В реальных условиях России мультикультурализм означал бы худший вариант представления социальных противоречий как этнических с раскручиванием спирали межэтнической вражды.

109

Показательным является опыт Приднестровья. В своем противостоянии агрессивному этнонационализму кишиневских властей руководство Приднестровья взяло курс на укрепление общегражданской идентичности населения республики, положив в ее основу советскую гражданскую идентичность. Это сразу настолько укрепило гражданские связи населения со сложным этническим составом, что можно говорить об успешном опыте становления небольшой, но развитой *нации*, эффективно защищающей свою государственность. Это ценный опыт для России.

110

В 1992 г. было добыто 399 млн т нефти и газового конденсата, на экспорт отправлено 66,2 млн т сырой нефти и 25,3 млн т нефтепродуктов (из них компенсировано импортом 0,9 млн т). Считается, что из 1 т нефти получают 1 т нефтепродуктов, из чего следует, что в РФ осталось 309 млн т нефти на 147,8 млн человек населения [146].

111

Как сообщала газета «Коммерсантъ», средняя проектная величина коэффициента извлечения нефти (КИН) в РФ снижается и в 2004 г. составляла около 35 %, т. е. после окончания разработки месторождений в земле останется 65 % нефти. Зам. гендиректора ВНИИ-Нефть С. Жданов говорит: «В последнее время деятельность нефтяных компаний направлена на интенсивный отбор нефти с минимальными затратами. Вместе с тем в нарушение лицензионных соглашений некоторые природопользователи преждевременно закрывают обводненные или низкодебитные скважины. Выборочное извлечение наиболее продуктивных запасов ведет к уменьшению КИН

и безвозвратной потере части запасов нефти».

112

В 2005 г. Росстат стал публиковать данные, не поддающиеся сравнению с прежними — «обновление основных фондов в сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве» без исключения скота.

113

Разумеется, главный критерий — не единственный, приходится искать компромисс между многими критериями, в том числе противоречивыми. Однако главный критерий надо все время иметь в виду — почти как ограничение *sine qua non*.

114

Для выживания системы «ячеистых» НИИ и всей науки необходим отсутствующий сейчас структурный компонент — сеть «центров анализа информации». Анализ производимой в мировой науке информации позволяет «вводить в страну» научное знание с затратами в сто раз меньшими, чем требуется для содержания исследований, осуществляющих такую «перекачку» знания как побочный процесс в своей основной работе. В условиях кризиса роль таких центров еще важнее — «анализ информации» может на несколько лет стать дешевым заменителем собственных исследований и средством включения оставленных для выживания ячеек в контекст современной системы знания. Следует предусмотреть создание в каждом «ячеистом» НИИ центра анализа информации как исследовательского

подразделения, работающего в соответствующей области науки. Речь должна идти примерно о сотне таких центров.

115

Двигатели автомобилей различаются механизмами подачи бензина в камеру сгорания — у одних карбюратор, у других инжектор. Но если в баке нет бензина, эти различия теряют смысл.

116

«Независимая газета» под заголовком «Руководству Университета предложено уйти в отставку» сообщала: «Первого сентября на митинге у главного здания Московского университета, посвященном началу нового учебного года, младший научный сотрудник НИИ ядерной физики Дмитрий Савин зачитал коллективное заявление сотрудников университета: «В дни государственного переворота 19-21 августа 1991 года руководство Московского университета заняло беспринципную позицию. В тяжелые для страны дни, когда слово старейшего университета могло бы вселить надежду в сердца людей и помочь определиться колеблющимся, официальные структуры Университета хранили молчание».

117

Н. Коровицына пишет: «Ценности революции «Солидарности» характеризуются польскими авторами как фундаменталистские... Радикальные оппоненты режима одновременно принадлежали к числу приверженцев его фундаментальных черт. Период «нормализации»,

начавшийся в Польше с введения военного положения, характеризуется как ситуация интеллектуального, когнитивного хаоса. Большинство людей в те годы подтверждало существование социального конфликта, но лишь немногие могли определить свое место в нем, понять, по какую сторону баррикад они находятся» [97].

118

Примеры — открытие в Иркутске памятника Колчаку под звуки советского гимна или вывеска «Дворянское собрание г. Красноармейска».

119

На базе рациональности постмодернизма на Западе удалось разработать ряд эффективных технологий создания «контролируемого хаоса» как оружия нового поколения в информационно-психологических войнах. Но это хаос именно контролируемый, с дистанционным управлением. Применять эти технологии внутри собственной страны, видя в них важную инновацию в познавательных средствах было бы очень неосторожно.

120

Примером может служить издаваемая Институтом социально-политических исследований большая серия «Летопись перестройки и реформы» (составитель Г. В. Осипов) (в 14 томах). К настоящему моменту вышло 3 тома.

Содержание

Введение	7
Глава 1 Рациональное сознание в советском обществе накануне кризиса	9
Глава 2 Гипостазирование	32
Глава 3 Нарушение логики: некогерентность рассуждений	60
Глава 4 Сдвиг к аутистическому сознанию	76
Глава 5 Учебный пример: некогерентность рассуждений трудящихся	90
Глава 6 Обществоведение в России	99
Глава 7 Мифотворчество	124
Глава 8 Постиндустриальное общество как объект гипостазирования	158
Глава 9 Деградация «знания власти»	176
Глава 10 Деградация способности к рефлексии	200
Глава 11 Знание власти: деградация функции предвидения, целеполагания и проектирования	210
Глава 12 Кризис «общества знания»: мировоззренческие срывы	272
Глава 13 Кризис научной системы постсоветской России	296
Глава 14 Социальные функции науки в переходный период	328
Глава 15 «Общество знания» постсоветской России:	

кризис школы	342
Глава 16 Представления об этничности: инерция ошибочной парадигмы	377
Глава 17 Когнитивная структура понимания этничности в постсоветском обществоведении	390
Глава 18 Конструктивизм в национальной политике: неудачное начало	408
Глава 19 «Общество знания» и строительство русской нации	418
Глава 20 «Общество знания» России и переход к инновационному развитию	436
Глава 21 Наука в проекте строительства «общества знания»	462
Заключение Строительство «общества знания»: от исследования к проекту	496
Литература	512